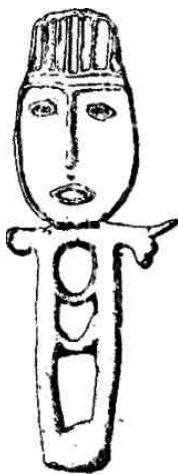

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

НОВАЯ СЕРИЯ

№ 3 (31) 2015

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю., Макеева А.И. (отв. секретарь), Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2015

© Журнал «Вестник антропологии», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии

К юбилею Ю.В. Бромлея	4
-----------------------	---

Этносоциологические исследования

<i>Комарова Г.И.</i> Статистико-этнографические исследования в Урало-Поволжье	5
<i>Савоскул С.С.</i> Заметки о советской этносоциологии	25
<i>Снежкова И.А.</i> Украинцы в России: деятельность национально-культурных организаций по сохранению этнической идентичности	40

Физическая (биологическая) антропология

<i>Васильев С.В., Веселовская Е.В., Григорьева О.М., Пестряков А.П.</i> Антропологическое исследование черепа Франца Галля	57
<i>Васильев С.В., Свиридов А.А., Галеев Р.М.</i> Краниология аборигенов Австралии и Тасмании	73
<i>Широбоков И.Г., Юшкова М.А.</i> Результаты планиграфического и макроскопического анализа антропологических материалов из могильника с каменными оградками Малли	93

Антропологическая мозаика

<i>Матусовский А.А.</i> Керамика индейцев ваура	110
<i>Сподина В.И.</i> Обряд «обновления богов» у аганских хантов	120
<i>Уваров С.Н.</i> Межэтнические браки в Удмуртии в XX веке	135

Полевые материалы

<i>Тумаркин Д.Д.</i> Король и балалайка. Советские этнографы на островах Тонга	145
--	-----

Для студентов и аспирантов

<i>Громов Г.Г.</i> Методика этнографических экспедиций. Часть 3	167
---	-----

A Propos

<i>Фиерман У.</i> Проблемы этнолингвистики в политическом контексте	191
<i>Хисамутдинов А.А.</i> Прежде всего, нужно сохранять культуру	197

Обзоры и рецензии

<i>Герасимова М.М.</i> Рец. на: <i>М.П. Рыкун.</i> Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры) / под ред. А.Н. Багашева. Барнаул, изд-во Алтайского Гос. Ун-та, 2013. 284 с.	199
<i>Чешко С.В.</i> Рец. на: Феномен Удмуртии / Отв. ред. М.Н. Губогло, С.К. Смирнова. В 9-ти томах. – М. – Ижевск: Удмуртия, 2001–2008	202
<i>Чешко С.В.</i> Рец. на: <i>Белова Н.А.</i> Повседневная жизнь учителей / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2015. – 228 с.	209

In memoriam

Клавдия Ивановна Козлова	214
--------------------------	-----

Уважаемые коллеги!

В 2016 году исполняется 95 лет со дня рождения выдающегося ученого и организатора науки, многолетнего директора Института этнографии АН СССР, академика, лауреата Государственной премии СССР, Юлиана Владимировича Бромлея. Полагаем, будет уместно отметить эту дату публикациями, посвященными Ю.В. Бромлею. Принимаем статьи, заметки, воспоминания.

Редколлегия

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 39

© Г.А. Комарова

СТАТИСТИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ*

Отличительной чертой развития советской этнографии в 1960–1980-е годы была активная междисциплинарная интеграция и формирование на её основе новых научных дисциплин. Фундаментальные исследования в области междисциплинарных направлений этнографии, возникших в этот период, даже в условиях идеологического прессинга давали возможность изучать реальные процессы развития народов, населявших Советский Союз. Статистико-этнографические исследования занимали в этом ряду особое место. Они отличались оригинальной научной методологией, проведением масштабных комплексных исследований современных этнокультурных процессов и новыми принципами обработки и анализа полученных данных.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, этнография, этнология, статистико-этнографические исследования, этнометодология, этносоциология, этничность.

Использование статистических данных в отечественной этнографии имеет давнюю историю. Еще в 1930–1950-е годы советские этнографы пытались, по образному выражению М.В. Витова, «ввести Число в свою науку-этнографию» (Витов 1962). Ко второй половине 60-х годов XX столетия в советской этнографической науке возникла особая потребность в более широком использовании количественных методов. В значительной степени это было связано с тем, что основное внимание немалой части этнографов в то время было направлено на изучение изменений, которые происходили в различных сферах жизни всех народов страны в советский период. И этот опыт, эти тенденции, возникшие в русле самой этнографии, послужили одним из источников нового направления, возникшего в 1960-е годы и получившего название статистико-этнографических, а позже – статистико-этнологических исследований (далее – СЭИ).

Становление и развитие статистико-этнографических исследований в отечественной этнографии связано, прежде всего, с именем Владимира Владимировича Пименова (Комарова 2005; 2009; 2011; 2012; Коростелев 1997; Пименов 1986; Пименов 1995; Филиппов 2006; 2010). Под научным руководством В.В. Пименова с конца 1960-х и до конца 1980-х годов. Институтом этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями Урало-Поволжья был осуществлен целый ряд массовых статистико-этнографических исследований, посвященных изучению современных

Комарова Галина Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: galakom@mail.ru.

*Работа выполнена в рамках проекта 13-01-00043а при финансовой поддержке РГНФ

этнических процессов в республиках Поволжья, и Приуралья. Такие исследования проводились в Удмуртии (1968 г. и 1979–1980 гг.), в Мордовии (1973 г.), Чувашии (1981 г.), Марийской республике (1984–1985 гг.), Калмыкии (1985 г.), Башкирии (1986 г.). В их подготовке, проведении, а также в обработке и анализе полученных материалов помимо этнографов участвовали этносоциологи и представители других наук: историки, филологи, психологи, социологи, математики и др. Необходимо особо отметить тот факт, что на становление системного подхода к исследованию этнических процессов, в ходе которого использовались новейшие на тот период времени методы математической статистики, значительное влияние оказали работы А.Ф. Фелингера и В.А. Устинова (*Устинов 1973*).

Наряду с этим также важно указать, что практика построения выборки для статистико-этнографических опросов сложилась, прежде всего, благодаря Эвелине Карловне Васильевой, проектировавшей выборку для первого статистико-этнографического обследования 1968 года и многих последующих подобных исследовательских проектов отечественной этнографии. Известный советский статистик, зав. кафедрой статистики Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильева в течение долгих лет активно сотрудничала с В.В. Пименовым, его единомышленниками, этнографами, использующими статистические методы в своих исследованиях. Наряду с Э.К. Васильевой огромный вклад в разработку и подготовку научного аппарата, а также в обработку и анализ полученных материалов статистико-этнографических исследований народов Урало-Поволжья внесли этносоциологи А.Д. Коростелев и В.С. Кондратьев.

Удмуртская АССР была выбрана первым исследовательским полем для осуществления статистико-этнографического обследования. Изучение современных этнокультурных процессов в Удмуртии началось в 1968 году, когда под руководством В.В. Пименова было проведено массовое статистико-этнографическое обследование удмуртского населения. В ходе обследования изучались традиционные культурно-бытовые явления; степень знания их представителями разных социально-профессиональных и демографических групп удмуртского населения республики; а также соотношение традиционного и нового в живом бытовании с целью выяснения устойчивости отдельных компонентов этноса и общей тенденции развития удмуртского этноса. Выборку для первого статистико-этнографического исследования (СЭИ) проектировала, как уже выше сообщалось, Э.К. Васильева. Опрос с использованием формализованного инструментария охватил 1220 сельских и 919 городских жителей удмуртской национальности на территории Удмуртской АССР и 94 представителя удмуртской творческой интеллигенции. Анкета включала 60 вопросов, на базе которых было сформировано 50 переменных, включенных в анализ.

Результаты обследования были изложены в монографии В.В. Пименова «Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса», в его совместной с Л.С. Христоробовой брошюре «Удмурты: этносоциологические очерки», двух защищенных диссертациях и ряде статей. В 1970-е годы в Удмуртском НИИ при Совете Министров УАССР (ныне УИИЯЛ УрО РАН) сложилась группа этносоциологов, прошедших аспирантскую подготовку под руководством В.В. Пименова в Институте этнографии АН СССР. В частности, в 1976 году Г.К. Шкляев провел выборочное обследование сельских населенных пунктов УАССР. Проект выборки для этих обследований был также осуществлен проф. Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Цель исследования – изучение истории заселения и типов сельского расселения, планировочной структуры современных сельских поселений, выяснения их типологии, выяв-

ления этнических, региональных и хронологических различий. Статьи по его материалам были опубликованы в двух сборниках Удмуртского НИИ: «Этнокультурные процессы в Удмуртии» и «Сельские поселения Удмуртии в XIX–XX вв.».

В том же 1976 году была начата подготовка к проведению повторного массового обследования населения республики по сопоставимой с обследованием 1968 года программе. Для получения сопоставимого материала за основу был взят разработанный В.В. Пименовым инструментарий 1968 года, но с учетом накопленного в Институте этнографии опыта он был значительно дополнен. В 1979–1980 гг. повторное обследование с охватом удмуртского, русского и татарского населения республики было проведено совместными силами НИИ при Совете министров Удмуртской АССР, Удмуртского государственного университета и ИЭ АН СССР под руководством В.В. Пименова и Л.С. Христолюбовой. Полученные материалы были переработаны на ЭВМ. Цели повторного обследования состояли в том, чтобы изучить соотношение традиционного и нового в сфере материальной и духовной культуры удмуртов и других народов Удмуртии; выявить региональные и этнические особенности в их культуре; исследовать условия развития общесоветских черт в образе жизни населения УАССР. Это обследование позволило проследить динамику социальных и этнических процессов среди удмуртского населения, а одновременное обследование русского и татарского населения республики – проанализировать аналогичные процессы у разных этнотерриториальных групп нетитульного населения.

По материалам обследования сельского населения в 1983–1985 гг. было издано три сборника статей, в написании которых участвовали как ижевские, так и московские этнографы – сотрудники Института этнографии Т.С. Гузенкова, Г.А. Комарова, Т.П. Федянович. В этих сборниках давалась общая характеристика социальной структуры сельского населения, исследовались новые черты в его культуре и в быту; рассматривалось влияние типов сельских поселений на поведение в быту и сохранение традиций удмуртов, на степень интернационализации общественного сознания, интересы и установки в сфере этнических ценностей, на социальные и демографические характеристики населения, изменения в традиционной обрядности. Предметом исследования также стали проблемы взаимодействия этнических культур, общественно-политическая и культурно-досуговая деятельность, территориальная и социальная подвижность сельских жителей, особенности современной сельской семьи и семейного быта, тенденции социального и этнокультурного развития.

В первом сборнике В.В. Пименов дал краткий обзор состояния статистической этнографии как нового раздела (направления) этнографической науки в нашей стране. Л.С. Христолюбова проследила этнокультурные процессы у удмуртов в 1970-е годы, а также провела региональный анализ процессов, происходивших в сфере духовной культуры сельских удмуртов. Г.П. Белорукова исследовала социальную структуру сельского населения, межпоколенные и внутриспоколенные перемещения в национальных группах сельского населения. Г.А. Комарова проанализировала особенности этнокультурных ориентаций мужчин и женщин, Т.П. Федянович изучала изменения в семейной обрядности русского населения Удмуртии, Т.С. Гузенкова – особенности межэтнических контактов в Удмуртии и Чувашии. Специальный сборник был посвящен этносоциальным и этнокультурным процессам в среде городского населения Удмуртии. В статьях были прослежены особенности формирования городского населения Удмуртии и общественная активность современных горожан (Г.К. Шкляев), рассмотрены социально-профессиональный состав и межнациональные отношения

в среде городского населения (Г.П. Белорукова), свободное время и духовная культура (Л.С. Христоролюбова, Н.В. Перевощикова), традиционное и новое в материальной культуре городского населения (Г.А. Никитина, Е.Я. Трофимова, Г.К. Шкляев).

Результаты названных опросов нашли отражение в коллективной монографии «Удмурты: историко-этнографические очерки», в книге Л.С. Христоролюбовой «Семейные обряды удмуртов: традиции и процессы обновления» и в других научных изданиях. Они также были широко представлены и обсуждены в ходе регионального научного совещания этнографов и этносоциологов на тему «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР», состоявшейся в октябре 1985 года в г. Устинов (ныне - Ижевск). Его результатом стало решение издать обобщающий научный труд по итогам массовых статистико-этнографических исследований в Урало-Поволжье. Коллективный труд «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье» был издан в 1991 году в г. Чебоксары.

Мордовская АССР. В 1973–1974 годах в ряде сел и городов Мордовии НИИЯ-ЛИЭ при Совете министров Мордовской АССР совместно с Институтом этнографии АН СССР по программе, разработанной В.В. Пименовым, провел одно из крупнейших в истории республики этностатистическое исследование. Оно охватило 41 населенный пункт, а также 10 поселков городского типа. Структура репрезентативной выборочной совокупности была следующей: сельское население – 2390 человек и городское – 2580 человек. Выборка опроса была спроектирована профессором Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Программу и вопросник исследования разработал В.В. Пименов. При подготовке «Мордовского этнографического вопросника» был использован опыт этносоциологических исследований Ю.В. Арутюняна, Е.И. Клементьева, О.И. Шкаратана. В подготовке и проведении первого в Мордовии обследования с использованием этносоциологических методик, а также в обработке и анализе полученных данных, принимали участие под руководством В.В. Пименова московские, саранские и ижевские этнографы: Н.Ф. Мокшин, А.С. Лузгин, Л.С. Христоролюбова, Т.П. Федянович, В.А. Балашов, В.Ф. Вавилин, Н.С. Шалаев и др.

В 1985–1986 гг. было проведено статистико-этнографическое обследование сельского населения Мордовии. Инструментарием сбора первичной информации была анкета, разработанная В.Ф. Вавилиным. В 45 населенных пунктах республики (12 мокшанских, 8 эрзянских, 21 русских и 4 татарских) было опрошено 2000 человек. Итоги этносоциологического исследования этнических процессов в Мордовии, проведенного под руководством В.Ф. Вавилина мордовскими этнографами В.А. Балашовым, Н.С. Беляевой, А.С. Лузгиным нашли свое отражение в коллективных и авторских (В.Ф. Вавилина и В.А. Балашова) монографиях. Научная работа В.Ф. Вавилина «Количественная оценка современных этнокультурных процессов в Мордовской АССР (сельское население)» стала единственным в своем роде исследованием, выполненным по методике компонентного анализа.

В последующие годы анализ информации, собранной в ходе нескольких этностатистических обследований мордовского и русского населения Мордовии, позволил прояснить целый ряд теоретических вопросов, связанных с функционированием и развитием этнокультурных процессов, а также решить некоторые практические задачи их планирования и управления. Собранные материалы легли в основу ряда научных публикаций и диссертационных исследований. В 1991 году проводились

массовые этносоциологические исследования в Мордовии и в районах компактного проживания мордвы за пределами республики. Они были проведены Мордовским госуниверситетом и НИИ регионологии при участии сотрудников МНИИЭЛИЭ, преподавателей и студентов МГПИ им. Евсевьева под руководством В.А. Балашова, В.Ф. Вавилина, Г.П. Кулешовой. Полученные материалы были обработаны и проанализированы и опубликованы НИИ регионологии в сборниках, посвященных межнациональным отношениям в Мордовии.

Методологические подходы мордовских этносоциологов к началу 1990-х гг. претерпели существенные изменения, основная суть которых заключалась в перемещении фокуса внимания с изучения отдельных этносов на исследования межэтнических отношений в таком полиэтническом районе как Мордовия.

Чувашская АССР. В Чувашии первое массовое статистико-этнографическое исследование было организовано и осуществлено в 1981–1982 гг. ИЭ АН СССР совместно с НИИЯЛИЭ Чувашской АССР (ныне ЧГИГН) по теме «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР». Цель исследования состояла в системном изучении этноса и функциональном анализе его основных компонент: языка, фольклора, профессиональной духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционной материальной культуры и т.п., а также в исследовании механизма их взаимодействия. При этом особое внимание было уделено изучению процессов этнической консолидации и межэтнического взаимодействия и разработке на его основе ряда прикладных задач.

В анализе и подготовке к публикации полученных в результате обследования материалов, принимали участие как чебоксарские (В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин, В.Г. Родионов), так и московские этнографы и этносоциологи (В.В. Пименов, А.Е. Пахутов, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, А.Д. Коростелев, В.С. Кондратьев, Г.А. Комарова, Т.П. Федянович) и др. Выборку первого в ЧАССР массового статистико-этнографического исследования подготовила д. э. н., проф. Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильева. В результате было опрошено около 4200 человек в возрасте от 16 лет и старше. Списки лиц, подлежащих обследованию, составлялись в селах по хозяйственным книгам местных Советов, а в городах – по картотекам паспортных столов. Принятая в исследовании районированная механическая выборка, обеспечивая высокую репрезентативность полученных данных, вместе с тем поставила перед исследователями весьма сложные проблемы практического плана. Необходимо было опросить жителей 58 сельских населенных пунктов, разбросанных по всему 21 району республики, 7 городов (Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Алатырь, Шумерли, Козловка, Ядрин) и поселка городского типа – Ибреси. В результате обследование проводилось в три этапа: летом (июль 1981 г.) опрашивалось сельское население, осенью–зимой (ноябрь–декабрь 1981 г.) – городское и в январе–феврале 1982 г. – национальная творческая интеллигенция, которая изучалась в ходе СЭИ и в других республиках Урало-Поволжья.

Технический и логический анализ заполненных вопросников, а также кодировка содержащейся в них информации осуществлялись в основном чувашскими участниками исследования. Сотрудники Института этнографии АН СССР А.Д. Коростелев и Т.С. Гузенкова занимались вторичной, более детальной проверкой вопросников и особенно качества кодировки, т.е. фактически полной перепроверкой всех массивов обследования. Обработку информации на ЭВМ осуществил А.Д. Коростелев. Полу-

ченный богатейший этностатистический материал предоставил возможность многоплановой разработки разнообразных научных тем, в том числе таких, как социально-демографические процессы (В.В. Пименов, В.С. Кондратьев, А.Д. Коростелев, Г.А. Комарова), этнические процессы и образ жизни (В.В. Пименов, В.П. Иванов, А.Д. Коростелев), современные этноязыковые процессы (Р.А. Григорьева, А.Д. Коростелев), тенденции изменений в современной материальной и духовной культуре (А.Д. Коростелев, Г.Б. Матвеев, А.Е. Пахутов, Т.П. Федянович), этнические процессы и семья (В.П. Иванов, Г.А. Комарова, П.П. Фокин), религия и обрядность (Г.Б. Матвеев, Т.П. Федянович) межэтнические контакты (В.П. Иванов, Т.С. Гузенкова, А.Д. Коростелев), роль фактора пола в этнокультурных процессах (Г.А. Комарова), вопросы этнопсихологии (С.К. Жидкова) и.д.

Результаты статистико-этнографического исследования 1981–1982 гг. впервые обсуждались на научной конференции в г. Чебоксары в 1982 г., но особенно широко и развернуто они были освещены и обобщены на научно-практической конференции «Культурно-бытовые процессы в современном селе Чувашской АССР», состоявшейся 22 ноября 1983 г. в Чувашском НИИЯЛИЭ. В последующие годы результаты данного исследования были изложены в целом ряде публикаций, тематических сборников, диссертаций. Итогом исследований стала коллективная монография «Чуваши: современные этнокультурные процессы», вышедшая в 1988 г. в издательстве «Наука». Следует особо отметить, что программа и инструментарий (вопросники, инструкции, принципы репрезентативной выборки) были опубликованы в виде методических указаний («Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографических исследований». Чебоксары, 1984).

Кроме двух совместных с ИЭ АН СССР этностатистических исследований Чувашский НИИЯЛИЭ провел несколько массовых обследований с охватом меньшего количества опрошенных. Так, в 1988 г. для выяснения оценки межнациональных отношений в республике было проведено анкетирование лиц «нетитульных» национальностей (русских, татар, мордвы). Серия массовых обследований была также осуществлена чебоксарскими и московскими учеными в сельских районах Чувашии в 1982–1983 и 1987–1989 годах. Т.С. Гузенкова по материалам статистико-этнографических исследований в ЧАССР защитила кандидатскую диссертацию. Г.А. Комарова (ИЭА РАН) в 1980-е годы провела в Чувашии специальный опрос сельских и городских женщин, а также организовала несколько других этностатистических обследований, результаты которых были использованы в диссертационной работе, защищенной ею в 1989 году. А.Д. Коростелев (ИЭА РАН) в 1980-е годы широко использовал в своей работе данные статистико-этнологического обследования русского населения ЧАССР и защитил в 1992 году кандидатскую диссертацию на тему «Русское население Чувашии: этносоциальные и этнокультурные процессы в начале 1980-х годов».

Отметим, что по примеру проведения СЭИ в 1981 году в Чувашской АССР, выборка по каждой исследуемой в дальнейшем республике целенаправленно проектировалась таким образом, чтобы создать пять массивов данных: два по титульной национальности (сельский и городской массивы), два по русскому населению (также сельский и городской массивы), и массив по творческой интеллигенции титульной национальности (НТИ). По такой схеме были проведены исследования в Марийской АССР и в Калмыцкой АССР.

Марийская АССР и Калмыцкая АССР. В 1984–1985 годах Институт этнографии АН СССР совместно с научными учреждениями Урало-Поволжья провел сразу два крупных статистико-этнографических исследования, посвященные изучению современных этнических процессов в республиках Поволжья и Приуралья (руководитель – В.В. Пименов). Такие исследования состоялись в Марийской АССР (1984–1985 гг.) и Калмыцкой АССР (1985 г.). В их организации и проведении принимали участие этнографы и этносоциологи из Москвы, Йошкар-Олы, Элисты, Уфы и других городов Урало-Поволжья.

В Марийской АССР ко времени проведения статистико-этнографического обследования уже был накоплен определенный опыт социологических исследований под руководством В.А. Соловьева, кстати, успешно продолжаемых местными учеными и в наши дни (Н.В. Орлова и др.). Однако в целом СЭИ, посвященное изучению современных этнических процессов в МАССР, было по своим задачам и масштабам для республики уникальным. В его подготовке и проведении, а также в обработке и анализе полученных материалов, помимо йошкар-олинских этнографов (Т.Л. Молотова, Н.С. Попов, В.Д. Шаров и др.), самое активное участие приняли их коллеги из Москвы (В.В. Пименов – руководитель проекта, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, Г.А. Комарова, А.Д. Коростелев, Т.П. Федянович), а также аспиранты из Уфы (Н.Ф. Гайнуллина, Ю. Юлдашбаев). На материалах Марийского статистико-этнографического исследования был написан целый ряд статей, разделов в коллективных монографиях, защищены несколько диссертаций. По его итогам вышли в свет два выпуска серии «Археология и этнография Марийского края»: «Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР» (Йошкар-Ола, 1989) и «Современные этнокультурные процессы в марийском селе» (Йошкар-Ола, 1991). Этнографы с позиций системного подхода изучали очень широкий круг проблем: семью и семейно-брачные отношения, пищу, жилище и поселения, одежду, социолингвистическую ситуацию, обрядность, этнодемографические процессы, межэтнические отношения, профессиональные формы духовной культуры.

В организации, проведении, обработке и анализе материалов уникального для Калмыкии массового статистико-этнографического исследования совместно с московскими коллегами (В.В. Пименов, Т.С. Гузенкова, Г.А. Комарова, А.Д. Коростелев, А.Е. Пахутов) участвовали элистинские ученые: Л.С. Бурчинова, Э.-Б.М. Гучинова, А.Г. Митиров, Д.Д. Шалхаков, Т.Б. Бадмаева, Г.М. Красильникова, З.Э.-Г. Гоголданова, В.Д. Дамбинова и др. В ходе Калмыцкого СЭИ было получено 5 массивов информации – 2 сельских (калмыки и русские, соответственно 1200 и 800 человек) и 2 городских (калмыки и русские – 1200 и 800 человек), а также массив по творческой интеллигенции титульной национальности. По результатам обследования в КАССР были изданы научные сборники «Современные этнические процессы в Калмыкии» и «Калмыки. Перепутье 80-х. Проблемы этнокультурного развития». В 1989 году Э.-Б.М. Гучинова с использованием результатов Калмыцкого статистико-этнографического исследования защитила кандидатскую диссертацию «Семейные обряды калмыков».

Башкирская АССР. Массовое статистико-этнографическое исследование «Современные этнические процессы в Башкирской АССР», посвященное изучению современных этнических процессов в Башкирии и совместно проведенное ИЭ АН СССР и ИИЯЛ БНЦ в 1986 году, стало завершающей частью комплексной программы, осуществляемой в республиках Поволжья и Приуралья с 1968 года под научным

руководством В.В. Пименова. И вместе с тем, это было первое для Башкирии столь масштабное междисциплинарное обследование. В ходе Башкирского СЭИ было опрошено 5600 человек (русских, башкир, татар) в 13 городах, поселках городского типа и в 80 сельских поселениях. Выборка обеспечивала представительство трех наиболее многочисленных национальностей (башкир, русских и татар) во всех экономико-географических районах Башкирии. Она позволила получить семь массивов данных: к обычным пяти добавились еще массивы по татарам (по сельскому и городскому населению), что связано с большой долей лиц этой национальности в составе населения республики. В ходе исследования в Башкирии было опрошено 1199 сельских башкир, столько же городских башкир, 799 сельских жителей русской национальности, по 800 – городских русских, сельских татар и городских татар, а также 163 представителя башкирской творческой интеллигенции. Инструментарий исследования – «Вопросник Башкирской этнографической экспедиции», составленный под руководством В.В. Пименова большим коллективом авторов из Уфы, Казани, Москвы включал 193 вопроса. На базе их, а также с учетом данных «Поселенческого паспорта Башкирской этнографической экспедиции» было сформировано 237 переменных, включенных в анализ. К моменту проведения массового этнотатистического обследования населения в БАССР в 1986 году уфимские этнографы (В.Я. Бабенко, Н.В. Бикбулатов, М.Д. Кiekбаев, М.Г. Муллагулов, М.В. Мурзабулатов, Р.Г. Кузеев, С.Н. Шитова, Н.Ф. Гайнулина, Ю.Х. Юлдашбаев и др.) уже имели собственный опыт массового анкетного обследования сельского населения.

Статистико-этнографическое исследование «Современные этнические процессы в Башкирской АССР» 1986 г. способствовало развитию в БАССР этнологических исследований с использованием количественных статистических и социологических методов. В результате его проведения были собраны и обработаны уникальные материалы. Впоследствии они легли в основу научных сборников «Современные этнические процессы в Башкортостане: состояние проблемы и перспективы исследования» (1992 г.) и «Вопросы этнографии городского населения Башкортостана» (1992 г.). На основе этносоциологического обследования 1986 года был составлен статистический свод по материальной культуре башкир, татар и русских, служащий источником для сравнительного изучения изменений в культуре этих этнических групп. Проект должен был завершиться изданием коллективной монографии «Башкиры, татары, русские Башкортостана: этнокультурные процессы». Однако наступили очередные переломные годы, и не всем планам суждено было осуществиться. Между тем, в результате массового этносоциологического опроса был сформирован большой корпус научных материалов и статистических данных. Материалы обследования в БАССР были обобщены не только в тематических сборниках, но использовались при написании статей, научных обзоров, а также в ряде диссертаций. В частности, И.Г. Петров проанализировал в сравнительном плане данные обследования сельского массива в своей кандидатской диссертации «Сельское чувашское население Башкирского Приуралья: современные этнокультурные процессы». Позднее, в 1990-2000-е годы, используя количественные статистические и социологические методы, свои исследования провели И.М. Габдрафиков, М.Дж. Кiekбаев, Р.И. Якупов Р.Р. Галлямов, Ф.Г. Сафин, Г.Ф. Ахметова, А.С. Щербаков и другие.

* * *

Таким образом, в 1960–1980-е годы, по методике и инструментарию, впервые апробированным в Удмуртии в 1968 году, статистико-этнографические исследования были проведены почти во всех республиках Урало-Поволжья, а также в других регионах страны. По итогам массовых СЭИ неоднократно проводились региональные рабочие совещания, научные конференции, устраивались секции в ходе научно-полевых сессий, участие в которых принимали и этнографы, и этносоциологи. Итоговое региональное совещание этнографов и этносоциологов на тему «Современные этнические и культурно-бытовые процессы у народов Урало-Поволжья и Европейского Севера СССР» прошло в г. Устинове (Ижевске) в 1985 году. На нем было принято решение создать обобщающий научный труд. Материалы статистико-этнографических исследований, осуществленных в ряде автономных республик СССР, нашли широкое отражение в коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье», написанной с участием исследователей из Москвы (ИЭ АН СССР), Башкирии, Татарстана, Карелии, Калмыкии, Коми, Мордовской, Марийской, Удмуртской, Чувашской республик и выпущенной Чувашским НИИЯЛИЭ в 1991 г. В монографии рассматривались общие закономерности и местные специфические особенности этнокультурного развития народов обширного региона страны.

В результате этих и последующих обследований советские этнографы сделали попытку изучения очень широкого круга проблем с позиций системного подхода. Этнографы ИЭ АН СССР в сотрудничестве с исследователями из институтов и университетов Казани, Ижевска, Саранска и Чебоксар, Уфы, Йошкар-Олы и некоторых других городов проводили серию массовых многоаспектных обследований, в программах которых учитывались самые различные проблемы: семья и семейно-брачные отношения (Н.Ф. Беляева, В.Н. Бирин, Р.А. Григорьева, Э.-Б.М. Гучинова, В.П. Иванов, Г.А. Комарова, Н.Л. Лештаева, М.В. Мурзабулатов, М.Б. Рогачев, И.Н. Смирнов, Г.Р. Столярова, Т.П. Федянович, П.П. Фокин, Л.С. Христолюбова, Р.К. Уразманова и др.), пища (Н.Ф. Гайнуллина, Р.А. Григорьева, А.С. Лузгин, П.М. Мезин, А.Е. Пахутов, В.Н. Петров, Е.Я. Трофимова, Л.С. Христолюбова), жилище и поселения (В.Ф. Вавилин, А.Д. Коростелев, Г.Б. Матвеев, Г.К. Шкляев, И.И. Флерова), одежда (Г.М. Красильникова, Г.Б. Матвеев, Т.Л. Молотова, Г.А. Никитина, С.В. Сулова, Л.С. Христолюбова), языковые процессы (Р.А. Григорьева, В.П. Иванов, В.Д. Дамбинова, А.Д. Коростелев, М.Б. Рогачев), обряды (Э.-Б.М. Гучинова, Н.И. Шатинова, Л.С. Христолюбова, Т.П. Федянович), этнодемографические процессы (Д.М. Исхаков, Г.А. Комарова, Н.Н. Моисеева, Н.С. Попов, Х.Х. Сарв), межэтнические отношения (В.А. Балашов, Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, В.Д. Шаров, Г.К. Шкляев), профессиональные формы духовной культуры (В.А. Балашов, В.П. Иванов, Л.С. Христолюбова, Н.В. Перевощикова, Б.Б. Дякиева). Начиная с 1973 года, в качестве объекта статистико-этнографических исследований, наряду с титульной национальностью республик, выступало и местное население других национальностей. В итоге был накоплен опыт исследования статистическими методами этнотерриториальных групп, живущих в условиях иноэтничного окружения (И.В. Борисенко, Р.А. Григорьева, З.Э.-Г. Гоголданова, Т.С. Гузенкова, В.П. Иванов, М.Д. Киекбаев, А.Д. Коростелев, О.В. Котов, И.Г. Петров, В.Д. Шаров, Г.К. Шкляев).

В период проведения массовых обследований населения Урало-Поволжья раз от разу усложнялся инструментарий обследования, постоянно расширялся круг из-

учаемых тем и, соответственно, росло число вопросов в анкете. Так, если удмуртский вопросник содержал в себе 60 вопросов, калмыцкий вопросник включал в себя 161 вопрос, то в башкирском было уже 193 вопроса. Усложнялся не только инструментарий обследования, но главное, совершенствовались методика и техника проводимых исследований, уточнялись их теоретико-методологические принципы и т.п. При этом В.В. Пименов и его единомышленники считали, что осуществление «многочисленных и разнообразных исследований, использующих опросы и применяющих статистические процедуры, создает ситуацию, в рамках которой исследователи, сознающие свою научную ответственность, должны ясно и определенно высказать, какие принципы и методы положены в основу их трудов, иначе говоря, сделать свои программы доступными для изучения и научной критики» (Пименов 1984: 4). С этой целью они опубликовали и сделали научным достоянием «Программу этносоциологического исследования этнических процессов в Советской Мордовии» (1978 г.), «Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования в Чувашской АССР» (1984 г.) и т.п.

Как уже упоминалось ранее, методике проведения массовых обследований населения Урало-Поволжья уделялось особое внимание. Инструментарий строился с расчетом на получение как формализованных данных для переработки их на ЭВМ, так и протокольно фиксированной информации, пригодной для традиционной разработки, разнообразия описания и т.п. Переработка данных на ЭВМ позволяла преобразовать информацию и получить ее в форме промежуточных и окончательных результатов. Промежуточные результаты давали возможность исследовать связи между переменными (признаками) и охарактеризовать каждый из показателей, заложенных в инструментарий исследования, получить представление о динамике, определить тенденции в развитии изучаемых явлений. После осуществления сбора информации (во время которого особое внимание было обращено на обеспечение достоверности) и ее переработки на ЭВМ наступал этап собственно научного анализа. «Разработка данных обследования, таким образом, включала не только получение одномерных и многомерных статистических таблиц, но и исчисление коэффициентов связи между переменными. Важно подчеркнуть, что этот последний прием использовался радикально и в полном объеме, т.е. исчислялись связи между всеми переменными» (Пименов 1988: 15).

Как утверждали сторонники системного подхода в этнографии, «собственно системно-статистический анализ этноса, включающий выявление внутренней структуры отношений между его компонентами и более мелкими таксономическими единицами, образующими “живую ткань” изучаемого этноса, начинается лишь с переходом к его структурному моделированию» (Иванов 1985: 89). Такое моделирование осуществлялось путем исчисления т.н. информационных коэффициентов связи, выражающих меру связи каждого фактора со всеми остальными. В результате довольно сложных исследовательских процедур строились «вполне обозримые и пригодные для дальнейшего анализа модели этноса в виде графов». Анализ общей модели этноса, по мнению В.В. Пименова, выявляет ее принципиальную структурную композицию. Дальнейший анализ связей, вскрытие их характера и особенностей, определение меры их существенности и ролей в системе отношений, иначе говоря, познание логики отношения между факторами – таков главный путь исследования модели (Иванов 1985: 90). Использование структурного моделирования давало возможность исследования общих свойств этноса, выступающего как целостность.

По мнению исследователей, для системно-статистического подхода свойственны такие черты и особенности, как использование статистических процедур при сборе, переработке и анализе этнографической информации, применение соответствующих приемов, открывающих возможности моделирования структуры этноса, логический анализ моделей, их интерпретация на основе всей суммы этнографических знаний, определение детерминирующих «начал» и выявление системного характера детерминации этнических структур и процессов (Иванов 1985: 97). В целом, системный подход в этнографии, по мнению В.В. Пименова, выражал тенденцию к изучению этноса как целостности с ее внутренними и внешними связями, отношениями и взаимодействиями (Пименов 1978: 4).

К концу 1980-х годов в различных этнографических центрах СССР (Москва, Ленинград, Петрозаводск, Новосибирск, Тарту, Минск, Казань, Львов, Саранск, Сыктывкар, Ижевск, Чебоксары, Уфа, Йошкар-Ола, Горноалтайск, Элиста и др.) не только отдельные исследователи, но и целые научные группы работали с применением различных статистических методов и приемов. В это же время при кафедре этнографии МГУ под руководством В.В. Пименова была организована лаборатория этносоциологии, которую возглавил известный этносоциолог А.А. Сусоколов. К сожалению, деятельность лаборатории по независящим от ее руководителя причинам оказалась малоуспешной (Соколовский 2012).

В целом, степень и характер использования различных статистических методов и приемов в этнографических исследованиях имели большой диапазон: от элементарного соблюдения требований статистических методик и арифметических подсчетов тех или иных характеристик до анализа качественных изменений и использования системного анализа и моделирования структур при изучении этноса и его отдельных компонент (Пименов 1985: 5).

* * *

На примере становления и развития статистического направления в этнографии можно наблюдать достаточно типичную ситуацию, когда дисциплина, возникающая в недрах одной или нескольких дисциплин, обычно вызывает дискуссии о предмете появившейся науки, о ее принадлежности и статусе. Эти дискуссии становятся особенно острыми в тех случаях, когда вновь возникшая наука является «нетрадиционной» для этнографии. Так, в частности, случилось и со статистическим направлением в этнографии, и с этносоциологией, и с этнической картографией, т.е. с научными направлениями, возникшими в лоне этнографии и связанными с такими науками (статистикой, социологией, картографией и т.п.), которые не изучают объекты, как обычные науки, а разрабатывают методы и выполняют в некотором смысле, обслуживающую функцию. Как известно, статистический метод сложился вначале как метод анализа таких массовых демосоциальных явлений, как брак, развод, рождаемость и т.д. И в рефлексии исследователей, которые не просто развивали и совершенствовали этот метод, но также рассматривали вопрос о том, что такое статистика, как ее разместить на «карте» наук, можно выделить, по крайней мере, две точки зрения, свидетельствующие о двух разных тенденциях осознания ее сущности и предназначения. Одни считали статистику социально-экономической наукой, наукой об обществе (Сычева 1999: 148–149). Другие полагали: «Все, что исследует ста-

тика, – законная собственность других наук; статистика остается без собственного предмета, и ее особенностью является только метод» (*Дружинин* 1964: 27).

Скорее всего, подобная дискуссия была вызвана различным пониманием дисциплинарных границ самой статистики. К сожалению, представители статистического направления в этнографии также не дают окончательного ответа на закономерный вопрос о том, как они осознают знание – исследование явлений с помощью статистического метода: как знание об этих явлениях (прежде всего общественных, ибо статистический метод использовался ими при анализе именно этих явлений) или как знание о методе исследования массовых явлений и процессов. В их работах также нет терминологической ясности и определенности.

Еще в 1976 году казанские этнографы, работающие под руководством Е.П. Бусыгина и Н.В. Зорина, предложили называть исследовательское направление в этнографии, использующее количественные (преимущественно статистические) методы сбора и анализа этнографической информации, «статистической этнографией» (*Очерки статистической* 1976). Н.В. Зорин в этом сборнике предложил серию конкретных разработок массовых статистических материалов для освещения традиционных аспектов этнографии, что было признано важным этапом в формировании нового методического направления в этнографии. В дальнейшем в работах В.В. Пименова и его последователей речь идет уже о «системном или, точнее, системно-статистическом подходе» (*Пименов* 1978), затем – о «системно-структурном» подходе (*Пименов* 1985:156) и т.п. Позднее эти же исследователи в некоторых своих работах (*Кондратьев* 1985) обозначали его то «статистической этнографией», то «системно-статистическим подходом» (*Иванов* 1987). В 1990–2000-е годы В.В. Пименов говорит то о «компонентной концепции этноса», то о «компонентной теории этногенеза», то о «системно-статистической (компонентной) теории этноса» или просто «компонентной теории» и т.д. К сожалению, после единственной монографии «Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса», вышедшей в свет в 1977 г., какого-либо другого обобщающего монографического исследования, посвященного системно-статистическому подходу и статистико-этнологическим исследованиям в отечественной этнографии, В.В. Пименов не публиковал.

Между тем проблема целостного (системного) компонентного анализа этноса с помощью статистических методов была поставлена и рассмотрена именно в его работах в 1970-е годы. (*Пименов* 1977;1978). В.В. Пименов рассматривал исследования подобного рода как попытку дальнейшего развития идей и принципов, ранее сформулированных советскими этнографами, социологами, этносоциологами, психологами. Решая подобные задачи, он, прежде всего, стремился расширить понятийный аппарат этнографии путем введения в научный оборот новых терминов: «компонента этноса», «этнофор», «демосоциальное основание этноса», «социально-этническая ситуация» и др. По определению Пименова, «этнофор» – это личность, выступающая в качестве носителя этнических черт и характеристик; «компонента этноса» – это его структурная единица высшего порядка, его существенная сторона, имеющая (в свою очередь) сложное строение и членящаяся на элементы (признаки, переменные, факторы) более низкого таксономического порядка; «социально-этническая ситуация» – совокупность характеристик объекта на момент его исследования и т.д. (*Пименов* 1977).

В.В. Пименов и его ученики априори определяли теоретическую модель этноса как «относительно обособленную динамическую самовоспроизводящуюся социальную

систему чрезвычайно высокой степени сложности, структурные компоненты которой входят в нее «на правах» также весьма сложных подсистем, а последние «подвижно скреплены» между собою многочисленными и разнообразными связями, имеющими характер отношений числа, порядка, направления, силы, координации и субординации». Сторонники СЭИ считали «...этнос сложным сочетанием следующих компонент: демографической структуры данной общности, ее экономики, территориального размещения (расселения), социальной структуры, языка или языков, функционирующих среди членов данной общности, материальной и духовной культуры (фольклорной и профессиональной), быта (иначе говоря, стереотипных форм поведения) членов данной общности, их этнического самосознания и некоторых (этнических) черт психики. Другими словами, этносы суть большие группы людей, “взятые” в реальном контексте социальных, культурных, языковых и иных отношений и характеристик» (Пименов 1978). Структурными образованиями высшего порядка, по мнению Пименова, являются компоненты, имеющие сложное строение: расселение этноса; его воспроизводство как части населения и свойственная ему демографическая структура; производственно-экономическая деятельность; система социальных отношений и институтов; язык; быт; обычаи; обряды; система личностного контактирования. Таким образом, одним из фундаментальных общенаучных методов в работах Пименова служил системный подход к этносу (Пименов 1984: 12; Чуваши 1988: 87).

Как писал В.В. Пименов, СЭИ как новое направление в этнографии «формировалось частью во взаимодействии, а частью параллельно с этносоциологией» (Пименов 1985: 5). При значительном сходстве этносоциологии и статистико-этнографического направления в отношении изучаемых проблем и методов исследования между ними с самого начала существовали и отличия. От этносоциологии, позиционировавшей себя как направление социологии, СЭИ отличались большим вниманием к вопросам, которые были традиционными для этнографии – материальная и духовная культура в том их аспекте, который обычно интересует этнографов, обычаи и обряды, фольклор и др. Можно сказать, что это было исследование этнографических проблем методами количественной социологии. Однако при этом значительное внимание уделялось также демографическим и социальным характеристикам населения.

В рамках этих двух направлений при построении выборки с самого начала обращалось внимание на этническую принадлежность респондентов. Однако в дальнейшем алгоритм обработки полученных данных был различным. При том подходе к обработке данных, который практиковался в работах этносоциологов, основное значение придавалось таким демографическим и социальным переменным как пол, возраст, социально-профессиональная группа опрашиваемого, его образование и т.п. и выяснению зависимости от них остальных переменных (языковых, культурных, психологических).

В отличие от этого в СЭИ был принят иной подход, в соответствии с которым допускается возможность существования значимых связей между любыми переменными из числа включенных в анализ. Считается, что до опроса исследователь не знает, какие из связей между переменными окажутся для исследуемой группы наиболее существенными. Поэтому рассчитываются значения связи любой включенной в анализ переменной со всеми остальными. При этом наряду с теми результатами, которые получают этносоциологи, становится возможным оперировать и с той частью информации, которая при первом подходе была бы утеряна» (АА 2012).

Подобный алгоритм обработки данных является следствием развиваемой В.В. Пименовым методологии исследования, называемой им системным подходом к этносу (Пименов 1986). Этнос в рамках этой методологии характеризуется как «относительно автономная, исторически возникшая, динамическая, самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся сложная социальная система, компоненты которой – демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая – связаны отношениями числа, порядка, направления, интенсивности, координации и субординации, система, функционирование и развитие которой, в конечном счете, экономически детерминировано» (Пименов 1977: 14). Отсюда следует необходимость исследования взаимосвязи и взаимовлияния компонент этноса между собой, а на операциональном уровне – выявления наличия, направленности и меры связей между переменными, представляющими компоненты в данном конкретном исследовании.

Один из самых последовательных единомышленников В.В. Пименова, А.Д. Коростелев, проведя комплексное статистико-этнологическое исследование этносоциальных и этнокультурных процессов среди русского населения Чувашии в начале 1980-х годов, развил и дополнил целый ряд теоретических положений Пименова. В частности, в своей диссертации А.Д. Коростелев делает следующие выводы: «Анализ рассчитанных коэффициентов связи позволяет выделить относительно тесно сплоченные группы переменных, объединяющиеся уже непосредственно на уровне модели в целом. Для каждой переменной, входящей в такую группу, большинство наиболее существенных связей реализуется в пределах той же группы. За этими группами (будем называть их относительно автономными подсистемами) стоят более абстрактные понятия, не поддающиеся непосредственной эмпирической проверке. Относительно автономные подсистемы, по-видимому, соответствуют относительно автономным сферам действительности в реальной системе этноса. При этом два понятия – компонента (вычленяемая в ходе предварительного теоретического анализа объекта) и относительно автономная подсистема (выделенная путем эмпирического изучения реальности) – не исключают, а дополняют друг друга» (Коростелев 1992:12).

Системно-статистический или системно-структурный подход, родоначальником которого стал В.В. Пименов, получил в советской этнографии 1970-80-х гг. широкую известность. Он был связан с формированием системных представлений об этносе, что определялось распространением системного подхода, идеями общей теории систем, но, прежде всего, господствующей в тот период в СССР «марксистско-ленинской теорией этноса», сформулированной Ю.В. Бромлеем (Бромлей 1983). Как известно, советская этнографическая наука представляла этнические общности реально существующими объектами, которым свойственно диалектическое развитие. Сегодня в зависимости от аспекта исследования и методологического подхода в отечественной этнологической науке выделяют несколько теорий этноса, в том числе и системно-статистическую (компонентную) теорию В.В. Пименова. В соответствии с этой теорией этнос рассматривается как исторически возникшая и эволюционирующая сложная самовоспроизводящаяся и саморегулирующаяся социальная система, обладающая многосоставной композицией (структурой).

* * *

Между тем, было немало и таких сторонников применения количественных методов в этнографии, которые считали, что возможности количественных методов не исчерпываются простым привлечением массовых данных или использованием методов изучения статистических связей, корреляционного анализа и другой техники, уже вошедшей в употребление этнографов. Для решения новых содержательных задач, по их мнению, необходимо «накопление эмпирических данных в рамках сходных статистических методик (построение графов связей, конструирование индексов) по различным этносам», что «позволило бы перейти к типологизации» (Старовойтова 1987: 85).

Как уже упоминалось выше, среди советских этнографов были те, кто, прекрасно понимая ценность и необходимость количественных научных методов, полагали, что исследования, основанные исключительно на статистических материалах, порой заметно искажают историко-этнографическую реальность. Отмечая односторонность этносоциологических методов, они подчеркивали необходимость учета историко-этнологических аспектов формирования изучаемой проблематики, ратовали за сохранение таких традиционных этнографических методов, как включенное наблюдение, длительное пребывание исследователя в изучаемой этнокультурной среде, предлагая соотносить данные синхронных этносоциологических исследований с материалами этнографии, данными исторической этнографии и других дисциплин. Например, известный отечественный этнограф Р.Г. Кузеев, который сам широко применял комплексный подход в своих этнографических исследованиях и активно способствовал внедрению количественных научных методов, был одним из первых, кто отмечал «односторонность этносоциологических методов» и подчеркивал «необходимость учета историко-этнологических аспектов формирования изучаемой проблематики» (Кузеев 1974; 1994: 115). При этом он всегда рассматривал комплексный подход в науке не как совмещение в одном исследовании разнородного материала, а как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов (Кузеев 1974).

Один из учеников В.В. Пименова – В.Р. Филиппов в статье «Теория этноса Л. Гумилева», упрекает не только Л.Н. Гумилева в научных ошибках, но и критикует своего учителя: «... такие ошибки присутствуют и в работах оппонентов Л. Гумилева. Например, В. Пименов, трактуя этнос как систему, пишет: «В этом смысле слова, можно сказать, что этнос есть процесс». Далее В. Филиппов отмечает: «Одним из главных достижений своей научной деятельности Л. Гумилев считал применение в этнологии системного подхода. Заметим, что системный подход пытались привнести в этнологию и до него (С. Широкогоров), и наряду с ним (В. Пименов), однако и в том, и в другом случаях – с отрицательным результатом). Именно благодаря системному подходу, как полагал Л. Гумилев, только и можно дать строгое определение понятию «этноса». К сожалению, мы так и не нашли его на страницах этого исследователя. Так же, как и в трудах его последователей или оппонентов» (Филиппов 2006: 40).

И в целом, по мнению В.Р. Филиппова, «компонентный анализ этноса» В.Пименова был, по сути, неудачной попыткой количественной интерпретации того мифологизированного социального феномена, который пытались описать посредством выявления объективных признаков Ю.Бромлей, его предшественники и последователи» (Филиппов 2010: 153).

Идеи В.В. Пименова критикуют и другие его оппоненты (Соколовский 1996; Кабо 2006; Напольских 2011 и др.). Критике подвергается как «компонентная» тео-

рия В.В. Пименова, так и метод компонентного анализа этноса. С.В. Соколовский, в частности, находит, что «в его (В.В. Пименова – ГК) увлечениях системными подходами и теорией информации были случаи надуманности или просто незнания достоверной статистики» (Соколовский 1996:11).

В.В. Напольских делает вывод, что «в доперестроечное время «компонентная» концепция, кажется, вполне вписывалась в официальную теорию этноса, выступала просто как исследовательский метод, и не противопоставлялась взглядам Ю.В. Бромлей, которые в те времена, кстати, не называли дуалистическими» (Напольских 2011: 162). Оценивая подобные теории, В.А. Тишков справедливо отмечает, что «более социально ориентированными, но от этого не менее эссенциалистскими являются доминирующие в российском общественном знании типологические конструкции этносов, субэтносов, метаэтносов, а темы экзогамии этносов как признака и условия их существования или «компонентные» теории этноса присутствуют на уровне учебной литературы (Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, В.В. Пименов, Ю.И. Семенов)» (Тишков 2012).

Критики статистико-этнологического направления, отрицая его общие положения, как правило, не сопровождают свои высказывания и претензии каким-либо детальным анализом и конструктивной критикой «пименовского» подхода в отечественной этнографии. Они солидарны в том, что попытки В.В. Пименова и его последователей применить метод компонентного анализа к изучению этноса были неудачными, а стремление привнести в этнологию системный подход имело только отрицательный результат (Филиппов 2010: 204). К сожалению, никто из оппонентов В.В. Пименова не рассмотрел по существу и не обосновал на конкретных материалах и фактах их научную несостоятельность.

Конечно же, в истории СЭИ наряду с успешными результатами, порой встречались и неудачи. В частности, недостаточно корректное использование отдельными исследователями математических методов, их чрезмерное увлечение «этническим» моделированием, квазинаучные поиски «ядра этноса», конструирование «структуры наций и народностей» и др. Как известно, В.В. Пименов считал важнейшей задачей этнотатистических исследований «имитационное моделирование этнических и этнокультурных процессов», создание моделей «движущегося, функционирующего этноса» (Пименов 1985:16), но его попытки применить метод компонентного анализа к изучению этноса как определенной динамической системе были не всегда оправданными и удачными. Между тем, необходимо напомнить, что и сам Пименов, и его единомышленники при огромной увлеченности количественными методами всегда осознавали, что, изучая модели, те или иные статистические тенденции, нельзя забывать, что «за формальными построениями скрыты живые люди и их реальные судьбы» (Иванов 1985). Они отмечали, что системно-статистический подход к этносу имеет не только достоинства, но и значительные ограничения. «Мы научились выявлять и изучать структуры, но еще плохо умеем воспроизводить движение, процессы (в частности, этнические). Наши модели пока статичны» (Пименов 1988). Важно отметить, что еще в 1984 году ученик и ближайший соратник Пименова А.Д. Коростелев предостерегал о том, что на заключительном этапе переработки и анализа информации, – а именно на этапе интерпретации статистических данных, «особенно важную роль играет логический и содержательный анализ, опирающийся на всю совокупность имеющихся данных, относящихся к изучаемой теме» (Коростелев 1984: 84).

На мой взгляд, участникам массовых этнотатистических обследований народов Урало-Поволжья, в которых я в течение многих лет принимала участие, в целом

удавалось не только сохранить чувство меры в оценке, как методов классической этнографии, так и статистических методов, но и удачно интегрировать их в своей работе, сочетая результаты традиционных этнографических исследований с анализом этностатистических материалов и данных. К числу несомненных научных достоинств команды В.В. Пименова следует отнести, наряду с повышенным научным интересом к изучению современных этнокультурных и этносоциальных процессов, приверженность к традиционной этнографической тематике; тщательную последовательную разработку научной программы исследования; а также возможность межэтнического сравнения полученных в ходе СЭИ данных и анализа взаимодействия этнических и социальных процессов. Несомненно, отечественные статистико-этнографические исследования выделялись на фоне большей части этнографических работ 1960–1980-х годов, прежде всего, систематическим использованием статистики и анкетирования. Вместе с тем, от этносоциологических исследований они отличались большим вниманием к вопросам, которые были традиционными для этнографии – материальная и духовная культура в том их аспекте, который обычно интересует этнографов, обычаи и обряды, фольклор и др. Таким образом, велось исследование этнографических проблем методами количественной социологии, но при этом значительное внимание постоянно уделялось также демографическим и социальным характеристикам населения. В результате все эти достижения позволили новому направлению СЭИ не превратиться в простой способ получения массовых данных, а постоянно оставаться в рамках этнологической науки.

По мнению А.Д. Коростелева, современным российским этнологом необходимо представлять себе, «что дало статистико-этнологическое направление для понимания сферы этнического, для накопления такого знания которое инвариантно по отношению к тому, в рамках какого научного направления мы работаем. Простой пример. Сегодня нередко говорят о том, что культура и идентичность очень мало связаны между собой. Но когда мне нужно обосновать это на конкретном материале, я обращаюсь к материалам пименовских исследований республик Поволжья и Приуралья, где такой вывод непосредственно следует из анализа статистических моделей, которые демонстрируют это хотя и в несколько иных терминах, но настолько убедительно, как никакой другой материал» (АА 2012).

В любом случае, обращаясь к проблеме междисциплинарных исследований в отечественной этнографии, нельзя отрицать, что именно В.В. Пименов был одним из тех советских этнографов, кто в 1960–1980-е годы пытался раздвинуть рамки исследовательского поля и разнообразить методико-методологические границы исследований, а также настойчиво прививал своим коллегам и ученикам любовь и интерес к изучению современности.

Источники и литература

АА 1986 – Авторский архив Г.А. Комаровой 1986 года.

АА 2012 – Авторский архив Г.А. Комаровой 2012 года.

Бромлей 1983 – Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Витов 1962 – Витов М.В. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1962.

Дружинин 1964 – Дружинин Н.К. Некоторые вопросы теории статистики. М.: МИНХ, 1964

Иванов 1985 – Иванов В.П. Современная чувашская городская семья. М.: НАИЭА, 1985.

- Иванов 1987 – Иванов В.П. и др. (ред.) Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары, 1987.
- Кабо 2008 – Кабо В.Р. Дорога в Австралию: воспоминания. М.: Восточная литература, 2008.
- Комарова 1987 – Комарова Г.А. Современная чувашская женщина в семье и в обществе (по материалам этностатистических обследований в ЧАССР). М., 1987.
- Комарова 2005 – Комарова Г.А. Этническая социология как междисциплинарное направление в советской этнографии // Bulletin of the National Museum of Ethnology. 2005. № 30 (1). Рр. 121–139.
- Комарова 2009 – Комарова Г.А. Междисциплинарная интеграция отечественной этнографии и этносоциологии. В: Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 42–52.
- Комарова 2011 – Комарова Г.А. Отечественная этнография и этносоциология: опыт междисциплинарной интеграции. В: Феномен идентичности в современном гуманитарном знании. М.: Наука, 2011.
- Комарова 2012 – Комарова Г.А. Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Кондратьев, Пименов 1986 – Кондратьев В.С. и др. (ред.) Статистика в этнографии. М.: Наука, 1986.
- Коростелев 1984 – Коростелев А.Д. Методика и техника обработки информации / Современные этнические процессы в Чувашской АССР. Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистико-этнографического исследования. Чебоксары, 1984.
- Коростелев 1992 – Коростелев А.Д. Русское население Чувашии: Этносоциальные и этнокультурные процессы в начале 1980-х гг. М., ИЭА РАН, 1992.
- Коростелев 1997 – Коростелев А.Д. Рец. на: В.В.Пименов, В.Р.Филиппов. Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М., 1995 // Этнографическое обозрение, 1997. № 2. С. 146–147.
- Кузеев 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.
- Кузеев 1994 – Кузеев Р.Г. История и социология в понимании современной этнокультурной ситуации // Доклад на конференции по бывшим социалистическим мусульманским обществам (Турция, Анкара, 15-18 сентября. 1994 г.) (препринт). Уфа.
- Напольских 2011 – Напольских В.В. Проблемы создания вузовского учебника этнографии (размышления по поводу книги: Основы этнологии: Учебное пособие / под ред. В.В. Пименова. М., 2007) // Этнографическое обозрение, 2011. № 6: 158–177.
- Очерки 1976 – Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. Казань, 1976.
- Пименов 1977 – Пименов В.В. Удмурты. Л.: Наука, 1977.
- Пименов 1978 – Пименов В.В. и др. (ред.) Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978.
- Пименов 1984 – Пименов В.В. и др. (ред.) Статистика в этнографии М.: Наука, 1984.
- Пименов 1985 – Пименов В.В. О статистической этнографии // Статистико-этнографические исследования в Удмуртии (Материалы к изучению образа жизни сельского населения). Устинов, 1985. С. 3–18.
- Пименов 1986 – Пименов В.В. и др. Системный подход к этносу (к постановке проблемы) // Расы и народы, 1986. Вып.16. М.: Наука, С.12–30.
- Пименов 1988 – Пименов В.В. и др. (ред.) Чуваши. Современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988.
- Пименов 1995 – Пименов В.В., Филиппов В.Р. Массовые этнологические исследования. Методы и техника. М.: МГУ, 1995.
- Соколовский 2012 – Соколовский С.В. Социология vs. антропология: запоздалые заметки на полях к дискуссии «физики vs. лирики» // Антропологический форум, 2012. № 16. С. 130–139.
- Соколовский 1996 – Соколовский С.В. Этническая социология. М., 1996. 263 стр.

- Старовойтова 1987 – Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе. Л.: Наука, 1987.
- Сычева 1999 – Сычева Л.С. Формирование научных дисциплин и «социальная наследственность» // Наукосведение, 1999. № 2. С. 144–157.
- Тишков 2012 – Тишков В.А. Этнос или этничность. <valerytishkov.ru/cntnt/.../etnos_ili_.html> 2012
- Устинов, Фелингер 1973 – Устинов В.А, Фелингер А.Ф. Историко-социальные исследования, ЭВМ и математика. М.: Наука, 1973.
- Филиппов 2006 – Филиппов В.Р. Теория этноса Л. Гумилева // Этнопанорама, 2006. № 3–4. С. 36–44.
- Филиппов 2010 – Филиппов В.Р. Советская теория этноса. М.: Институт Африки РАН. 2010.
- Чуваши 1988 – Чуваши. Современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988.

References

- Avtorskii arkhiv G.A. Komarovoï 1986 year.
- Avtorskii arkhiv G.A. Komarovoï 2012 year.
- Bromlei Iu.V. Ocherki teorii etnosa. Moscow, 1983.
- Vitov M.V. Istoriko-geograficheskie ocherki Zaonezh'ia XVI–XVII cen. Moscow, 1962.
- Druzhinin N.K. Nekotorye voprosy teorii statistiki. Moscow, 1964
- Ivanov V.P. Sovremennaiia chuvashskaia gorodskaiia sem'ia. Moscow, 1985.
- Ivanov V.P. at al (ed.) Issledovaniia po drevnei i sovremennoi kul'ture chivashei. Cheboksary, 1987.
- Kabo V.R. Doroga v Avstraliu: vospominaniia. Moscow, 2008.
- Komarova G.A. Sovremennaiia chuvashskaia zhenshchina v sem'e i v obshchestve (po materialam etnostatisticheskikh obsledovaniï v ChASSR). Moscow, 1987.
- Komarova G.A. Etnicheskaiia sotsiologiia kak mezhdistsiplinarnoe napravlenie v sovetskoï etnografii. Bulletin of the National Museum of Ethnology, 2005. № 30 (1). Pp. 121–139.
- Komarova G.A. Mezhdistsiplinariia integratsiia otechestvennoi etnografii i etnosotsiologii. V: Etnosotsiologiia v Rossii: nauchnyi potentsial v protsesse integratsii polietnicheskogo obshchestva. Kazan, 2009. Pp. 42–52.
- Komarova G.A. Otechestvennaia etnografiia i etnosotsiologiia: opyt mezhdistsiplinarnoi integratsii. V: Fenomen identichnosti v sovremennom gumanitarnom znaniï. Moscow, GOD.
- Komarova G.A. Opyt integratsii: mezhdistsiplinarnoe vzaimodeistvie etnografii i etnosotsiologii. Moscow, 2012.
- Kondrat'ev V.S. at al (ed.) Statistika v etnografii. Moscow, 1986.
- Korostelev A.D. Metodika i tekhnika obrabotki informatsii Sovremennye etnicheskie protsessy v Chuvashskoi ASSR. Metodicheskie ukazaniia i rekomendatsii po programmirovaniu, tekhnike i organizatsii statistiko-etnograficheskogo issledovaniia. Cheboksary, 1984.
- Korostelev A.D. Russkoe naselenie Chuvashii: Etnosotsial'nye i etnokul'turnye protsessy v nachale 1980-kh years. Moscow, 1992.
- Korostelev A.D. Rets. na: V.V. Pimenov, V.R. Filippov. Massovye etnologicheskie issledovaniia. Metody i tekhnika. M., 1995 // Etnograficheskoe obozrenie, 1997. No. 2. Pp. 146–147.
- Kuzeev R.G. Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia. Moscow, 1974.
- Kuzeev R.G. Istoriia i sotsiologiia v ponimaniï sovremennoi etnokul'turnoi situatsii // Doklad na konferentsii po byvshim sotsialisticheskim musul'manskim obshchestvam (Turtsiia, Ankara, 15-18 sentiabria. 1994 g.) (preprint). Ufa, 1994.
- Napol'skikh V.V. Problemy sozdaniia vuzovskogo uchebnika etnografii (razmyshleniia po povodu knigi: Osnovy etnologii: Uchebnoe posobie. V.V. Pimenova (ed.). Moscow, 2007) // Etnograficheskoe obozrenie, 2011. No. 6: 158–177.
- Ocherki statisticheskoi etnografii Srednego Povolzh'ia. Kazan, 1976.
- Pimenov V.V. Udmurty. Leningrad, 1977.
- Pimenov V.V. at al. (ed.) Etnokul'turnye protsessy v Udmurtii. Izhevsk, 1978.

- Pimenov V.V. at al. (ed.) Statistika v etnografii* Moscow, 1984.
- Pimenov V.V. O statisticheskoi etnografii // Statistiko-etnograficheskie issledovaniia v Udmurtii (Materialy k izucheniiu obraza zhizni sel'skogo naseleniia). Ustinov, 1985. Pp. 3–18.*
- Pimenov V.V. at al. (ed.) Sistemnyi podkhod k etnosu (k postanovke problemy) // Rasy i narody. Vol. 16. Moscow, 1986. Pp.12–30.*
- Pimenov V.V. at al. (ed.) Chuvashi. Sovremennye etnokul'turnye protsessy. Moscow, 1988.*
- Pimenov V.V., Filippov V.R. Massovyie etnologicheskie issledovaniia. Metody i tekhnika. Moscow, 1995.*
- Sokolovskii S.V. Sotsiologiia vs. antropologiia: zapozdalye zametki na poliakh k diskussii "fiziki vs.liriki" // Antropologicheskii forum, 2012. No. 16. Pp. 130–139.*
- Sokolovskii S.V. Etnicheskaia sotsiologiia. Moscow, 1996.*
- Starovoitova G.V. Etnicheskaia gruppya v sovremennom sovetskom gorode. Leningrad, 1987.*
- Sycheva L.S. Formirovanie nauchnykh distsiplin i "sotsial'naia nasledstvennost'" // Naukovedenie, 1999. No. 2. Pp. 144–157.*
- Tishkov V.A. Etnos ili etnichnost'.URT: <valerytishkov.ru/cntnt/.../etnos_ili_.html> 2012*
- Ustinov V.A, Felinger A.F. Istoriko-sotsial'nye issledovaniia, EVM i matematika. Moscow, 1973.*
- Filippov V.R. Teoriia etnosa L. Gumileva // Etnopanorama, 2006. No. 3–4. Pp. 36–44.*
- Filippov V.R. Sovetskaia teoriia etnosa. Moscow, 2010.*
- Chuvashi. Sovremennye etnokul'turnye protsessy. Moscow, 1988.*

G.A. Komarova. Statistical and ethnographic researches in the Volga-Ural region.

The formation of new academic approaches and fields based on multidisciplinary integration was an important characteristic of Soviet ethnography in the 1960s–80s. Fundamental studies within multidisciplinary fields provided a chance to improve knowledge concerning the development of various ethnic groups in the Soviet Union, despite ideological restrictions and pressures. Ethnostatistic studies occupy a special place among those approaches. The development of an original methodology, the organization of wide-scale complex studies, and the production of important books are among their significant achievements.

Key Words: *multi-disciplinary studies, ethnography, ethnology, ethnostatistic studies, ethno-methodology, ethnosociology, ethnicity*

ЗАМЕТКИ О СОВЕТСКОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

В статье автор, активно участвовавший в этносоциологических исследованиях Института этнографии АН СССР в конце 1960–1980-х годах, рассматривает некоторые аспекты становления и развития отечественной этносоциологии в тот период.

Ключевые слова: *Этносоциологическое изучение народов СССР в 1960–1980-х годах.*

Как известно, отечественная этносоциология, в качестве особого междисциплинарного направления, зародилась почти полвека назад в Институте этнографии АН СССР. В 1966 г. по инициативе директора ИЭ Ю.В. Бромлея под руководством Ю.В. Арутюняна было организовано новое научное подразделение, получившее длинное название «Сектор конкретно-социологических исследований культуры и быта народов СССР»¹. Уже летом 1967 г. по программе, разработанной Ю.В. Арутюняном, было проведено первое полевое этносоциологическое исследование в Татарской АССР. Вслед за этим началась статистическая обработка полученных данных. Помню, когда в 1968 г. меня приняли научно-техническим сотрудником в сектор, я также включился в эту, прямо скажем, не самую интересную работу. Первые итоги исследования в Татарии были обнародованы Ю.В. Арутюняном уже в 1968–1969 гг. в журналах «Советская этнография» и «Вопросы философии» (Арутюнян 1968а; Арутюнян 1969), а в 1972 г. вышла коллективная монография (Социальное и национальное 1972), в которой мне пришлось написать довольно большую главу о культуре сельского населения. При этом, кроме Казани, куда весь сектор в начале 1969 г. ездил для сбора статистических данных, нигде в Татарстане я больше не был. Это разительное отличие работы этносоциологов от обычной практики этнографов, добывающих свой материал, главным образом, в ходе живого, личного общения с информантами, меня в ту пору и удивило, и огорчило.

Насколько я помню, на первых порах отношение большинства сотрудников Института к новому сектору, к его руководителю и молодым его сотрудникам было скептически-настороженным. Многих раздражало прилагательное «конкретные» (нужно признаться, и вправду весьма неудачное). «А мы разве занимаемся конкретными исследованиями?» – возмущались иные этнографы. К тому же многие ученые, годами, а то и десятилетиями занятые изучением одного народа или той или иной этнографической провинции на основе огромных массивов полевых, литературных и архивных источников, сомневались в возможности создания серьезных работ с помощью анкетного опроса – главного метода тогдашней этносоциологии. Другие хотели бы видеть сотрудников нового сектора, прежде всего, своими помощниками по разработке и внедрению в практику полевых этнографических исследо-

Савоскул Сергей Сергеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: salotop@yandex.ru.

ваний новых методов, хотя сразу стало понятно, что научные амбиции руководителя нового направления заключались отнюдь не в этом.

«Татарская» книга, заложившая основы нового междисциплинарного научного направления, была встречена с интересом и в известной мере закрепила положение нового сектора в Институте этнографии, вскоре ставшего одним из ведущих подразделений последнего. Постепенно между этнографией и этносоциологией начался процесс взаимной научной интеграции, проявлявшийся как в совместном участии в ряде полевых исследований и в публикации их итогов, так и в широком использовании некоторыми этнографами этносоциологических методов в собственной работе (См. подробнее: *Комарова* 2012).

Кстати говоря, последнее было особенно характерно для исследований В.В. Пименова, у которого, естественно, сложились весьма тесные деловые отношения с этносоциологами Института. Особенно интенсивным было сотрудничество Владимира Владимировича с Валерием Семеновичем Кондратьевым – главным методистом нашего сектора, который не раз участвовал в обосновании и подготовке выборки в исследованиях Пименова, в том числе в Поволжье и на Кубе.

Вслед за первым опытом этносоциологи Института этнографии приступили к новому этапу исследований, задачей которого стало изучение социально-этнических процессов в основных регионах СССР. Программа этого масштабного исследования была составлена Ю.В. Арутюняном и опубликована в 1972 г. в «Советской этнографии» (*Арутюнян*, 1972).

В 1970-х годах, выполняя работу по этой программе, все сотрудники нашего небольшого сектора многократно выезжали на полевые исследования в города и сельскую местность ряда союзных республик. Тогда было опрошено около 30 тыс. респондентов в 42 городах и 250 сельских поселениях. В 1979-1982 гг. полевое исследование по той же программе было повторно проведено в столицах ранее обследованных республик, а также в Саратове. Помимо полевой работы, огромное количество времени отнимала обработка полученного анкетного материала – проверка, шифровка и кодировка анкет. Немало времени уходило и на сбор и обработку других статистических материалов – итогов переписей, данных текущего учета населения и пр. Я думаю, что в значительной мере из-за того, что большая часть времени ушла тогда на полевую и техническую работу, нам не удалось в достаточной мере проанализировать и опубликовать поистине колоссальные результаты проведенных исследований. Так, из пяти обследованных республик монографическая работа была написана лишь по Молдавии (*Опыт* 1980). Кроме того в Таллинне вышла небольшая книга по Эстонии (*Социологические очерки* 1979). Правда, в 1986 г. была выпущена монография, в которой были подведены итоги сравнительного анализа данных по всем обследованным республикам (*Социально-культурный* 1986).

* * *

Я уже писал, что в этносоциологию попал в значительной мере случайно (*Савоскул* 2008). Пришлось быстро, можно сказать, на ходу овладевать практическими навыками этого нового научного направления и входить в команду Ю.В. Арутюняна. Однако долгое время внутреннего удовлетворения эта работа мне не давала. В значительной мере это было связано с тем, что я был вынужден участвовать в коллективном

исследовании, программа которого давала мало простора для индивидуальной инициативы ее исполнителей. Скажем, в отличие от этнографов, которые, как правило, самостоятельно выбирали район для своей работы, в нашем секторе об этом не могло быть и речи. К тому же вопросник – основной инструмент наших полевых исследований, практически не менявшийся на протяжении двух десятилетий, был, на мой этнографический взгляд, довольно формальным и недостаточно полно отражал реальную жизнь. Кроме того, в силу политической актуальности этносоциологических исследований, нашему руководителю невольно приходилось соотносить тематику нашей работы с очередными поворотами партийной идеологии. Меня раздражало то, что вместо того, чтобы своими трудоемкими исследованиями чем-то помогать властям в принятии решений, мы чаще всего были вынуждены лишь подтверждать и комментировать уже выдвинутый на недавнем пленуме или съезде партии новый тезис о развитии нашего общества, например, о «советском народе», как новой сложившейся в СССР исторической общности людей, о «советском образе жизни» и пр.

Ну и, конечно, сильно надоедала рутинная техническая работа, отнимавшая большую часть рабочего времени. Выполнять ее смог бы любой выпускник средней школы, между тем как большинство из нас окончили университет и со временем защитили кандидатские диссертации. Словом, хотя научный и социальный смысл работы был мне вполне понятен, но он меня далеко не всегда удовлетворял, не вызывал сильного внутреннего ответа. Это сказалось и на таком итоге моих научных занятий, как количество публикаций. Для сравнения – если за 25 лет сотрудничества в отделе этносоциологии (1968–1991 гг.) у меня вышло около 40 публикаций (значительная часть которых не была непосредственно связана с моей работой в отделе), то за последующие 23 года (1992–2014) я опубликовал более 77 работ, в том числе несколько книг.

Тем не менее, я не жалею, что судьба надолго забросила меня на этносоциологическую стезю. Благодаря этому у меня со временем выработался устойчивый интерес к современным этносоциальным и этнополитическим проблемам страны, я научился видеть, казалось бы, за сухими цифрами, многообразную жизнь нашего общества, чему, конечно, способствовало и общение с множеством людей в ходе наших полевых исследований.

В тоже время нужно сказать, что по сравнению с «официальной» этносоциологической темой (этносоциальные аспекты современной культурной деятельности), которая надолго была закреплена за мною, я живо интересовался и другими проблемами, часто далеко выходившими за основную тематику нашего сектора. Так, еще со студенческих лет я был увлечен изучением наших северных народов. Придя в институт, я продолжал поддерживать отношения с сотрудниками отдела Севера и Сибири, несколько раз ездил на Север (в Эвенкийский, Корякский, Чукотский автономные округа), опубликовал ряд статей и очерков о народах этого интереснейшего региона (Савоскул 1970; Савоскул 1978; Savoskul 1978; Савоскул 1989б; Savoskul 1989; Савоскул 2006 и др.).

Со временем, конечно, не без влияния заметно пробудившегося в обществе русского самосознания, меня все больше стали интересовать этнические проблемы русских. В значительной мере этому способствовали и наши частые выезды для проведения полевых этносоциологических исследований. Не удивительного, что эти многочисленные поездки по «национальным», как тогда говорили, республикам («А Россия – национальная республика?» – иной раз спрашивал я себя), контакты

с людьми иных языков и культур, со средой, нередко весьма отличающейся от привычной мне русской, поневоле обращали взор на свое, можно сказать, «домашнее», заставляли сравнивать его с увиденным в иных краях.

Расскажу, к примеру, один случай, чтобы стало понятнее, в чем это иной раз проявлялось. Летом 1972 г. я долго работал в Грузии, сначала в Тбилиси, потом в маленьком городке Миха Цхакая (ныне Сенаки) и его окрестностях. Это уже Колхида по правую, западную сторону Риони – холмы, покрытые круглыми чайными кустами, полуразрушенные маленькие крепости на скалах, изредка возвышающихся среди равнины, деревни, дома в которых раскиданы так редко, что напоминают хутора. Встречались, правда, деревни застроенные и более плотно. А по ночам доносились лягушачьи концерты из окрестных болот, которые почти ежедневно подпитывали обильные дожди. Радио между тем передавало, что в Подмоскovie из-за жары горят торфяники, а вода в Северной Двине у Архангельска прогрелась чуть ли не до 30 градусов.

За те полтора месяца я еще раз убедился – грузинский язык и все грузинское гордо и темпераментно властвовали и в Тбилиси (здесь их квинтэссенция) и в других городах, не говоря уже о селах. Все русское на этом фоне звучало приглушенно, скромно, на втором плане. Ситуация вполне привычная, но со временем она начинает утомлять, особенно когда не знаешь языка, на котором говорит большинство окружающих. Но вот работа была, наконец, закончена, я сел на боржомский поезд и поехал домой. Попутчиками в моем купе оказались грузины, прихватившие с собой вино, жареных куриц, пучки душистой зелени и, конечно, свой язык и темперамент (куда же без них). Так что Грузия для меня продолжалась до самой Тулы, где я вышел. Дело в том, что в то лето жена, спасаясь от запыленного Москву дыма с подмосковных торфяников, переехала с дочками в Серпухов, где в ту пору жил в своем доме с садом ее отец. Вот я и решил ехать не в Москву, а прямо к ним.

В электричке был сплошь русский народ, и я радостно прислушивался к громкому *русскому* говору соседей и думал, что бывают минуты, когда не только дым, но и мат отчества покажется тебе «и сладок и приятен».

В такие вот моменты начинаешь по-настоящему понимать, что ты тоже русский. И постепенно во мне по-русски не спеша начала зреть мысль о том, что раз уж я поневоле врос в этносоциологию, почему бы не воспользоваться ею для изучения именно русских, того, какое место они занимают среди других народов страны.

Конечно, в наших полевых исследованиях и в основанных на них публикациях русские присутствовали всегда. Но в республиках вне России, которые, как само собой разумеющееся, виделись главным объектом нашего научного направления (тут проявлялась все та же идея о «национальных» республиках, на фоне которых РСФСР вроде бы была и не совсем «национальной»), русские рассматривались в качестве второй этнической группы по отношению к «коренному» народу. В самой же России постоянным объектом полевых исследований у нас выступала Саратовская область, по ряду важных показателей занимавшая среди российских областей среднее место. Для представления о русском сельском населении ее дополняли Кубань и Кимрский район Калининской (Тверской) области, доставшиеся проекту в наследство от прежних занятий Юрия Варгановича сельской социологией (см., например: *Арутюнян* 1968б, 1971).

Понятно было, что по сравнению с титульными народами других обследованных нами союзных республик для суждения о русском большинстве страны, сосредоточенном, естественно, в России, нашего материала было недостаточно. Не говоря уже о

том, что мы не проводили полевых исследований в большинстве российских регионов с преимущественно русским населением, особенно ощутимым являлось отсутствие в нашей российской выборке Москвы. Правда, на Москву тогда смотрели, прежде всего, как на столицу СССР, а не России. А уж про то, что это русская столица («Москва, как много в этом слове для сердца русского...» и т.д.) вроде бы никто и не вспоминал, а сейчас, кажется, и думать не советуют из соображений политкорректности. К тому же РСФСР, стоило лишь об этом поразмыслить, выглядела несколько странным образованием на фоне других союзных республик. Многих республиканских институтов (скажем, партийного и других ЦК, Академии наук, газет – кроме «Советской России», бывшей все же органом ЦК КПСС и «Литературной России») в ней не было, их заменяли общесоюзные учреждения. Словом, сокращенный вариант СССР, а не Россия.

В некотором роде парадоксальным народом казались и сами русские, если рассматривать их в рамках господствовавшего тогда у нас традиционалистского подхода к пониманию этнических общностей. Этнически они выглядели менее выразительными, чем другие наши народы. Внимательный к таким вещам В.А. Солоухин как-то заметил, что среди детских фигур, символизирующих народы наших республик (такие изображения и впрямь в ту пору нередко встречались) лишь один русский мальчик изображен одетым не во что-то национальное, как остальные, а в трусах и галстуке. Если Владимир Алексеевич это и придумал, то эта выдумка была недалеко от реальности.

Вообще мне думалось (я и сейчас так считаю), что для лучшего понимания социально-исторической и этнокультурной сущности русских их нужно сравнивать не только, а, пожалуй, и не столько с другими народами бывшего СССР, а с иными большими народами мира, создавшими столь же значимые во всемирной истории государства и цивилизации – в первую очередь с англичанами (британцами), наверно, также с китайцами, а также с французами, испанцами, немцами, – в историко-культурные и политические орбиты которых вовлечено немало других народов.

В рамках тогдашней нашей страны (я имею в виду СССР) русские, уже сильно урбанизированные, во многом унифицировавшие свой образ жизни и в этом смысле регионально почти не отличавшиеся, казались неким однообразным людским океаном, на фоне которого то более ярко, то приглушеннее выделялись большие и малые этнические полуострова (по краям) и острова и островки (посередине). А говорят, что когда плывешь по океану, то взор, утомленный его однообразной равниной радуется встрече с любым клочком земли. Психологически именно этим я объясняю наше (этносоциологов и этнографов) преимущественное внимание к нерусским народам.

Это я испытал и на себе. Вот, например, та же Кубань. Казалось бы яркий, своеобразный казачий край. Правда, казачий, так сказать, акцент звучал тогда не так ясно и открыто, как сейчас. Но впечатлений от него, по крайней мере, у меня (а я бывал там не раз), осталось гораздо меньше, чем от поездок по обследованным нами «национальным» республикам. А вот поселок ассирийцев, случайно (для меня, конечно) оказавшихся тогда в районе наших исследований в Краснодарском крае, я тотчас заметил. Ну, еще бы не заметить – восточного вида старики с потемневшими от времени янтарными четками (ассирийцы – одни из самых древних христиан), непонятная речь, правда, молодежь знала уже только русский, ослы, хотя их и было всего несколько. Словом, какой-то Восток в окружении казачьих станиц. После окончания нашего опроса я пожил у них недолго и потом написал статью «Ассирийцы Куба-

ни», и многим она понравилась, а московские ассирійцы даже выкупили, чуть ли не большую часть тиража (конечно, по тогдашним представлениям небольшого – экзemplяров 500) сборника, в котором она была напечатана (*Савоскул* 1989а).

Мне кажется, «русский вопрос» как некую современную социально-этническую проблему в ту пору лучше всех чувствовали и, главное, сумели в какой-то мере выразить, такие наши писатели, как уже названный Солоухин, а также Астафьев, Белов, Распутин. Писали, конечно, и другие, но я называю, по крайней мере, тех, кто своими яркими, нередко трагическими раздумьями наталкивал и меня на какие-то мысли о судьбе русских в наши дни.

Ко времени так называемой перестройки, этнические чувства, до этого в основном бродившие в головах, стали все более заметным фактором общественной и политической жизни нашего общества. В «национальных» союзных республиках со временем все более явной становилась тенденция к суверенизации (позднее она проявилась и в российских республиках и автономиях, правда чаще в требовании о повышении их статуса), пробивавшаяся к жизни в значительной мере в форме отталкивания от союзного центра, от олицетворявших его Москвы, России и русских. Все это, естественно, сопровождалось эскалацией антирусских настроений, если и не большинства, то все же значительной части нерусского населения страны. И в ходе наших полевых исследований нам все чаще приходилось быть свидетелями их, иной раз агрессивного проявления. На этнической основе появилось множество, как тогда говорили, «самодетельных» общественно-политических и культурных организаций. Естественно, что возникали подобные объединения и у русского населения. На мой взгляд, и в России, и особенно в республиках за ее пределами они во многом носили характер неизбежной, ответной, так сказать, оборонительной реакции части русского населения на этнонационалистические тенденции в общественно-политической жизни страны. И тогдашняя властная элита союзного центра и общественное мнение большинства российского (прежде всего русского) населения занимали, я думаю, «консервативную» (в смысле соблюдения статус кво) позицию, направленную на сохранение Союза ССР.

Но, откровенно говоря, я к этому времени эту позицию уже не разделял, полагая, что нет смысла удерживать рвущиеся из Союза республики, титульное население которых то и дело попрекает Россию и русских в колониальной политике, в паразитизме на труде и ресурсах национальных окраин и т.п. грехах. Именно поэтому показавшаяся тогдашнему российскому большинству парадоксальной и абсурдной идея о выходе России из Союза, высказанная Распутиным на первом съезде депутатов СССР, была мною воспринята как лично выношенная и выстраданная. Правда, некоторое время я, как и многие считал, что оптимальным вариантом было бы сохранение государственного единства четырех союзных республик - трех восточнославянских по преимущественному составу их населения (то есть России, Украины и Белоруссии) и Казахстана.

Словом, во второй половине 1980-х годов, а тем более к их концу, «русский вопрос» уже витал в воздухе. Вполне понятно, что мне хотелось принять какое-то участие в изучении живо осознанной и внутри пережитой проблемы. Казалось логичнее (и привычнее) всего использовать для этого то, что лежало под руками – накопленный к тому времени огромный материал наших полевых исследований, дополнив их новыми. Правда, лежал то он под руками, но у Ю.В. Арутюняна – в том смысле, что без его одобрения, благословения и участия предпринять такую огромную работу

было невозможно. И однажды я затеял с ним разговор на эту тему, суть которого сводилась к тому, что, не пора ли нам перейти от изучения этнических окраин к центральной для страны проблеме – месту русских в нашем обществе.

Это идея Юрию Вартановичу понравилась, хотя и не исключаю, что он пришел бы к ней и сам. Но все же, мне кажется, что мои слова ускорили ее вызревание, хотя, честно говоря, уже и тогда она несколько запоздала. Или наоборот – пришла слишком рано, чтобы написать на эту тему все, что мы хотели и могли.

Думаю, что этот разговор происходил не позже 1987 г., поскольку именно в тот год мы впервые провели массовый опрос москвичей, без чего писать работу о современных русских было бы нонсенсом. Вскоре после нашей беседы Арутюнян выступил на ученом совете с идеей о написании новой книги, которая будет посвящена этносоциологической проблеме русского народа. Полагаю, что к тому времени он уже согласовал это с Бромлеем. Ученый совет, естественно, эту инициативу поддержал.

На последовавшем за этим ученым советом заседании отдела, во время обсуждения плана работы над новой книгой Юрий Вартанович, шутя, сказал: «Ну что ж, вы – русские, вы и пишите».

Но перед тем сесть за книгу, мы, как я уже говорил, провели опрос в Москве, а на следующий 1988 г. были повторные исследования в Таллинне и Ташкенте. Столицы эти были выбраны потому, что представляли республики во многом занимавшие позиции противоположные на ряде значимых социальных линий – Запад – Восток, модернизированный – традиционный образ жизни и т.д.

Результаты опросов, проведенных в конце 1980-х годов, имели принципиальное значение для будущей книги, поскольку позволили отметить важнейшие сдвиги в общественном сознании, произошедшие в результате радикальных перемен в идеологии и политике за годы перестройки, и сказать о порожденных ею надеждах и ожиданиях советских людей. Пожалуй, наиболее значимыми были изменения (что особенно ясно отмечено в последнем заключительном разделе вышедшей впоследствии книги, написанном Арутюняном) во внешнеполитической стороне сознания – большинство нашего народа избавилось от образа «осажденной крепости», порожденного перманентным противостоянием страны «победившего социализма» и капиталистического лагеря. Вместе с тем, и это Юрий Вартанович специально подчеркнул, названные глубокие перемены стали результатом не столько противостояния СССР и Запада, сколько итогом внутреннего развития нашего общества – его интеллектуализации и гуманизации, несовместимых с длительной внешней закрытостью и внутренней жесткой регламентацией.

Однако, главные надежды и ожидания большинства нашего народа, порожденные перестройкой, были направлены на необходимость радикальнейших перемен в экономической и социально-политической сферах, а здесь они, как показали итоги опроса, наших людей явно не устраивали. Наибольшим успехом перестройки была признана лишь гласность. В этой связи понятно, что существенно снизилась – по сравнению с 1970-ми – началом 1980-х годов – доля респондентов, удовлетворенных жизнью. И это вполне объяснимо. Люди, выросшие в условиях, когда государство монопольно распоряжалось средствами удовлетворения наиболее важных человеческих потребностей, естественно, и в новых условиях рассчитывали в первую очередь на него. В то время мы и сами (я имею в виду авторов книги) наивно надеялись на это же. А между тем уже пришел час, когда более предприимчивые и эгоистичные

уже азартно экспроприировали в свою пользу «общенародную», а, значит, бесхозную в ту пору собственность и власть.

Определенные позитивные перемены в общественно-политической сфере, конечно, отразились и в нашей книге. Пришедшая на смену цензуре гласность уже позволяла писать и публиковать практически все, хотя в силу сложившейся привычки еще не все из нас были к этому готовы. Сдерживал, конечно, и жанр традиционной академической монографии. К тому же, события развивались столь быстро, что не все можно было осмыслить. Тем не менее, многие острые вопросы, в том числе в сфере русского самосознания, идеологии формирования российского суверенитета, проблемы русских в союзных республиках за пределами России, были подняты. И этим книга уже разительно отличалась от наших предыдущих работ.

Монографии предшествует короткое введение, написанное Ю.В. Арутюняном в соавторстве с автором этой статьи. В нем, в частности, подчеркивалось, что «предлагаемая читателю книга ... отличается от уже созданных этносоциологических трудов, прежде всего, спецификой своего объекта. Впервые в цикле этносоциологических исследований в центре анализа один народ – русские, но в разных социально-этнических средах: в собственной республике (РСФСР) и за ее пределами – в других республиках страны. Такой подход дает возможность оценить устойчивость социально-этнических черт народа в иноэтнических средах, сравнить его жизнедеятельность в «своем» и иноэтническом окружении» (Русские 1997: 3). Отмечалось также, что по сравнению с этнографическими исследованиями русских, «сосредотачивающих внимание преимущественно на этнических особенностях традиционной культурно-бытовой сферы, главный предмет этносоциологии – современная жизнь народов: их социальная структура и мобильность, перемещения, социальные аспекты их трудовой, культурной и бытовой жизнедеятельности, этнические особенности психологии и межэтнические отношения» (Там же). При этом «различия этнографического и этносоциологического подходов проявляются и в смежных полях исследования – прежде всего проблем культуры. Этнографию преимущественно интересует традиционно-бытовой слой культуры, качественно отличающий один этнос от другого. Этносоциологический же подход связан с вниманием к социальным параметрам культурной деятельности: распространению в народе как собственной национальной (профессиональных и традиционно-бытовых форм), так и инонациональной культуры, тому, в какой мере она стала реальным достоянием людей. Традиционно-бытовая культура интересует этносоциологию главным образом не сама по себе (как этнографию), а в ее соотношении с современной, прежде всего профессиональной, культурой, как индикатор на шкале «современное-традиционное». Соотношение этих двух слоев культуры в современной жизни нации рассматривается как производное от таких факторов, как уровень ее урбанизированности, развитости социальной структуры, «втянутости» нации в современные экономические, социальные, политические процессы и т.д.» (Там же: 3–4).

Во введении высказывалось несколько гипотез относительно положения русских в системе других народов СССР на тогдашнем критическом этапе развития страны. В частности, предполагалось, что «на современном этапе роль русского народа должна значительно измениться» и, что «во взаимоотношениях русских с другими народами страны наступил принципиально новый этап». Его сложность состоит в том, что «хотя непосредственное участие русского населения в экономическом и социально-культурном развитии национальных районов все еще весьма велико», другие народы СССР в своем большинстве также достигли уровня современного индустри-

ального общества, у них сформировалась собственная значительная по численности интеллигенция, и теперь «каждая нация стремится сама решать свою судьбу». Этим современным обстоятельствам не вполне соответствует тот, выявленный исследованиями факт, что «для русских в инациональной среде характерны пока только начальные изменения собственных национально-культурных и языковых установок, слабая адаптация к культуре, языку национального большинства, в окружении которого они проживают» (Там же: 7). Впрочем, существует и «объективная причина слабой адаптации русских к инациональным культурам», поскольку сложившаяся в СССР этнодемографическая, языковая и этнокультурная ситуации, обусловленная численным, языковым и социально-культурным доминированием русских в стране, «делала (для них – С.С.) такую адаптацию как бы излишней» (Там же: 7–8).

Тематическая структура монографии фактически повторяла наши предыдущие работы, что было связано, прежде всего, с программой Ю.В. Арутюняна 1972 г. (Арутюнян, 1972), определившей основные тематические блоки проекта, в соответствии с которыми был составлен инструментарий полевого исследования и шел сбор иного документального материала.

В начале книги идет глава о динамике расселения и миграции русских в СССР, написанная в основном И.А. Субботиной. Один из ее параграфов подготовил Валерий Семенович Кондратьев, он же написал и приложение к монографии, в котором речь шла о методике исследования – его источниковой базе, особенностях использованной выборки и обработке полученных в ходе опроса данных. К сожалению, Валера не дождался выхода книги – скоропостижно и преждевременно умер. Его памяти и был посвящен этот последний совместный труд нашего отдела.

Во второй главе по сложившейся традиции рассматривались этносоциальные аспекты трудовой деятельности – социально-профессиональная структура и социальная мобильность русского населения страны в сравнении с титульными народами союзных республик. Эта часть, как и в других вышедших до этого книгах сектора, была подготовлена Л.В. Остапенко. Третья глава называлась «Семья и семейная жизнь». В ней рассматривались социально-исторические и демографические перемены в семейной жизни русских, внутрисемейные взаимоотношения и отношение к семье среди русского населения страны. Эти разделы были написаны в основном И.А. Гришаевым при участии В.В. Коротеевой и А.П. Новицкой. Последний четвертый параграф этой главы – о региональных особенностях распространения национально-смешанных браков у русских написал А.А. Сусоколов.

В следующей (4-й) главе речь шла о этносоциальных аспектах культурной и языковой жизни. При этом разделы, освещающие массовую культурную деятельность русских (культурная среда, рост образования, интенсивность освоения культуры и национально-культурные ориентации) были написаны мною, а параграф о двуязычии русских подготовлен М.Н. Губогло.

Пятая глава «Современные формы ритуальной культуры» написана Л.А. Тульцевой. Шестая глава «Штрихи национального самосознания русского народа» состоит из двух параграфов. Авторы первого «Идеология, политика, этническая идентификация» – Л.М. Дробижева и В.К. Малькова, второй параграф – «Межэтнические установки русских в своей и инациональной среде» подготовлен Л.М. Дробижевой. Последняя заключительная (7-я) глава «О некоторых итогах и перспективах социально-культурного развития русских», о которой я уже отчасти говорил, написана ответственным редактором монографии Ю.В. Арутюняном.

Когда книга была, наконец, закончена и рукопись сдана в издательство, возникло непредвиденное препятствие для ее публикации. Оказалось, что теперь издательство «Наука», где печатались практически все книги, написанные в академических институтах, требует перечислить на свой счет довольно крупную сумму. Арутюнян и все мы растерялись. Фондов, которые позднее стали поддерживать научные издательские проекты, тогда еще не было, и нужно было искать никому неизвестных спонсоров. Не помню уж, как и откуда, неожиданно объявился некий предприниматель, по его словам, готовый выплатить за нашу книгу нужную сумму. Юрий Вартанович поручил мне, как инициатору нашей затеи, поддерживать с ним связь. Некоторое время я надоедал потенциальному спонсору напоминаниями об его обещании, но недели через две-три, судя по все более коротким его ответам, понял, что наши надежды призрачны, и звонить перестал. Сам наш «благотворитель» больше не объявлялся.

И тут мне пришла счастливая, как оказалось, мысль. Я вспомнил, что, как ни странно, у меня есть один платежеспособный знакомый, а именно Михаил Николаевич Кузьмин. Незадолго до этого я года два работал под его началом в небольшом так называемом временном научном коллективе, в котором мы занимались этническими проблемами средней школы. А накануне того времени, когда у нас возникла нужда в спонсоре, Михаил Николаевич стал директором Института национальных проблем образования Министерства просвещения РСФСР. Кстати, прежде этот институт назывался Институтом русского языка в национальных школах. Когда руководителя временного научного коллектива назначили его директором он, не без совета «временных» сотрудников переименовал институт на более современный лад и организовал в нем несколько новых подразделений, в том числе сектор по проблемам русской школы как национальной.

Вспомнив все это, я позвонил Михаилу Николаевичу и предложил ему взаимовыгодный обмен – он перечисляет деньги издательству, мы же ставим в титул книги его институт вместе с нашим, а его самого вводим в редколлегия монографии. В результате в активе возглавляемого им института появится солидная книга.

Михаилу Николаевичу мое предложение понравилось, Юрию Вартановичу тоже. В результате вопрос о финансировании издания был решен.

Помню, что название книги придумывали коллективно. Ясно было, что вначале должно стоять слово «Русские». Но к нему нужен был подзаголовок. В конце концов, решили скромно добавить «этносоциологические очерки», понимая, что поднятую нами глобальную проблему мы, конечно, раскрыли далеко не полностью². Мы тогда еще не знали, что книга эта станет последней коллективной работой отдела этносоциологии. Кстати, работая над этими заметками, я обратил внимание на то, что «русская» монография по объему больше остальных коллективных наших трудов. Считаю это не иначе как результатом повышенного национального (или этнического?) самосознания авторов во время ее написания. Но (и это уже без шуток) большинство из нас, как помню, и вправду работали с энтузиазмом. И дело, конечно, было не только в самосознании (хотя не в последнюю очередь и в нем тоже), а в тогда еще непривычной, но уже вдохновлявшей возможности писать свободно, почти не оглядываясь на цензуру. Что касается меня, то книга эта практически примирила меня с этносоциологией, подлинным сыном которой я себя до этого все же не считал, время от времени вздыхая о своем этнографическом первородстве.

Просматривая недавно ее текст, я убедился, что книга и сейчас важна для понимания формирования этносоциальной, этнополитической и этнопсихологической ситуации в нашей стране накануне распада СССР и тем самым делает яснее истоки нынешнего положения в этих сферах в России и в других постсоветских странах.

Кстати говоря, за двадцать с лишним лет, прошедших после выхода этой книги в свет, ничего подобного по широте задач, источниковой базе и научной значимости в этносоциологическом изучении русских не появилось. Лишь в какой-то мере может быть сопоставим с этой работой проект по изучению русских нового российского зарубежья, ставший в той или иной мере продолжением «русского проекта» конца 80-х годов³.

К тому же, недавно под редакцией Ю.В. Арутюняна вышла интересная, хотя и небольшая (190 с.) книга (Русские 2011), в которой сделана попытка проанализировать глубокие перемены у русского населения бывшего СССР на рубеже XX–XXI столетий. В первой половине этой работы освещаются проблемы русского этноса в Российской Федерации, а во второй в некоторых других бывших советских республиках (Эстонии, Молдове и Казахстане). Сборник по существу является попыткой хоть в какой-то мере продолжить этносоциологическое исследование русских, начатое в конце 80-х годов. Новым сюжетом, поднятым в этой книге С.В. Рыжовой, является весьма актуальная для постсоветского времени проблема православной идентичности русских и ее соотношения с их этнической и гражданской идентичностями.

Вместе с тем, несмотря на отдельные и в целом интересные попытки по продолжению этносоциологического изучения постсоветских обществ и входящих в них этнических групп, русских в их числе, время грандиозных этносоциологических проектов, осуществлявшихся в советские годы, на мой взгляд, миновало и вряд ли возвратится уже в силу отсутствия соответствующей материальной, финансовой и кадровой базы. К тому же, в наши дни (в том числе и из-за вышеназванных причин) количественные методы исследования все больше уступают место качественным. И с этой точки зрения всестороннее системное изучение социально-этнических проблем современного русского населения России и других постсоветских стран может быть достигнуто лишь объединенными усилиями этнологов, социологов, социальных психологов, применяющих в исследовании не столько количественные, сколько качественные методы.

Однако вернемся в годы накануне распада Союза ССР. До редакторов (в целях ускорения выхода «актуальной» работы их было двое) издательства «Наука» наша рукопись добралась, кажется, в начале 1991 г., а, судя по выходным данным, сдана в набор она была в самом начале августа того же года. Привожу данную техническую деталь, поскольку при написании этих строк я обратил внимание, что в книге упомянуты и августовские события 1991 г., ставшие (как мы узнали позже) переломным моментом в распаде Союза и в суверенизации России. Значит наши авторы (в данном случае Дробижева и Малькова) и после этого продолжали работать с текстом.

Но еще до августа, во время работы над гранками моей части книги у меня произошел знаменательный, как я вскоре понял, разговор с редактором. Мы встретились с ней у метро «Фрунзенская». Эта подробность важна для ориентировки моей памяти во времени. Дело в том, что, видимо, шел уже май, во всяком случае, было тепло, и деревья стояли в новой, свежей листве. Поэтому мы могли устроиться со своими бумагами на улице, что и сделали, найдя свободную скамейку где-то на Комсомоль-

ском проспекте. Я передал ей прочитанные гранки с моими правками. Она просмотрела их, чтобы все было понятно, а потом спросила: «Как вы отнесетесь к тому, чтобы по всему тексту и в таблицах заменить Украинскую, Грузинскую, Эстонскую и прочие ССР на Украину, Грузию, Эстонию и так далее?»

- Можно, наверно. А почему вам это пришло в голову?

- Знаете, я думаю, что к выходу этой книги Советского Союза уже не будет.

- Вы полагаете, что уже так скоро?

- Думаю, что да.

И она оказалась права. Книга вышла через несколько месяцев после официального роспуска СССР.

Примечания

¹ По истории отечественной этносоциологии написано пока, к сожалению, немного – см.: *Арутюнян* 2009; *Арутюнян, Дробижеева* 2000; они же 2010; *Этносоциология и этносоциологи*.

² На книгу было опубликовано несколько отзывов. См., например: *Тощенко* 1993: 147–150.

³ Основные положения его программы см.: *Русские в новом* 1994. Работа по названному проекту под руководством автора этих строк велась в основном в 1990-е годы. Ее результаты отражены в ряде книг и множестве статей. См., например: *Русские в новом* 1996; *Русские в новом* 1997 и др. Результаты исследования обобщены в кн.: *Савоскул* 2001, там же приведены почти все публикации, выполненные в рамках этого проекта. После завершения последнего его участники Л.В. Остапенко и И.А. Субботина самостоятельно продолжили изучение русского населения Молдавии – см.: *Остапенко, Субботина* 1998; *Остапенко и др.* 2012.

Литература

- Арутюнян* 1968а – *Арутюнян Ю.В.* Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской АССР) // *Советская этнография*, 1968. № 4. С. 3–13.
- Арутюнян* 1968б – *Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М.: Издательство МГУ, 1968.
- Арутюнян* 1969 – *Арутюнян Ю.В.* Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // *Вопросы философии*, 1969. № 12. С. 129–139.
- Арутюнян* 1971 – *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения. М.: Мысль, 1971.
- Арутюнян* 1972 – *Арутюнян Ю.В.* Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций (Программа этносоциологических исследований) // *Советская этнография*, 1972. № 1. С. 3–18.
- Арутюнян* 2009 – *Арутюнян Ю.В.* К сорокалетию этносоциологии: некоторые итоги и перспективы // *Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества*. Казань, 2009. С. 13–22.
- Арутюнян, Дробижеева* 2000 – *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Этносоциология: пройденное и новые горизонты // *Социологические исследования*, 2000. № 1. С. 11–21.
- Арутюнян, Дробижеева* 2010 – *Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М.* Этносоциология перед вызовами времени // *Вехи российской социологии*. СПб., 2010. С. 195–211.
- Комарова* 2012 – *Комарова Г.А.* Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этнографии и этносоциологии. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Опыт 1980 – Опыт этносоциологического исследования образа жизни: по материалам Молдавской ССР. М.: Наука, 1980.
- Остапенко* 1998 – *Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М.: ИЭА РАН, 1998.

- Остапенко 2012 – Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С. Л. Русские в Молдавии: двадцать лет спустя... Этносоциологическое исследование. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Русские в новом 1994 – Русские в новом зарубежье. Программа этносоциологических исследований / отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1994.
- Русские в новом 1996 – Русские в новом зарубежье: итоги этносоциологического исследования в цифрах / отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Русские в новом 1997 – Русские в новом зарубежье: миграционная ситуация, переселение и адаптация в России / отв. ред. С.С. Савоскул. М.: ИЭА РАН, 1997.
- Русские в новом 1992 – Русские: этносоциологические очерки / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1992.
- Русские в новом 2011 – Русские: этносоциологические исследования / отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 2011.
- Савоскул 1970 – Савоскул С.С. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука. 1970. С. 179–190.
- Савоскул 1978 – Савоскул С.С. Социально-культурное развитие народов Советского Севера // Расы и народы, 1978. Вып. 8. С. 112–129.
- Савоскул 1989а – Савоскул С.С. Ассирийцы Кубани: к этнокультурной характеристике / Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде / отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Институт этнографии АН СССР, 1989. С. 133–166.
- Савоскул 1989б – Савоскул С.С. Урбанизация и этносоциальное развитие народностей Крайнего Севера // Расы и народы, 1989. Вып. 19. С. 178–194.
- Савоскул 2001 – Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Савоскул 2006 – Савоскул С.С. Социально-культурное и этническое развитие коренного населения Эвенкийского округа / Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под. ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 281–297.
- Савоскул 2008 – Савоскул С.С. Из воспоминаний этносоциолога «второго призыва» / Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2008. С. 315–330.
- Социальное и национальное 1972 – Социальное и национальное: опыт этносоциологического исследования по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1972.
- Социально-культурный 1986 – Социально-культурный облик советских наций: по материалам этносоциологического исследования. М.: Наука, 1986.
- Социологические очерки 1979 – Социологические очерки о советской Эстонии. Таллин, 1979.
- Тощенко 1993 – Тощенко Ж. Д. «Упрекать русских в имперских замашках сомнительно...» // Социологические исследования. 1993, № 11. С. 147–150.
- Этносоциология и этносоциологи 2008 – Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски воспоминания. М.: ИЭА РАН, 2008.
- Savoskul 1978 – Savoskul S.S. Social and cultural dynamics of the peoples of the Soviet North // Polar Record. 1978. Vol. 19. № 119. Cambridge. Pp. 129–152.
- Savoskul 1989 – Savoskul S.S. Urbanisation and the Minority Peoples of the Soviet North / The Development of Siberia. People and Resources / Ed. by Alan Wood and R.A.French. London, 1989. Pp. 96–123.

References

- Arutiunian Ju.V. Opyt sotsial'no-etnicheskogo issledovaniia (po materialam Tatarskoi ASSR) // Sovetskaia etnografiia, 1968. No. 4. Pp. 3–13.
- Arutiunian Ju.V. Opyt sotsiologicheskogo izucheniia sela. Moscow, 1968.
- Arutiunian Ju.V. Konkretno-sotsiologicheskoe issledovanie natsional'nykh otnoshenii // Voprosy filosofii, 1969. No. 12. Pp. 129–139.

- Arutiunian Iu. V.* Sotsial'naiia struktura sel'skogo naseleniia. Moscow, 1971.
- Arutiunian Iu. V.* Optimizatsiia sotsial'no-kul'turnykh uslovii razvitiia i sblizheniia natsii (Programma etnosotsiologicheskikh issledovaniia) // Sovetskaia etnografiia, 1972. No. 1. Pp. 3–18.
- Arutiunian Iu. V.* K sorokaletiiu etnosotsiologii: nekotorye itogi i perspektivy // Etnosotsiologiia v Rossii: nauchnyi potentsial v protsesse integratsii polietnicheskogo obshchestva. Kazan, 2009. Pp. 13–22.
- Arutiunian Iu. V., Drobizheva L. M.* Etnosotsiologiia: proidennoe i novye gorizonty // Sotsiologicheskie issledovaniia, 2000. No. 1. Pp. 11–21.
- Arutiunian Iu. V., Drobizheva L. M.* Etnosotsiologiia pered vyzovami vremeni // Vekhi rossiiskoi sotsiologii. Saint Petersburg, 2010. Pp. 195–211.
- Komarova G. A.* Opyt integratsii: mezhdistsiplinarnoe vzaimodeistvie etnografii i etnosotsiologii. Moscow, 2012.
- Opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniia obraza zhizni: po materialam Moldavskoi SSR. Moscow, 1980.
- Ostapenko L. V., Subbotina I. A.* Russkie v Moldavii: migratsiia ili adaptatsiia? Moscow, 1998.
- Ostapenko L. V., Subbotina I. A., Nesterova S. L.* Russkie v Moldavii: dvadtsat' let spustia... Etnosotsiologicheskoe issledovanie. Moscow, 2012.
- Russkie v novom zarubezh'e. Programma etnosotsiologicheskikh issledovaniia. Savoskul S. S. (ed.). Moscow, 1994.
- Russkie v novom zarubezh'e: itogi etnosotsiologicheskogo issledovaniia v tsifrakh Savoskul S. S. (ed.). Moscow, 1996.
- Russkie v novom zarubezh'e: migratsionnaia situatsiia, pereselenie i adaptatsiia v Rossii. Savoskul S. S. (ed.). Moscow, 1997.
- Russkie: etnosotsiologicheskie ocherki. Arutiunian Iu. V. (ed.). Moscow, 1992.
- Russkie: etnosotsiologicheskie issledovaniia. Arutiunian Iu. V. (ed.). Moscow, 2011.
- Savoskul S. S.* Etnicheskie izmeneniia v Evenkiiskom natsional'nom okruge / Preobrazovaniia v khoziaistve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa. Moscow. 1970. Pp. 179–190.
- Savoskul S. S.* Sotsial'no-kul'turnoe razvitie narodov Sovetskogo Severa // Rasy i narody, 1978. Vol. 8. Pp. 112–129.
- Savoskul S. S.* Assiriitsy Kubani: k etnokul'turnoi kharakteristike / Etnokul'turnye protsessy v natsional'no-smeshannoi srede. Gurvich I. S. (ed.). Moscow, 1989. Pp. 133–166.
- Savoskul S. S.* Urbanizatsiia i etnosotsial'noe razvitie narodnostei Krainego Severa // Rasy i narody, 1989. Vol. 19. Pp. 178–194.
- Savoskul S. S.* Russkie novogo zarubezh'ia: vybor sud'by. Moscow, 2001.
- Savoskul S. S.* Sotsial'no-kul'turnoe i etnicheskoe razvitie korenного naseleniia Evenkiiskogo okruga / Etnologicheskaiia ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1981–1984 years. Z. P. Sokolovoi, E. A. Pivnevoi (eds.). Moscow, 2006. Pp. 281–297.
- Savoskul S. S.* Iz vospominanii etnosotsiologa "vtorogo prizyva" / Etnosotsiologiia i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski, vospominaniia. Moscow, 2008. Pp. 315–330.
- Sotsial'noe i natsional'noe: opyt etnosotsiologicheskogo issledovaniia po materialam Tatarskoi ASSR. Moscow, 1972.
- Sotsial'no-kul'turnyi oblik sovetskikh natsii: po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniia. Moscow, 1986.
- Sotsiologicheskie ocherki o sovetskoii Estonii. Tallin, 1979.
- Toshchenko Zh. D.* "Upreat' russkikh v imperskikh zamashkakh somnitel'no..." // Sotsiologicheskie issledovaniia, 1993. No. 11. Pp. 147–150.
- Etnosotsiologiia i etnosotsiologi. Issledovaniia, poiski vospominaniia. Moscow, 2008.
- Savoskul S. S.* Social and cultural dynamics of the peoples of the Soviet North // Polar Record. 1978. Vol. 19. No. 119. Cambridge. Pp. 129–152.
- Savoskul S. S.* Urbanisation and the Minority Peoples of the Soviet North / The Development of Siberia. People and Resources / Ed. by Alan Wood and R. A. French. London, 1989. Pp. 96–123.

S.S. Savoskul. Notes on the Soviet Ethnic Sociology.

The author, who participated actively in ethnical-sociological researches of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR in the late 1960's – 1980's, considers some aspects of the formation and development of the domestic ethnic sociology in that period.

Keywords: *Ethnical-sociological studies of the peoples of the USSR in 1960's – 1980's.*

© И.А. Снежкова

УКРАИНЦЫ В РОССИИ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО СОХРАНЕНИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Украинская диаспора в России довольно многочисленна, поскольку украинцы всегда активно осваивали новые земли в пределах Российской империи и СССР. Причины переселения были разные – защита казачеством пограничных земель в XVIII в., поиск свободных территорий для земледелия в XIX в., трудовая миграция в XX в. После обретения Украиной независимости широкое распространение получила организация национально-культурных обществ в местах компактного проживания украинцев, которые способствовали сохранению и возрождению украинской культуры, сохранению этнической идентичности, изучению украинского языка, помощи переселенцам с Украины.

Ключевые слова: национальная диаспора; национально-культурные общества; миграция, колонизация, переселенческая политика.

Национальные диаспоры создаются в случае миграционных процессов, в результате изменения границ существующих государств. Современная украинская диаспора включает в себя два компонента. С одной стороны – это результат миграции и расселения по миру, примерно, 10–15 млн украинцев живут за пределами Украины. Внутри России много украинцев проживает в Москве и Санкт-Петербурге. Кроме того, существует ряд регионов России, получивших название «цветных клинов» – Южный Урал и Западная Сибирь – «Серый клин», Нижнее и Среднее Поволжье – «Желтый клин», Кубань – «Малиновый клин», Дальний восток – «Зеленый клин». С другой стороны, местом компактного проживания украинцев следует назвать пограничье Украины с Россией – это Брянская, Воронежская, Курская, Белгородская, Ростовская области.

Феномен украинской диаспоры стал заметным фактором после получения Украиной независимости. В современных условиях в украинистике предпринимаются попытки сформировать представление об украинцах как о едином этносе, в котором украинцы Украины выступают этническим ядром, а диаспора – частью этноса.

Демографические параметры украинского этноса приобретает особый смысл, если учесть, что в Украине в последние десятилетия абсолютная численность населения неуклонно сокращается.

Зарубежных украинцев принято разделять на западную (США, Канада, страны Южной Америки, Западной Европы и Австралия), Центрально-Европейскую (страны бывшего социалистического лагеря) и восточную (государства бывшего Советского Союза) диаспоры.

В настоящее время существует политический контекст в оценке диаспоры, который меняется с изменением политических приоритетов.

Так, описание западной диаспоры, в украинской литературе, как правило, носит одобрительный характер, в нем содержится значительная доля позитивных психо-эмоциональных установок. Особое внимание обращается на факты солидарности, культурных связей, моральной и материальной поддержки со стороны зарубежных украинцев, особенно из Канады и США. Украинские исследователи с благодарностью писали о гуманитарной помощи, оказанной диаспорой для преодоления последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986 г.), во многом диаспора помогала идеологической и экономической поддержкой во время распада СССР. Говоря об этнокультурных традициях украинцев США и Канады, подчеркивается их приверженность народным традициям. Действительно, украинские художественные коллективы и культурные центры играют в Канаде особую роль. Например, здесь насчитывается до 150 украинских танцевальных групп и хоров.

В противовес западной, центрально-европейская и восточная диаспоры часто воспринимаются в диаспоральной украинистике как сложная, болезненная проблема, доставшаяся Украине в качестве постсоветского наследства. (Гузенкова 2010: 26)

Миграция в Центральную Европу, как правило, экономическая, происходит не от хорошей жизни. В странах Центральной Европы украинцы занимают малопrestiжные трудовые ниши. Украинские женщины работают домработницами, нянями, ухаживают за стариками, мужчины трудятся за небольшую плату на стройке.

Формирование восточной группы украинцев, с точки зрения украинских исследователей, несет на себе заряд негативизма. Условием для формирования восточных групп украинской диаспоры называются такие события, как ликвидация Екатериной II в XVIII в. Запорожской сечи (казачества) и перемещение значительной части малороссийского казачества в различные регионы России; переселение украинских крестьян в результате Столыпинской реформы, раскулачивание в 1920–1930 гг. «кулаков», высылка определенного контингента в Сибирь после 2-ой Мировой войны за сотрудничество с фашистами; массовая миграция украинцев на Север России и в Сибирь в поисках более высоких заработков.

Понятно, что образ восточной и западной диаспор далеко не полностью отражает реальное положение различных территориальных групп украинцев. Действительная картина сложнее, разнообразнее, процессы трансформации этнической идентичности, как на Западе, так и на Востоке носят разнонаправленный характер. В особенности ситуация в диаспорах изменилась в свете последних событий в конце 2013–2014 гг., в результате «революции достоинства». Идеологически представители украинских диаспор, как и все украинское общество, разделены по отношению к военным действиям, происходящим в Украине. Большинство российских украинцев, имеющих российское гражданство, поддерживают действия РФ, часть диаспоры согласна с политикой украинского государства. Жители Украины, находящиеся в России, в качестве вынужденных переселенцев, согласны, как правило, с российской позицией, однако определенное количество беженцев с Украины считает, что если бы не было вмешательства России в украинский кризис, все было бы на Юго-Востоке спокойно. В массе своей переселенцы с Украины сильно озабочены проблемами выживания и не стремятся афишировать свои политические взгляды.

Основная цель деятельности украинской этнокультурных объединений в России заключается в поддержании украинской идентичности в регионах компактного и рассеянного проживания украинцев. Эта цель в различных областях России до-

стигается посредством учреждения украинских культурных центров; организации украинских библиотек; поддержки школьного и образования на украинском языке; организацией украинских СМИ; оказанием юридических услуг работающим в России мигрантам. В настоящее время в деятельности украинской диаспоры наблюдается активная материальная и юридическая помощь беженцам с Украины.

Украинцы в Москве

Москва не является местом массового переселения украинцев, они переезжали сюда спонтанно, привлекаемые возможностями большого города в поиске работы, получении образования, удовлетворении культурных запросов.

Рис.1. Украинский культурный центр на Старом Арбате в Москве (фото автора, 2014).

Если обратиться к истории, то надо отметить, что после подписания в 1654 г. Переяславского соглашения поток выходцев с Украины усилился. В Москве возникает так называемый Украинский или Малороссийский двор – место, где останавливались и селились малороссийские гетманы. Позднее на этом месте появилась улица Маросейка. В разные годы на Маросейке проживали гетман Иван Мазепа, Артамон Матвеев, полководец Румянцев-Задунайский, Иван Милославский. В советское время, с 1954 г., улица носила имя Богдана

Хмельницкого. Лишь в 1990 году Маросейке вернули ее прежнее название.

В Москве выходцы из Малороссии издавна выпускали печатные издания, посвященные Украине. Так, журналист и археолог А. Гатцук с 1857 по 1890 г. издавал газету, которая так и называлась «Газета А. Гатцюка», в которой публиковались материалы об Украине. В 1909 г. в Москве был организован украинский музыкально-драматический кружок «Кобзарь». С 1909 по 1917 г. выходил шестимесячный общественно-политический журнал «Украинская жизнь», а также украиноязычный еженедельник «Проминь», в котором работали известные украинские общественные и культурные деятели В. Винниченко, М. Грушевский, Д. Дорошенко, П. Тычина и др. До 1934 г. в Москве действовал филиал писателей Украины «СИМ» – «Село і місто». В 1940 г. на Старом Арбате был открыт магазин «Украинская книга», где помимо книготорговли выступали А. Довженко, М. Рылский, П. Тычина, В. Сосюра и А. Малащенко. В 1988 г. было основано товарищество украинской культуры «Славутич», в составе которого функционировали секции литературы, украинского языка, истории, детей и молодежи. (Винниченко 1992: 56–58).

В настоящее время в столице находится множество знаковых объектов, связанных с Украиной – Киевский вокзал, построенный в стиле «сталинский ампир», метро Киевская, одна из семи «сталинских высоток» – гостиница «Украина», на сегодняшний день переименованная в Radisson, но сохранившая в народе прежнее название. На Кутузовском проспекте поставлен памятник поэту Т.Г. Шевченко, на Гоголевском бульваре – памятник М.В. Гоголю, памятная доска историку М.С. Грушевскому и др.

После «перестройки» к этим объектам добавилось посольство Украины, Украинский культурный центр, Библиотека украинской литературы.

Украинский культурный центр находится в самом сердце Москвы, на улице Арбат. На фасаде этого красивого особняка можно издали увидеть сине-желтое полотнище украинского национального флага. Раньше в этом доме работал магазин «Украинская книга», именно он и стал историческим поводом постановки вопросом правительством Украины о передаче строения № 1 по ул. Арбат, д. 9 для реконструкции под Культурный центр Украины, открытый в 1998 г. В 2010 году Президент Украины В. Ющенко присвоил Культурному центру Украины в Москве статус национального.

Одна из главных задач деятельности Центра – укрепление международного авторитета Украины, популяризация украинского языка и литературы, культуры и духовности, ознакомление российской общественности с историей и современностью, наукой и культурой Украины, сотрудничество с культурными представительствами других государств, всесторонняя поддержка украинских организаций и землячеств в России.

В основе работы Центра лежат масштабные проекты и программы, среди которых – «Известные украинцы в Украине и России», такие, как философ Григорий Сковорода, поэт Тарас Шевченко, историк Михаил Грушевский и др. Также проводятся многочисленные мероприятия на темы: «Диалог культур», «Дiasпора», «Украина через века», «Украина театральная», «Украинское кино», «Дети в Культурном центре Украины в Москве» и др. В последнее время готовится база для создания в Центре Института украинских исследований полноценного научного подразделения. В октябре 2005 года при Центре была открыта Украинская воскресная школа, где дети и подростки изучают украинский язык, литературу, историю Украины, украинские традиции и обряды. Большой популярностью пользуются двухгодичные курсы украинского языка для взрослых, которые успешно работают больше десяти лет.

При Культурном центре Украины действует Детский хореографический ансамбль «Щедрик». Еще один проект Центра – Международная хоровая капелла «Славутич». При Национальном культурном центре Украины в Москве работает Информационно-справочная библиотека, в которой представлен весь спектр справочной, специальной и художественной литературы. Особенно следует отметить уникальные собрания изданий Института истории Украины НАН Украины и Львовского отделения Института литературы НАН Украины (Снежкова 2013: 358).

В связи с событиями 2013–2014 гг. через организации украинской диаспоры производится сбор пожертвований для вынужденных переселенцев с Украины, помощь в поиске работы, в оформлении юридических услуг.

Украинцы Санкт-Петербурга

Малороссийское землячество стало формироваться в Петербурге с начала строительства города, в сооружении которого активное участие принимали выходцы из Полтавы, а также регулярные казачьи полки. С Петербургом связана жизнь последнего гетмана Украины К. Разумовского (1764 г). Именно в Петербурге впервые вышла на украинском языке «Энеида» И. Котляревского в 1789 г., признанная в независимой Украине одним из первых классических произведений украинской национальной литературы. На протяжении всего XVIII века в Русской Православной церкви, науке, литературе, культурной жизни принимали активную роль выходцы

с Украины. Теодосий Янковский, братья Полетика, Дмитрий Бортнянский, Максим Березовский, Василий Капнист. В XIX в. в Петербурге жил и творил Т. Шевченко. Здесь им были созданы «Кобзарь», «Гайдамаки». В конце XIX и в начале XX века в Петербурге издавались альманахи на украинском языке «З неволі», «Шевченківський збірник» (1914); хрестоматия для детей «Вінок». (1911). В 1914–1916 гг. вышло двухтомное издание «Украинский народ в его прошлом и настоящем». В 20–30-х годах XX века свою работу начал Украинский дом просвещения, который ставил театральные пьесы украинских авторов (*Винниченко*: 58–68).

С 1997 года в городе действует «Украинская национально-культурная автономия», которая ставит перед собой цель пропаганды культурно-творческого наследия Украины. Организация пользуется поддержкой со стороны городских властей и владеет собственным «домом национальностей» на Моховой, д. 15. Сегодня, помимо этого, в городе действуют такие украинские организации, как украинская община Санкт-Петербурга «Славутич», «Полтавское землячество», «Союз Донбассовцев», «Клуб одесситов Санкт-Петербурга» и «Общество имени Тараса Шевченко», которые каждый год организуют мероприятия, такие, как «Гоголевские дни», «Украинская весна», «Шевченковские дни», и множество других. Обсуждается вопрос о создании двуязычных гимназий с основными языками – русским и украинским – для детей из украинской диаспоры.

В Петербурге расположено множество ресторанов и кафе, где готовят украинские национальные блюда. Самый первый из них была открыта в 1997 году. Также издаются 3 украинские газеты, посвященные Украине и украинской диаспоре, однако все они издаются на русском языке.

Украинцы на Кубани

«Малиновый Клин» – название региона компактного проживания украинцев на Кубани. По данным всероссийской переписи населения, в 2010 г. в Краснодарском крае проживает 131 тыс. украинцев.

История Кубани теснейшим образом связана с украинским этносом. Первые переселенцы – запорожские казаки – попадают сюда в XVIII в., после официального присоединения правобережных степных пространств Кубани к России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. и Манифесту о присоединении Крыма, правобережной Кубани и Тамани 1783 г. Основная цель пребывания – охрана российских границ.

С этого времени здесь начинает формироваться украинская этнографическая группа, основу которой составили запорожские казаки и крестьяне, переселенные сюда для несения службы и освоения свободных территорий.

Активная миграция малороссийского населения на Кубань идет в течение всего XIX и начала XX века. Первая мировая война и последовавшие за ней Февральская, Октябрьская революции и Гражданская война существенным образом повлияли на социально-демографические процессы в стране. Кубань, будучи одной из территорий активного противостояния политических противников – «красных», «белых», «зеленых» – испытала в полной мере влияние всех этих факторов, изменивших демографическую структуру населения. Вследствие военных действий численность населения на Кубани значительно уменьшилась. Тем не менее, до 1930-х годов украинцы были самым многочисленным народом в регионе. В годы интенсивной «украиниза-

ции» края (1926–1932 гг.) на Кубани более чем в 400 школах велось преподавание на украинском языке, в Краснодаре выходили украинские газеты, в Пединституте существовало отделение украинского языка и литературы, работал украинский театр, краевое радио транслировало украинские передачи. Педтехникумы в станицах Полтавской и Уманской готовили украинские учительские кадры для всего Северного Кавказа.

Нужно отметить что ситуация в языковой сфере в целом складывалась достаточно специфически. Несмотря на значительный процент украинского населения, традиционно проживавшего на территории Кубани, разговаривавшего на украинском языке, многие из тех, кто имел украинские корни, зачастую идентифицировали себя с русскими, или с казачеством. То есть важную роль в этнической идентификации для жителей Кубани играла не этническая, а сословная принадлежность предков. «Мы казаки» – наиболее распространенный ответ на Кубани, когда спрашиваешь об этнической принадлежности.

Исследование топонимии Краснодарского края также свидетельствует о тесной связи с Украиной. В самом Краснодаре есть улицы: Днепровская, Запорожская, Киевская, Малороссийская, Одесская и Украинская. Немало улиц носят имена писателей, поэтов и исторических личностей, связанных с Украиной – Тараса Шевченко, Богдана Хмельницкого, атамана Головатого и др. (Самовтор 2010: 135–136).

После распада СССР началось интенсивное образование украинских общественных организаций. Одной из первых была создана Краснодарская краевая общественная организация «Национально-культурный центр общество украинцев Кубани» в 1992 году. Первым руководителем Общества был Николай Тернавский, а первым почетным президентом является Народный артист России и Украины, руководитель Кубанского казачьего хора Виктор Захарченко.

Цели и задачи организации заключаются в сохранении и развитии богатой украинской национальной культуры, укреплении связей между украинскими общинами края, развитие межрегиональных и международных связей.

Общество знают в городах и селах края. По его инициативе заключено «Соглашение о дружбе и партнерских отношениях между г. Краснодаром и г. Ровно», «Договора о сотрудничестве между Ассоциацией городов Юга России и Ассоциацией украинского генерального консула Украины в Ростове-на-Дону».

Приобщение молодых казачат к своим корням – одно из главных направлений в работе. Обществом проводилось концертные культурно-познавательные турне: «Дети Кубани – детям запорожских казаков», в городах и селах Украины и РФ, организовывалось участие детей и молодежи из гг. Геленджик, Майкоп, Лазаревского района, сел Краснодарского края в фестивалях и конкурсах в Украине: в Харькове, Ровно, Львове, и Донецке и др.

Рис. 6. Конференция украинской диаспоры, г. Краснодар (фото Д.А. Черниенко, 2012).

Общество украинцев Кубани стояло у истоков подписания «Договора о сотрудничестве» между Университетами культуры и искусства г. Краснодара и г. Киева, что способствовало приезду на Кубань творческих коллективов из Украины. Благодаря усилиям кубанских украинцев, в Краснодар доставлены частицы мощей шести святых Киево-Печерской Лавры с целью укрепления духовной связи Украины и Кубани.

На протяжении многих лет Обществом проводится традиционный краевой конкурс на лучшее чтение стихов Тараса Шевченко. Много лет обществом издается газета «Вестник», на страницах которой освещаются актуальные вопросы развития и сохранения украинской национальной культуры.

На Кубани сформировался ансамбль бандуристов. Существование такого редкого и уникального коллектива – вклад в возвращение бандуры на Кубань, в сохранение богатых, всегда популярных в народе украинских мелодий, богатейшей музыкальной культуры и искусства украинского народа.

Помимо «Национально-культурного центра общества украинцев Кубани» можно отметить организации – «Украинская диаспора. Содружество» под руководством А.А.Слабодяна и «Содружество Кубань-Украина» под руководством И. Скибицкой, которые проводят многочисленные научные конференции по проблемам взаимодействия кубанского края и Украины.

Украинские организации принимают активное участие в мероприятиях города и края по пропаганде национальной культуры народов Кубани.

В настоящее время Краснодарский край является одним из самых активных областей принявших беженцев с Украины.

Украинцы Южного Урала

Земли Южного Урала и Западной Сибири относятся к так называемому «Серому клину» по терминологии украинских переселенцев. Поскольку этот регион огромный по территории, автор статьи предлагает вниманию часть регионов, а именно, Башкортостан и Оренбургскую область, где мною было проведено исследование, а также Тюменскую область, одну из самых многочисленных по составу, в связи с трудовой миграцией украинцев.

Украинцы Башкортостана. Башкортостан – одна из республик Приволжского федерального округа, где компактно проживают башкиры, татары, русские, украинцы и другие народы Поволжья.

Украинцев в регионе, по данным переписи 2010 г., насчитывалось 39875 тыс. человек. Большинство проживают в городах и поселках – в Уфе, Стерлитамаке, Салавате и других городах, 11 тыс. человек проживает в сельской местности, где до сих пор сохраняются язык, традиции, элементы бытовой жизни украинского народа, в особенности в кулинарии и в обрядности религиозных праздников.

История проживания украинцев в Южном Приуралье насчитывает почти четыре века. Первые украинские переселенцы на территории Башкортостана появились в начале XVIII века. Они переселялись правительством России для укрепления крепостной линии Южного Урала и Приуралья для несения военной службы и выполнения государственных повинностей.

После буржуазных реформ второй половины XIX века переселение украинцев в Башкирию усилилось. Это было связано с отменой крепостного права и с переходом экономики на капиталистический путь развития, что привело к обезземеливанию

крестьян в центральных губерниях России, Украины, в Белоруссии и Прибалтике. Особенно скоро недостаток земель сказался в центральных и северных губерниях Украины – Полтавской, Черниговской, Киевской, Харьковской и Подольской, которые дали основной поток переселенцев на новые земли, в частности, в Башкирию.

Рис.5.Башкортостан. Село Троицкое, Благоварский район. Урок украинского языка (фото автора, 2011).

После Октябрьской революции 1917 г. переселение украинцев в Башкирию приобрело качественно новый характер, что связано с промышленным развитием восточных районов страны. Согласно переписи 1939 г., в республике проживало 92289 чел. украинской национальности. Это наивысшее число украинцев за все годы их обитания в регионе. Однако в послевоенный период численность украинцев постепенно снижалась, и в 1989 г. она составляла 74990 чел. Особенно резко их количество сократилось за последние годы. Переписью 2002 г. в республике зафиксировано 55249 украинцев, в 2010 г. – 39875 чел.

Башкортостан и Украину связывают исторические, экономические, культурные, научные и другие связи, которые больше всего проявились в годы Великой Отечественной войны. В то время из Украины в Башкирию было эвакуировано более 100 тыс. человек, 20 крупных промышленных предприятий. Эвакуация коснулась сферы образования, науки, культуры, искусства, общественно-политической жизни. В 1941–1943 гг. здесь в эвакуации находилась Академия наук УССР в составе 18 научных институтов, а также союзы композиторов, художников, писателей Украины, мемориальные музеи Т.Г. Шевченко, М.М. Коцюбинского. В Уфу были перевезены многочисленные национальные реликвии – рукописи классиков украинской литературы – Н. Гоголя, И. Франко, Леси Украинки, библиотека Киевского Софийского собора, редкие книги XVI–XVIII вв. и, в первую очередь, Пересопницкое Евангелие, на котором в независимой Украине президенты дают клятву на верность государству (Бабенко 2010: 52).

«Перестройка» и «гласность» способствовали росту этнического самосознания всех народов страны, в том числе и украинцев Башкортостана. Это отразилось на их стремлении к национальным формам самоорганизации общественной жизни. 13 января 1990 года было создано Общество почитателей украинской культуры «Кобзарь» (с 1992 г. – Республиканский национально-культурный центр украинцев Башкортостана «Кобзарь»). Главной целью центра является возрождение, развитие, пропаганда украинского языка и культуры, как в фольклорных, так и в профессиональных, формах проявления.

Благодаря инициативе и активному непосредственному участию Центра «Кобзарь» в республике ежегодно проходят Шевченковские дни («Шевченківський березень»), День украинской письменности и языка, детско-юношеский фестиваль «Червона калина», фестиваль украинского народного искусства «Ой, радуйся, Земле!», на республиканском уровне религиозные праздники, которые, в сущности, превратились в народные: Рождество, Пасха, Ивана Купала. В республике работает около 20 самостоятельных коллективов, шесть из них имеют звание «народный» – хор «Кобзарь» (г. Уфа), ансамбль «Барвинок» (г. Стерлитамак), хор «Дніпро» (г. Мелеуз), фольклорные ансамбли «Червона калина» (с. Санжаровка Чишминского района), «Вербиченька» (с. Антоновка Мелеузовского района) и «Чарівниці» (с. Казанка Альшеевского района).

В Башкортостане есть постоянно действующие экспозиции, посвященные украинскому быту и культуре, которые открыты в Национальном музее Республики Башкортостан (г. Уфа), народном музее этнографии супругов С.А. и Н.С. Зыряновых в поселке Юматово Уфимского района, краеведческом музее села Золотоношка Стерлитамакского района и районном музее Аургазинского района РБ.

В 1995 г. начал работу Союз украинок Башкортостана «Берегиня», который поставил своей целью активизировать роль женщин в национально-культурном развитии украинцев РБ, сохранении народных традиций, в воспитании детей, которые знают и любят свою культуру, свой язык, свою прародину Украину и при этом являются достойными гражданами страны, в которой они живут.

Сегодня в местах компактного проживания украинцев изучается украинский язык и литература. На базе Золотоношской средней общеобразовательной школы создан учебно-воспитательный комплекс – «школа – детский сад», который объединил общеобразовательную школу и сельское дошкольное образовательное заведение. Изучение украинского языка в детском садике начинается с трех лет по двухчасовой программе. В 1–4 и 10–11 классах родной язык ученики изучают по двухчасовой, а в 5–9 классах – трехчасовой программе. Открыта украинская группа в детском саду г. Салават.

Своеобразным научным, образовательным и культурным центром по сохранению, развитию и пропаганде украинского языка и культуры был в последние годы Уфимский филиал Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, где преподавался украинский язык в рамках университетского образования. В настоящее время 2014 г. филиал МГГУ им. Шолохова закрывают, в связи с повсеместным сокращением в России ВУЗовских филиалов.

Украинцы в Оренбургской области

Историческая судьба предопределила Оренбуржью статус полиэтнической и поликонфессиональной территории. Сегодня здесь проживают преимущественно русские и представители 216 национальностей. Украинцев в регионе насчитывают

свыше 49,610 тыс. человек. Этим обстоятельством объясняются многие особенности хозяйственного уклада, культурных традиций, бытующих в крае. Многонациональная специфика приобрела еще большую значимость, после распада СССР, когда регион оказался приграничным с Казахстаном. Теперь это не только евразийская зона контакта двух культур, христианской и мусульманской религий, славянской и тюркской языковых групп, но и государственный рубеж, призванный охранять собственную территорию, а также добрососедствовать, как с ближним, так и дальним зарубежьем.

Первые украинцы и украинские селения в крае возникли в XVIII в. В 1737–1742 гг. был основан Илекский городок на левом берегу Яика (Урала) при устье реки Илек. В нем поселились украинские казаки-«черкасы» численностью 60 человек во главе с атаманом Иваном Изюмским и есаулом Андреем Черкасовым (Федорова 2010: 126).

После отмены крепостного права в 1861 г. численность малороссийских переселенцев увеличилась в связи с обезземеливанием крестьян на Украине. Наибольших масштабов переселенческое движение с Украины достигло после Столыпинской аграрной реформы 1906–1916 гг. В начале и середине XX века украинцы в Оренбуржье спасались от голода 1920–1930-х годов, от Первой и Второй мировых войн. После Второй мировой войны значительная часть эвакуированных с Украины осталась в Оренбуржье на постоянное место жительства.

Рис.2. Музей под открытым небом «Национальная деревня», г. Оренбург (фото автора, 2009).

Украинцы играли большую роль в хозяйственном освоении Оренбургского края. Они принесли с собой высокую культуру земледелия, а также стали развивать в оренбургских степях свиноводство, огородничество, бахчеводство и различные народные промыслы: гончарный, кузнечный и др. Неповторимым обликом отличались украинские поселения.

Украинский поэт Т.Г. Шевченко, проведший десять лет в оренбургской ссылке (1847–1857), так описал впечатления от встречи с украинским селом: *«Подъезжая ближе к селу, представилась малороссийская слобода: те же вербы зеленые, те же белянькие в зелени хаты и та же девочка в плахте и полевых цветах гонит корову»* (Шевченко 1949)

В целях этнокультурного развития украинцев Оренбуржья с 1992 года в области создана и действует украинская культурно-просветительская общественная организация им. Т.Г. Шевченко, которая является инициатором многих мероприятий, направленных на развитие украинского языка и культуры.

Всего же в городах и районах области действует 15 украинских национально-культурных общественных объединений в г. Оренбурге, г. Орске, Адамовском,

Ясненском (с. Еленовка), Октябрьском (с. Буланово), Шарлыкском (с. Слоновка), Акбулакском, Оренбургском (с. Дедуровка), Тоцком (с. Богдановка), Сакмарском (с. Украинка), Тюльганском, Гайском (с. Новониколаевка) районы.

Рис. 3. Музей под открытым небом «Национальная деревня», г. Оренбург (фото автора, 2009).

В Оренбуржье построен этнографический музей под открытым небом «Национальная деревня». На территории украинского национального подворья в настоящее время проводятся праздники и фестивали украинской культуры.

Важнейший институт сохранения украинской культуры – образование. В области функционирует воскресные школы, в которых изучается украинский язык. Подготовка учителей со знанием родного языка ведется в государственном педагогическом университете и двух колледжах.

Украинцы Западной Сибири

«Серый клин» украинских поселений связывают с формированием украинской диаспоры в Западной Сибири. В Тюменской области сформировалась одна из наиболее многочисленная в Российской Федерации украинских диаспор севера. Причины появления столь значительного украинского этноса на территории Тюменской области лежат в сложных общественно-политических и экономических условиях Российской империи и, впоследствии, Советского Союза.

Первая волна миграции была стихийная. В поисках лучшей доли, украинцы бежали от крепостного права и на рубеже XVIII–XIX столетий занимали свободные земли в Сибири.

Вторая волна была связана со строительством Транссибирской железной дороги. Сюда, на заработки, прибыли десятки тысяч жителей Украины, которые, построив магистраль, остались на постоянное проживание в Сибири, очарованные природой, широкими просторами, гостеприимством местных жителей.

Третья волна миграции тесно связана со Столыпинской реформой. В результате обезземеливания на хутора, переселились тысячи украинских семей. И сегодня в Ишимском, Казанском и других районах области есть села, в которых проживают потомки переселенцев. В соседней Омской области, есть целые районы, такие как Киевский, Полтавский, которые заселены выходцами с Украины.

Четвертая волна – раскулаченные, репрессированные крестьяне 1930-х годов. Так называемые «враги народа».

Рис. 4. Украинский фестиваль на Красной горке. Оренбургская обл., пос. Саракташ (фото автора, 2009).

Пятая волна миграции – последствия послевоенных переселений, когда на территорию Сибири ссылались участники украинских повстанческих отрядов.

Шестая, наиболее значительная волна миграции, приходится на конец шестидесятых, начало семидесятых годов, период начала освоения нефтегазовых богатств Тюменской области. В соответствии с Постановлением Правительства СССР, принятом в феврале 1967 года, Украинская Советская Социалистическая республика закреплялась ответственной за обеспечение трудовыми ресурсами новой широко-масштабной стройки. На всей территории Украины по «оргнабору» вербовали рабочую силу. Студенты украинских вузов формировались в строительные отряды, и каждое лето проходили «трудовую практику» на новостройках Севера. Многие из них после получения диплома снова возвращались в Тюмень, так как в регионе были высокие заработки и масштабные стройки.

В период интенсивного освоения нефтегазовых богатств Сибири в этом крае побывало более трех миллионов украинских строителей, нефтяников, авиаторов. Одни, отработав условленный срок, возвратились на родину, другие, обзавелись семьями и остались здесь на постоянное жительство. По данным переписи 1989 года, в Тюменской области проживало более шестисот тысяч этнических украинцев. Одна только эта цифра говорит о многом. Это едва ли не треть населения всей области! На севере области есть города и поселки, в которых от 20% до 50% процентов жителей – выходцы с Украины.

Седьмая, экономическая, волна миграции началась с распадом Советского Союза и продолжается до сих пор. В поисках лучшей доли, украинские мигранты выбира-

ют Тюменскую область, край, где высокая, стабильная зарплата, возможность получения жилья, наличие соотечественников.

Становление украинских национально-культурных объединений в Тюменской области началось в начале 1990-х годов, после принятия закона РФ «Об общественных организациях и объединениях». В 1992 году было официально зарегистрировано областное общественное объединение украинцев «Едина родина» с месторасположением в г. Сургут. Немного спустя, начали регистрироваться объединения украинцев городов Тюмени, Нижневартовска, Ялуторовска, Нефтеюганска, Лангепаса, Радужного и многих других. К началу нового столетия в области насчитывалось более двадцати общественных объединений украинцев, которые гармонично вписывались в областные и окружные организации. Под их руководством стали ежегодно проводиться фестивали украинского искусства «Сибірські барви України», «Дни украинской культуры в Тюменской области», а сначала 2000 года, начала регулярно выходить газета украинской диаспоры «Голос Украины Западной Сибири».

В конце 2004 года, в Тюменской области, была зарегистрирована общественная организация украинцев «Батьківщина», которая сегодня играет объединяющую и координирующую роль во всей украинской диаспоре региона, включая автономные округа. Организация начала работу направленную на консолидацию украинцев, привлечение и охват мероприятиями жителей отдаленных районов области, проведение культурно-массовых мероприятий в местах компактного проживания украинцев. Это дало положительный эффект. Сегодня ряды организации укрепились новыми членами, возникли новые очаги украинской культуры в Ишимском, Нижнетавдинском, Казанском, Вагайском и Голышмановском районах Тюменской области.

Благодаря поддержке Комитета по делам национальностей Тюменской области, ООУ ТО «Батьківщина» значительно активизировала работу. Сегодня праздники культуры «Дни украинской культуры в Тюменской области», «Мост дружбы», детский фестиваль «Радуга» собирают представителей не только с Юга Тюменской области, но и со всех округов, а ежегодная научно-практическая конференция «Украина – Россия: диалог культур и народов» – ведущих ученых не только Российской Федерации, но и ближнего зарубежья.

В тесном контакте с Комитетом по делам национальностей Тюменской области ООУ ТО «Батьківщина» видит благоприятную перспективу для дальнейшей работы, развития украинской культуры, сохранению родного языка и национальной самобытности, гармонизации межнациональных отношений, не смотря на сложности, которые испытывают в настоящее время российско-украинские взаимоотношения из-за событий на Юго-Востоке Украины.

Украинцы Нижнего Поволжья

Так называемый «Желтый Клин» – историко-культурная область казацко-украинской колонизации в районе лесостепей (отсюда и метафора «желтый») Нижнего Поволжья. Название «Желтый Клин», как обозначение украинских этномассивов Нижнего Поволжья, активно стал внедрять в диаспоральную украинистику саратовский историк И.И. Шульга уже в XXI в. Это определение успешно прижилось и активно используется в сегодняшней литературе и практике. Больше всего украинцев в Нижнем Поволжье проживает в городах Саратов, Волгоград, Энгельс, Камышин, Астрахань.

Первые выходцы из Малороссийских земель начали пребывать в Нижнее Поволжье при Петре Первом. Тут находилась граница российского государства с «киргизами» так называли тогда современных казахов. Примерно в то время возникло украинское поселение Покровская Слобода (современное название г. Энгельс).

Следующая волна переселенцев с Украины была связана с добычей соли на озере Эльтон. Украинские чумаки принимали в этом промысле активное участие, многие из них оставались на постоянное место жительства.

Большой поток украинцев последовал в Поволжские земли после Столыпинской реформы, позволявшей приобретать в Поволжье землю.

Продолжалось переселение украинцев на эти земли в XX в, связанное с революциями 1917 г. и двумя мировыми войнами.

Расселившиеся в рамках Нижнего Поволжья украинцы не представляли единой общности, сильно различаясь между собой социальным происхождением, территорией выхода и другими немаловажными факторами. В свою очередь на каждую отдельную группу малороссиян оказывало воздействие своеобразие конкретного региона, где они селились на жительство. В результате со временем это способствовало формированию на основе (условно) единого украинского этноса целого ряда этнических групп малороссиян, со своими отличительными чертами. В целом все они имели общие исторические корни, но теперь уже в Нижнем Поволжье различались между собой – образом жизни, диалектами, совершенно иным мироощущением и мировоззрением, способствующими появлению новых культурных традиций. Жители украинских селений, находящихся где-нибудь под Самарой, и украинцев живущих под Камышиным, объединяло прошлое – общая принадлежность к украинской культуре, но образ жизни, хозяйственная деятельность отличались своей спецификой. Совершенно особняком от всех стоит группа украинцев, расселившаяся в свое время на левом берегу Волги, напротив Саратова, там, где сегодня расположен г. Энгельс. Данная группа малороссиян оказалась буквально врезана в немецкие колонии Поволжья. Эти обстоятельства проявилось в создании богатого и удивительного мифопоэтического наследия, не имеющего аналогов среди других украинских групп Нижнего Поволжья.

В настоящее время в г. Саратове зарегистрирована региональная общественная организация «Саратовское землячество украинцев Поволжья», главное направление деятельности которой – содействие развитию культуры и образования украинского этноса в Саратовской области. Регулярно организуются «Дни Украинской культуры», в рамках которой проходит праздник Ивана Купалы и выставка ручных работ «Украинский рушничок». Деятельность украинской диаспоры освещает газета «Украинский Часопис».

Историк И. Шульга из города Энгельса, в русле деятельности украинской диаспоры, проводит регулярные научные экспедиции «Чумацкий шлях», в процессе которых исследуются различные промыслы и украинские поселения.

Украинцы на Дальнем Востоке

«Зеленый Клин» – историческое украинское название южной территории Дальнего Востока Российской империи и РФ (Амурская область, Забайкальский край, Приморский край, Сахалинская область и Хабаровский край).

После русских украинцы составляют вторую по численности этническую группу Приморья и Дальнего Востока. По Всероссийской переписи населения 2010 г., на Дальнем Востоке живет свыше полумиллиона выходцев из Украины

Украинские крестьяне в XIX в., как и в других регионах Российской империи, были одними из ведущих колонизационных элементов, осваивавших территорию южного Дальнего Востока.

Основная причина переселения – это малоземелье крестьян Центральной России, Украины и Белоруссии. А также стремление царского правительства заселить восточные районы дальневосточных земель славянскими народами.

Из Одессы отправлялись пароходы с переселенцами за казенные средства на Дальний Восток. На семью выделялось по 100 десятин земли, за незначительную плату желающие могли приобрести больше. Первые переселенцы, получавшие от царского правительства льготы за освоение новых земель, были преимущественно с Левобережной Украины (из Черниговщины, Полтавщины), со временем к ним присоединились жители Екатеринославщины, Херсонщины и т.д. Украинцы создавали поселения с привычными названиями, сохранившимися и по сей день, – Переяславка, Черниговка, Ракитное и другие (Аргудяева 2010: 94).

При переселенческих потоках наблюдалось преобладание мужского населения над женским. Поэтому мужчины женились рано, охотно брали замуж вдов с детьми и женщин старших по возрасту. В дальнейшем для переселения женщин в этот край были предусмотрены дополнительные льготы.

В начале прошлого века на юге Дальнего Востока украинцы получили возможность относительно свободного национально-культурного развития, и это активизировало общественность. На «Зеленом Клине» сформировалась целая структура национального самоуправления: 24 украинских района объединились в территориально большую Зеленую Украину (еще называвшуюся Новой Украиной), появились украинская пресса (свыше 10 газет и журналов) и книгоиздательство, экономическая кооперация, военные формирования. Работали более 700 украинских школ, украинский язык использовали в административных учреждениях. Все это прекратилось в 1923 году с приходом советской власти, которая осудила украинских активистов за попытку «отдалить Дальний Восток от России».

Со временем украинцы ассимилировались. Их национально-культурная жизнь стала менее интенсивной. Только в конце XX в. на Дальнем Востоке, как и в других регионах страны, началось возрождение украинских национально-культурных организаций.

В настоящее время на Сахалине действует региональная национально-культурная автономия украинцев «Киевская Русь», созданная в 2002 г. Работают несколько художественных коллективов: «Долинонька», «Славия», «Воля» и детский – «Зернятко».

В Хабаровском крае проживает около 100 тыс. украинцев. В регионе действуют два объединения украинцев: общественная организация «Товарищество украинской культуры Хабаровского края Зеленый Клин», и Хабаровский краевой центр украинской культуры «Крыница». Они занимаются национально-культурной деятельностью по развитию и сохранению украинской культуры.

В Приморском крае проживает еще больше украинцев – свыше 180 тысяч. Создано две общественные украинские организации – национально-культурная автономия «Просвита» (г. Владивосток) и Спасская национально-культурная автономия «Джерела України» (г. Спасск-Дальний). При обоих обществах функционируют ху-

дожественные коллективы – Приморский украинский хор «Горлица» и «Чистя криница». Кроме того, в разных районах края работают более десятка художественных самодеятельных коллективов, самые популярные из которых – «Свой стиль» из г. Фокина и «Веселка» из г. Большой Камень.

Активно развивается национально-культурная автономия украинцев Петропавловска-Камчатского. Украинцы Камчатки, издают ежемесячную газету «Батьківщина». В одной из школ города работает украинский воскресный класс. Дети в классе не только из украинских семей, но и из смешанных. При областной библиотеке работает клуб украинской культуры.

Этническое самосознание украинцев Дальнего Востока не очень высоко. Проживающие в этих краях украинцы в четвертом или пятом поколении хорошо интегрированы в российское общество, однако живо интересуются событиями, происходящими в Украине и готовы с ней взаимодействовать. В период украинского кризиса, они приняли и оказали материальную поддержку беженцам с Украины.

Литература

- Аргудяева 2010 – Аргудяева Ю. Етнодемографічна історія українців в Південній частині Далекого Сходу Росії (др. пол. 19 в. – поч. 20 в.) // Народна творчість та етнографія, 2010. № 2. С. 94.
- Бабенко 2010 – Бабенко В.Я., Черниченко Д.А. Украинистика в Башкортостане: опыт-проблемы-перспективы / Украинистика в России: история, состояние, тенденции разви Уфа: МГГУ, 2010. С. 52.
- Винниченко 1992 – Винниченко І. Українці в державах колишнього СРСР: історико-географічний нарис. Житомир: Льонок, 1992. С. 56–68
- Гузенкова 2010 – Гузенкова Т.С. Украинская диаспора как политический феномен / Украинистика в России: история, состояние тенденции развития. Уфа: МГГУ, 2010. С. 26.
- Самовтор 2010 – Самовтор С.В. Украинские мотивы в топонимии города Краснодара // Кубань – Украина, IV вып. Краснодар, 2010. С. 135–136.
- Снежкова 2013 – Снежкова І.А. Діаспора українців у Росії. // Світове українство як фактор ут ждення держави Україна у міжнародній спільноті. Збірник матеріалі 4-ой міжнародній кон ференції. Львів: Львівська політехніка, 2013. С. 358.
- Федрова 2010 – Федрова А.В. Украинцы в Оренбуржье./ Украинистика в России: история, состоя ние, тенденции развития. Уфа: МГГУ, 2010. С. 126.
- Шевченко 1949 – Шевченко Т.Г. Близнецы // Собр. соч. в 5 томах. Т. 4. М., 1949. С. 10.

References

- Argudiaeva Iu. Etnodemografichna istoriia Ukraïntsi v Pivdennii chastini Dalekogo Skhodu Rosii (dr. pol. 19 c. – poch. 20 c.) // Narodna tvorchist' ta etnografiia, 2010. No. 2. Pp. 94.
- Babenko V.Ia., Chernienko D.A. Ukrainistika v Bashkortostane: opyt-problemy-perspektivy / Ukrainistika v Rossii: istoriia, sostoianie, tendentsii razvi Ufa, 2010. Pp. 52.
- Vinnichenko I. Ukraïntsi v derzhavakh kolishn'ogo SRSR: istoriko-geografichnii nariPp. Zhitomir, 1992. Pp. 56–68
- Guzenkova T.S. Ukrainskaia diaspora kak politicheskii fenomen / Ukrainistika v Rossii: istoriia, sostoianie tendentsii razvitiia. Ufa, 2010. Pp. 26.
- Samovtor S.V. Ukrainskie motivy v toponimii goroda Krasnodara // Kuban' – Ukraina. Vol. IV. Krasnodar, 2010. Pp. 135–136.
- Snezhkova I.A. Diaspora Ukraïntsi u Rosii. // Svitove Ukraïnstvo iak faktor ut zhdennia derzhavi Ukraïna u mizhnarodnii spil'noti. Zbirnik materialii 4-oi mizhnarodnii kon ferentsii. Lviv, 2013. Pp. 358.

Fedrova A.V. Ukraintsy v Orenburzh'e./ Ukrainistika v Rossii: istoriia, sostoiia nie, tendentsii razvitiia. Ufa, 2010. Pp. 126.

Shevchenko T.G. Bliznetsy // Sobr. soch. in 5 vol. Vol. 4. Moscow, 1949. Pp. 10.

I.A. Snezhkova. Ukrainians in Russia: The activities of national and cultural organizations for the support of ethnic identity.

The Ukrainian diaspora in Russia is quite numerous, because the Ukrainians have been actively moving to new lands for a long time within the Russian Empire and the Soviet Union. The reasons of that were different – protection borderlands in 18th century by Cossacks, search of vacant land for agriculture in the 19th century; labour migration in 20th century. After Ukraine gained independence many national-cultural societies in areas densely populated by Ukrainians were organized. These societies contributed much to the preservation and revival of Ukrainian culture, the study of the Ukrainian language, and support of migrants from Ukrain.

Key words: *national diaspora; national-cultural societies; migration, colonisation, migration politics*

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 572

© С.В. Васильев, Е.В. Веселовская, О.М. Григорьева, А.П. Пестряков

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕРЕПА ФРАНЦА ГАЛЛЯ

Нами был исследован череп Франца Галля, который хранится в Музее Человека в г. Париже (Франция). Череп был измерен по классической краниологической программе и авторской программе угловой морфометрии. Были описаны его морфологические особенности. Кроме того, нами была выполнена научная графическая реконструкция его лица и на ее основе создан профильный портретный рисунок.

Ключевые слова: Франц Галль, краниология, угловая морфометрия черепа, антропологическая реконструкция.

Введение

Настоящая публикация является вторым звеном в цепочке статей, посвященных историческим деятелям прошлого, в отношении которых антропологическая наука располагает особым источником информации – черепом. Описание внешности и биологического профиля в целом вносит ряд дополнительных штрихов в документальный портрет личности.

Для многих имя знаменитого немецкого врача и анатома Франца Галля ассоциируется с устаревшим антропологическим учением – френологией (от греч. phrenos – душа, нрав, характер и logos – учение), напрямую связывающим психические свойства личности с особенностями строения черепной коробки (Мещеряков, Зинченко 2003). Кстати это название появилось позже, сам Галль называл свое учение краниологией, впервые введя это понятие в научный оборот.

Однако вклад Галля в науку вовсе не исчерпывается френологией. Будучи человеком высоко профессионально образованным, он во многом опережал свое время. Тогда многие полагали, что высшие движения души берут начало в сердце, а дурное настроение вырабатывается где-то в районе селезенки. Именно Галль научно обосновал идею том, что центром всей психической деятельности человека является головной мозг.

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, зав. отделом Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: vasborl@yandex.ru

Веселовская Елизавета Валентиновна – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: e.veselovskaya@rambler.ru

Пестряков Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Григорьева Ольга Михайловна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: labrecon@yandex.ru

Свой череп ученый завещал науке. На основе его подробного изучения в работе представлена антропологическая характеристика внешности знаменитого анатома, выполнена графическая реконструкция его прижизненного внешнего облика.

Историческая справка

Франц Йозеф Галль (Franz Joseph Gall) родился 9 марта 1758 года в немецком городке Тифенбруне. После окончания гимназии он изучал медицину в Страсбурге. Затем в 1781 году он переезжает в Вену, где в 1785 году оканчивает медицинский факультет Венского университета. Получив врачебный диплом, он вскоре приобретает большую известность как практикующий врач и, главным образом, как увлекательный лектор, заинтересовавший широкие круги венской интеллигенции. Основная заслуга Галля состоит в том, что он привлек внимание научной общественности к мозгу, как органу, регулирующему все психические функции. Своими исследованиями он разрушил многие ошибочные представления, подтвердил многие старые правильные взгляды; тем самым заложил теоретическую основу для дальнейшего изучения мозга и его психических функций (*Шойфет* 2005).

Идеи Ф. Галля тогда казались новаторскими. Его по праву можно считать ведущим специалистом своего времени по неврологии. Будучи практикующим врачом, он обратил внимание на то, что характер психических расстройств зависит от локализации места повреждения мозга. Благодаря скрупулезным анатомическим изысканиям и обширной врачебной практике он установил, что в мозгу находятся центры, которые отвечают за такие функции организма, как речь, зрение, ориентация в пространстве, память и т. п. Галль перенес это представление и на интеллектуальные и нравственные черты личности; считал, что в мозгу должны существовать центры, отвечающие за честность, преданность, способность любить и верить в Бога. Он был убежден, что форма черепа отражает насколько развит тот или иной участок мозга, а значит, по форме головы человека можно судить о его достоинствах и тайных пороках.

Франц Галль с большим увлечением собирал коллекции черепов людей и животных, изучал разнообразие размеров и форм самих черепов и составляющих их отдельных костей. Своё учение он назвал **краниологией**, то есть наукой о черепках (от греческого «kranion» – череп, «logos» – наука). Таким образом, Франца Галля можно считать одним из основателей краниологии, обширного раздела современной антропологии, изучающего вариации размеров и формы человеческого черепа.

На основе по сути верных наблюдений Галль делал далеко идущие и трудно доказуемые выводы, однако это его не смущало. Он и его ученик Иоганн Шпруцгайм искренне верили в собственную правоту. На основе своей концепции они пытались привязать духовные особенности индивидуума к определенным участкам мозга, что, по их мнению, должно было отражаться на строении поверхности черепа. Согласно таким взглядам развитие определенного психического свойства личности связано с развитием конкретного участка мозга, что, в свою очередь, должно вызывать изменение соответствующей части на поверхности черепной коробки. Эти изменения могли выражаться в наличии выпуклостей (или «шишек») и других особенностей рельефа на поверхности головы, по которым можно было бы судить о личностных характеристиках и психических свойствах индивидуума (*Шойфет* 2005).

В дальнейшем его учение получило название френология, хотя сам Галль этот термин не употреблял и даже возражал против него. Позже несостоятельность его учения была доказана и опытами и наблюдениями, но за Ф. Галлем всегда остается честь

открытия некоторых новых фактов по анатомии и физиологии мозга. В то время это учение завоевывало широкую популярность. Так, например, знаменитый немецкий поэт и естествоиспытатель И.В. Гете высоко оценивал учение Галля с точки зрения практического применения и занимательности. На представленном рисунке можно видеть карикатуру, изображающую Галля во время публичной лекции (рис. 1). В дальнейшем френология получила свое продолжение в работах известного итальянского судебного медика-криминалиста Чезаре Ломброзо, чье учение о существовании особого типа внешности преступников также не поддерживается современной наукой.

Галль считал, что психические черты человека зависят именно от организации мозга, а независимость духа от тела является выдумкой метафизиков. Такие взгляды угрожали церковным догмам того времени.

Поэтому, под давлением католического духовенства и при содействии императора Наполеона Бонапарта правительство Австро-Венгрии в 1802 году запретило ему читать публичные лекции и предложило покинуть Вену.

Так что, у Галля были не только сторонники, но и серьезные противники его учения, в чем он частично сам был виноват. Так, изучая краниологию в прусских тюрьмах, он безапелляционно судил об уровне развития врожденных преступных наклонностей конкретных заключенных, в том числе и малолетних преступников. Берлинский врач Иоганн Вальтер писал о Галле: «Фанатик советует навечно заточить ребенка, который украл лишь раз, но якобы имеет воображаемый орган воровства!».

В результате долгих странствий по европейским странам, Галль в 1807 году перебирается в Париж, где слава его достигает апогея. Здесь он вновь впадает в немилость Бонапарта, так как позволяет себе высказывания о малой вместимости черепной коробки императора и его неспособности к философскому мышлению. В результате Наполеон запретил ему выступать с публичными лекциями во всех учебных заведениях Парижа (Новиков 2007).

В 1808 году Галль представляет в Парижскую академию наук свой большой труд «Исследование нервной системы вообще и мозга в частности», в русском варианте с этой книгой можно познакомиться по переводу И.М. Кондакова «Исследование о нервной системе» (Галль 1816). Многие ученые дают на него положительные рецензии. Однако, французский император Наполеон, имея привычку влезать во все сферы, даже те, где он являлся дилетантом, скептически отозвался об авторе: «Чего ради изучать анатомию у немца, разве нет своих (французских) ученых?»... Итак, в силу национально-политических причин и личных обид это фундаментальное исследование не увидело свет. Даже само членство Галля во французской академии наук было под вопросом.

Galves' Heads and Brains of a Phrenological Lecture.
Fig. 166. Londoner's Caricature and Satire (Gall).

Рис. 1. Карикатура (свидетельство популярности ученого и его детища «френологии»).

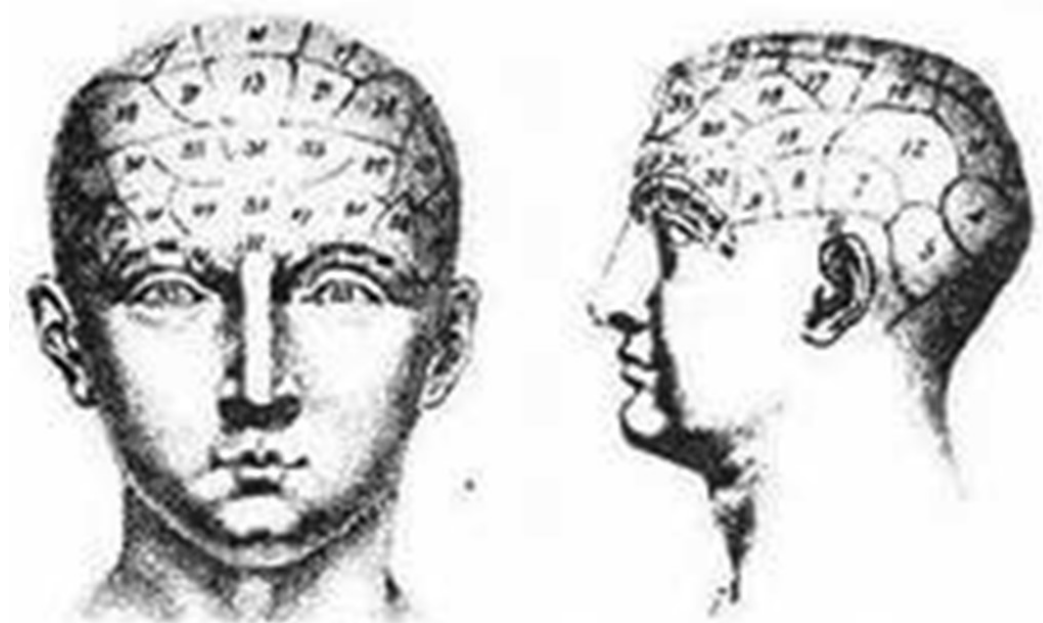

Рис. 2. Карта соответствия отделов мозга и личностных качеств.

Тем не менее целый ряд ведущих ученых Франции, в частности лейб-медик императора Корвизар, знаменитый биолог-натуралист Ж. Сент-Иллер дали высокую оценку научной деятельности Франца Галля. Знаменитый Жорж Кювье настойчиво просил Галля не медлить с публикацией своих открытий, представляющих огромную научную ценность. Благодаря этому с 1810 по 1820 год выходит в свет сочинение Галля «Анатомия и физиология нервной системы» в четырех томах, с большим тщательно выполненным атласом в 100 таблиц. Им была составлена подробная анатомическая карта мозга, где к каждому его участку была привязана конкретная психическая черта личности (рис. 2). В книге Галль обосновывает важность лобных долей мозга для интеллектуального развития; отстаивает идеи зависимости интеллекта от абсолютных размеров мозга.

Для обоснования идей френологии доктор Галль не ограничивался изучением поверхности черепа. Извилины больших полушарий мозга – вот где он локализовал центры умственных и нравственных свойств человека. Поскольку растущий мозг давит на внутреннюю поверхность черепной коробки и таким образом отпечатывается на ней, то очевидно, что форма черепа отражает главнейшие особенности своего содержимого. Исходя из представления о локализации способностей в определенных участках головного мозга, Франц Галль разработал теорию соответствий между топографией мозга и черепа, с одной стороны, и интеллектуальными и аффективными свойствами его владельца, с другой (Каннабих 1929).

Для анатомических исследований мозга Франц Галль придумывает собственный метод его рассечения и, по словам крупного немецкого анатома и врача Рейля, который был его слушателем, достигает весьма солидных познаний в этой области. Позже Рейль признавался, что, присутствуя на анатомических демонстрациях Галля, он в течение часа узнал о строении мозга гораздо больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. В упомя-

нотой работе «Анатомия и физиология нервной системы» Галль существенно обогатил знания этого раздела медицинской науки, включив результаты своих изысканий.

3 апреля 1828 года у Франца Галля произошло кровоизлияние в мозг, а 22 августа того же года он умер в окрестностях Парижа, в Монруже. Отказавшись от духовника, он распорядился, чтоб его тело не выставляли в церкви. Галль был похоронен на известном кладбище Пер-Лашез без головы, которую завещал для пополнения своей коллекции.

Галль явился предтечей теории мозговых локализаций, а, следовательно, и современной неврологии. Тезисно заслуги Франца Галля можно свести к следующим:

1) Он сформулировал важный принцип необходимого соотношения между органом и его функциями, из чего следовало, что всякое изменение органа неизбежно сказывается на перемене его функций.

2) Определяя мозг как орган психической деятельности, Галль, естественно, способствовал распространению материализма в науке. Эта заслуга получила свое выражение в надписи на медали, выбитой в Берлине в честь Галля: «Он нашел инструмент души». В то время этого было немало.

3) Франц Галль положил начало антропометрии и антропоскопии, важнейшим методам, сыгравшим важную роль в становлении современной антропологии, в том числе и палеоантропологии, и в некоторых отделах медицины.

4) Его научная деятельность дала толчок целому ряду дальнейших анатомических изысканий. Например, его френологическая карта с полным правом может считаться предтечей цитоархитектоники мозга.

Ошибка критиков Галля состояла в том, что они не дифференцировали Галля – френолога от Галля – анатома и нейрофизиолога, специалиста в области анатомии центральной нервной системы.

Входя в Пантеон, где сосредоточены великие памятники, потомки должны останавливаться над могилой великого первопроходца изучения мозга и отдавать должное выдающемуся врачу и смелому ученому-исследователю.

Методика

Исследование проводилось по двум программам: классической краниологической программе (Алексеев, Дебец 1960) и авторской программе угловой морфометрии черепа (Васильев 1999).

Метод, с помощью которого был выполнен графический портрет по черепу Франца Галля, описан в предыдущей публикации настоящего цикла, посвященной последнему Инке Атауальпе, и в ряде специальных работ по антропологической реконструкции (Васильев и др. 2014, 2015; Веселовская, Балуева 2012; Веселовская 2015).

Результаты исследования и обсуждение

Краниологическая программа

В таблице 1 приведены измерения черепа Франца Галля по классической краниологической программе.

Таблица 1

Краниологические характеристики Франца Галля

Обозначение признака по Мартину	Название признака	Значение признака
1.	Продольный диаметр	184
8.	Поперечный диаметр	150
17.	Высотный диаметр от ba	135
5.	Длина основания черепа	102
9.	Наименьшая ширина лба	105
10.	Наибольшая ширина лба	140
11.	Ширина основания черепа	135
12.	Ширина затылка	115
26.	Лобная дуга	135
27.	Теменная дуга	119
28.	Затылочная дуга	120
29.	Лобная хорда	116
30.	Теменная хорда	108
31.	Затылочная хорда	101
8:1	Черепной указатель	81,52
17:1	Высотно-продольный указатель от ba	73,37
17:8	Высотно-поперечный указатель от ba	90,0
29:26	Указатель изгиба лба	85,92
30:27	Указатель изгиба темени	90,76
31:28	Указатель изгиба затылка	84,17
9:8	Лобно-поперечный указатель	70,0
40.	Длина основания лица	95
45.	Скуловой диаметр	140
48.	Верхняя высота лица	67
47.	Полная высота лица	108
43.	Верхняя ширина лица	111
46.	Средняя ширина лица	96

Таблица 1 (продолжение)

Обозначение признака по Мартину	Название признака	Значение признака
55.	Высота носа	53
54.	Ширина носа	27
51.	Ширина орбиты от mf	41
52.	Высота орбиты	33
	Ширина скуловой кости по Ву	59
	Высота скуловой кости по Ву	14
FC	Глубина клыковой ямки	6
MC	Максилло-фронтальная ширина	26,2
MS	Максилло-фронтальная высота	13,4
SC	Симотическая ширина	11,5
SS	Симотическая высота	6,3
40:5	Указатель выступания лица	93,14
45:8	Поперечный краниофациальный указатель	93,33
48:17	Вертикальный краниофациальный указатель	49,63
48:45	Верхний лицевой указатель	47,86
54:55	Носовой указатель	50,94
52:51	Орбитный указатель	80,49
SS:SC	Симотический указатель	54,78
75(1)	Угол выступания носа	31 ⁰
77.	Назо-малярный угол	143 ⁰
<zm'	Зиго-максиллярный угол	129 ⁰
71a	Наименьшая ширина ветви	38
65.	Мыщелковая ширина	121
66.	Угловая ширина	106
67.	Передняя ширина	51

Описание мозговой коробки

Форма черепной коробки при взгляде сверху пентагоноидная (пятиугольная) – наибольшая ширина черепа сдвинута назад и падает на заднюю треть. Довольно сильно развиты лобные и особенно теменные бугры. Именно их развитие и определяет пятиугольную форму мозговой коробки. Череп Франца Галля может быть описан как укороченный и относительно широкий – брахикранный. Высотно-продольный указатель средний свидетельствует об ортокрании. В категорию тапейнокранных черепов попадает он по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят об относительно невысоком черепе.

Лоб прямой и визуально довольно широкий. Абсолютные размеры наименьшей и наибольшей ширины лба входят в категорию очень больших. По лобно-поперечному указателю череп мегаземный (широколобый). По достаточно низкому указателю кривизны лобной кости можно сделать вывод о довольно сильном ее изгибе. Развитие надпереносья оценивается в три балла по шестибальной шкале Брока. Надбровные дуги (тип I) – возвышения справа и слева от глабеллы.

Теменные бугры расположены высоко. Относительно низкий указатель кривизны теменных костей говорит о небольшом радиусе изогнутости их. Сосцевидные отростки довольно крупные, имеют длину около 2 см и оцениваются баллом 2.

Затылок широкий. Сильное развитие имеют верхние выйные линии (*linea nuchae superior*), которые представляют собой валикообразные массивные структуры, следует отметить также и значительное развитие наружного затылочного выступа (*protuberantia occipitalis externa*).

Описание лицевого скелета

Лицевая часть черепа широкая и относительно не высокая, по верхнелицевому указателю – эуриенная (показатель низколицести). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории средних, т.е. лицо по европеоидным меркам профилировано не сильно. Лицо ортогнатно, что подтверждается значениями указателя выступления лица (указатель Флоуэра). Краниофациальные вертикальный и поперечный указатели имеют средние значения.

Орбиты не высокие и относительно не широкие (мезоконхные). Верхний край орбиты притупленный. Надглазничные каналы не замкнуты (в виде вырезки). Форма верхнего края глазниц округлая. Нижний край глазниц имеет несколько приспущенный латеральный край.

В абсолютных размерах нос относительно высокий и широкий (хамеринный), тоже подтверждается и носовым указателем. Угол выступления носа большой. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию больших, что говорит о значительной высоте переносья.

Зигомаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия – *anthropina*, то есть боковые края грушевидного отверстия непосредственно переходят в нижний край, имеющий острую форму. Развитие передненосовой ости оценивается баллом 4.

Угловая морфометрия черепа

В таблице 2 приведены угловые характеристики черепа Франца Галля.

Таблица 2

Краниотригонометрические характеристики Франца Галля

Угол	Значение угла в градусах
ast-l-ast	82 ⁰
l-ast(пп)-ast(л)	49 ⁰
l-ast(л)-ast(пп)	49 ⁰
au-b-au	61 ⁰
b-au(пп)-au(л)	59 ⁰
b-au(л)-au(пп)	60 ⁰
au-ba-au	137 ⁰
ba-au(пп)-au(л)	22 ⁰
ba-au(л)-au(пп)	21 ⁰
b-au-l	50°
l-b-au	61°
b-l-au	70°
n-au-b	55°
n-b-au	54°
au-n-b	71°
g-au-b	51°
g-b-au	58°
au-g-b	71°
l-au-in	39°
in-l-au	57°
l-in-au	84°
ast-n-ast	43°
n-ast(пп)-ast(л)	69°
n-ast(л)-ast(пп)	67°
n-l-b	39°
b-n-l	36°
n-b-l	104°
go-gn-go	70°
gn-go(пп)-go(л)	56°
gn-go(л)-go(пп)	54°
zm-n-zm	80°
n-zm(пп)-zm(л)	50°
n-zm(л)-zm(пп)	50°

Таблица 2 (продолжение)

Угол	Значение угла в градусах
zm-pr-infor	36°
pr-infor-zm	82°
pr-zm-infor	62°
zm-pr-zm	123°
pr-zm(пp)-zm(л)	29°
pr-zm(л)-zm(пp)	28°
zm-n-fmt	45°
n-fmt-zm	83°
n-zm-fmt	52°
zm-nl-fmt	58°
nl-fmt-zm	38°
nl-zm-fmt	84°
zm-nl-infor	60°
nl-infor-zm	85°
nl-zm-infor	35°
fmt-zm-infor	49°
zm-infor-fmt	93°
zm-fmt-infor	38°
fmt-n-infor	43°
n-infor-fmt	94°
n-fmt-infor	44°
fmt-n-pr	90°
n-pr-fmt	42°
n-fmt-pr	48°
ns-n-nl	18°
n-nl-ns	109°
n-ns-nl	53°
mf-fmo-infor	40°
mf-infor-fmo	85°
fmo-mf-infor	55°
fmt-pr-fmt	78°
pr-fmt(пp)-fmt(л)	52°
pr-fmt(л)-fmt(пp)	50°

Угловые параметры различных плоскостей черепа позволяют нам судить об относительности тех или иных размеров, т.е. описывают не столько размеры черепа и его частей, сколько его формообразующие элементы, трудно поддающиеся сравнению на черепах разной величины.

Тригонометрия мозговой коробки

Углы b-au-l, n-au-b имеют близкие к минимальным значения для черепов *Homo sapiens*. Это своеобразные показатели формы теменной и лобной областей мозговой коробки. По данным показателям можно сделать вывод о высокой кривизне лобной и теменных костей.

В треугольнике l-au-in угол аурикуляре близок к максимальным значениям признака. Это говорит об относительно большой высоте верхней чешуи затылочной кости и ее слабом перегибе.

Относительно равные значения углов при астерионах в треугольниках ast-n-ast и ast-l-ast указывают на право-левоэстронную симметрию затылочной области мозговой коробки.

Тригонометрия лицевого скелета

Угловой размер zm-n-zm (80°) имеет минимальные значения и указывает на относительно узкую ширину лица на уровне скул. Асимметрия в средней части лицевого скелета практически отсутствует.

Углы fnt-n-zm и fnt-zm-n сохраняют средние значения для *Homo sapiens*. В треугольнике fnt-nl-zm угол назолатерале (58°) близок к минимальным размерам и является указателем на относительно небольших размеров высоты скуловой кости. То же можно сказать и об угле инфраорбитале в треугольнике fnt-infor-zm.

Угол зигомаксилляре в треугольнике nl-zm-infor (35°) – показатель значительной ширины основания лобного отростка верхней челюсти.

Показатель верхней ширины лица угол fnt-pr-fnt (78°) имеет близкие к средним сапиентные значения. Асимметрия в верхней части лица практически присутствует.

Показатель общей конфигурации лицевого скелета угол fnt-n-pr близок к прямому (90°).

Относительные размеры грушевидного отверстия (угол n-nl-ns) являются достаточно четким маркером широконосоности (109°), а размеры угла треугольника fmo-mf-infor красноречиво указывают на относительно невысокие и неширокие глазницы.

Антропологическая реконструкция

О внешнем облике знаменитого анатома можно составить представление, познакомившись с его прижизненными портретами (рис. 3, 4). Также после его смерти была выполнена гипсовая маска лица (рис. 5). Одного взгляда на картины достаточно, чтобы заметить, как невнимательны художники к отдельным элементам лица. Судя по одному портрету, Галль являлся обладателем очень крупного носа с бульбообразным кончиком и вздутыми высокими крыльями. На другом, он награжден художником неестественно огромным лбом – видимая дань уважения к научным заслугам. В данном случае наиболее ценную информацию о реальной внешности Франца Галля дает посмертная маска. Конечно, очень быстро после смерти происходит падение тургора мягких тканей, которые как бы сползают вниз под действием силы тяжести. То есть

при лежащем положении трупа ткани передней части лица перераспределяются к периферии, в область скуловых дуг и ветвей нижней челюсти. К тому же на посмертной маске лицо часто выглядит более исхудавшим, в отличие от реального образа, который могли помнить современники, особенно если смерть наступает в результате изнуряющего заболевания. Известно, что после инсульта ученый проболев около 5-ти месяцев и, конечно, сильно исхудал. Действительно, на посмертном слепке, мы видим крайне изможденного человека с обострившимся носом и обтянутыми кожей скулами.

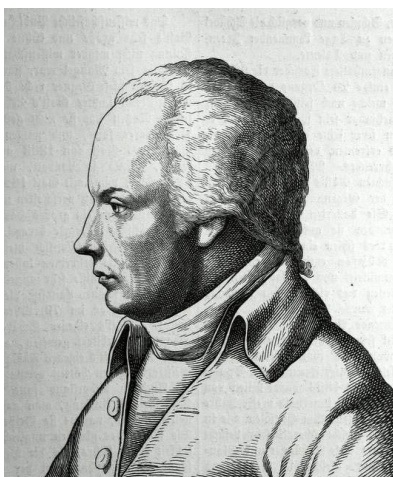

Рис. 3. Портрет Галля. Профиль.

Рис. 4. Портрет Галля с пациентом.

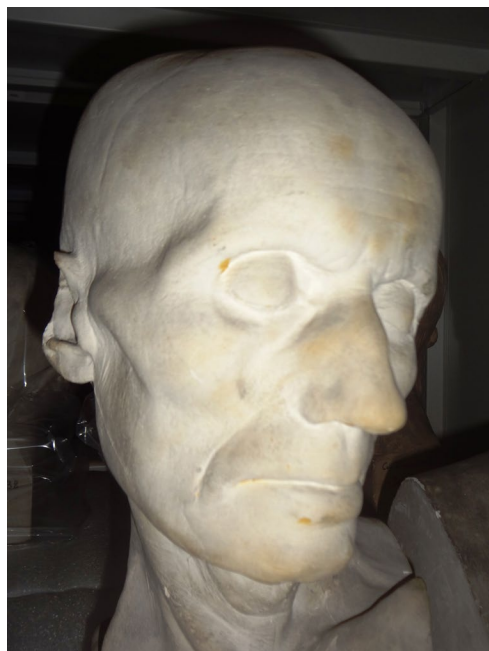

Рис. 5. Посмертная маска Франца Галля.

Использование разработанной в Лаборатории антропологической реконструкции Программы краниофациального соответствия позволяет дополнить графический портрет детальным описанием прижизненного облика в терминах «словесного портрета». Итак, внешность Франца Галля можно описать следующим образом. Голова крупных размеров, в лобно-затылочном направлении короткая, свод высокий. Форма головы между округлой и куполообразной, теменная часть несколько выгнута вверх. Вертикальная профилировка носовая, то есть при взгляде на лицо в профиль бросается в глаза сильное выступание носа по отношению к остальным отделам.

Горизонтальная профилировка значительная. Лицо крупное, по ширине среднее. Лоб высокий и широкий, визуальное впечатление огромного лба создается наличием залысин. В профиль лоб имеет несколько выпуклую форму, направлен вертикально. Надбровный рельеф выражен слабо. В

ко выпуклую форму, направлен вертикально. Надбровный рельеф выражен слабо. В

связи с этим и переносе неглубокое. Небольшой размер глазниц и их конфигурация предполагают некрупные размеры глаз в сочетании с достаточно глубокой посадкой глазных яблок. Складка верхнего века выражена в средней степени, примерно одинаково по всей своей длине. Форма бровей ближе к прямой с незначительным изгибом в дистальной части. Разрез глазных щелей горизонтальный.

Скулы не выдаются в стороны, средних размеров. Нос невысокий, сильно выступающий. В отношении профиля спинки можно заключить следующее. Конфигурация носовых костей и абрис грушевидного отверстия выявляют наличие небольшой горбинки в верхней трети общей длины носа. Абрис кончика отчетливо обособлен. Поскольку прижизненный контур носа строится в соответствии с контуром грушевидного отверстия, то на профильном обводе черепа (рис. 6) можно заметить легкую выпуклость чуть ниже носочелюстного шва, которая при зеркальном отображении дает обособление кончика. Интересно, что некоторые портреты фиксируют такую необычную форму спинки носа (рис. 3). Эти же особенности можно проследить на фото посмертной маски в $\frac{3}{4}$ (рис. 5). Увы, не удалось достать ее профильное изображение, на котором это можно было бы увидеть более отчетливо. Ширина носа в крыльях и на протяжении всей спинки средняя. Положение подносового шипа на черепе свидетельствует о горизонтальном направлении основания носа. Однако с возрастом нос имеет тенденцию немного опускаться под действием все той же гравитации. На рисунках 7 и 8 представлена научная реконструкция облика великого анатома. Рисунок 9 представляет художественный портрет, выполненный на основе произведенной реконструкции.

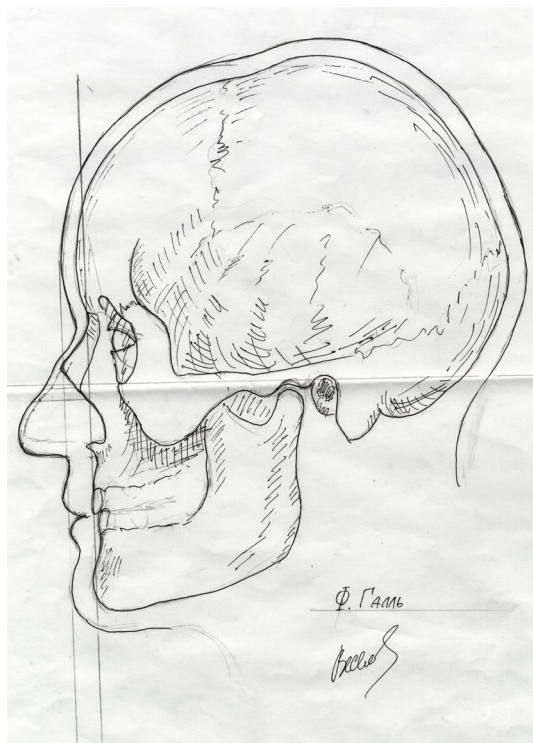

Рис. 6. Контурная реконструкция по черепу Галля. Автор Е.В. Веселовская.

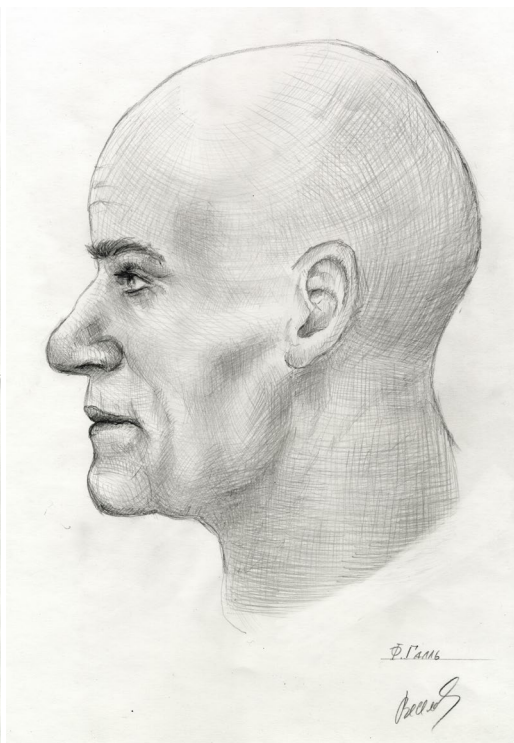

Рис. 7. Графическая реконструкция. Профиль. Автор Е.В. Веселовская.

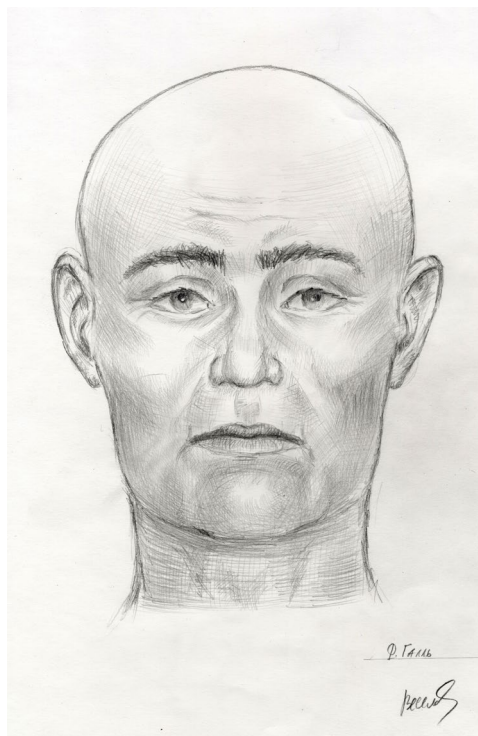

Рис. 8. Графическая реконструкция. Фас.
Автор Е.В. Веселовская.

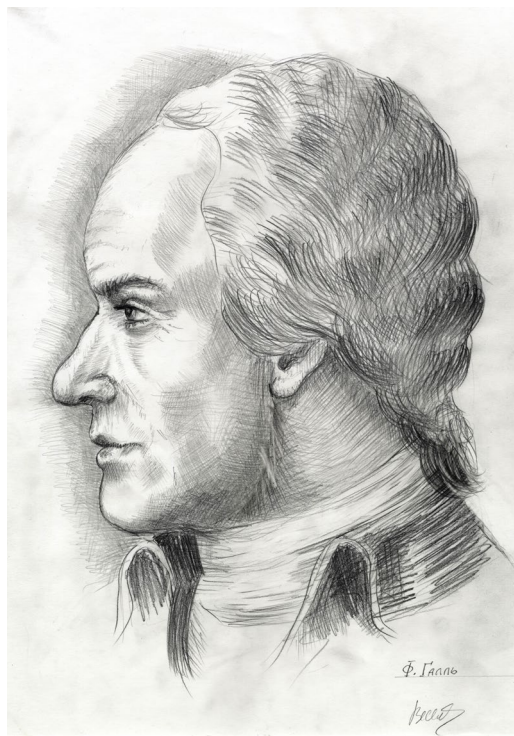

Рис. 9. Портретная реконструкция.
Профиль. Автор Е.А. Просикова.

Галль умер в возрасте 70 лет, к этому времени он потерял значительную часть зубов. Большинство из оставшихся зубов было утрачено посмертно. Это несколько затрудняет восстановление области рта. Судя по сохранившимся альвеолярным отросткам челюстей прикус мог быть ножницеобразным или даже крышевидным, при котором фиксируется выступание вперед верхней губы относительно нижней. Подбородок широкий и невысокий, выступает вперед значительно, форма его между квадратной и округлой.

Выводы

1. Череп Франца Галля брахикранный. Форма черепной коробки при взгляде сверху – пентагоноидная (пятиугольная). Лоб прямой и визуально широкий. Рельеф развит слабо. Затылок широкий. Лицевой скелет низкий и относительно широкий. Горизонтальная профилировка хорошо выражена в нижней части лица. Орбиты небольшие. Нижний край орбиты латерально немного припущен. Нос высокий и широкий – хамеринный. Угол выступления носа большой. Зигомаксиллярная область и нижняя челюсть достаточно грацильные.
2. Выполненные и представленные портреты позволяют хорошо увидеть антропологические особенности лица и головы Франца Галля.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность Музею человека г. Париж, Франция и лично Филиппу Менесье, куратору антропологических коллекций Музея человека за неоценимую помощь в работе над материалом.

Литература

- Алексеев, Дебец 1960 – Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. 1960. С. 128.
 Васильев 1999 – Васильев С.В. Дифференциация плейстоценовых гоминид. М.: УРАО, 1999. С. 152.
 Васильев 2012 – Васильев С.В. Три сюжета об идентификации исторических личностей методами физической антропологии. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Иркутск, № 1, 2012. С.246–265.
 Васильев и др. 2015 – Васильев С.В., Веселовская Е.В., Пестряков А.П. Антропологическое исследование черепа последнего инки. Природа. 2015, № 1. С. 42–50.
 Веселовская, Балуева 2012 – Веселовская Е.В., Балуева Т.С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии. Вып. 22. М.: ИЭА РАН, 2012. С. 22–42.
 Веселовская 2015 – Веселовская Е.В. Краниофациальные пропорции в антропологической реконструкции // Этнографическое обозрение, № 2, 2015. С. 83–98.
 Галь 1816 – Галь Ф. Исследование о нервной системе. СПб., 1816.
 Каннабих 1929 – Каннабих Ю. История пути френологических идей и личная судьба их творца. Клини. Мед. Т. 7. № 2, 1929.
 Мецгеряков, Зинченко 2003 – Мецгеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. 3-е изд. Прайм-Еврознак, СПб., 2003. 672 с.
 Новиков 2007 – Новиков К. Академия мертвых наук // Деньги. 2007, № 4 (<http://www.kommersant.ru/doc/739694>).
 Шойфет 2005 – Шойфет М.С. Сто великих врачей. Изд.: Вече. М. 2005. 153 с.
 Balueva et al. 2009 – Balueva T, Veselovskaya E., Kobylansky E. Cranio-facial Reconstruction by Applying the Ultrasound Method in Live Human Populations // International Journal of Anthropology, 2009. Т. 24. № 2. С. 87–111.

References

- Alekseev V.P., Debets G.F. Kraniaometriia. 1960.
 Differentsiatsiia pleistotsenovykh gominid. Moscow: URAO, 1999.
 Vasilyev S.V. Tri siuzheta ob identifikatsii istoricheskikh lichnostei metodami fizicheskoi antropologii. Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya. Irkutsk, No. 1, 2012, Pp.246–265.
 Vasilyev S.V., Veselovskaia E.V., Pestriakov A.P. Antropologicheskoe issledovanie cherepa poslednego inki. Priroda. 2015, No. 1, Pp. 42–50.
 Veselovskaia E.V., Balueva T.S. Novye razrabotki v antropologicheskoi rekonstruktsii // Vestnik antropologii. vol. 22. Moscow: IEA RAN, 2012. Pp. 22–42.
 Veselovskaia E.V. Kraniofatsial'nye proporsii v antropologicheskoi rekonstruktsii // Etnograficheskoe obozrenie, No. 2, 2015. Pp. 83–98.
 Gall' F. Issledovanie o nervnoi sisteme. St. Petersburg, 1816.
 Kannabikh Iu. Istoriia puti frenologicheskikh idei i lichnaia sud'ba ikh tvortsa. Clinical medicine. Vol. 7. No. 2, 1929.
 Meshcheriakov B., Zinchenko V. Bol'shoi psikhologicheskii slovar'. Edition 3. St. Petersburg: Praim-Evroznak, 2003. 672 p.
 Novikov K. Akademiia mertvykh nauk. Zhurn. Den'gi. 2007, No. 4 (<http://www.kommersant.ru/doc/739694>).

Shoifet M.S. Sto velikikh vrachei. Moscow: Veche., 2005. 153 p.

Balueva T, Veselovskaya E., Kobylansky E. Cranio-facial Reconstruction by Applying the Ultrasound Method in Live Human Populations // International Journal of Anthropology, 2009. Vol. 24. No. 2. Pp. 87–111.

S.V. Vasiliev, E.V. Veselovskaya, O.M. Grigorieva, A.P. Pestryakov Anthropological investigation of France Gall skull.

The skull of Franz Gall stored in the Museum of Man in Paris (France) was studied. The skull was measured by classic craniological programme and by author's programme of angle morphometry of the skull. The morphological characteristics were described. In addition, we carried out scientific craniofacial graphic reconstruction and based on it a profile portrait picture was created.

Key words: *Franz Gall, craniology, angle morphometry of the skull, of the skull, craniofacial reconstruction.*

© С.В. Васильев, А.А. Свиридов, Р.М. Галеев

КРАНИОЛОГИЯ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ И ТАСМАНИИ

Целью данной работы является исследование краниологических серий из Австралии и острова Тасмания, находящихся на хранении в Музее Человека (Франция, Париж) и Музее Естественной Истории (США, Нью-Йорк). Черепы были измерены по стандартной краниометрической программе. Серии проверены на однородность по пределам средних величин квадратичных отклонений и коэффициентам вариации. С помощью пакета программ «Statistica 7» выполнен компонентный внутригрупповой анализ.

Проведённая работа позволила обнаружить ряд специфических краниологических характеристик, описать различия между австралийскими и тасманийскими черепами. Выявлены некоторые особенности черепов из северной и западной Австралии, причём аборигены Тасмании оказались ближе всего к аборигенам западной Австралии. Население южной Австралии включает в себя западный и северный варианты.

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, Тасмания, Австралия.

Введение

В настоящей работе приведены результаты краниологического исследования аборигенов Австралии и тасманийцев в связи с их происхождением. Представленные палеоантропологические материалы происходят с различных мест Австралии и острова Тасмания.

До конца последнего ледникового периода Новая Гвинея, Австралия и Тасмания представляли собой единый материк Сахул, отделённый от Азии небольшими проливами. Согласно радиоуглеродным датам, человек заселил эти земли около 45 000 – 48 000 лет назад (O'Connell 2004: 835–853). По данным археологии, остров Тасмания заселялся через сухопутный перешеек, соединявший Австралию с островом с 35000 до 11000 лет назад (Cosgrove 1999: 360–362). Примерно 10000 лет население острова находилось в изоляции.

Поиск денисовского гена в геноме австралийцев показал относительное увеличение аллелей обмена между денисовцами и австралийцами и папуасами. Однако сами авторы исследования говорят о необходимости осторожно относиться к его результатам, ввиду высокой вероятности ошибки. Согласно исследованиям генетиков, предки австралийских аборигенов отделились от современной неафриканской популяции около 62–75 000 лет назад. (Rasmussen 2011: 94–98)

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, зав. отделом Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: vasbor1@yandex.ru;

Галеев Равиль Марветович – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ravil.galeev@gmail.com;

Свиридов Алексей Андреевич – аспирант Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: sviridovrh@rambler.ru.

Как отмечают В.В. Бунак и С.А. Токарев, тасманийцев объединяет с меланезийскими типами лишь общее направление дифференциации признаков. В деталях отдельные типы Меланезии отличаются от тасманийцев. «Остается сделать вывод, — пишут далее авторы, — что тасманийцы принадлежат к особой, четвертой (наряду с папуасами, собственно меланезийцами и низкорослыми вариантами меланезийской расы. — В.Б.) разновидности обширной группы курчавоволосых племен, отделившейся от общего ствола до того, как дифференцировались другие варианты, и сохранившей некоторые особенности древнего типа» (Бунак 1951: 497–522).

Признавая, что по форме волос тасманийцы близки к меланезийцам, Г.Ф. Дебец в то же время отмечал, что «краниологически тасманийский тип характеризуется исключительно малыми размерами высоты лица и мозговой коробки, что создает особую комбинацию признаков, на основании которой тасманийский тип следует признать стоящим не ближе к меланезийскому, чем к австралийскому». Изучая тасманийский остеологический материал, Н. Макинтош и Б. Баркер убедились, что отличить тасманийский череп от австралийского задача значительно более трудная, чем полагали до сих пор. Д. Бакстон, один из сторонников концепции первичности протоавстралоидного типа, писал, что краниологически тасманийцы обнаруживают известное сходство с аборигенами Виктории, ближайшей к Тасмании области австралийского континента. Близость тасманийских черепов к черепам австралийцев отмечал и К. Герхардт. По мнению Г. Клаача, тасманийцы и австралийцы — две ветви, выросшие из общего корня и разошедшиеся на очень ранней стадии развития. Антропологически тасманийцы наиболее близки к аборигенам Западной и Южной Австралии. Основные признаки австралийских и тасманийских черепов совпадают, а различия между ними объясняются длительной изоляцией тасманийцев. (Кабо 1975: 38–40)

Целью данной работы является исследование краниологических серий из Австралии и острова Тасмания, находящихся на хранении в Музее Человека (Франция, Париж) и Музее Естественной Истории (США, Нью-Йорк).

Задачи работы:

1. Выявить особенности краниотипов мужской и женской частей выборки и рассчитать первичные статистические характеристики исследуемых краниологических серий;
2. Проверить мужскую и женскую части серий на морфологическую однородность;
3. Сравнить морфологические характеристики черепов аборигенов Австралии и Тасмании друг с другом с помощью многомерной статистики.
4. Провести сравнительный анализ серий аборигенов Австралии и Тасмании с сериями с Юго-Восточной Азии и Океании.

Материалы и методика

В Музее Человека в Париже и в Музее Естественной Истории в Нью-Йорке авторами было измерено 72 черепа.

Нами было изучено 15 черепов тасманийцев (9 принадлежали мужчинам и 6 женщинам) и 57 черепов аборигенов Австралии (34 принадлежали мужчинам и 23 женщинам). Большая часть коллекции собрана во второй половине XIX — начале XX века.

В конце XIX века многие исследователи сравнивали тасманийцев с неандертальцами, полагая, что они являются прямыми потомками *Homo neanderthalensis*. Так в инвентаризационной книге находок в Музее Естественной истории в Нью Йорке профессор Лушан записал у двух черепов слово «неандерталоид». Поскольку черепа эти были собраны профессором Робинсоном и переданы в музей в 1878 году – то тема неандерталоидности тасманийцев на тот момент была актуальна. Это было связано, вероятно, не только со специфической формой черепа, но и очень большой толщиной кости черепа (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1.

Рис. 1. Распил черепа тасманийца.

Толщина кости черепа тасманийцев (измерено на спиле).

Толщина кости	UL/ 273	UL/ 275
Лобная кость в районе глабеллы	20	23
Лобная кость в районе офриона	11	14
Лобная кость в районе брегмы	7.5	8
Теменная кость в районе лямбды	8	11
Затылочная кость в середине	8	12
Затылочная кость в районе выйного бугорка	18	19.5
Затылочная кость у затылочного отверстия.	7	7

Серии черепов были измерены по стандартной краниометрической программе. Серия проверена на однородность по пределам средних величин квадратичных отклонений и коэффициентам вариации. С помощью пакета программ «Statistica 7» проведён компонентный внутригрупповой анализ.

Мужские черепа из Австралии характеризуются долихокранией (средний черепной указатель 70,7), то есть большие продольные и высотные размеры сочетаются с очень малым поперечным диаметром. Некоторые черепа гипердолихокранны. Выотно-поперечный указатель почти акрокранный. Практически у всех черепов высотный диаметр больше поперечного.

Наименьшая ширина лба средняя, наибольшая ширина лба имеет малое значение. У большинства мужских черепов лоб убегающий и слабо убегающий. По лобно-поперечному указателю черепа мезогенные. Лобно-скуловой указатель и указатель кривизны лобной кости средние. У большинства индивидов глабеллярный рельеф оценивается V и VI баллов по шкале Мартина. Надбровные дуги также развиты значительно, в некоторых случаях достигают балла 2+. Указатели кривизны теменных и затылочных костей средние. Затылок имеет малую ширину.

Лицо низкое. Скуловой диаметр средний. Верхняя ширина лица очень большая, средняя ширина лица средняя. По верхнелицевому указателю лицо едва входит в категорию мезенных, имеет малую высоту. Зигомаксиллярный и назомолярный углы, соответственно, очень малые и малые. Лицевой скелет резко горизонтально профилирован. Указатель выступания лица (указатель Флоуэра) имеет большие значения, но остаётся в пределах мезогнатных. Визуально отмечается альвеолярный прогнатизм, что также согласуется с очень малым зигомаксиллярным углом. Краниофациальный вертикальный указатель имеет малые значения, то есть наблюдается тенденция сочетания относительно низкого лица с высокой мозговой коробкой. Краниофациальный поперечный указатель очень большой, что говорит о сочетании широкого лица с относительно узкой черепной коробкой. Орбиты широкие и средне-высокие (находятся на границе между хамеконхией и мезоконхией). В абсолютных размерах нос широкий и не высокий (хамеринный). Угол выступания носа очень малый. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию средних. Нижний край грушевидного отверстия в подавляющем большинстве случаев *fossae praenasales*, присутствуют отдельные случаи *antropina*. Развитие передненосовой ости оценивается в большинстве случаев в II–III балла. Длинна и ширина альвеолярной дуги близки к очень большим значениям. Нёбо большой длины и малой ширины, что также косвенно говорит о наличии альвеолярного прогнатизма.

Нижние челюсти имеют среднеширокие ветви при малых величинах мышечковой и угловой ширины. Передняя ширина нижней челюсти средняя, высоты симфиза и тела малые, толщина тела малая. Тело нижней челюсти выглядит грацильным.

Как видно из таблицы 2, квадратичные отклонения и коэффициенты вариаций многих параметров у мужчин превышают пределы средних величин для однородной выборки (1, 12, 29, 30, 26, 47, 43, 60, 55, 54, 51, 52, 77, 75(1), 65, 66, 45/8, 29/26, 31/28, 54/55). В то же время, обращает на себя внимание большое количество признаков, дисперсия которых меньше пределов средних величин (8, 17, 5, 9, 10, 61, 62, 63, *zm'*, 71a, 67, 69(1), 8/1, 17/8, 9/8, 48/17, 40/5, 48/45, 48/46). В категорию средних попадает ряд основных расоводиагностических краниологических признаков – 11, 27, 28, 40, 45, 48, 46, SS, 69, 69(3), 9/45, 12/8, 30/27, 52/51.

Результаты и обсуждение

Краниологическое описание женщин аборигенок Австралии (табл. 2).

Женские черепа долихокранны. Выотно-поперечный указатель имеет очень большие значения. Наименьшая ширина лба средняя, наибольшая – малая. По лоб-

но-поперечному указателю черепа мезаземные. Лобно-скуловой указатель средний. Указатели кривизны лобной, теменных и затылочной кости средние. Область глабеллы на большей части черепов развита значительно для женщин – V и VI баллов по шкале Мартина. Надбровные дуги в подавляющем большинстве имеют II балл. Затылок имеет малую ширину.

Лицо, как и у мужчин, низкое. Скуловой диаметр и средняя ширина лица имеют средние значения. Верхняя ширина лица большая. По верхнелицевому указателю лицо мезеное. Зигомаксиллярный угол находится на границе очень малых и малых. Назомолярный угол малый. Указатель выступления лица (указатель Флоуэра) имеет большие значения, относится к мезогнатным. Краниофациальный вертикальный указатель имеет малые значения, то есть наблюдается тенденция сочетания относительно низкого лица с высокой мозговой коробкой. Краниофациальный поперечный указатель очень большой, что говорит о сочетании широкого лица с относительно узкой черепной коробкой. По абсолютным размерам орбиты широкие и малой высоты, орбитный указатель имеет малое значение, но относится к мезоконхным. В абсолютных размерах нос не высокий, широкий (хамерриный). Угол выступления носа очень малый. Симотический и максиллофронтальный указатели средние. Нижний край грушевидного отверстия в подавляющем большинстве случаев *fossae praenales*, присутствуют отдельные случаи *antropina*. Развитие передненосовой ости оценивается в большинстве случаев в II–III балла. Альвеолярная дуга большой длины при средней ширине, небо большой длины и малой ширины.

Нижние челюсти имеют среднеширокие ветви при малых величинах мышечковой и угловой ширины. Передняя ширина нижней челюсти большая, высота симфиза средняя, высота тела малая, толщина тела нижней челюсти – средняя.

По квадратичным отклонениям и коэффициентам вариаций, женские черепа более однородны. Параметры, превышающие средние величины: 29, 26, 48, 55, 51, SS, 9/8, 29/26, 54/55, 51/52. Среди женских черепов больше признаков, дисперсия которых меньше пределов средних величин – 17, 5, 9, 30, 27, 40, 47, 43, 54, 60, 61, 77, SC, 75(1), 67, 69, 69(1), 69(3), 17/8, 45/8, 12/8, 31/28, 48/46. В категорию средних попадает ряд величин: 1, 8, 31, 28, 46, 62, zm' , 71a, 65, 66, 8/1, 48/17, 9/45, 30/27, 40/5, 48/45.

Краниологическое описание тасманийцев (табл. 3).

Прежде чем перейти к описанию краниологических характеристик, мы хотели бы презентовать две графические реконструкции в профиль тасманийца (UL/273) и тасманийки (UL/274). Эти реконструкции сделаны по черепам хранящимся в Музее Естественной истории (Нью Йорк, США). Изображений тасманийцев, истребленных к началу XX века осталось немного. Мы предлагаем получить возможность увидеть еще два безымянных лица мужчины и женщины с острова Тасмания (рис. 2, 3).

Мужские черепа с острова Тасмания характеризуются малым черепным указателем, однако входят в категорию мезокранных (средний черепной указатель 75,1). Большой продольный размер сочетается со средними высотным и поперечным размерами. Высотно-поперечный указатель метриокранный.

Наименьшая и наибольшая ширина лба средние. Лоб слабо убегающий. По лобно-поперечному указателю черепа находятся на границе мезоземных и мезаземных. Лобно-скуловой указатель средний. Указатели кривизны лобной, затылочных и теменных костей средние. Переносье сильно развито, у большинства индивидов глабеллярный рельеф оценивается V и VI баллов по шкале Мартина. Надбровные дуги также развиты значительно, в некоторых случаях достигает балла 2+. Затылок имеет среднюю ширину.

Рис. 2. Графическая реконструкция аборигена Тасмании, мужчина

Рис. 3. Графическая реконструкция аборигена Тасмании, женщина

(реконструкция выполнена Р.М. Галеевым). *(реконструкция выполнена Р.М. Галеевым).*

Лицо низкое. Скуловой диаметр большой. Верхняя ширина лица очень большая, средняя ширина лица средняя. По верхнелицевому указателю лицо эуриенное, то имеет малую высоту. Зигомаксиллярный и назомолярный углы, соответственно, очень малые и средние. Указатель выступания лица (указатель Флоуэра) имеет очень большое значение, входит в категорию прогнатных. Краниофациальный вертикальный указатель имеет очень малые значения, то есть наблюдается тенденция сочетания относительно низкого лица с высокой мозговой коробкой. Краниофациальный поперечный указатель большой, что говорит о сочетании широкого лица с относительно узкой черепной коробкой. Орбиты широкие и средневысокие (мезоконхные). В абсолютных размерах нос малой высоты, очень широкий (гиперхаммеррин). Угол выступания носа малый. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию средних. Нижний край грушевидного отверстия в подавляющем большинстве случаев *sulcus praenasalis*, присутствуют отдельные случаи *fossae praenasalis*. Длина и ширина альвеолярной дуги, соответственно, очень большая и большая. Небо большой длины и малой ширины, что также косвенно говорит о наличии альвеолярного прогнатизма.

Нижние челюсти имеют широкие ветви при средних величинах мышечковой и угловой ширины. Передняя ширина нижней челюсти большая, высоты симфиза, высота тела и толщина тела средние.

Как видно из таблицы 3, квадратичные отклонения и коэффициенты вариаций многих параметров у мужчин превышают пределы средних величин для однородной выборки (8, 9, 11, 12, 29, 26, 61, 63, 54, 52, 75(1), 71a, 65, 69, 8/1, 17/8, 9/8, 45/8, 12/8,

30/27, 52/51, 40/5, 54/55). В то же время, обращает на себя внимание большое количество признаков, дисперсия которых меньше пределов средних величин (1, 17, 5, 10, 30, 31, 27, 28, 47, 43, 46, 60, 62, 77, zm' , 67, 69(1), 60(3), 58/17, 31/28, 48/45, 48/46). В категорию средних попадает совсем немного признаков – 51, 66, 9/45, 29/26.

Краниологическое описание тасманиек (табл. 3).

Женские черепа долихокранны. Высотно-поперечный указатель имеет очень большие значения. Наименьшая ширина лба средняя, наибольшая – малая. По лобно-поперечному указателю черепа мезогенные. Лобно-скуловой указатель средний. Указатели кривизны лобной, теменных и затылочной кости средние. Область глабеллы на большей части черепов развита на II и III баллов по шкале Мартина. Надбровные дуги оцениваются в II балла. Затылок среднеширокий.

Верхняя и полная высоты лица относятся к категории малых. Скуловой диаметр и средняя ширина лица имеют средние значения. Верхняя ширина лица большая. По верхнелицевому указателю черепа находятся на границе эуриенных и мезенных. Зигомаксиллярный угол очень малый. Назомалярный угол малый. Указатель выступания лица (указатель Флоуэра) имеет очень большое значение, относится к прогнатным. Краниофациальный вертикальный указатель имеет малые значения, то есть наблюдается тенденция сочетания относительно низкого лица с высокой мозговой коробкой. Краниофациальный поперечный указатель большой, что говорит о сочетании широкого лица с относительно узкой черепной коробкой. По абсолютным размерам орбиты среднеширокие и очень малой высоты, орбитный указатель имеет малое значение, но относится к мезоконхным. В абсолютных размерах нос малой высоты, широкий (хамерриный). Угол выступания носа малый. Симотический и максиллофронтальный указатели, соответственно, большой и средний. Нижний край грушевидного отверстия в подавляющем большинстве случаев *sulcus praenasalis*. Альвеолярная дуга большой длины при средней ширине, небо очень большой длины и малой ширины.

Нижние челюсти имеют большую ширину ветвей, средние величины мышечковой и угловой ширины. Передняя ширина нижней челюсти большая, высота симфиза средняя, высота и толщина тела нижней челюсти средняя.

Параметры, превышающие средние величины: 1, 8, 29, 31, 26, 28, 48, 47, 46, 60, 61, zm' , 71a, 67, 69, 69(1), 17/8, 45/8, 12/8, 29/26, 48/46, 54/55. Параметры, дисперсия которых меньше пределов средних величин – 17, 5, 9, 10, 11, 12, 30, 27, 45, 40, 63, 55, 52, 77, 75(1), 65, 66, 69(3), 8/1, 9/8, 48/17, 9/45, 31/28, 52/51, 48/46. В категорию средних попадает небольшое количество величин: 43, 46, 51, 30/27, 40/5.

Приведенные данные квадратичных отклонений и коэффициентов вариаций говорят о неоднородности и австралийских и тасманийских материалов. В связи с этим была предпринята попытка проведения компонентного анализа мужской и женской частей серии. Результаты отображены на рисунках 4 и 5.

Компонентный анализ мужских черепов аборигенов Австралии и Тасмании.

Первые две главные компоненты описывают 58,3 % изменчивости серий. По оси первой главной компоненты наибольшие нагрузки приходятся на следующие размеры: +8, +11, +43, +45, +46. Первая главная компонента дифференцирует черепа по их ширине от узких к более широким. Вторая главная компонента показывает увеличение горизонтальной профилировки в центральной части лица в сочетании с относительным уплощением переносья.

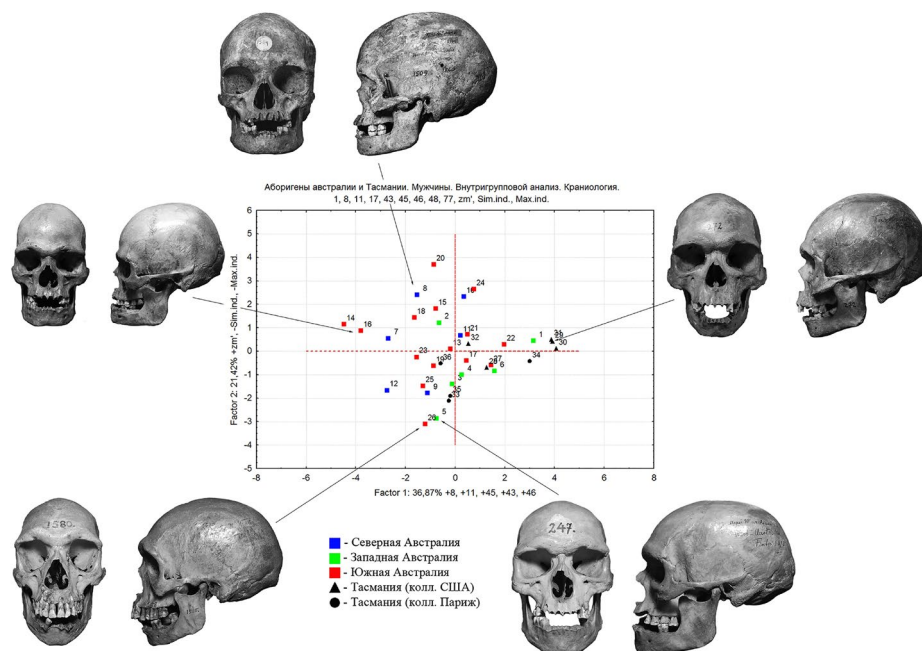

Рис. 4. Внутригрупповой анализ аборигенов Австралии и Тасмании. Мужчины.

К сожалению, описание происхождения черепов австралийцев не всегда было точным, поэтому нами они были разделены на три группы: северная, южная и западная. Северные и западные австралийцы заметно различаются между собой, южная группа более разнообразна и включает в себя представителей обоих вариантов. К тасманийцам наиболее близки черепа западного варианта австралийцев. Для них характерны относительно большие широтные размеры черепа и лица, небольшая горизонтальная профилировка центральной части лица, узкое и высокое переносье. Возможно, это следствие консервации архаичных черт первых волн заселения в труднодоступных районах запада материка.

Компонентный анализ женских черепов аборигенов Австралии и Тасмании.

Первые две главные компоненты описывают 44 % изменчивости серий. По оси первой главной компоненты наибольшие нагрузки приходятся на следующие размеры: +11, +43, +45, +46, +48. Таким образом, первая главная компонента дифференцирует черепа по ширине их основания, ширине лица и высоте лица. Вторая главная компонента показывает уменьшение ширины мозговой коробки, увеличение длины основания лица в сочетании с относительным уплощением переносья. Женские серии более однородны, по данным анализа сложно выделить различия между австралийскими и тасманийскими сериями.

Благодаря трудам Уильяма Хауэллса, в нашем распоряжении есть индивидуальные данные краниологических измерений из Океании и сопредельных территорий. К сожалению, краниометрическая программа Хауэллса несколько отличается от краниологического бланка Института этнографии образца 1965 года, однако основные размеры совпадают. Для анализа были отобраны следующие серии мужских черепов:

1. аборигены Австралии – 34 черепа (измерения Васильева);
2. тасманийцы – 9 черепов (измерения Васильева).

3. аборигены Австралии – 52 черепа (измерения Хауэллса);
4. Тасмания – 31 череп (измерения Хауэллса);
5. толаи (новая Британия) – 56 черепов (измерения Хауэллса);
6. острова Луайоте (Меланезия) – 30 черепов (измерения Свиридова);
7. мокапу (Гавайские острова, Полинезия) – 51 черепов (измерения Хауэллса);
8. остров Пасхи (Полинезия) - 48 черепов (измерения Хауэллса);
9. гуам (Марианские острова, Микронезия) – 30 черепов (измерения Хауэллса);
10. Мориори (Новая Зеландия, Полинезия) – 57 черепов (измерения Хауэллса);
11. Филиппинские острова (Малайский архипелаг) – 50 черепов (измерения Хауэллса);
12. айны – 48 черепов (измерения Хауэллса);
13. Андаманские острова – 15 черепов (измерения Хауэллса).

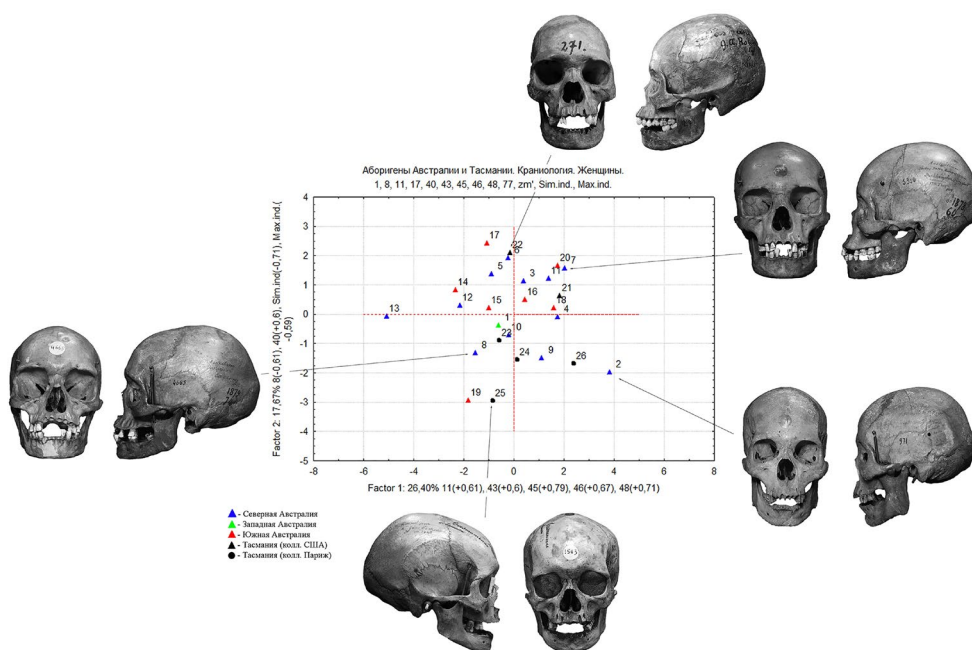

Рис. 5. Внутригрупповой анализ аборигенов Австралии и Тасмании. Женщины.

Серии сравнивались по следующим параметрам: продольный, поперечный и высотный диаметры, ширина основания черепа, длина основания черепа, скуловой диаметр, верхняя высота лица, ширина и высота носа. Результаты канонического сравнительного анализа по абсолютным размерам отражены на рисунке 6. График описывает 45,3% изменчивости серий.

По оси X максимальные нагрузки пришлось на размеры, +8, +11, +17, +55. Вдоль оси X распределены серии в соответствии с увеличением поперечного диаметра черепной коробки, высоты черепа, ширины основания черепа и высоты носа. По оси Y максимальные нагрузки приходятся на размеры -1, -17, -40, то есть в верхней части графика расположены серии с относительно небольшим продольным диаметром черепной коробки, небольшой высотой черепа и основанием лица.

По результатам анализа краниологические серии распались на две группы. В правой части графика сконцентрировались серии из Полинезии, Микронезии, Фи-

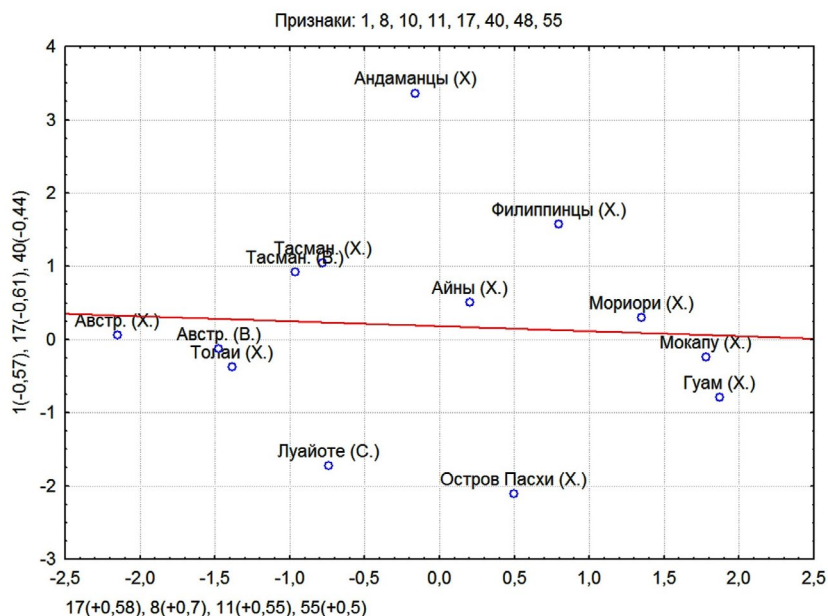

Рис. 6. Межгрупповой анализ. Размеры.

липпинских островов, айны. Их расположение вдоль оси Y сильно варьируется, что можно объяснить влиянием той или иной монголоидной примеси. В левой половине графика представлены серии с относительно низкими черепными коробками, малыми поперечными размерами черепа и низким носом. Наиболее отчетливо приведенные выше параметры свойственны серии австралийских черепов, измеренных Хауэллсом. Серии Тасманийцев, измеренные Хауэллсом и Васильевым практически совпадают. Две серии аборигенов Австралии расположены достаточно далеко друг от друга по оси координат X. Серия аборигенов Австралии, исследованная С.В. Васильевым, согласно данным анализа, занимает промежуточное положение между тасманийцами и толаями (острова Новая Британия, Меланезия).

Для сравнения серий по индексам был проведен отдельный канонический анализ, результаты которого представлены на рисунке 7. Серии сравнивались по следующим индексам: 8/1, 17/8, 48/45, 48/17, 45/8, 40/5, 52/51¹, 54/55. График описывает 76,3% изменчивости. По оси X максимальные нагрузки приходятся на индексы +8/1 и +45/8, +40/5, +52/51. То есть в правой части графика расположены более брахикранные, прогнатные черепа с относительно высокой орбитой и большим скуловым диаметром.

По оси Y максимальные нагрузки приходятся на индекс -17/8, то есть в нижней части графика расположены серии с относительно высокой черепной коробкой.

Две группы, описанные выше на основе результатов анализа по абсолютным размерам, выделяются и в анализе с использованием указателей. В левой части графика расположились серии из Полинезии, Микронезии, с Филиппинских островов, айны. Серии с узкой и вытянутой черепной коробкой сосредоточились в правой части графика – это австралийцы, тасманийцы, северные меланезийцы и аборигены с островов Луайоте. Как и в предыдущем анализе, две серии тасманийцев расположились близко друг к другу. Серии аборигенов Австралии вновь значительно разошлись. Аборигены Австралии, измеренные С.В. Васильевым близки по оси X к тасманий-

цам и населению островов Луайоте. Серия аборигенов Австралии, измеренные У Хауэллсом находится в крайней левой части графика, ближе всего к ней расположились северные меланезийцы – толаи.

Выводы

1. Аборигены Австралии имеют специфические краниологические характеристики. Они, как правило, долихокранны, при этом высота черепной коробки часто бывает больше поперечного диаметра. Если говорить о краниофациальных соотношениях, то для данного краниотипа характерно относительно низкое и широкое лицо в сочетании с относительно

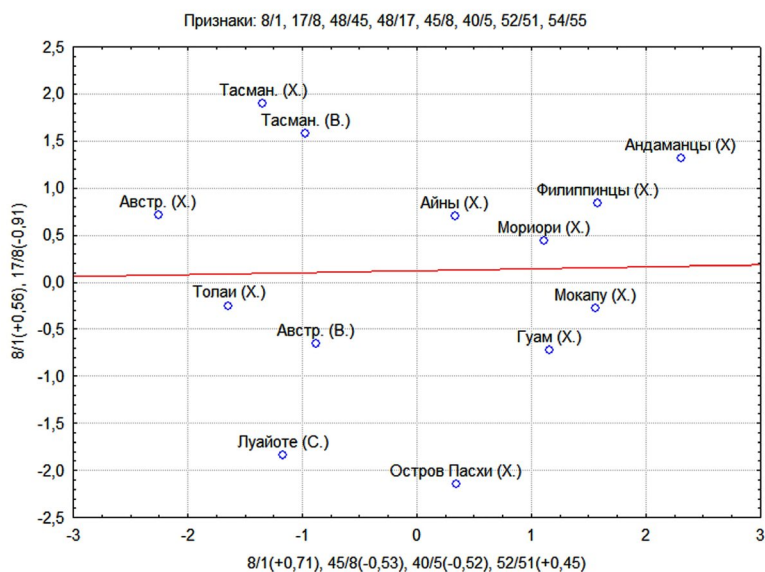

Рис. 7. Межгрупповой анализ. Индексы.

высокой и узкой мозговой коробкой. Кроме того, у населения Австралии отмечается альвеолярный прогнатизм, широкий нос, низкие орбиты и сильно горизонтально профилированное лицо при относительно низком переносе. При общей массивности черепа, нижняя челюсть грацильная, особенно это ярко проявляется у мужских черепов.

2. При схожести с австралийцами, аборигены Тасмании имеют некоторые существенные отличия: более широкие, мезокранные черепные коробки; более низкое лицо; большой скуловой диаметр; ярче выражен прогнатизм; очень широкий нос; относительно массивная нижняя челюсть.

3. Исследование внутригрупповой изменчивости австралийцев показало неоднородность серий. Нами выявлены некоторые различия в черепах из северной и западной Австралии. В основном различия связаны с шириной мозговой коробки, шириной лица и высотой переноса. Аборигены Тасмании оказались ближе всего к аборигенам западной Австралии. Это объясняется тем, что в западной, менее доступной, части Австралии и на острове Тасмания проживало население пришедшее с первыми волнами переселенцев. Скорее всего, его не затронули переселенцы на материк более поздних миграционных волн, повлиявших на облик аборигенов северной и восточной Австралии. Население южной Австралии включает в себя западный и северный варианты.

4. Сравнительные анализы по абсолютным размерам и по краниометрическим указателям показали, что аборигены Австралии и Тасмании близки друг к другу и к Меланезийцам. Этот результат указывает на общность их происхождения.

Таблица 2

Краниологическое описание мужчин аборигенов Австралии

Признаки	Мужчины						Женщины					
	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %
1	34	170,0	200,0	183,7	7,08	3,86	23	163,0	183,0	173,0	5,87	3,39
8	34	120,0	138,0	129,8	4,34	3,35	23	117,0	135,0	126,5	4,70	3,71
17	34	124,0	140,0	133,5	3,39	2,54	23	123,0	137,0	128,7	3,96	3,08
5	34	94,0	109,0	102,0	3,85	3,77	23	90,0	101,0	96,8	2,56	2,64
9	34	87,0	103,0	95,4	3,91	4,10	23	85,0	101,0	91,7	3,46	3,77
10	34	104,0	122,0	112,5	4,22	3,75	23	102,0	122,0	108,7	4,95	4,55
11	34	108,0	128,0	117,4	4,94	4,20	23	104,0	120,0	112,3	4,18	3,72
12	34	92,0	111,0	104,4	4,87	4,66	23	94,0	108,0	100,7	3,98	3,95
29	34	101,0	121,0	110,4	4,86	4,40	23	98,0	120,0	105,8	5,19	4,90
30	34	102,0	129,0	113,1	6,54	5,78	23	98,0	115,0	107,0	3,80	3,55
31	33	84,0	110,0	94,3	4,88	5,18	23	85,0	107,0	92,1	4,99	5,42
26	34	112,0	136,0	125,1	6,63	5,30	23	107,0	142,0	119,8	8,12	6,78
27	34	113,0	144,0	126,3	8,37	6,63	23	108,0	130,0	118,7	5,23	4,41
28	33	95,0	133,0	111,8	7,10	6,35	23	97,0	128,0	107,3	6,88	6,42
45	32	120,0	145,0	131,3	5,45	4,15	19	113,0	130,0	123,2	4,30	3,49
40	34	94,0	114,0	103,5	4,47	4,32	23	93,0	109,0	99,4	3,83	3,86
48	34	58,0	75,0	66,4	4,21	6,34	23	54,0	75,0	63,6	4,68	7,36
47	17	95,0	125,0	109,5	8,12	7,42	13	100,0	117,0	105,5	4,61	4,37
43	34	100,0	117,0	109,6	4,21	3,84	23	98,0	108,0	103,4	2,43	2,35

таблица 2 (продолжение)

Признаки	Мужчины						Женщины					
	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %
46	34	89,0	105,0	95,9	3,60	3,76	23	84,0	99,0	90,8	4,50	4,95
60	7	52,0	62,0	58,3	3,35	5,75	8	53,0	58,0	55,8	1,83	3,29
61	7	62,0	69,0	64,9	2,54	3,92	8	58,0	65,0	61,1	2,30	3,75
62	10	47,0	52,0	50,2	1,75	3,49	11	43,0	52,0	47,0	2,79	5,94
63	10	36,0	40,0	37,9	1,52	4,02	11	30,0	38,0	35,2	2,27	6,46
55	34	43,0	58,0	50,9	3,76	7,39	23	40,0	53,0	47,8	3,10	6,48
54	34	22,0	34,0	28,1	2,57	9,17	23	24,0	29,0	26,3	1,22	4,65
51	34	40,0	50,1	44,1	2,69	6,10	23	38,0	45,0	41,8	2,17	5,18
51a	23	38,0	47,0	42,2	2,45	5,80	12	36,0	42,0	40,3	1,60	3,98
52	34	30,0	40,0	33,5	2,38	7,10	23	28,0	36,0	32,9	2,05	6,24
77	34	128,0	156,0	139,7	6,33	4,53	22	134,0	148,0	139,3	3,82	2,74
zm'	34	112,0	130,0	122,9	4,50	3,67	23	116,8	139,0	124,5	5,43	4,36
бимоллярная ширина	34	94,0	111,0	102,6	4,15	4,04	22	90,0	102,0	97,6	2,72	2,78
бимоллярная высота	34	13,0	24,0	19,1	2,98	15,54	22	13,0	21,0	18,1	2,16	11,93
zm' ширина	34	88,0	107,0	95,9	4,43	4,62	23	82,0	99,0	90,2	4,86	5,39
zm' высота	34	22,0	32,0	26,0	2,75	10,59	23	16,0	28,0	23,7	2,81	11,86
Симонтич. высота	34	1,0	6,0	3,6	0,93	26,01	22	2,0	5,0	3,0	1,05	34,33
Симонтич. Ширина	34	6,0	14,0	9,2	1,97	21,34	22	5,0	11,0	8,7	1,59	18,26
МС (50) ширина	34	17,0	31,0	22,2	2,50	11,24	23	15,0	26,0	20,0	2,10	10,52

таблица 2 (продолжение)

Признаки	Мужчины						Женщины					
	n	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %	n	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %
M8 высота	34	5,0	12,0	8,7	1,76	20,19	23	6,0	13,0	7,5	1,64	21,79
Симонтический индекс	34	11,1	71,4	40,5	13,32	32,86	22	22,2	55,6	35,3	10,49	29,74
Макилофронтальный индекс	34	21,7	55,6	39,8	8,76	22,02	23	27,3	68,4	38,0	8,58	22,56
FC	10	2,0	11,0	5,2	2,49	47,80	11	2,0	6,5	4,6	1,36	29,55
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	31	8,0	15,0	10,9	1,78	16,30	21	7,0	13,0	9,3	1,68	18,07
Ширина изгиба скуловой кости (по Ву)	31	49,0	61,0	54,5	2,84	5,20	21	46,0	55,0	50,0	2,73	5,45
75(1)	20	8,0	32,0	17,6	6,73	38,36	18	7,0	21,0	13,2	4,06	30,85
71a	23	29,0	39,0	32,9	2,28	6,94	15	27,0	37,0	32,1	2,50	7,79
65	19	95,0	122,0	112,2	7,18	6,40	14	101,0	117,0	108,6	5,26	4,84
66	23	84,0	112,0	95,1	7,07	7,44	15	79,0	99,0	88,3	5,37	6,08
67	23	43,0	50,0	46,5	1,70	3,66	15	43,0	49,0	46,4	2,03	4,37
69	17	26,0	35,0	30,8	2,84	9,23	13	25,0	34,0	28,7	3,12	10,87
69(1)	18	24,0	31,0	28,5	2,01	7,04	11	24,0	32,0	27,0	2,79	10,34
69(3)	18	9,0	15,0	11,3	1,50	13,19	11	9,0	14,0	11,4	1,80	15,88
8/1	34	64,5	77,6	70,7	2,79	3,95	23	68,8	78,2	73,2	3,05	4,17
8/17	34	91,3	103,8	97,3	3,22	3,31	23	91,1	108,1	98,4	4,06	4,13
17/8	34	96,3	109,5	102,9	3,44	3,35	23	92,5	109,8	101,8	4,14	4,07

таблица 2 (продолжение)

Признаки	Мужчины						Женщины					
	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэфф. вар-ии) %
9/8	34	65,9	78,6	73,5	2,99	4,07	23	63,0	80,2	72,6	4,03	5,55
48/17	34	43,3	56,0	49,8	3,05	6,13	23	42,5	56,1	49,4	3,36	6,80
45/8	32	93,9	109,6	101,5	4,12	4,06	19	91,1	103,3	98,0	3,29	3,36
9/45	32	64,9	79,8	72,7	3,42	4,71	19	69,1	80,8	74,5	3,49	4,68
12/8	34	69,7	88,1	80,5	3,37	4,19	23	75,9	84,1	79,6	2,51	3,15
29/26	34	84,6	94,1	88,3	2,12	2,40	23	84,5	92,9	88,4	2,31	2,61
30/27	34	87,3	96,6	89,6	2,10	2,34	23	87,1	93,6	90,2	1,85	2,05
31/28	33	78,2	93,3	84,4	3,32	3,93	23	82,2	90,2	85,9	2,40	2,79
52/51	34	68,2	84,6	76,0	4,84	6,36	23	65,6	91,1	78,7	6,23	7,91
40/5	34	93,3	110,1	101,5	3,73	3,67	23	94,9	112,2	102,7	4,05	3,94
48/45	32	45,5	56,0	50,3	2,74	5,45	19	44,9	57,7	51,6	3,34	6,46
48/46	34	59,8	77,3	69,3	4,10	5,91	23	62,1	78,6	70,0	4,14	5,92
54/55	34	46,2	67,4	55,3	4,76	8,61	23	47,2	67,5	55,2	4,60	8,33

Таблица 3

Тасманийцы.

Признаки	Мужчины						Женщины					
	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %
1	9	176,0	194,0	185,9	5,58	3,00	6	166,0	181,0	176,2	5,23	2,97
8	9	128,0	149,0	139,6	6,06	4,35	6	124,0	140,0	131,3	5,65	4,30
17	9	130,0	142,0	134,2	3,53	2,63	6	120,0	130,0	125,5	3,27	2,61
5	9	97,0	109,0	100,4	3,81	3,79	6	93,0	97,0	95,0	1,90	2,00
9	9	89,0	108,0	97,4	5,27	5,41	6	87,0	95,0	92,3	2,94	3,19
10	9	112,0	122,0	118,6	4,28	3,61	6	106,0	112,0	108,8	2,56	2,35
11	9	116,0	133,0	125,9	5,69	4,52	6	115,0	119,0	116,8	1,47	1,26
12	9	100,0	121,0	109,8	6,24	5,68	6	103,0	108,0	105,8	2,32	2,19
29	9	103,0	120,0	111,2	6,14	5,52	6	95,0	109,0	105,5	5,21	4,93
30	9	110,0	125,0	117,2	5,29	4,51	6	108,0	114,0	111,3	1,97	1,77
31	9	90,0	103,0	95,4	3,91	4,10	6	84,0	103,0	91,5	7,29	7,96
26	9	115,0	135,0	126,6	8,05	6,36	6	103,0	127,0	120,3	8,66	7,20
27	9	121,0	144,0	129,8	7,21	5,55	6	118,0	130,0	124,3	3,93	3,16
28	9	107,0	123,0	114,6	5,39	4,70	6	97,0	121,0	108,5	9,20	8,48
45	9	127,0	149,0	139,2	7,36	5,29	6	123,0	127,0	123,8	1,60	1,29
40	9	98,0	116,0	106,8	5,72	5,35	6	95,0	106,0	101,2	4,17	4,12
48	9	58,0	69,0	63,6	3,47	5,46	6	58,0	69,0	61,8	4,22	6,82
47	7	101,0	116,0	109,3	4,72	4,32	5	97,0	115,0	103,6	6,99	6,74
43	9	105,0	120,0	112,3	4,44	3,96	6	100,0	110,0	103,7	3,50	3,38
46	9	94,0	106,0	99,3	4,00	4,03	6	87,0	100,0	92,5	5,47	5,91
60	3	56,0	62,0	59,3	3,06	5,15	3	54,0	63,0	59,0	4,58	7,77

Таблица 3 (продолжение)

Признаки	Мужчины						Женщины					
	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %
61	3	62,0	69,0	66,7	4,04	6,06	3	58,0	67,0	61,3	4,93	8,04
62	4	48,0	51,0	49,8	1,50	3,02	3	46,0	52,0	49,3	3,06	6,19
63	4	33,0	40,0	36,8	2,99	8,13	3	34,0	37,0	35,0	1,73	4,95
55	9	44,0	52,0	48,6	2,79	5,74	6	44,0	49,0	47,0	1,67	3,56
54	9	25,0	34,0	29,0	2,74	9,44	6	26,0	29,0	27,0	1,26	4,68
51	9	39,0	45,0	41,6	1,94	4,68	6	38,0	42,0	40,0	1,67	4,18
52	9	28,0	36,0	32,4	2,46	7,57	6	29,0	33,0	31,0	1,55	5,00
бималярн ширина	9	99,0	111,0	105,6	3,91	3,70	6	92,0	104,0	96,5	4,42	4,58
бималярн высота	9	15,0	20,0	17,7	1,41	8,00	6	14,0	21,0	17,2	2,40	13,99
zm' ширина	9	92,0	105,0	99,0	4,42	4,46	6	85,0	100,0	91,8	5,56	6,06
zm' высота	9	24,0	31,0	27,4	2,35	8,57	6	22,0	27,0	24,8	2,14	8,61
77	9	137,0	147,5	142,8	3,39	2,37	4	136,0	142,0	138,3	2,63	1,90
zm'	9	116,0	129,0	121,4	4,93	4,06	4	118,0	132,0	124,0	6,06	4,88
Симонтич. высота	8	3,0	5,0	3,9	0,78	19,72	6	2,0	4,0	3,1	0,80	25,98
Симонтич. Ширина	8	7,0	13,0	9,5	2,00	21,05	6	6,5	9,0	7,8	0,88	11,36
МС (50)	8	21,0	27,0	23,4	2,45	10,46	6	18,0	21,0	20,3	1,21	5,96
М8	8	7,0	11,0	8,5	1,31	15,40	6	6,0	8,0	7,3	0,82	11,13
Максифронтальный индекс	8	29,6	52,4	37,0	8,53	23,07	6	28,6	40,0	36,2	4,36	12,07
Симотич. Индекс	8	30,0	57,1	42,8	10,91	25,50	4	33,3	57,1	44,5	11,01	24,75
FC	4	4,0	6,0	5,3	0,96	18,24	4	4,0	6,0	5,3	0,96	18,24

Таблица 3 (продолжение)

Признаки	Мужчины						Женщины						
	n	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %	n	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %	
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	8	9,0	14,0	11,5	1,93	16,76	5	10,0	12,0	10,6	0,89	8,44	
	8	50,0	66,0	58,8	5,78	9,83	5	47,0	56,0	51,4	3,36	6,54	
Ширина изгиба скуловой кости (по Ву)	5	10,0	36,0	22,0	11,31	51,43	4	9,0	18,0	15,0	4,08	27,22	
	7	32,0	46,0	35,7	5,15	14,43	6	28,0	37,0	34,0	3,69	10,85	
	6	106,0	129,0	119,7	7,92	6,62	6	108,0	120,0	112,2	4,36	3,88	
	6	91,0	107,0	97,8	6,01	6,15	6	88,0	99,0	93,0	3,90	4,19	
	7	46,0	52,0	48,7	1,89	3,88	6	42,0	52,0	46,0	3,74	8,13	
	7	28,0	38,0	32,4	3,60	11,10	6	25,0	32,0	28,5	3,02	10,58	
	7	28,0	34,0	30,9	2,12	6,86	6	26,0	33,0	28,5	2,74	9,61	
	7	11,0	15,0	13,1	1,35	10,24	6	11,0	13,0	11,5	0,84	7,28	
	9	67,7	80,7	75,1	4,20	5,59	6	70,2	78,7	74,6	2,83	3,79	
	8/17	9	93,4	111,2	104,1	6,14	5,90	6	97,7	112,0	104,8	6,18	5,90
	17/8	9	89,9	107,0	96,4	5,91	6,13	6	89,3	102,4	95,7	5,66	5,91
	9/8	9	63,1	77,1	69,9	4,23	6,05	6	65,7	72,4	70,4	2,40	3,41
	48/17	9	43,9	51,1	47,3	2,20	4,65	6	46,4	54,3	49,3	2,96	6,00
	45/8	9	87,6	110,4	100,0	7,51	7,51	6	87,9	100,0	94,5	4,82	5,10
	9/45	9	64,5	76,4	70,1	3,76	5,37	6	70,2	77,2	74,6	2,80	3,76
12/8	9	72,4	89,0	78,7	4,74	6,02	6	76,4	87,1	80,7	4,32	5,35	
29/26	9	85,0	90,4	87,9	1,75	2,00	6	85,8	92,2	87,8	2,30	2,62	
30/27	9	86,8	95,2	90,4	2,67	2,96	6	86,2	91,5	89,6	2,07	2,31	

Таблица 3 (продолжение)

Признаки	Мужчины						Женщины					
	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %	п	мин.	макс.	сред. знач.	σ	V (коэффициент вариации) %
31/28	9	78,9	86,0	83,4	2,26	2,71	6	82,3	86,6	84,4	1,88	2,23
52/51	9	70,0	87,8	78,1	5,73	7,34	6	74,4	82,1	77,5	2,89	3,73
40/5	9	99,0	113,4	106,3	4,32	4,06	6	102,1	110,6	106,5	3,78	3,55
48/45	9	42,6	49,6	45,7	2,28	4,99	6	47,2	56,1	49,9	3,51	7,02
48/46	9	60,4	72,6	64,1	4,06	6,33	6	63,0	73,6	66,9	3,95	5,90
54/55	9	51,9	70,8	59,8	6,03	10,07	6	53,1	65,9	57,6	4,60	7,99

Примечания

¹ Для серий Howells-а дакриальная ширина орбиты (51a) была переведена в максиллофронтальную (51) по соотношению 1:1,067.

Литература

- Бунак 1951 – Бунак В.В., Токарев С.А. Проблемы заселения Австралии и Океании: Происхождение человека и древнее расселение человечества // Тр. Ин-та этнографии АН СССР (новая серия). М., 1951. Т. XVI. С. 497–522.
- Кабо 1975 – Кабо В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М: Наука, 1975. 200 с.
- Cosgrove 1999 – Cosgrove R. Forty-Two Degrees South: The Archaeology of Late Pleistocene Tasmania // Journal of World Prehistory, Vol. 13, No. 4, 1999. Pp. 357–402.
- O'Connell 2004 – O'Connell J.F., Allen J. Dating the colonization of Sahul (Pleistocene Australia–New Guinea): a review of recent research // Journal of Archaeological Science, Vol. 31, 2004. Pp. 835–853.
- Rasmussen 2011 – Rasmussen M. et al. An aboriginal Australian genome reveals separate human dispersals into Asia. Science 334, 2011. Pp. 94–98,
- Howells 1996 – Howells W.W. Howells' Craniometric Data on the Internet // American Journal of Physical Anthropology. 1996. V.101, № 3. Pp. 441–442.

References

- Bunak V.V., Tokarev S.A. Problemy zaseleniia Avstralii i Okeanii: Proiskhozhdenie cheloveka i drevnee rasselenie chelovechestva // TIE, novaia serii. Vol. XVI. Moscow, 1951. Pp. 497–522.
- Kabo V.R. Tasmaniitsy i tasmaniiskaia problema. Moscow: Nauka, 1975. 200 p.
- Cosgrove R. Forty-Two Degrees South: The Archaeology of Late Pleistocene Tasmania // Journal of World Prehistory, Vol. 13, No. 4, 1999. Pp. 357–402.
- O'Connell J.F., Allen J. Dating the colonization of Sahul (Pleistocene Australia–New Guinea): a review of recent research // Journal of Archaeological Science, Vol. 31, 2004. Pp. 835–853.
- Rasmussen, M. et al. An aboriginal Australian genome reveals separate human dispersals into Asia. Science 334, 2011. Pp. 94–98,
- Howells W.W. Howells' Craniometric Data on the Internet // American Journal of Physical Anthropology. 1996. Vol.101, No 3. Pp. 441–442.

S.V. Vasilyev, A.A. Sviridov, R.M. Galeev. Craniology of the Australian and Tasmanian aborigines.

This article is aimed at studying of craniological series from Australia and the island of Tasmania stored in the Musée de l'Homme (Paris, France) and in the Museum of Natural History (New York, US). Skulls were measured according to a standard craniometrical program. The series were checked for uniformity in terms of average square deviations and coefficients of variation. The component intragroup analysis was conducted with the use of the software package Statistica 7. The performed work allowed us to find a number of specific craniological characteristics and to describe differences between Australian and Tasmanian skulls. We revealed some features of skulls from northern and western parts of Australia and the Tasmanian aborigines turned out to be the closest to the aborigines of the Western Australia. The population of the southern Australia includes the western and northern variants.

Keywords: paleoanthropology, craniometry, Tasmania, Australia.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО И МАКРОСКОПИЧЕСКОГО АНАЛИЗА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА С КАМЕННЫМИ ОГРАДКАМИ МАЛЛИ*

В ходе раскопок могильника Малли были выявлены скелетные останки человека общей массой около 116 кг, принадлежавшие не менее чем 93 индивидам. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что большая часть необожженных и слабообожженных костей относится к римскому времени, тогда как калцинированные останки датируются эпохой Меровингов. В погребениях как по обряду ингумации, так и кремации представлены останки индивидов обоего пола и всех возрастов. Нарушенный анатомический порядок, низкий относительно ожидаемого средний вес необожженных костей, небольшое число резцов говорят о том, что на могильнике практиковались вторичные погребения по обряду ингумации.

Ключевые слова: кремация, ингумация, вторичные погребения, римское время, эпоха Меровингов, Прибалтика, Ижорская возвышенность.

Введение

Общий объем публикаций, посвященных методам и результатам анализа скелетных останков плохой сохранности, в т.ч. костей, подвергнутых интенсивному температурному воздействию, за последние 20 лет значительно возрос (Козловская 1998; Добровольская 2010; Щеголев 2000; Зайцева 2005; McKinley 1993; Holck 2008; Fairgrieve 2008; Gonçalves 2011). Значительная часть таких работ имеет биоархеологическую направленность и нацелена на реконструкцию элементов погребальной обрядности. С точки зрения традиционной физической антропологии наибольший интерес вызывают методы установления пола и возраста погребенных, восстановление метрических параметров частично разрушенных длинных костей и парных элементов скелета, а также формализованная оценка степени сохранности костной ткани и скелета в целом (Мамонова 1968; Мамонова, Романова, Харитонов 1989; Звягин, Григорьева 2000; Пежемский 2010). В данной публикации рассмотрены результаты изучения останков, представляющих собой массовый, сильно фрагментированный материал из разновременных захоронений с нарушенной целостностью.

Широбоков Иван Григорьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Эл. почта: ivansmith@bk.ru;

Юшкова Мария Андреевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН. Эл. почта: marija_ju@mail.ru.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01223 «Прибалтийско-финские племена на Северо-Западе России: процессы расселения и культурного взаимодействия в раннем железном веке и раннем средневековье».

Археологический контекст, в котором находились кости, тщательно фиксировался в ходе раскопок, однако большей частью останки не пригодны для изучения по каким-либо измерительным программам и не поддаются идентификации. Тем не менее, этот материал может рассматриваться в качестве независимого объекта изучения со стороны, как археологии, так и антропологии, а извлекаемая из него информация не может быть заменена анализом других источников.

Исследуемые материалы происходят из раскопок могильника с каменными оградками (таранда) Малли, расположенного на Ижорской возвышенности, в юго-западной части Ленинградской области. Памятник относится к культуре тарандов, основной ареал которой занимает территории Эстонии и северной Латвии. Подобные памятники встречаются также в юго-восточной Финляндии. Недавно скопление памятников этого типа было выявлено на Ижорской возвышенности (*Юшкова* в печати).

Могильник представлял собой насыпь подпрямоугольной формы размерами не менее 12х20 м, высотой около 0.5 м. Раскопки проводились в 2010, 2011 и 2013 гг., общая площадь раскопок составила 143 кв. м. В результате работ выявлено погребальное сооружение, состоявшее из двух известняковых оградок и каменных вымосток. Стенки оградок были сложены из известняка, а внутреннее пространство заполнено гранитными валунами и известняковой щебенкой. Западная оградка имела мощные известняковые стенки шириной до 1.75 м и высотой 0.7 м, ее размеры около 5х9 м, восточная оградка, размером около 2х5 м имела стенки шириной до 0.8 м. В обеих оградках восточные стенки не сохранились. Можно предполагать, что первой была сооружена западная оградка, затем ее восточная стенка была разобрана и на этом месте была сооружена восточная оградка. К стенкам оградок примыкала краевая насыпь, сложенная из известняковой щебенки, а также вымостки из гранитных камней.

Погребальный инвентарь располагался на поверхности и в слое заполнения каменных конструкций, во внутренней части оградок и за их пределами. Среди находок, представленных украшениями, оружием, орудиями, предметами обихода, типологически выделяются два хронологических горизонта – римское время (посл. треть I–III в. н.э.) и третья четверть I тысячелетия н.э. (эпоха меровингов). Хронологические рамки исследуемых древностей определялись, в основном, по датировкам фибул (ранний этап) и пряжек (поздний этап). Каменные оградки, а также большая часть каменных вымосток, были сооружены в раннеримский период, в третьей четверти I тысячелетия н.э. осуществлялись подзахоронения в уже существующую каменную насыпь.

Общая характеристика костных останков

В материалах памятника представлены скелетные останки, как с выраженными признаками воздействия огня различной степени интенсивности, так и без следов обжига. Те и другие располагались беспорядочно и скоплениями во всех горизонтах на большей части раскопанной площади могильника. Главные трудности исследования антропологических материалов заключаются в невозможности индивидуальной и относительной хронологической идентификации фрагментов костей. Дополнительная сложность работы с останками состоит в том, что часть из них была потревожена после совершения захоронений, поскольку памятник использовался в течение двух хронологически разделенных периодов, а впоследствии целостность отдельных его участков была нарушена грабительскими раскопками. Эти обстоятельства затрудняют реконструкцию вариантов погребального обряда и препятству-

ют надежному установлению пола и возраста погребенных, поскольку определения не могут быть подкреплены наблюдениями признаков разных элементов скелета, подавляющее большинство которых было фрагментировано *postmortem*.

Частично преодолеть сложности реконструкции обряда удалось благодаря тщательной фиксации всех находок и даже мелких фрагментов костей. Относительное положение значительной части анатомически идентифицируемых фрагментов скелета и скоплений костей в пространстве памятника определялось по трем координатам при помощи тахеометра. Заполнение всех горизонтов просеивалось через сито, фиксация выявленных фрагментов проводилась в соответствии с их принадлежностью к трем условным горизонтам и квадратам со стороной 1 м.

По макроскопическим признакам костные останки были разделены на три группы: 1. без следов обжига; 2. слабообожженные останки (различных оттенков черного и коричневого цветов); 3. кальцинированные останки (светло-серого и белого каления).

Следует подчеркнуть, что это деление не соответствует определяемыми тремя разными вариантами погребального обряда характеристикам останков. Останки одного и того же умершего, подвергнутого кремации, могут различаться между собой по степени обжига. Увеличение вариативности цветовых характеристик особенно вероятно в случае исследования останков, подвергнутых кремации на открытом костре. Даже некоторая доля останков, не имеющих визуально определимых следов высокотемпературного воздействия, в действительности может относиться к захоронениям по обряду кремации на стороне. Однако это разбивка является удобной для проведения расчетов из-за наличия очевидных критериев для разделения антропологических материалов на подгруппы.

Общая масса скелетных останков человека составляет 116269 г, в т.ч. масса необожженных костей – 16821 г (14.5%). В последнюю группу были включены все кости, не имеющие визуально определимых следов обжига, в том числе фрагменты со следами эрозии, выветривания или деформаций, возникновение которых предположительно не связано с интенсивным температурным воздействием. Фрагменты длинных костей, свода черепа и зубов со следами эрозии фиксировались не только в верхних, но и нижних горизонтах памятника. Анатомический порядок в относительном расположении костей отсутствует. Целые кости, за исключением элементов кисти и стопы, отсутствуют, размеры фрагментов, как правило, не превышают 60-70 мм в длину. Характер сломов говорит о посмертном разрушении целостности костей. Поверхностные повреждения ограничиваются, помимо эрозии и выветривания, следами погрызов, оставленными предположительно грызунами. Среди необожженных останков представлены все элементы скелета человека, а также разрозненные кости животных (грызунов, зайцев, мелких видов птиц, собак). Присутствие части останков животных на памятнике, по всей видимости, связано с погребальным обрядом. В эстонских могильниках с кремациями эпохи поздней бронзы – железа нередко фиксируются останки животных, в т.ч. кости овец, коз, домашней птицы, собак, а также когти медведей (*Maldre* 2000; *Konsa* 2013; *Allmäe* 2014).

В группу слабообожженных останков были включены кости, цвет которых варьирует от коричневого до черного. Сюда же были отнесены все кости со следами поверхностного обугливания, а также частично кальцинированные фрагменты, большая часть поверхности которых (как внутренней, так и внешней) имеет темно-синий или черный цвет. Эта группа останков составляет 13.4% (15610 г) от общей массы останков человека. Значительная часть слабообожженных костей представлена

фрагментами свода и лицевого отдела черепа, корни зубов, кости кисти и стопы, реже фрагменты длинных костей проксимального и среднего сегментов конечностей, ребер и остистых отростков позвонков.

Независимыми исследователями предложены сходные цветовые шкалы для определения приблизительной максимальной температуры, при которой протекала кремация. Выявлена связь между возрастанием температурного воздействия и изменением цвета в порядке коричневый-черный-синий-серый-белый. Однако существует относительная вариативность цветовых характеристик и температуры, связанная с доступом кислорода в процессе кремации, содержанием воды и органических соединений в кости, наличием мягких тканей (*Holck 2008; Mays 2002; Walker et al. 2008*). Приходится признать, что поскольку мы не владеем исходной информацией об условиях сжигания, невозможно определить точную температуру кремации, и погрешность определений для костей из материалов археологических памятников составляет не десятки, а сотни градусов Цельсия. По всей видимости, большая часть слабообожженных останков происходит из периферийной зоны костра, максимальная температура горения в которой не превышала 500-600°C.

Кальцинированные кости, составляющие третью группу останков, составляют 72.1% (83838 г) от общей массы останков. Сюда относятся кости светло-серого и белого цвета, испытывавшими интенсивное воздействие огня, максимальная температура которого превышала 700-800°C. Как правило, кальцинированные кости представлены мелкими фрагментами, большая часть из которых не поддается анатомической идентификации. Среди идентифицированных фрагментов представлены все элементы скелета.

На кальцинированных костях зафиксированы различные варианты трещинообразования: криволинейные, патинообразные, продольные, поперечные, как поверхностные, так и глубокие. Часть костей несет следы выраженной деформации.

Среди исследователей уже несколько десятилетий ведутся дискуссии о том, может ли наличие криволинейных трещин и деформаций служить надежным признаком, отличающим кремацию тела от кремации останков, освобожденных от мягких тканей (с историей дискуссии можно ознакомиться, например, в (*Larsson 2009*)).

Постепенно накапливается все больше данных о том, что ни деформации, ни криволинейные трещины, ни сочетание обоих признаков на кальцинированных костях не позволяет в 100% случаев не только определить наличие или отсутствие мягких тканей на костях на период кремации, но и даже отделить свежие кости от обезвоженных (*Gonçalves 2012*). При этом криволинейные трещины и деформации на освобожденных от мягких тканей костях на статистически значимом уровне чаще возникают при постепенном повышении температуры и относительно низкой максимальной температуре – т.е. в условиях, наиболее вероятных при кремации на открытом костре. И все же при работе с серией останков наличие деформации, по-видимому, являются относительно надежным признаком того, что кремации подвергалось именно тело умершего (*Gonçalves et al. 2014*). Кроме того, мягкие ткани защищают кость от воздействия высокой температуры в течение некоторого времени кремации, и при неполном кальцинировании останков можно проследить зональные различия в цветовых характеристиках костей (*Symes et al. 2008*). Среди материалов из могильника Малли присутствуют не только кальцинированные кости с деформациями, но и неравномерно окрашенные фрагменты трубчатых костей, фрагменты свода черепа с темными полосами вдоль линий разломов, которые очевидно возникли в процессе

кремации. Эти наблюдения позволяют предположить, что, по крайней мере, часть погребенных на могильнике Малли была подвергнута кремации спустя непродолжительный период после наступления смерти (до разложения мягких тканей).

Кроме того, на некоторых кальцинированных костях были выявлены четко оконтурированные пятна красного и розового, а в единичных случаях голубого и фиолетового цветов. Эти цвета не являются естественными для костей. По всей вероятности, их наличие может быть объяснено тем, что кремация протекала в присутствии изделий, в составе которых содержится медь и железо – об этом известно по наблюдениям в крематориях (*Dunlop* 1978). При этом среди погребального инвентаря обоих хронологических периодов встречены оплавленные предметы, однако большинство изделий не имеют визуально определимых следов пребывания в огне.

Кальцинированные останки представлены мелкими фрагментами, наибольшие размеры которых в среднем не превышают 10-20 мм. Небольшие размеры фрагментов костей из погребений по обряду кремации иногда используются исследователями как аргумент в пользу предположения о преднамеренном разрушении останков после кремации. В частности, такое предположение используется для объяснения вариативности размеров фрагментов кальцинированных костей, происходящих из разных памятников Северной Европы. В случаях, когда костные материалы не подвергались просеиванию, чистке и промыванию в процессе раскопок и последующего изучения (известно, что эти действия могут послужить причиной значительной фрагментации кальцинированных костей), небольшие средние размеры фрагментов интерпретируются как результат преднамеренного целостности костей в ходе погребально-обрядовой деятельности (*Allmäe* 2014). Некоторые финские исследователи связывают находки пестиков и обработанных камней в могильниках с кремациями IV–V вв. с возможным существованием традиции дробления костных останков, затем засеиваемых в землю и символизирующих собой плодородие (*Wickholm* 2005: 34-35; *Wickholm, Rainen* 2006: 159).

Однако поскольку в большинстве случаев фрагментарность останков может быть объяснена факторами, не предусматривающими совершение целенаправленных усилий со стороны человека, представляется, что такое объяснение должно рассматриваться в качестве предпочтительного, в т.ч. в случае с материалами могильника Малли. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что разрушение является естественным следствием самого процесса трупосожжения (*Henriksen* 2008). Чем более продолжительному высокотемпературному воздействию подвергались кости, тем легче они разрушаются как в ходе кремации и впоследствии, при сборе останков с кострища и транспортировке на место захоронения. При этом разрушение происходит интенсивнее, если эти операции проводятся с еще не остывшими останками (*McKinley* 1993). Погодные условия, такие как влажность и температура окружающей среды также оказывают значительное влияние на размеры фрагментов (*Waterhouse* 2013). Кроме того, степень фрагментации костей возрастает в ходе интенсивного использования территории могильника и вытаптывания его поверхности (*Stiner, Kuhn* 1995). Следовательно, сам факт вариативности средних размеров фрагментов костей, происходящих из разных погребений, также может являться непредумышленным следствием человеческой деятельности при проведении погребального обряда или даже находится вне всякой связи с последним.

Связи между характеристиками останков и периодами функционирования могильника.

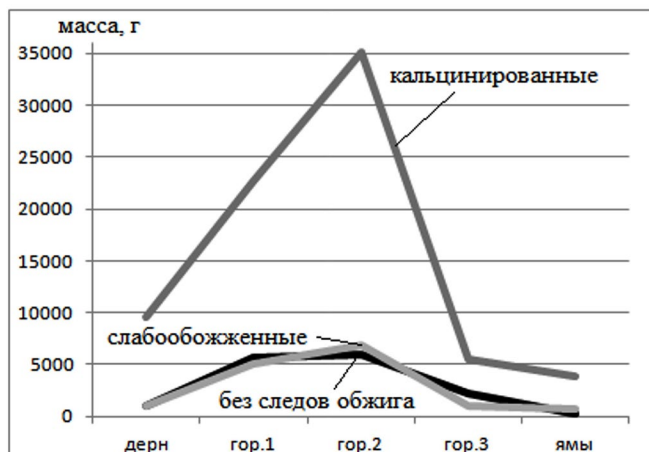

Рис. 1. Распределение массы костных останков различной степени обжига по горизонтам могильника Малли

Результаты изучения материалов из раскопок 2010 г. показали, что кости с разными цветовыми характеристиками тяготеют к разным областям на плане могильника (Широбоков, Юшкова 2014). Анализ останков из материалов, полученных за три года раскопок, позволяют внести некоторые корректировки в это наблюдение. Во всех горизонтах преобладающей по массе категорией являются кальцинированные останки (рис. 1). При этом абсолютная масса кальцинированных костей постепенно возрастает от уровня дерна до горизонта 2.

На первый взгляд на этом фоне слабообожженные и необожженные кости характеризуются сходными тенденциями. Абсолютный вес обеих категорий достигает максимума в горизонте 2. Однако относительная масса необожженных останков выше всего в горизонте 3 (24.9% от общей массы костей в горизонте), тогда как слабообожженные кости относительно чаще встречаются в ямах (16.3% от общей массы костей в яме).

Увеличение относительной массы необожженных останков в нижнем горизонте подтверждает заключение о том, что цветовые характеристики костей могут быть связаны с двумя разными периодами функционирования памятника. С этим согласуются и выявленные различия в расположении костей с разными характеристиками на плане могильника (рис. 2)

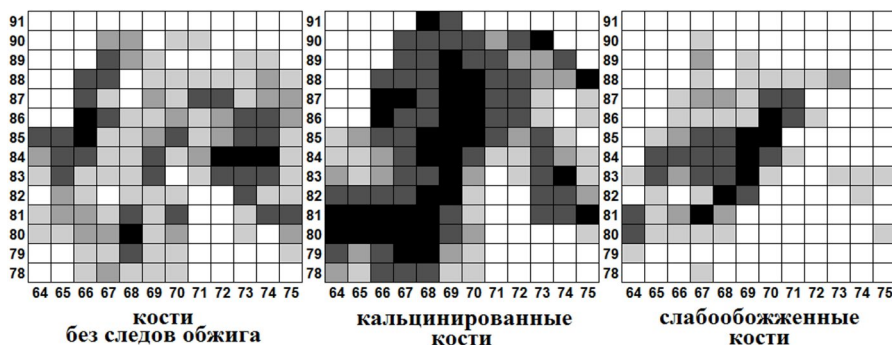

Рис. 2. Распределение массы костных останков различной степени обжига на плане могильника Малли (без учета распределения по горизонтам). Интенсивность заливки от белого к черному цвету возрастает в ряду пяти категорий, выделенных по массе останков, приходящихся на квадрат со стороной 1 м:
0-5 г; 6-49 г; 50-99 г; 100-499 г; более 499 г.

При этом слабообожженные останки, как правило, концентрируются в тех же квадратах, где наибольших значений достигает масса кальцинированных останков, тогда как кости без следов обжига преобладают на периферии зоны концентрации кальцинированных останков или за ее пределами. Приведенная карта имеет главным образом иллюстративное значение, поскольку построена по результатам произвольного деления массы трех групп костных останков на пять неравных категорий – каждая последующая охватывает более широкий диапазон изменчивости, чем предыдущая. Кривая распределения массы костей, приходящихся на один квадрат, значительно отличается от нормальной кривой за счет того, что слабообожженные останки, как правило, составляют очень небольшую долю останков, а кальцинированные кости, напротив, на значительной части квадратов имеют очень большую массу. Средняя масса кальцинированных останков составляет 485 г при максимальной величине 10152 г на квадрат. Соответствующие параметры для слабообожженных фрагментов составляют 93 и 3707 г, для необожженных костей – 95 и 1257 г.

Для более надежного определения связей между относительным расположением костей с разными характеристиками и периодами функционирования памятника были использованы ранговые коэффициенты корреляции Спирмена. Расчет проводился при помощи пакета программ STATISTICA 12.0 в двух вариантах. В первом варианте коэффициенты были рассчитаны между массой останков с разными характеристиками и количеством вещей с установленной культурно-хронологической атрибуцией (эпоха римских влияний или эпоха Меровингов), приходящихся на квадрат со стороной 1 м (табл. 1). Во втором варианте расчет проводился только с учетом квадратов, на которых были зафиксированы находки с установленной атрибуцией, при этом количество находок на квадрат не учитывалось. Введение второго варианта обусловлено тем обстоятельством, что не все находки имеют четкую хронологическую атрибуцию, и методически такой подход представляется более строгим.

Расчет корреляций был проведен как для отдельных условных горизонтов, так и без учета последних. Последний вариант включает в себя не только суммарные показатели по горизонтам, но и массу останков, приходящихся на ямы, а также зафиксированных при снятии дерна.

Между массой всех групп костей и числом вещей, относящихся к обоим хронологическим периодам, выявлены значимые положительные корреляции. Связь отсутствует лишь между массой необожженных костей и количеством находок эпохи Меровингов в горизонте 2, а также между количеством вещей римского времени и массой необожженных и кальцинированных костей в горизонте 3. Этот результат означает лишь, что скелетные останки и артефакты, как правило, концентрируются на одних и тех же участках могильника. При этом только коэффициенты корреляции между массой кальцинированных и слабообожженных костей на значимом статистическом уровне превышают величины остальных связей ($p < 0.02$). Следовательно, большая часть кальцинированных и слабообожженных костей действительно имеют общее происхождение, т.е. относятся к одним и тем же захоронениям.

При переходе ко второму варианту вычислений и исключении из расчета всех квадратов, на которых не зафиксирована хотя бы одна находка с установленной датировкой, картина несколько изменилась. Для горизонта 2 положительные значимые связи выявлены между массой необожженных костей и наличием вещей римского времени, а также между массой кальцинированных костей и наличием вещей тре-

твей четверти I тысячелетия (эпохи Меровингов). Между массой необожженных костей и наличием вещей эпохи меровингов, напротив, фиксируется значимая отрицательная корреляция. Сходная картина наблюдается при рассмотрении связей без учета горизонтов. Масса кальцинированных останков выше на тех квадратах, где присутствуют вещи третьей четверти I тысячелетия, масса необожженных и слабообожженных костей – на квадратах с находками римского времени.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции Спирмена между массой костных останков и количеством археологических артефактов, приходящихся на квадрат со стороны 1 м.

Категория	Горизонт 1			Горизонт 2			Горизонт 3			Без учета горизонтов		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Кальцинированные кости (масса)	0.40	–	0.55	0.56	–	0.72	0.55	–	0.65	0.47	–	0.66
Слабообожженные кости (масса)	0.40	0.55	–	0.46	0.72	–	0.44	0.65	–	0.40	0.66	–
Предметы римского времени (кол-во)	0.29	0.37	0.28	0.34	0.24	0.29	0.07	0.14	0.34	0.45	0.50	0.53
Предметы третьей четв. I тыс. (кол-во)	0.27	0.44	0.23	0.08	0.32	0.21	0.20	0.28	0.28	0.31	0.54	0.41
Предметы римского времени (наличие)	0.16	0.20	0.24	0.38	–0.16	0.21	–0.26	–0.14	0.11	0.26	0.21	0.30
Предметы третьей четв. I тыс. (наличие)	0.19	0.17	–0.01	–0.42	0.54	–0.13	0.24	0.31	–0.08	–0.02	0.34	0.05

Условные обозначения: 1 – масса необожженных костей; 2 – масса кальцинированных костей; 3 – масса слабообожженных костей. Жирным шрифтом выделены значимые коэффициенты корреляции ($p < 0.05$)

Таким образом, корреляционный анализ подтверждает наличие связи между вариантами обряда и периодами функционирования памятника. Двойственное положение занимают слабообожженные фрагменты. С одной стороны, чаще всего они встречаются на квадратах с высокой концентрацией кальцинированных костей, что, по всей вероятности, отражает обычную вариативность цвета костей при кремации на открытом воздухе. С другой стороны, существует статистически значимая положительная связь между наличием вещей римского времени и массой слабообожженных костей. То, что эта связь не случайна, подтверждают результаты исследования скелетных останков из материалов каменного могильника с отрядками Керстово I, который датируется эпохой римских влияний и где преобладают слабообожженные кости и кости без визуально определяемых следов обжига.

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что в третьей четверти I тысячелетия у местного населения превалировал (или был единственным вариантом) обряд кремации на стороне, однако обряд римского времени не может быть однозначно определен как простая ингумация. Против последнего предположения говорит и необычное соотношение действительной и ожидаемой массы останков, приходящихся на одного индивида, полученное по результатам расчета минимальной численности погребенных.

Минимальная численность погребенных и средняя масса останков одного индивида

Для установления минимальной численности погребенных использовался подсчет числа различных фрагментов гомологичных элементов скелета. Как для необожженных, так и для кремированных останков наибольшая численность погребенных была

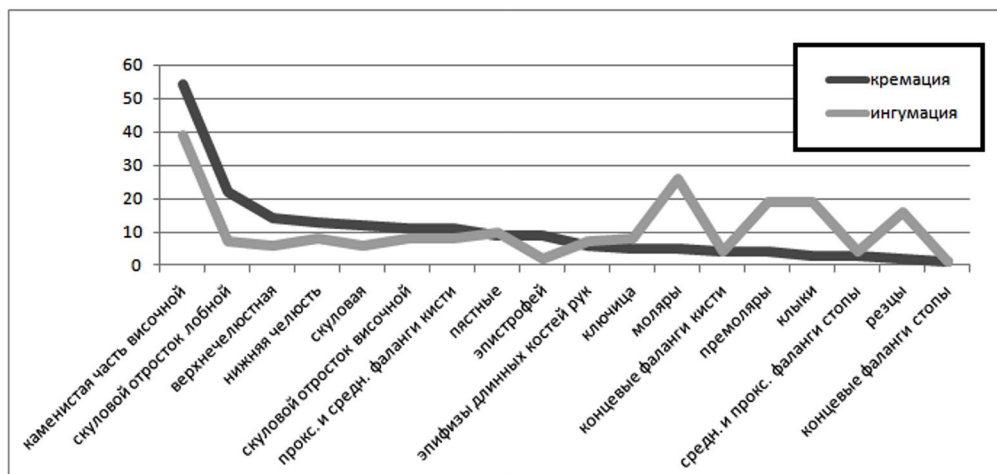

Рис. 3. Минимальная численность погребенных на могильнике Малли, установленная по подсчетам числа некоторых элементов скелета.

получена при подсчете каменистых частей правых височных костей (*pars petrosa*). Результативность расчета численности по остальным группам костей оказалась значительно меньшей (рис. 3). Всего на могильнике зафиксированы останки 93 человек.

Минимальное число индивидов, предположительно погребенных по обряду ингумации, составляет 39 человек. Среди погребенных представлены все возрастные когорты. В их числе представлены останки 13 плодов человека, возраст которых был определен по морфологическим особенностям каменистых частей височных костей (*Schaefer et al.* 2009). Среди взрослых индивидов по метрическим признакам пястных костей (*Barrio et al.* 2006; *Case, Ross* 2007) удалось определить присутствие не менее 6 мужчин и 2 женщин.

В качестве основного материала для определения возрастного состава палеопопуляции были использованы зубы (всего 576 единиц). На первом этапе по степени стертости была проведена оценка вероятной принадлежности каждого зуба индивиду из определенной возрастной когорты (*infantis, adultus, maturus, senilis*). Затем по каждому из типов зубов была рассчитана минимальная численность погребенных в

каждой из возрастных когорт. Данные по численности суммировались, и полученное число было сопоставлено с минимальной численностью, рассчитанной по типам зубов без учета предположительного возраста. Поскольку первое число оказалось выше, была проведена корректировка численности по когортам. Дробные числа были округлены в меньшую сторону (исключение было сделано только для когорты *senilis*, в которой вероятность сохранения полного зубного ряда является крайне низкой).

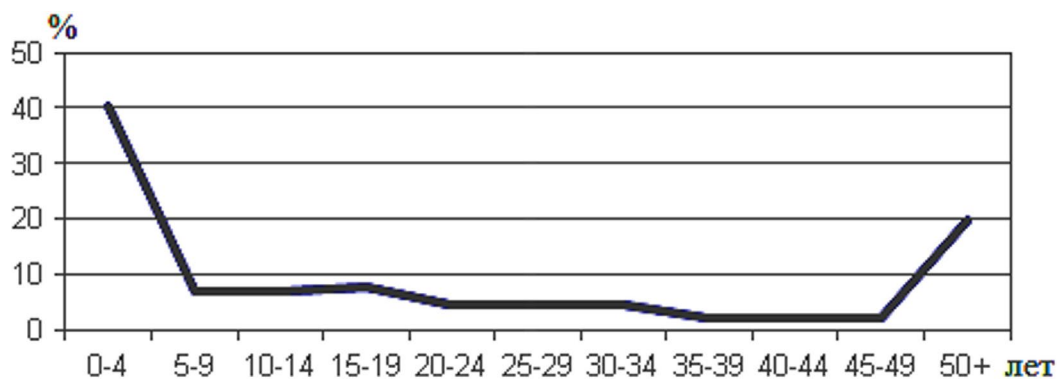

Рис. 4. Кривая смертности для группы погребенных, построенная по результатам оценки степени стертости зубов без следов обжига.

Затем проведена оценка возраста индивидов по пятилетним возрастным интервалам. В первый интервал были дополнительно включены 13 плодов человека, для которых очевидно не может быть данных по зубам. Полученные показатели смертности свидетельствуют о благополучной демографической ситуации (рис. 4). Дети и старики составляют 39% и 20% соответственно от общего числа погребенных. Средний возраст смерти в группе составляет 20 лет, средний возраст взрослых 38 лет. Однако могильник исследован не полностью, а в качестве исходной посылки для определения показателей использовалось предположение о том, что в ранний период функционирования памятника единственной формой погребального обряда являлся обряд ингумации. Поэтому представленные цифры могут рассматриваться как отражающие палеодемографическую характеристику населения, использовавшего могильник в римское время, лишь в приблизительной степени.

Минимальная численность индивидов, фрагменты височных костей которых несут следы воздействия огня различной степени интенсивности, составила 54 человека, в числе которых также представлены останки 2 плодов. Результаты измерений различных элементов скелета по методике, принятой в практике российских криминалистов (Медико-криминалистическая идентификация..., 2000), а также оценка развития рельефа сохранившихся фрагментов лобных и затылочных костей и степени сращения сохранившихся эпифизов длинных костей, свидетельствуют о том, что захоронению по обряду кремации на стороне подлежали индивиды всех возрастных когорт, как мужчины, так и женщины. Однако их численное соотношение не может быть установлено даже по приблизительным оценкам из-за невозможности индивидуальной идентификации останков.

Предположим, что все останки без следов обжига и кости, испытавшие воздействие огня, относятся к двум разным группам с установленной численностью. Тогда

можно рассчитать среднюю массу останков приходящихся на одного индивида, погребенного по одному из двух вариантов обряда. Средняя масса останков погребенного по обряду ингумации составит 431 г. Если исходить из того, что общая масса останков плодов и детей близка к нулю в силу плохой сохранности, тогда средняя масса составит 935 г. Соответствующие величины для погребенных по обряду кремации составляют 1842 и 1989 г на человека, т.е. выше, чем для индивидов, останки которых не имеют визуально определимых следов воздействия огня.

По данным многочисленных наблюдений, проведенных в современных крематориях, средняя масса кремированных останков взрослого человека составляет от 1 до 3 кг; останки мужчин, как правило, весят больше останков женщин (McKinley 1993; Bohnert et al. 1998; Щеголев 2000; Chirachariyavej et al. 2007). Определение среднего веса обезжиренных сухих останков человека, соотношения веса различных элементов скелета, оценка его половых и возрастных различий также неоднократно становились предметом исследования специалистов. По разным оценкам средний вес скелета взрослого человека колеблется от 2.8 до 5 кг (Lowrance, Latimer 1957; Baker, Newman 1957; Silva et al. 2009). Таким образом, минимальная ожидаемая масса сухого скелета взрослого человека составляет около 2.8 кг, кремированных останков – около 1 кг.

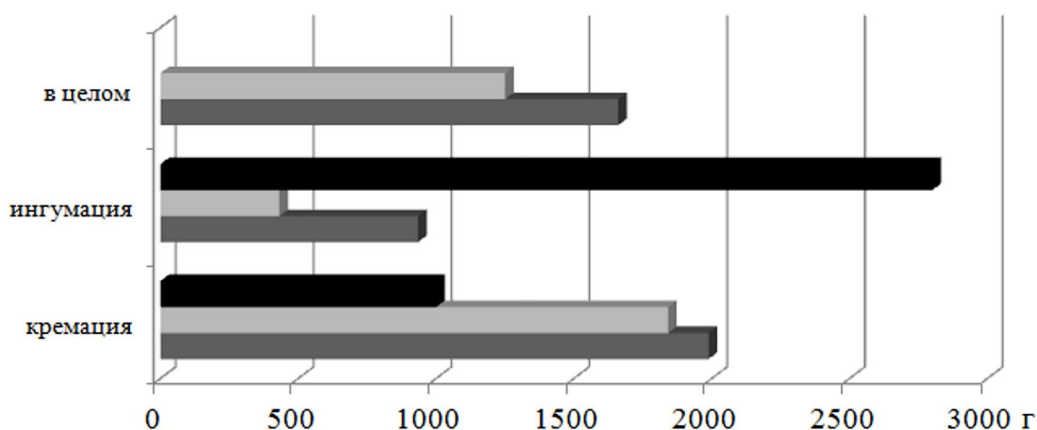

Рис. 5. Средняя масса останков, приходящихся на одного погребенного: с учетом общей минимальной численности (светло-серая заливка), при исключении детей (темно-серая заливка), минимальная ожидаемая масса останков взрослого индивида (черная заливка).

Следовательно, в материалах памятника наблюдается выраженное нарушение ожидаемых и наблюдаемых значений признака (рис. 5). Средняя масса кремированных останков без учета детей в 2 раза превышает минимальную ожидаемую величину и примерно соответствует показателям, полученным по наблюдениям в современных крематориях. С другой стороны, средняя масса костей, не имеющих следов обжига, напротив, значительно меньше минимальной ожидаемой (33.4%). Существуют, по меньшей мере, два возможных объяснения наблюдаемых расхождений, не противоречащие друг другу.

Наиболее очевидная причина заключается в плохой сохранности костей. Фрагменты костей индивидов, погребенных по обряду ингумации, частично разрушились до мельчайших размеров, не фиксируемых археологическими методами. Разру-

шение могло происходить как под воздействием факторов среды (колебания уровня влажности, температуры, доступа кислорода и др.), так и в ходе деятельности человека, нарушавшего целостность погребального памятника. Недостаточные число и масса костей не являются уникальными для погребений по обряду ингумации. Археологи нередко сталкиваются с тем, что скелеты в погребениях представлены фрагментами диафизов длинных костей и свода черепа, а иногда - лишь коронками зубов. В качестве примера можно привести останки из погребений предримского времени территориально близкого к Малли каменного могильника Удосолово. В положении погребенных по обряду ингумации прослеживается анатомический порядок, при этом сами останки сохранились лишь частично (*Михайлова* 2014). Как показывают исследования одного из авторов данной статьи, средняя масса останков пяти взрослых индивидов составила всего 45.9% от минимальной ожидаемой величины. В свою очередь большая средняя масса кремированных останков может объясняться тем, что по причине плохой сохранности костей действительная численность индивидов была сильно занижена. Как правило, масса останков, происходящих из материалов археологических раскопок, значительно меньше ожидаемой величины (*McKinley* 1993; *Добровольская* 2010). Соответствие величин особенно маловероятно для останков из коллективных безурновых захоронений.

Вторая возможная причина расхождений заключается в погребальном обряде. К необожженным скелетированным останкам имело место вторичное обращение. В пользу этого предположения говорит тот факт, что численность индивидов, установленная по молярам (26), соответствует числу необожженных правых *pars petrosa* (за вычетом костей, относящихся к плодам) и значительно выше, чем по резцам (16) и клыкам (19). Эти различия, по-видимому, не связаны с относительно небольшими размерами (и следовательно более высокой вероятностью утраты в процессе раскопок) последних двух типов зубов. Численность, установленная по верхним медиальным резцам – наиболее крупным из передних зубов – еще меньше и составляет всего 8 человек. Другими словами, у некоторых погребенных отсутствует часть передних зубов, а поскольку у скелетированного трупа резцы относительно слабо держатся в альвеолах, их непреднамеренная утрата могла произойти в процессе транспортировки останков на место окончательного захоронения. Другие признаки – отсутствие анатомического порядка, следы эрозии, уменьшение массы и фрагментированность костей – могут быть следствием вторичного использования могильника в третьей четверти I тысячелетия и нарушения его целостности позднее, в период после прекращения функционирования памятника. Однако отсутствие части именно передних зубов является вполне ожидаемым только в случае, если на то место захоронения, где впоследствии кости и фиксировались в ходе археологического исследования, переносилось не тело умершего человека, а останки, частично или полностью скелетированные.

Деление всех останков на две группы по принципу наличия или отсутствия следов воздействия огня является формальным приемом. Кости без следов обжига и часть останков, испытавших высокотемпературное воздействие (в т.ч. кальцинированных) могут относиться к одному периоду функционирования памятника. Теоретически различия в характеристиках костей могут быть результатом совершения двухэтапного погребального обряда или кремации на открытом воздухе при небольшом количестве дров.

Приведенные выше цифры позволяют предположить, что масса кальцинированных останков составляет около 50-60% от массы сухого скелета взрослого человека. Если суммировать массу костей без следов воздействия огня и «восстановленную» изначальную массу кремированных останков, условная общая масса костей человека на раскопанной площади могильника составит от 183 до 215 кг. На одного погребенного (без учета плодов) будет приходиться 2.3-2.7 кг сухих костей, что в значительно большей степени соответствует минимальной ожидаемой величине.

Интерпретация недостаточной средней массы необожженных костных останков, приходящихся на одного погребенного, исключительно как результата непреднамеренного разрушения костей не является вполне надежной и по причине относительно хорошей сохранности костей кисти и стопы. Именно эта группа костей в наибольшей степени чувствительна к разрушающему воздействию факторов внешней среды (Зайцева 2005). Однако минимальная численность индивидов, определенная по пястным костям (10), выше численности, установленной по различным элементам черепа (за исключением *pars petrosa*) и длинным костям (см. рис. 3).

Относительно хорошая сохранность серии плюсневых костей позволила установить среднюю длину тела погребенных. Определение признака было проведено по серии регрессионных формул, выведенных независимыми группами исследователей для костей плюсны и предплюсны (Byers *et al.* 1989; Pablos *et al.* 2013). Были измерены наибольшие длины 9 необожженных плюсневых костей, происходящих из разных участков памятника. Средняя длина тела погребенных без учета пола составила 167 см при размахе от 157 до 176 см. Метрические признаки плюсневых костей позволяют определять с различной долей вероятности половую принадлежность погребенных (Case, Ross 2007). Однако с методической точки зрения представляется некорректным использовать одни и те же признаки для разграничения индивидов по полу и установления длины тела. Очевидно, что в таком случае все большие размеры попадут в категорию мужских, а малые – в категорию женских размеров. С учетом присутствия среди погребенных как мужчин, так и женщин, определенного по результатам анализа различных элементов скелета, можно лишь предположить, что средняя длина тела мужчин составляла около 169-170 см. Это значение соответствует реконструированной по тем же формулам средней длине тела (169 см) четырех мужчин из могильника Удосолово. Оно относится к категории больших значений по рубрикации Р. Мартина и категории выше средних значений по рубрикации Д.В. Пежемского (Пежемский 2011).

Заключение

Для римского времени может быть предложено два варианта реконструкции погребального обряда, в равной степени основанных на фактических наблюдениях. С находками этого времени связаны кости без следов воздействия высокой температуры, а также часть останков, испытавших воздействие огня. Нет сомнений, что к останкам погребенных по обряду ингумации имело место вторичное обращение. Об этом свидетельствуют отсутствие анатомического порядка в относительном расположении элементов скелета, следы эрозии и выветривания на костях, происходящих как из верхних, так и нижних горизонтов, а также пониженная относительно ожидаемой масса останков, приходящихся на одного индивида.

Первый вариант реконструкции предполагает совершение биритуальных захоронений на могильнике в римское время: вторичная ингумация и кремация на стороне.

Главным обоснованием для интерпретации ингумаций как вторичных является относительно низкая численность погребенных, установленная по передним зубам, относительно численности, определенной по числу моляров. Бытовавший параллельно с ингумацией вариант обряда - кремация на стороне в римское время совершалась при менее интенсивном термическом воздействии на останки, чем в более поздний период. Различия могут быть связаны с разными причинами: с использованием местным населением в первые века н.э. более мягких пород деревьев, относительно меньшей площадью погребального костра или меньшей продолжительностью кремации, чем в более поздний период.

Второй вариант реконструкции предполагает, что захоронения римского времени (или часть из них) совершались в два этапа. На первом этапе тела умерших размещались в специально отведенных местах до полного или частичного разложения мягких тканей. На втором этапе проводилась кремация частично или полностью скелетированных останков. В таком случае целью кремации могло являться окончательное очищение костей от остатков мягких тканей и высушивание первых. При помощи химического анализа скелетных останков с различными макроскопическими характеристиками в дальнейшем можно будет определить наиболее вероятный из предложенных вариантов.

В третьей четверти I тысячелетия н.э. на территории могильника совершались захоронения по обряду трупосожжения на стороне. По всей вероятности, кремация совершалась спустя непродолжительный период времени после наступления смерти. Кремация (по крайней мере, в ряде случаев) проводилась вместе с погребальным инвентарем. Возможно, осуществлялись одновременные кремации нескольких человек или останки разных индивидов преднамеренно погребались совместно.

Литература

- Добровольская 2010 – Добровольская М.В. К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения Института археологии. 2010. Вып. 224. С.85–97.
- Зайцева 2005 – Зайцева О.В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации. Автореф. дисс. ... к.и.н. Новосибирск, 2005.
- Звягин, Григорьева 2000 – Звягин В.Н., Григорьева М.А. Метод установления соматологических особенностей человека при судебно-медицинской экспертизе костных останков. М., 2000. 26 с.
- Козловская 1998 – Козловская М.В. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. Вып.1. М., 1998. С. 174–181.
- Мамонова 1968 – Мамонова Н.Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 29. С. 171–177.
- Мамонова и др. 1989 – Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований. Л.: Наука, 1989. С. 50–83.
- Медико-криминалистическая идентификация 2000 – Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 2000. 472 с.
- Михайлова 2014 – Михайлова Е.Р. О культурно-хронологической характеристике древностей

- римского времени и начала средневековья на юго-восточном побережье Финского залива: новые материалы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II. С.363–367.
- Пежемский 2011 – Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции телосложения. Диссертация ... кандидата биологических наук: 03.03.02. М., 2011. 217 с.
- Широбоков, Юшкова 2014 – Широбоков И.Г., Юшкова М.А. Антропологические материалы из коллективных захоронений по обряду кремации и ингумации каменного могильника с оградками Малли (материалы раскопок 2010 г.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. Вып. 2 (25). С.71–79.
- Щеголев 2000 – Щеголев С.Б. Судебно-медицинская экспертиза кремированных останков (экспериментальное и практическое исследование). Автореф. дис... канд. мед. наук. СПб., 2000.
- Юшкова в печати – Юшкова М.А. Новая группа памятников I-VII вв. на юго-западе Ленинградской области // Археологические вести. СПб. Вып. 21. В печати.
- Allmäe 2014 – Allmäe R. Observations on Estonian Iron Age cremations // *Archaeologia Baltica*. 2014. V.19. P.31–47.
- Baker, Newman 1957 – Baker P.T., Newman R.W. The use of bone weight for human identification // *American journal of physical anthropology*. 1957. Vol.15. P. 601–618.
- Barrio et al. 2006 – Barrio P.A., Trancho G.J., Sanchez J.A. Metacarpal sexual determination in a Spanish population // *Journal of Forensic Science*. 2006. Vol.51 (5). P. 990–995.
- Bohnert et al. 1998 – Bohnert M., Rost T., Pollak S. The degree of destruction of human bodies in relation to the duration of the fire // *Forensic science international*. 1998. Vol. 95. P. 11–21.
- Byers et al. 1989 – Byers S., Akoshima K., Curran B. Determination of adult stature from metatarsal length // *American Journal of Physical Anthropology*. 1989. Vol.79. P. 275–279.
- Case, Ross 2007 – Case D.T., Ross A.H. Sex determination from hand and foot bone lengths // *Journal of Forensic Science*. 2007. Vol. 52 (2). P. 264–270.
- Chirachariyavej et al. 2007 – Chirachariyavej T., Limburanasombat S., Tiensuwan M. The relationship between bone and ash weight to body weight and body length of Thai corpses in Bangkok and central part of Thailand after cremation // *Journal of Medical Association of Thailand*. 2007. Vol. 90 (9). P. 1872–1878.
- Dunlop 1978 – Dunlop J.M. Traffic light discoloration in cremated bones // *Medicine, Science and the Law*. 1978. Vol. 18 (3). P. 163–173.
- Fairgrieve 2008 – Fairgrieve S.I. Forensic cremation. Recovery and analysis. New York.
- Gonçalves 2011 – Gonçalves D. Cremains. The value of quantitative analysis for the bioanthropological research of burned human skeletal remains. Coimbra, 2011.
- Gonçalves et al. 2014 – Gonçalves D., Cunha E., Thompson T.J.U. Estimation of the pre-burning condition of human remains in forensic contexts // *International Journal of Legal Medicine*. 2014. (DOI 10.1007/s00414-014-1027-8)
- Henriksen 2008 – Henriksen M.B. Prehistoric Cremation technique - archaeological evidence and experimental experience // The consequences of fire. Annual conference of Association for environmental archaeology. Denmark, 2008. P. 8–11.
- Holck 2008 – Holck P. Cremated bones. A medical-anthropological study of an archaeological material on cremation burials. Oslo, 2008.
- Konsa 2013 – Konsa M. Intrasite spatial analysis of the cemeteries with the dispersed cremated bones // *Archaeology in the Digital Era*. Vol. II (e-Papers from the 40th Conference on Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology Southampton, 26-30 March 2012). Amsterdam, 2013. P. 570–574.
- Larsson 2009 – Larsson A.M. Breaking and making bodies and pots. Material and ritual practices in Sweden in the third millennium BC. Uppsala, 2009. 493 p.
- Lowrance, Latimer 1957 – Lowrance E.W., Latimer H.B. Weights and linear measurements of 105

- human skeletons from Asia // *American Journal of Anatomy*. 1957. Vol. 101. P. 445–459.
- Mays 2002 – Mays S. *Archaeology of human bones*. New York, 2002.
- McKinley 1993 – McKinley J. Bone fragment size and weights of bone from modern British cremations and the implications for the interpretation of archaeological cremations // *International journal of osteoarchaeology*. 1993. Vol.3. P. 283–287.
- Pablos et al. 2013 – Pablos A., Gómez-Olivencia A., García-Pérez A., Martínez I., Lorenzo C., Arsuaga J.L. From toe to head: Use of robust regression methods in stature estimation based on foot remains // *Forensic Science International*. 2013. Vol.226. P. 299.e1–299.e7.
- Schaefer et al. 2009 – Schaefer M., Black S., Scheuer L. *Juvenile osteology. A laboratory and field manual*. 2009. 382 p.
- Silva et al. 2009 – Silva A.M., Crubezy E., Cunha E. Bone weight: new reference values based on a modern Portuguese identified skeletal collection // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2009. Vol.19. P. 628–641.
- Stiner, Kuhn 1995 – Stiner M.C., Kuhn S.L. Differential burning, recrystallization, and fragmentation of archaeological bone // *Journal of archaeological science*. 1995. Vol. 22. P. 223–237.
- Symes et al. 2008 – Symes S.A., Rainwater C.W., Chapman E.N., Gipson D.R., Piper A.L. *Patterned thermal destruction of human remains in a forensic setting* // *The Analysis of Burned Human Remains*, London: Academic Press, 2008. P. 15–54.
- Walker et al. 2008 – Walker P.L., Miller K.W.P., Richman R. Time, temperature and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bones // *The analysis of burned human remains*. London: Academic Press, 2008. P. 129–135.
- Waterhouse 2013 – Waterhouse K. The effect of weather conditions on burnt bone fragmentation // *Journal of forensic and legal medicine*. 2013. Vol.20. P. 489–495.
- Wickholm 2005 – Wickholm A. The cremation cemeteries under flat ground – a representative of what? // *Interpretierte Eisenzeiten. Fallstudien, Methoden, Theorie. Tagungsbericht der 1. Linzer Gespräche zur interpretativen Eisenzeitarchäologie. Studien zur Kulturgeschichte von Oberösterreich*. 2005 Folge 18. L. 31–40.
- Wickholm, Raninen 2006 – Wickholm A., Raninen S. The broken people: deconstruction of personhood in Iron Age Finland // *Estonian Journal of Archaeology*. 2006. Vol. 10. No. 2. P. 150–166.

References

- Dobrovolskaya M.V. K metodike izucheniia materialov krematsii // *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii*. 2010. Vol. 224. Pp. 85–97.
- Zaitseva O.V. *Pogrebeniia s narushennoi anatomicheskoi tselostnost'iu kostiaka: metodika issledovaniia i vozmozhnosti interpretatsii*. Thesis Abstract. Novosibirsk, 2005.
- Zviagin V.N., Grigor'eva M.A. *Metod ustanovleniia somatologicheskikh osobennostei cheloveka pri sudebno-meditsinskoi ekspertize kostnykh ostankov*. Moscow, 2000.
- Kozlovskaya M.V. K voprosu o vozmozhnostiakh issledovaniia kremirovannykh kostei // *Istoricheskaiia ekologiiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniia*. Vol. 1. Moscow, 1998. Pp. 174–181.
- Mamonova N.N. *Opreделение длины костей по их фрагментам* // *Voprosy antropologii*. 1968. Vol. 29. Pp. 171–177.
- Mamonova N.N., Romanova G.P., Kharitonov V.M. *Pervichnaia obrabotka i opredelenie antropologicheskogo materiala v polevykh usloviakh* // *Metodika polevykh arkheologicheskikh issledovaniia*. Leningrad: Nauka, 1989. Pp. 50–83.
- Mediko-kriminalisticheskaiia identifikatsiia. Nastol'naia kniga sudebno-meditsinskogo eksperta*. Moscow: Izdatel'skaia gruppа NORMA-INFRA, 2000.
- Mikhailova E.R. *O kul'turno-khronologicheskoi kharakteristike drevnostei rimskogo vremeni i nachala srednevekov'ia na iugo-vostochnom poberezh'e Finskogo zaliva: novye materialy* //

Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s»ezda v Kazani. Kazan, 2014. Vol. II. Pp. 363–367.

Pezhemsky D.V. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostei cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii teloslozheniia. Dissertatsiia ... kandidata biologicheskikh nauk: 03.03.02 (Thesis). Moscow, 2011.

Shirobokov I.G., Yushkova M.A. Antropologicheskie materialy iz kollektivnykh zakhoroneni po obriadu krematsii i ingumatsii kamennogo mogil'nika s ogradkami Malli (materialy raskopok 2010 g.) // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2014. Vol. 2 (25). Pp. 71–79.

Shchegolev S.B. Sudebno-meditsinskaia ekspertiza kremirovannykh ostankov (eksperimental'noe i prakticheskoe issledovanie). Thesis Abstract. Saint Petersburg, 2000.

Yushkova M.A. Novaia gruppа pamiatnikov I–VII vv. na iugo-zapade Leningradskoi oblasti // Arkheologicheskie vesti. Saint Petersburg. Vol. 21. In print.

I.G. Shirobokov, M.A. Yushkova. The results of planigraphic and macroscopic research of skeletal remains from tarand graves Malli.

The human remains from burial ground Malli have roughly 116 kg in weight and include a minimum number of 93 individuals. Correlation analysis shows that unburned remains and weakly burned bones are characteristic to the Roman Period while the calcined bones are characteristic to the Merovingian Period. People of all ages and both sexes are represented in both cremation and inhumation burials. Disturbed anatomical order, low (in comparison with anticipated magnitude) mean weight of unburned bones, insufficiency of incisor's number argue that inhumations were secondary burials.

Key words: *cremation, inhumation, second burials, the Roman Period, the Merovingian Period, Baltic region, Izhorian plateau.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 397

© А.А. Матусовский

КЕРАМИКА ИНДЕЙЦЕВ ВАУРА

Индейцы ваура, живущие в Бразилии, в штате Мату-Гросу, в Индейском парке Шингу (сейчас он называется так), владеют искусством гончарного мастерства. Статья знакомит с традицией и техникой изготовления керамики у индейцев ваура.

Ключевые слова: индейцы Бразилии, индейцы ваура, традиционная керамика.

Для бассейна Амазонки характерны социо-культурные общности, объединения племен, которые складывались в течение столетий и к настоящему времени обрели законченные формы. Наиболее известные среди таких образований – *шингуано* в верховьях реки Шингу, *аравакские* племена верховьев реки Риу-Негру и племена тукано междуречья Ваупес – Апапорис. Эти объединения оказывают заметное влияние на динамику происходящих в регионе культурных и этнических процессов. Во многом подобные общности базируются на схожих мифологических воззрениях и религиозных ритуалах. Не менее значимую роль в их функционировании играют межплеменные браки и торговый обмен.

Десять племен говорят на языках, относящихся к различным языковым семьям. К аравакской семье относятся *ваура*, *явалапити*, *меинаку*, к карибской – *куйкуру*, *наукава*, *калалало*, к семье тупи-гуарани – *камаюра*, *авети*, *каяби*, язык *трумаи* – изолированный. Эти племена, живущие в Бразилии, на севере штата Мату-Гросу, в верховьях реки Шингу, образуют метаэтническую социо-культурную общность *шингуано*.

Одним из наиболее ценных товаров в межплеменной торговле *шингуано* являются различные гончарные изделия, изготавливаемые индейцами ваура.

Традиция изготовления керамических изделий индейцами верховьев реки Шингу имеет длительную, прослеживаемую на протяжении нескольких сотен лет историю, которая подтверждается данными археологии (*Becquelin* 2000; *Simões* 1967). Техника производства керамики, называемая археологами «фазой *шингуано*», фиксируется исследователями в верховьях реки Шингу, начиная с первой трети XVII века (*Becquelin* 2000: 15 – 16, 30, 38, 42). Некоторые из них обнаруживают элементы, присущие современной технике изготовления керамики *шингуано*, и в более ранние периоды, в так называемой, «фазе Ипаву», датируемой VIII – XVI веками (*Heckenberger* 1996) и географически сопоставимой с районом вокруг озера Ипаву.

Первые сведения о керамике индейцев верховьев реки Шингу были получены в ходе второй немецкой экспедиции в этот район в 1887 – 1888 годах под руководством К. фон ден Штейнена. Основной исследовательский интерес экспедиции был

сконцентрирован на изучении культуры индейских племен восточной части области верховьев реки Шингу (в течении реки Кулизеу). К. фон ден Штейнен не посещал деревень индейцев ваура, их селения остались в стороне от маршрута экспедиции. Однако керамику ваура он встречал в других деревнях шингуано, попадавших на его пути. Для коллекции Берлинского музея этнологии К. фон ден Штейнен собрал около двух тысяч различных предметов, включая гончарные изделия ваура. Немецкий исследователь впервые описал керамику шингуано и предложил ее типологизацию, хотя и весьма поверхностную (Steinen 1894: 241, 288, 289 – 292).

В дальнейшем изучении керамики индейцев ваура занимался ряд исследователей: Lima P.E. (Lima 1950), Myazaki N. (Myazaki 1978), Coelho V.P. (Coelho 1981), Hartmann G. (Hartmann 1986), Heckenberger M. (Heckenberger 1996), Barcelos Neto A. (Barcelos Neto 2000, 2005 – 2006).

Согласно мифологии ваура, искусству гончарного мастерства их обучил большой змей *Камалу Аи*, приплывший к ним на каноэ по реке Батови, правому притоку реки Ронуро, впадающей в Шингу. Он показал ваура первичные формы и размеры всех типов керамических изделий и указал места залежи необходимой для производства керамики глины в среднем и нижнем течении Батови. Ваура утверждают, что Камалу Аи открыл секрет гончарного мастерства только им, поэтому никакой другой народ в верховьях реки Шингу не владеет этим секретом (Barcelos Neto 2005–2006: 359; ПМА 2011: тетр. 1).

Однако данные первых этнографов, посетивших район верховьев реки Шингу, свидетельствуют, что гончарным мастерством владели не только ваура, но и меинаку, другое аравакоязычное племя региона. К. фон ден Штейнен упоминает, что карибоязычное племя науква получали глиняные горшки от меинаку, а тупиязычные племена – от ваура. Мужчины науква брали в жены женщин меинаку, которые, являясь носительницами навыков гончарства, способствовали его внедрению в культуру науква (Steinen 1894: 215, 241).

Добыча глины-сырья, имеющей характерный серый цвет, осуществляется в августе – сентябре, поэтому наибольшее количество гончарных изделий ваура производят в ноябре – марте, в пик сезона дождей (Barcelos Neto 2005–2006: 365 – 366). Однако изготовлением керамических изделий ваура занимаются в течение всего года. Для этих целей они создают запасы глины, которые в наши дни индейцы хранят в больших пластиковых бочках, стоящих в тени (ПМА 2011: тетр. 1).

Ваура не знакомы с гончарным кругом, поэтому все глиняные горшки они делают ленточным способом. Форму будущим изделиям придают руками, а также ста-

Рис. 1. Изображение змея на горшке камалупо века (фото автора, 2013 г.).

рыми деревянными дощечками для переворачивания маниоковых лепешек *бейжу*. Сформированное изделие выставляют сохнуть на солнце. Затем его подвергают соскабливанию, убирая излишки глины. Раньше для соскабливания применялись раковины моллюсков, которые в последние десятилетия стали заменяться различными металлическими пластинами. Оскобленный горшок шлифуется, в настоящее время с помощью наждачной бумаги и скругленной гальки, с добавлением сока дерева определенного вида или собственной слюны. После шлифовки изделие обжигают на огне (ПМА 2011: тетр. 1; ПМА 2013: тетр. 1).

Свою керамику ваура раскрашивают красными и черными растительными красками. Красную краску делают из семян кустарника *уруку* (*Vixa orellana*). Семена бросают в воду, процеживая и отбрасывая их через сетку. Окрашенную в пурпурно-красный цвет взвесь оставляют кипеть на медленном огне до тех пор, пока она не начнет загустевать. Остывая, раствор постепенно превращается в густую маслянистую пасту, используемую для нанесения узоров не только на керамические изделия, но и на тело и волосы. Пасту уруку также высушивают на солнце и размельчают до порошкообразного состояния. В таком виде законсервированная уруку может долго храниться. При необходимости порошок разбавляют нужным количеством воды, подготавливая краску уруку для работы (ПМА 2011: тетр. 1).

Среди мотивов росписи доминируют геометрические узоры – точки, линии, круги, треугольники, которые могут составлять различные комбинации. Типичными геометрическими орнаментами, используемыми не только ваура для раскраски своих гончарных изделий, но и всеми шингуано для украшения многих предметов традиционной культуры, раскраски лица и тела являются: а) соединяющиеся друг с другом углами ромбы; б) идущие параллельными вертикальными или горизонтальными рядами треугольники; в) зигзагообразные линии; г) комбинации, сочетающие в себе ромбы, треугольники, квадраты (ПМА 2011: тетр. 1; ПМА 2013: тетр. 1). Все эти виды геометрических орнаментов шингуано прослеживаются в верховьях Шингу по данным археологии (*Simões* 1967: 150), фиксируются первыми исследователями конца XIX века (*Steinen* 1894: 261 – 277) и продолжают оставаться востребованными современными индейцами (ПМА 2011: тетр. 1; ПМА 2013: тетр. 1). Зооморфные изделия, как правило, украшают черными линиями и точками, либо окрашивают красной краской только часть изделия (Там же: тетр. 1). К. фон ден Штейнен так определял символику орнамента шингуано: ромбовидный, или, так называемый «мерешу», ассоциируется с определенным видом рыб, относящихся к роду *Serrasalmus*, или *Myletes*; горизонтальные ряды треугольников – аналог *улури* – женской набедренной повязки, вертикальные – образ летучей мыши, зигзагообразный ряд имитирует змею (*Steinen* 1894: 261–277).

Основные действия по изготовлению керамических изделий осуществляют женщины, однако мужчины также участвуют в процессе (ПМА 2011: тетр. 1; ПМА 2013: тетр. 1). Поэтому, как отмечает Барселуш Нету, было бы неверно говорить, что производство керамики у ваура исключительно женское или мужское занятие (*Barcelos Neto* 2005–2006: 359).

Одну из наиболее полных классификаций и типологизаций керамических изделий ваура предлагает бразильский антрополог А. Барселуш Нету. Он выделяет пять основных типов керамики ваура: а) камалупо (*kamalupo*), б) макула (*macula*), в) эже (*héjé*), г) тсактсак (*tsaktsak*), д) керамику, имеющую зооморфные формы. Согласно

градации Барселуша Нету, существует еще пять других, отдельных типов керамики, не попадающих под классификацию пяти выше перечисленных типов (Ibid.: 360).

Камалупо (kamalupo) – крупные глиняные горшки со скругленными краями, диаметром 60-115 см и высотой стенок от 35 до 58 см. Барселуш Нету различает восемь типов таких горшков: а) *камалупо веке* (kamalupo weke), диаметром 90-115 см, используются для хранения маниоковой муки и воды; б) *камалупо аапуку* или *мажатапо* (kamalupo aharupuku (или majataro), диаметром 80-95 см, используются для сдавливания и промывания маниоковой массы, хранения маниоковой муки, воды; в) *нукаи* (nukai), диаметром 65-80 см, используются для переработки клубней горького маниока (на него кладется решетчатый отжим), приготовления плодов *пеки* (Caryocarpus brasiliense) и семян *уруку* (Bixa orellana); г) *камалупо маяяпо* (kamalupo mayayapo), диаметром 65-80 см, используются для отжима и промывания маниоковой массы; д) *камалупо тапуку* (kamalupo taparuku), диаметром 65-80 см, используются для отжима и промывания маниоковой массы; е) *камалупо курисепун* (kamalupo kurisepun), диаметром 65-80 см, используются в качестве емкости для слива отжатого из клубней горького маниока ядовитого сока; ж) *мисапо* (misapo), диаметром 60-70 см, используются для отжима и промывания маниоковой массы; з) *витсопо* (witsopo), диаметром 60-70 см, используются для растирания клубней горького маниока (Ibid.: 361).

Имеется еще три подтипа керамических изделий, причисляемых Барселушем Нету к типу глиняных горшков камалупо: а) *эйтэин* (heitein), диаметром 55-60 см, используются для транспортировки воды; б) *нунукатсаи* (nunukatsai), диаметром 40-55 см, используются для хранения пищи; в) *нунукатсайтаи* (nunukatsaitai), диаметром 30-40 см, используются для хранения пищи. Диаметр оснований эйтэин, нунукатсаи и нунукатсайтаи колеблется от 30 до 60 см, а высота их стенок не превышает 35 см. Эти три подтипа необходимы ваура для хранения еды и жидкости быстрого потребления. Их производство и использование резко сократилось с вхождением в быт ваура алюминиевой и пластиковой посуды (Ibid.: 361).

Мне довелось наблюдать у ваура внушительных размеров раскрашенные горшки камалупо веке, приготовленные для торгового обмена с куйкуру. Хозяин горшков пояснил, что они имеют большую ценность. Он оценивал стоимость одного горшка в 500 бразильских реалов или двух ожерелий из речных раковин, на производстве которых специализируются куйкуру, калапало и науква, трудоемких украшений, неотъемлемого элемента традиционного мужского и женского костюма всех племен шингуано, также имеющих среди них высокую ценность. Однако мужчина не акцентировал внимания, намерен ли он получить за них с куйкуру деньги или совершить с ними торговый обмен (ПМА 2013: тетр. 1).

Рис. 2. Мужчина ваура раскрашивает горшок.
(фото автора, 2011).

Макула (*macula*) – тип глиняных горшков макула тождественен типу горшков камалупо, за единственным исключением: макула имеет не закругленный, а плоский широкий край. Высота стенок горшков макула колеблется между 20 и 40 сантиметрами.

Барселуш Нету выделяет шесть типов глиняных горшков макула (*Barcelos Neto* 2005–2006: 362): а) *макула веке* (*makula weke*), диаметром 75–85 см, используются в случае отсутствия горшков камалупо нукаи, для приготовления большого количества рыбы, семян уруку, плодов пеки, для отжима и промывания маниоковой массы, приготовления отвара из сока горького маниока; б) *макула тапапуку* (*makula tarapuku*), диаметром 70–75 см, используются для приготовления рыбы; в) *макула тапапукутаи* (*makula tarapukutai*), диаметром 65–70 см, используются для приготовления рыбы; г) *макула* (*macula*), диаметром 45–65 см, используются в качестве небольшой кастрюли для приготовления рыбы и поджаривания маниоковой муки; обычно принадлежит взрослым мужчинам, состоящим в браке, из него они персонально едят рыбу; д) *макулатаи* (*makulatai*), диаметром 20–45 см; е) *макулатаитсаи* (*makulataitsai*), диаметром 10–20 см, используются индивидуально подростками для употребления рыбы.

Плоский край горшков макула веке, макула тапапуку, макула тапапукутаи имеет ширину 5–7 см (ПМА 2011: тетр. 1, ПМА 2013: тетр. 1). У горшков меньших размеров край уже. Типы горшков камалупо и макула имеют широкое основание, незначительно сужающиеся кверху стенки и совпадающий по диаметру с основанием верхний край (Там же: тетр. 1).

Некоторые глиняные горшки ваура, наблюдаемые автором статьи в деревне Пиюлага, не подпадают под предлагаемую Барселушем Нету классификацию. Эти изделия представляют собой подобие глиняных кастрюль: имеют глиняные крышки с дугообразной ручкой, две ручки, расположенные на противоположных сторонах, и спрямленные края (Там же: тетр. 1).

Можно было бы предположить, что глиняные кастрюли ваура имитируют вошедшие в их быт алюминиевые кастрюли. Однако также встречаются:

Рис. 3. Горшки макула. (фото автора, 2013).

небольших горшков, диаметром 10–12 см, с высотой стенок 10–15 см, с крышкой, имеющей ручку; горшки камалупо подвидов нунукатсайтаи и макулатаи, прикрываемые глиняной крышкой с ручкой, но без боковых ручек (Там же: тетр. 1). Широкая представленность данного типа керамических изделий, вероятно, может косвенно свидетельствовать, что традиция изготовления глиняных крышек и ручек на горшках имеет у ваура более древние корни, а не является новацией последних десятилетий.

Для ручек крышек и горшков характерными являются следующие формы: а) дугообразные; б) плоские прямоугольные со скругленными краями и углами, отвер-

ствием посередине; в) цилиндрические (только для крышек). Автор статьи отмечал случаи, когда перевернутым противнем эже накрывали горшки, используя его в качестве крышки (Там же: тетр. 1).

Формы создаваемых ваура керамических изделий имеют строгие устоявшиеся каноны, четко прослеживающиеся в горшках типов камалупо, макула, противнях эже и зооморфной керамике. Наибольший простор для творчества выявляется лишь при изготовлении зооморфной керамики. Однако все инновационные изменения связаны исключительно с внешним оформлением, антуражем, не затрагивающим концептуальное построение корпуса изделия (Там же: тетр. 1).

Эже (héjé) – данный тип керамических изделий ваура представляет собой плоский глиняный противень, с гладко закругленными краями, предназначенный для приготовления маниоковых лепешек бейжу. Эже вместе с горшками камалупо относятся к наиболее востребованным керамическим изделиям у ваура, в наименьшей степени подверженным замене на современную алюминиевую или пластиковую посуду. Ваура полагают, что глиняные противни эже являются абсолютно необходимым предметом домашнего обихода и должны занимать центральное место в каждом доме, в точке между передним и задним входами, между двумя опорными столбами, поддерживающими крышу (Там же: тетр. 1).

Барселуш Нету разграничивает пять типов глиняных противней эже: а) *эже веке* (héje weke), диаметром 90-105 см, используются для приготовления бейжу к большим праздникам, в том числе, междеревенским; б) *эже аапонануку* (héje aharonapuku), диаметром 80-90 см, используются для приготовления больших лепешек бейжу; в) *эже аапонанукутаи* (héje aharonapukutai), диаметром 65-80 см, используются для приготовления лепешек бейжу для семей численностью 10-12 человек; г) *эже аакапуку* (héje ahakaruku), диаметром 45-65 см, используются для приготовления лепешек бейжу для семей численностью 7-9 человек; д) *эжетаи* (hejetai), диаметром 35-45 см, используются для приготовления небольших лепешек бейжу (Barcelos Neto 2005–2006: 363).

Высота краев противней эже не превышает 2-3 см (ПИМА 2011: тетр. 1, ПИМА 2013: тетр. 1).

Тсактсак (tsaksak) – керамические изделия, имеющие внутри глиняные шарики, благодаря которым тсактсак являются подобием погремушек. К сожалению, у меня нет никакой информации относительно значения таких «погремушек». В литературе я также не встречал объяснения этому. Можно только предположить, что это все же, скорее, «баловство», «игра», нежели како-то ритуальное действо.

Рис. 4. Женщина ваура раскрашивает противень эже. (фото автора, 2013).

Барселуш Негу А. фиксирует четыре типа глиняных горшков тсактсак: а) *тсак-тсак веке* (tsaktsak weke), диаметром 45-50 см, служат для хранения каши, приготовленной из плодов пеки или маниока; б) *тсактсак* (tsaktsak), диаметром 25-45 см, служат для хранения каши, приготовленной из плодов пеки или маниока; в) *тсактсактаи* (tsaktsaktai), диаметром 15-25 см, изготавливаются для торгового обмена и на продажу в качестве ремесленной поделки; г) *тсактсактаитсаи* (tsaktsaktaitai), диаметром 5-15 см, изготавливаются для торгового обмена и на продажу в качестве ремесленной поделки (Barcelos Neto 2005–2006: 363).

Зооморфная керамика – наиболее широко распространенный тип керамики ваура. Ее размеры варьируют от очень маленьких до значительных. Зооморфные изделия можно разделить на два типа: а) горшки в виде перевернутых на спину животных и птиц; б) фигурки животных (ПМА 2011: тетр. 1; ПМА 2013: тетр. 1).

Зооморфные горшки используются в быту для хранения приготовленной пищи, соли, перца, небольших остатков еды, мелких предметов, таких как иглы. Их края делаются закругленными и могут быть выполнены в виде различных частей изображаемых животных (Там же: тетр. 1).

Рис. 5. Зооморфная керамика
(фото автора, 2011).

Фигурки животных исполняют исключительно роль игрушек для детей. Для достижения большего сходства с образом у фигурок посредством вдавливания или нанесения насечек и отверстий на глине могут быть обозначены лапы, крылья, глаза, хвост, рот, нос (Там же: тетр. 1). В формах зооморфной керамики ваура встречаются образы животных, как традиционных для их мира, так и тех, которые стали известны ваура после контакта с белыми людьми: кошки, куры, коровы, животные, виденные ими в городах, в зоопарках. Среди мотивов зооморфной керамики были зафиксированы даже образы динозавров, виденные индейцами в фильмах (Barcelos Neto 2005–2006: 363).

Однако ваура не часто эксплуатируют образы экзотических, «иностранных» животных в своих керамических изделиях. Доминирующие зооморфные мотивы – животные, типичные для фауны верховьев реки Шингу. В общей сложности насчитывается сорок семь видов диких животных, чей образ прослеживается в зооморфной керамике индейцев ваура (Ibid.: 364).

Керамическая посуда ваура типов камалупо, макула, эже, крупные зооморфные изделия, используемые для приготовления и разогрева пищи, устанавливается над открытым огнем, как правило, на три глиняные пирамидки высотой около 20 см, специально изготавливаемые для этих целей. Пространство между дном горшка и землей частично прикрывается большими плоскими керамическими осколками, благодаря

чему достигается эффект примитивного очага. В деревне Пиюлага можно было встретить большое количество подобных осколков, целенаправленно сохраняемых ваура. Присутствовавшая во всех хижинах керамика меньшего размера, не относившаяся к типам камалупо и макула и предназначавшаяся для хранения и потребления пищи, имела следы копоти, свидетельствующие о том, что она также ставилась на открытый огонь. В целях предотвращения растрескивания на закругленный ободок таких изделий ваура наносят насечку (ПМА 2011: тетр. 1; ПМА 2013: тетр. 1).

Помимо выше описанных пяти основных типов керамических изделий у ваура существует еще один, особенный тип. К сезонному ритуалу, празднику созревания плодов пеки, поспевающих в период с октября по ноябрь, ваура изготавливают глиняные мужские и женские гениталии. Эти керамические предметы находят свое применение в ходе ритуала пеки, во время которого мужчины и женщины обмениваются шуточными оскорблениями (*Barcelos Neto* 2005–2006: 365; ПМА 2013: тетр. 1).

Керамика индейцев ваура играет заметную функциональную роль в культуре племен шингуано. Это обстоятельство отмечалось рядом исследователей.

Так, автор статьи сам является приверженцем теории, согласно которой прослеживается социально-значимая зависимость между традицией ношения мужчинами шингуано характерной однотипной прически «под горшок» и возможностью обладания различными племенами данной социо-культурной общности керамическими изделиями ваура, в частности, большими глиняными горшками типов камалупо и макула (Матусовский 2011: 151–154).

О существовании общности индейских народов верховьев реки Шингу есть интересная версия Клаудиу Виллаш Боаша, одного из основателей Национального парка Шингу: «особая теория, основанная на вавурском горшке. Из всех ... племен только ваура ... владеют секретом гончарного ремесла. Без горшков невозможно приготовить маниоковый хлеб и многие индейские мясные и рыбные блюда, и если почти все необходимое для жизни индейцы находят в лесу, то горшков они там найти не могут. Поэтому гончарное искусство среди шингуано стало синонимом богатства, и каждое вновь приходящее в Шингу племя стремилось овладеть этим ремеслом. В конце концов, ваура добились исключительного влияния в этих местах и даже стали выступать в качестве посредников-дипломатов по всему Шингу.... Таким образом, горшок послужил краеугольным камнем шингуанской цивилизации» (*Кауэлл* 1964: 71).

Ошибочное утверждение о монополии на изготовление гончарных изделий только теми племенами, на территории которых находились залежи серой глины, необходимой для производства керамики, развенчал еще К. фон ден Штейнен. В качестве примера он приводил племена бакайри и науква, также обладавшие залежами серой глины. Немецкий исследователь уточнял, что и бакайри, и науква могут изготовить керамику самостоятельно, но их изделия получаются значительно более низкого качества, чем у аравакязычных племен региона: ваура и меинаку (*Steinen* 1894: 215). Поэтому ваура и меинаку в конце XIX века имели прерогативу в изготовлении керамических изделий, используемых в межплеменной торговле шингуано, и со временем другие племена верховьев реки Шингу просто перестали пытаться изготавливать ее самостоятельно.

Мне не довелось быть в деревнях меинаку, как и встречать в настоящее время информацию о производстве керамики в этом племени. Однако резонно предположить, что традиция гончарного мастерства должна сохраняться и у меинаку. Но ни ваура, ни камаюра, краткосрочный визит к которым был нанесен в 2011 году, не упомина-

ли о керамике меинаку. Объяснение этому следует искать, очевидно, практически в полной монополизации этой отрасли ваура. Племена шингуано состоят в брачном обмене, и мужчины племен, не имеющих традицию изготовления гончарных изделий, могут заполучить в жены женщину ваура или меинаку. Однако едва ли единичные вливания могут составить конкуренцию сложившейся монопольной системе, тем более что она носит черты не только экономического, но и социального характера. Таким образом, при нынешнем положении вещей традиция меинаку, по всей видимости, нивелируется или приобретает локальные малозначимые черты, как в случае, если меинаку становится женой ваура, так и при приходе женщины ваура к мужу меинаку – гончарные навыки последней имеют более высокий социальный статус и экономическую котировку.

Один из информантов ваура Барселуша Нету на его вопрос, чем является для его народа керамика, не раздумывая, ответил: «Это наша жизнь» (*Barcelos Neto* 2005–2006: 358).

Гончарное ремесло продолжает оставаться у ваура живой и востребованной традицией. Помимо изготовления керамики для собственных нужд, в последние десятилетия ваура также производят керамику на продажу. Керамические изделия типов камалупо, макула, эже, тсактсак, зооморфную керамику можно встретить в специализированных магазинах, как в Канаране, Барра-душ-Гарсасе, небольших городах, расположенных в непосредственной близости от Индейского парка Шингу, так и в крупных мегаполисах Бразилии (ПМА 2011: тетр. 1, ПМА 2013: тетр. 1).

Источники и литература

- ПМА 1 – Полевые материалы экспедиции автора к индейцам ваура в Бразилию, в Индейский парк Шингу, в деревню Пиюлага, апрель-май 2011 г. (тетрадь 1; информанты: Атака, 1962 г.р., Янахин, 1973 г.р.).
- ПМА 2 – Полевые материалы экспедиции автора к индейцам ваура в Бразилию, в Индейский парк Шингу, в деревню Пиюлага, ноябрь 2013 г. (тетрадь 1; информанты: Атака, 1962 г.р.).
- Кауэлл 1964 – Кауэлл А. В сердце леса. М., 1964.
- Матусовский 2011 – Матусовский А.А. Некоторые аспекты типологии традиционных причесок яномамо и шингуано // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященный 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова // Под ред. А.А. Никишенкова. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Кафедра этнологии. Ред. коллегия: Т.Д. Соловей, Е.И. Ларина, Н.Л. Мехедов. М., 2011. С. 146 – 154.
- Barcelos Neto* 2005–2006 – *Barcelos Neto A.* A cerâmica wauja: etnoclassificação, matérias-primas e processos técnicos // Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia. São Paulo. 2005–2006. № 15–16. Pp. 357–370.
- Becquelin* 2000 – *Becquelin P.* Recherches archéologiques dans le Haut Xingu, Mato Grosso, Brésil // Journal de la Société des Américanistes. 2000. Vol. 86. № 1. Pp. 9–48.
- Coelho* 1981 – *Coelho V. P.* Alguns aspectos da cerâmica dos índios Waura // Colegao Museu Paulista, Serie Ensaio 4. Sao Paulo, 1981. Pp. 55 – 84.
- Hartmann* 1986 – *Hartmann G.* Keramik des Alto Xingu, Zentral – Brasilien. Museum für Volkerkunde Berlin. Berlin, 1986.
- Heckenberger* 1996 – *Heckenberger M.* War and peace in the shadow of empire: sociopolitical change in the Upper Xingu of Southeastern Amazonia, A.D. 1400–2000. Tese de Doutorado em Arqueologia. Pittsburg. Universidade de Pittsburg, 1996.
- Lima* 1950 – *Lima P.E.* Os índios Waura. Observações gerais. A cerâmica // Boletim do Museu Nacional (n.s.), Antropologia. Rio de Janeiro, 1950. № 9. Pp. 1–44.

- Myazaki* 1978 – *Myazaki N.* Ceramica waura: mudanjas de tipos // Colegao Museu Paulista, Serie Ensaio 2. San Paulo, 1978.
- Simões* 1967 – *Simões Mário F.* Considerações Preliminares sobre a Arqueologia do Alto Xingu (Mato Grosso). In: Programa Nacional de Pesquisas Arqueológicas. Resultados Preliminares do Primeiro Ano. 1965–1966 // Museu Paraense Emilio Goeldi. Belem. Vol. 6. 1967. Pp. 129–151.
- Steinen* 1894 – *Steinen K. von den.* Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Reiseschilderung und Ergebnisse der zweiten Schingu-Expedition 1887–1888. Berlin: Geographische Verlagsbuchhandlung von Dietrich Reimer, 1894.

References

- Polevye materialy ekspeditsii avtora k indeitsam vaura v Braziliuu, v Indeiskii park Shingu, v derevniu Piiulaga, april-may 2011 y. (tetrad' 1; informanty: Ataka, 1962 y.b., Ianakhin, 1973 y.b.).
- Polevye materialy ekspeditsii avtora k indeitsam vaura v Braziliuu, v Indeiskii park Shingu, v derevniu Piiulaga, november 2013 y. (tetrad' 1; informanty: Ataka, 1962 y.b.).
- Kauell A.* V serdtse lesa. Moscow, 1964.
- Matusovskii A.A.* Nekotorye aspekty tipologii traditsionnykh prichesok ianomamo i shinguano // Proshloe i nastoiashchee etnologicheskikh issledovaniy. Sbornik nauchnykh statei, posviashchennyi 300-letiiu so dnia rozhdeniia M.V. Lomonosova. A.A. Nikishenkova (ed.). MSU im. M.V. Lomonosova. Istoricheskii fakul'tet. Kafedra etnologii. Eds: T.D. Solovei, E.I. Larina, N.L. Mekhedov. Moscow, 2011. Pp. 146–154.
- Barcelos Neto A.* A cerâmica wauja: etnoclassificação, matérias-primas e processos técnicos // Revista do Museu de Arqueologia e Etnologia. São Paulo. 2005–2006. No. 15–16. Pp. 357–370.
- Becquelin P.* Recherches archéologiques dans le Haut Xingu, Mato Grosso, Brésil // Journal de la Société des Américanistes. 2000. Vol. 86. No. 1. Pp. 9–48.
- Coelho V. P.* Algunos aspectos da ceramica dos indios Waura // Colegao Museu Paulista, Serie Ensaio 4. Sao Paulo, 1981. Pp. 55–84.
- Hartmann G.* Keramik des Alto Xingu, Zentral – Brasilien. Museum für Volkerkunde Berlin. Berlin, 1986.
- Heckenberger M.* War and peace in the shadow of empire: sociopolitical change in the Upper Xingu of Southeastern Amazonia, A.D. 1400 – 2000. Tese de Doutorado em Arqueologia. Pittsburg. Universidade de Pittsburg, 1996.
- Lima P.E.* Os indios Waura. Observacoes gerais. A ceramica // Boletim do Museu Nacional (n.s.), Antropologia. Rio de Janeiro, 1950. No. 9. Pp. 1–44.
- Myazaki N.* Ceramica waura: mudanjas de tipos // Colegao Museu Paulista, Serie Ensaio 2. San Paulo, 1978.
- Simões Mário F.* Considerações Preliminares sobre a Arqueologia do Alto Xingu (Mato Grosso). In: Programa Nacional de Pesquisas Arqueológicas. Resultados Preliminares do Primeiro Ano. 1965–1966 // Museu Paraense Emilio Goeldi. Belem. Vol. 6. 1967. Pp. 129–151.
- Steinen K. von den.* Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Reiseschilderung und Ergebnisse der zweiten Schingu-Expedition 1887–1888. Berlin: Geographische Verlagsbuchhandlung von Dietrich Reimer, 1894.

A. Matusovskiy . The Pottery of the Waura (Wauja) Indians.

Waura (Wauja) Indians living in Brazil, in the state of Mato Grosso, in the Indians National Park, mastered the art of pottery. The article introduces the tradition and technology of ceramic production from the Waura (Wauja) Indians.

Keywords: *Brazilian Indians, Amazonian Indians, Xingu Indians, Waura (Wauja) Indians, traditional Pottery.*

УДК 395

В.И. Сподина**ОБРЯД «ОБНОВЛЕНИЯ БОГОВ» У АГАНСКИХ ХАНТОВ**

Религиозные убеждения остаются одной из малоизученных проблем обско-угорской этнографии. В статье приводится описание церемонии смены (обновления) богов на святом месте представителей экзогамной группы Бобра Айпиных-Лейковых, которая локализуется в среднем течении реки Аган. В статье рассматривается фольклорный материал, дается представление о характере почитаемого божества Охэң-ими (Агана Великая женщина), возможных путей миграции этой экзогамной группы, а также почти потерянные слова-обращения к богам.

Ключевые слова: святилище, хозяйка Агана, изготовление бога, торг, выкуп, хранители богов, обряд жертвоприношения

Религиозные верования являются одной из интересных тем обско-угорской этнографии, в которой осталось еще немало нерешенных проблем. На протяжении более 20 лет я занимаюсь исследованиями преимущественно двух этнотерриториальных групп – аганских лесных ненцев и аганских хантов, проживающих на территории Нижневартовского и частично Сургутского районов ХМАО – Югры. Собранные полевые материалы содержат не только описания мировоззренческих аспектов (представление о пространстве, о душе, номенклатуре родства, особенности восприятия времени в традиционной культуре хантов и лесных ненцев), но также и устные опросы практик обрядовых действий (Сподина 2001; 2010; 2011; 2013а; 2013б; 2014а; 2014б). По религиозным представлениям и культам народов Сибири опубликовано много работ (Karjalainen 1921; 1922; 1927; Соколова 1971; Кулемзин 1984; 1985; 1991; Зенько 1990; 1997; 1998). Однако «представления о различных духах и божествах, их иерархии, функциях, о своеобразии священных (культовых) мест (мужские и женские, общие и локальные), о хранителях-жрецах этих мест ...» нуждаются в новых материалах и требуют дополнительного осмысления (Соколова 2013: 42).

Данная статья содержит описание оригинального обряда, связанного с почитанием богов на святом месте представителей экзогамной группы Бобра Айпиных-Лейковых, живущих в среднем течении р. Аган. При этом интересен фольклорный материал, дающий представление о характере почитаемого божества Охэң-ими («Агана Великая женщина»), возможных миграционных путей упомянутой экзогамной группы, а также практически утраченные слова-обращения к богам.

В статье в научный оборот вводится подробное описание обряда смены (обновления) богов, записанного мною в октябре 1995 года от жителя национального пос. Варьеган (Варың явун в дословном переводе с хантыйского означает «Запорная река») – писателя, краеведа, общественного деятеля Ю. Вэлла (Ю.К. Айваседа), который принимал непосредственное участие в этом обряде в начале апреля 1995 года.

Сподина Виктория Ивановна – кандидат исторических наук, директор Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск). Эл. почта: vspodina@mail.ru.

Статья дополняет описание обряда в честь Хозяйки Агана *Охэң-ими*, приведенного в монографии Е.В. Переваловой и К.Г. Карачарова (Перевалова, Карачаров 2006: 309–318). Запись обряда хранилась у меня 10 лет. При жизни Ю. Вэлла не издал эти материалы, поэтому я только теперь решилась на их публикацию. К сожалению Ю. Вэлла в 2013 году ушел из жизни, поэтому у меня не было возможности задать дополнительные вопросы при подготовке публикации.

Верховным божеством, главой небесного пантеона, создателем окружающего мира и человека являлся *Торэм-ики*. Членами небесной семьи, почитаемыми аганскими хантами, были также *Саңки-пухэс-аңки* («Верховная мать-женщина»). Она считалась жизнеподательницей, а кроме того, устанавливала срок жизни человека. Их сын – *Сорни-қон-ики* («Золотой царь-старик») отвечал за миропорядок и доносил до богатоца просьбы людей. Хозяином Нижнего мира являлся *Ыл-мэх-ики* («Нижнего мира старик»). Он представлялся антиподом *Торэм-ики*, в его обязанности входило насылать болезни и забирать «души людей после смерти» (Перевалова, Карачаров 2006: 220). Наряду со всеобщими богами, аганские ханты почитали и своих локальных божеств. Так, духом-покровителем аганских хантов Епаркиных была *Йимэң ури ави* («Священной старицы дочь»). Ее святилище находилось при впадении священной старицы в р. Аган. Духом-покровителем хантов Сардаковых считалась *Мэх-пухэс-ави* («Земли-Вселенной женщины дочь»). Как и Айпины-Лейковы, они связывают свое появление на р. Аган с огненным потопом: «их плот пристал к устью р. Егурьях (приток р. Аган – В.С.), там они и обосновались» (Перевалова, Карачаров 2006: 157).

Практически на каждой реке и в каждой группе хантов было свое священное место, где, по древним представлениям, обитал хозяин (дух-покровитель) данной местности. Для членов рода¹ Айпиных-Лейковых таким святилищем являлся бор в среднем течении р. Аган, расположенный в месте впадения в Аган речушки *Нёх* («речка-живун»). Сейчас ее еще называют *Йимың нёх* («Священный живун»). Это центр земли рода Айпиных-Лейковых. Здесь, по преданию, «устроила ночлег», а затем и поселилась Хозяйка реки Аган – *Охэң-ими*, почитаемая в качестве их прародительницы. Была она красавицей, самой младшей и своенравной из семи дочерей *Торэм-ики*. Топонимическое предание, записанное Е.В. Переваловой и К.Г. Карачаровым, повествует о том, как «у развилки рек Тромъеган и Аган на островке-горе *Явэн той мэх қот* («Речного начала земляной дом») встретила она с тромъеганским богатырем *Торэм-явэн-эвэт-ики*. Посватался Божьей реки богатырь к красавице. Стали барахтаться. Поиграли-поиграли, *Охэң-ими* говорит жениху: «Мы не можем остаться вместе, меня отец на Аган отправил, а тебя на Тромъеган. Повздорили и разошлись: утром *Торэм-явэн-эвэт-ики* двинулся на север, а она в другую сторону направилась, как змея поползла вверх, отчего берега осыпались и русло реки становилось шире. Заночевала женщина на *Йимэң ури* («Святой старице»), где родила девочку и мальчика. Оставила детей, велев караулить низовья реки и охранять живущих здесь людей. Ее чада – *Вонт-луңк-ими* и *Вонт-луңк-ики* – на бугре, как в доме, живут» (Перевалова, Карачаров 2006: 140).

Продвигаясь вверх по реке, *Охэң-ими* встретила местного духа-хозяина *Вонт-ики* («Урманый старик»; урманый – «лесной», «таежный»), за которого и вышла замуж. На Агане почиталась сама Хозяйка реки и члены ее семьи – муж *Вонт-ики* и дети – *Вонт-луңк-ими* и *Вонт-луңк-ики*. Почитание выражалось в проявлении глубокого уважения и осознания величия богов, включающего в себя жертвоприношения,

молитвы, принятие определенных поз в период ритуала, соблюдение табуированного поведения, наличие легенд, топонимических преданий, связанных с почитаемыми божествами.

Привожу дословную запись обряда, в основном сохраняя лексику изложения Ю. Вэллы. Согласно обычаю, богов меняли раз в семь лет в связи со смертью старика из рода Айпиных-Лейковых и обязательно после ухода из жизни хранителя святилища. Описанный обряд проводился через год (1/2 года обычного) после смерти главного хранителя – хранителя Хозяйки Агана² и всего святого места – Айпина Дмитрия Ивановича в начале апреля 1995 года и продолжался два дня. Хранителем сына Хозяйки Агана был Лейков Яков, а хранителем мужа Хозяйки – Айпин Степан. Вместе с Хозяйкой Агана (и ее семьей) обновляются и домашние боги³ Айпиных-Лейковых.

На хранителя бога и его святого места возлагаются важные функции. Он сопровождает «гостей» (если позволяет Хозяйка) на святое место, передает ей, кто к ней приехал и зачем, просит, чтобы хранила от бед и благоволила людям в их делах и жизненном пути, совершает молитву, ухаживает за «домом» Хозяйки Агана. В жизни богов большое значение имеют возраст и моральные качества хранителя святого места, умеющего общаться с богами. Раньше хранителями выбирали старых людей, но они быстро умирали. Смерть хранителя требовала обязательного проведения обряда. Частые периоды смены богов плохо отражались на состоянии рода. Поэтому сейчас данную почетную миссию возлагают на самых крепких, здоровых мужчин, хотя и не имеющих достаточных навыков для проведения обряда. Обязательное условие – все они должны быть из рода Айпиных или Лейковых.

Обряд проходит так.

«Люди, приехавшие пораньше, разжигают костер, отаптывают место для обряда, достают продукты. Когда почти все собрались, хранитель или старший из присутствующих выносит богиню из лабаза, в котором она хранится. Ее ставят на порожек лабаза и проводят ритуал (сейчас почти забытый): посередине ставят Хозяйку Агана, она как бы Центр мира, справа от нее – муж и сын, а слева – дочери. Все богатство Охэң-ими, хранящееся в лабазе, – ткани, стрелы, тряпицы, деньги – кладут на жертвенный стол, расположенный рядом. Все, кто приехал на ритуал и привез своих домашних богов для обновления, ставят их под дерево рядом с жертвенным столом, либо в то место, где их ранее изготавливали. Наступает момент “отсутствия богов” (Хозяйки Агана и ее семьи): старых богов вынесли из лабаза, а новых еще нет. Но это все кажущееся состояние. Пробежала белка – считается, что это хозяйка Агана на своем священном месте в другом облике “встречает гостей” и подает добрый знак».

Начинаются сборы на поиски заготовок для новых богов. Обязательно должен быть кто-то из рода Айпиных-Лейковых и те, кто будут изготавливать богов. Идеальное количество изготовителей – шесть человек (по количеству богов: Хозяйка Агана, ее муж, сын и три дочери) из других родов. Если во время обряда смены богов из членов посторонних родов будет только один приглашенный, то ему предстоит изготавливать всех богов. В данном случае было три человека из других родов. Едут на то место, возле которого по легенде Охэң-ими остановилась на ночлег (в ненецком варианте она бежала с молодым человеком из семьи, так как родители были против их брака, в хантыйском – поссорилась с мужем и ушла одна). Называется оно *Мылаханат* «Похожий на печень яр». Рядом с яром делают заготовку для Хозяйки Агана.

Выбирают молодую, без изъянов ствола, березу. Это главное условие, символ того, что бог будет приносить больше пользы для людей. Дерево должно быть таким, что если от него отнять частичку, оно не погибнет. Березку сначала нужно раскопать от снега и посмотреть, нет ли предыдущих зарубок. Два раза брать заготовку с одного дерева нельзя. Зарубку делают с солнечной стороны так, чтобы не задеть сердцевину. Затем с боков стесывается кора и делается зарубка. Размер заготовки особой точности не требует. На святом месте важно не думать о том, что ты что-нибудь нарушаешь в обычае. Все делается для души. Здесь стараются не ссориться.

Взамен дереву нужно как бы возместить отнятую часть. В зарубку вставляют три монетки. Раньше значение имели 15 коп. серебром. Эти монетки чаще всего встречаются и на бубнах. Их вставляют в трещину (целочку) на зарубке. Проходит время, кора затягивает рану и монетки не видно. Это как бы плата дереву за повреждение. Теперь не имеет значения, какой стороной вставлена монетка.

Как только сделана заготовка, ее уже рассматривают в качестве живого существа, ее нельзя поворачивать (переворачивать) вверх ногами. Эту заготовку завернули в новую ткань, совершив предварительно обряд очищения над огнем. Расцветка ткани значения не имеет, но для Хозяйки предпочтительны более светлые (пестрые) ткани, а для ее мужа и сына – темные, однотонные.

От полотнища отрывают узкую полосу на поясok. Левая сторона ткани накладывается на бога либо чуть, либо немного выше половины ширины заготовки, а правой оборачивают по кругу будущую Богиню по ходу Солнца, подворачивая низ так, чтобы он выглядел как подол традиционной распахнутой одежды – сака. “Одежда” подвязывается полоской ткани “солнечным узлом” (узел завязывается в направлении солнца). Богиню передают тому, кто будет ее нести (как грудного ребенка).

Затем идут вверх по течению р. Нёух, чтобы заготовить дочь. Единственное отличие: ее заготавливают размером меньше, чем хозяйку. Продвигаясь по течению дальше вверх, заготавливают вторую и третью дочь. Неся заготовки как детей, возвращаются к нартам. Всех богов кладут на нарты и идут на противоположную сторону (берег) урмана, чтобы заготовить мужа Охәң-ими – Вонт ики “Урманного мужика”. Место заготовки Вонт ики должно иметь свой знак – один или несколько котлов, надетых на пни вверх дном. Котел имеет сакральное значение – это символ бога. Когда человек уезжает, котел остается, т.е. он символизирует жизнь. По этой причине жилой дом не остается без котла.

Начинается заготовка мужа хозяйки Агана или просто Ики (мужчина, муж). Выбирается молодой, полноценный кедр, откапывается от корневища и в нужном месте, со всеми предосторожностями, берется заготовка. Ее также заворачивают и завязывают пояском. Разницы в облачении Хозяйки Агана и ее мужа нет. Там же вырезали и заготовку для сына. Отца и сына несут к остальным будущим богам, уложенным на нарты (как положить на нарты – различия нет). Эта нарта едет первой.

После этого тронулись в путь, не останавливаясь, проехали мимо всех присутствующих, мимо “покинутого” богами лабаза, на новое, чистое, нетоптанное место. Все собравшиеся перемещаются туда. Там снова разжигают костер, заготавливают бревна для лабаза. Старший (знающий обычаи и рассудительный), в данном случае Тылчин Степан Николаевич⁴, выбрал место для будущего лабаза⁵ (рис. 1).

Рис. 1. Карта-схема места проведения обряда обновления богов

Привезенные заготовки богов посадили (положили) приблизительно за священной стеной будущего лабаз, на чистый, нетоптанный снег. Вокруг этого места уже нельзя ничего делать. Ходить в эту сторону могут только мужчины. Перед строящимся лабазом устраивают кострище и жертвенный столик. Женщинам можно ходить только до костра. Постепенно тот костер, что разожгли перед старым лабазом, угасает. То есть люди как бы перекочевали, покинули святое стойбище.

Затем приступают к изготовлению богов. Старший подходит к членам других родов и дает поручение изготавливать богов⁶. Остальные мужчины готовят дом-лабаз, женщины готовят чай. Костер разжигают люди из рода Айпиных-Лейковых. Котлом занимаются также они: несут, вешают, подкладывают дрова в огонь и т.д. (на р. Казым иначе: один род разжигает костер, другой обращается к богам, третий занимается котлом). Таким образом, представители всех трех родов не могут друг без друга. Видимо так было и на р. Аган, но в период 1930–1950-х годов этот обычай был утрачен.

Если изготавливать бога выбирали человека, который не знает, как это делать, то ему давали краткую инструкцию, а именно, чтобы все движения при изготовлении деталей проводились посолонь, не следует бояться, что получится некрасиво, поглядывая, как мастерают богов товарищи. Изготовители располагаются в таком порядке, в котором затем будут сидеть в лабазе боги. Общие правила: 1. лицом садятся в сторону Солнца; 2. разворачивают одежду и кладут ее справа на нетоптанный снег; 3. топором вытесывают грубые очертания, при этом порядок действий не соблюдается⁷; 4. затем идет работа ножом: а) лицевая сторона остругивается плоско, а

спинная – более выпукло; б) закругляется голова; в) придается очертание голове, но без глаз, носа и ушей: очерчивается лишь подбородок – то есть голова делается пусть неаккуратно, но более или менее закончено. Остальные детали уже нельзя будет добавлять. Все делается непринужденно, с радостью для души. Чем душа свободней, тем раскрепощеннее рождается будущий бог. Все Боги изготавливаются до захода Солнца. Когда готовят богов, стружки топтать нельзя. Они остаются рядом, сзади священной стены лабаза, на нетоптаном месте. Замечаниям окружающих мастера не придают особого значения. Главное – как и что ты сам для себя решил в душе.

Каждый изготовитель поворачивает Бога лицом к себе и по солнцу вырезает следующие детали:

1 круг – правая рука, правая нога, левая нога, левая рука (без пальцев), пространство между ног значения не имеет. Но вероятно, в более ранние времена, половые органы обозначались; 2 круг – наносятся пальцы-зарубки на правой руке, а затем пальцы-зарубки на правой ноге; обозначаются половые органы; наносятся пальцы-зарубки на левой ноге и пальцы-зарубки на левой руке⁸. Круг завершен, но на голове еще не обозначены черты лица.

Исполнитель начинает общаться с богом, который еще не видит и не слышит тебя. Поэтому такое общение скорее с самим собой. Можно еще что-то поправить в облики бога, но лишь самую малость. Только когда убедится, что все закончено, готово, следует начинать наносить по солнцу части лица, приговаривая (вероятно, раньше был определенный ритуал): ухо⁹ – пожалуйста, не будь глухим, ты должен слышать твоих детей (= богов, людей), насколько полноценно гнездятся птицы, как шумит ветер..., ноздри – ты можешь теперь дышать, ощущать жизнь, вкладывать здоровье в твоих детей (дыхание=жизнь). Ухо (второе) – говорится то, что не досказано в начале или повторяется уже сказанное. Глаза – пожалуйста, не будь слепым, если идет бедствие – распознай... После нанесения глаз следует остановиться, подумать, может быть, что-либо упущено, может что-то недосказано, но ничего уже не поправляют. Рот прорезается в самом конце, но с этого момента человек замолкает, чтобы не дай бог из уст бога услышать ответ. После того, как сделали рот, ножом бога больше не касаются. Он живой!

Затем его одевают. Лицо закрывается полотнищем, т.е. ткань натягивается практически до темени. Лицо должно как бы угадываться. Держат бога на коленях в руках, лицом к солнцу. На данный момент он Твой. Необходимо дождаться, когда сделают всех богов.

Изготовление Хозяйки Агана происходит по тем же правилам с той лишь разницей, что она предстает в виде Человеко-Ящерицы-Лягушки¹⁰. Эта фигурка имеет вид человека с согнутыми руками и ногами. Её особенностью является изображение лица на темени.

Наконец все закончено, Боги изготовлены. Три человека из рода Айпиных-Лейковых подходят к их изготовителям. В руках несут ткани, выбранные из тех, которые были при прежних богах как жертвоприношения (не все, а часть). Это будет плата (память) изготовителям нынешних богов от прежних. Остальные ткани распределяются между присутствующими. Если ткани мало – по одному куску на семью, если очень мало – по одному куску на фамилию. Если ткань повреждена мышью – ее не дарят, если испорчена кровью жертвенного животного – это самая дорогая ткань, самая удачная. Изготовители получают больше ткани, чем присутствующие.

Следующий этап – торг. Во время торга все, кто приехал, собираются вместе. Хорошо, если присутствуют дети (мальчики), так как здесь задаются вопросы. Изготовитель играет роль гостя. Те, кто покупают богов, потом становятся хранителями бога. С самого начала изготовителей посадили так, как боги будут сидеть в лабазе. Будущие хранители подходят сзади к своим будущим богам. К моменту торгов лабаз уже готов или почти готов. Но порог должен быть установлен обязательно!

При торгах особое внимание акцентируется на детей, чтобы они запомнили обряд. Если боги будут жить долго, то детям в будущем придется справлять этот обряд. Перед торгом дается как бы маленькая инструкция: Я не буду говорить тебе, что ищу своего бога, а у тебя уже есть бог. Ты мне отвечаешь, что его нашел, можешь расписать как ты его нашел, ты говоришь, что бог Твой, чтобы придать значение, что он живой, но ты в начале как бы отказываешься продавать, набиваешь цену... Таким образом должен быть торг и ты должен обязательно продать бога.

Сначала выкупают Хозяйку Агана (с дочерьми), затем мужа и сына. Обращаются к хозяйке, а к дочерям отдельно нет обращения. Охэң-ими неотделима от дочерей, которые располагаются как бы за пазухой Хозяйки Агана (спереди).

Покупатель: Здравствуй, здравствуй памык'ко ("иной земли житель")!

Хозяин: Здравствуй, здравствуй!

П.: Вот я живу, живу, но у меня убыток в семье, я утратил бога. Может быть, ты его где-нибудь встретил?

Х.: Да вроде бы где-то след его видел.

П.: Плохо жить-то без бога, рыбка плохо водится, дичь плохо добывается, болезни одолели.

Х.: Ты знаешь, а я тут нашел бога. Был на охоте и встретил его. Но он мне достался за большую цену. Он мне очень дорог... Мы уже сдружились, как его тебе отдать? У меня и рыбка стала ловиться, и ягода растет.

П.: А что, может быть, ты бы смог мне его продать?

Х.: Нет, он мне дорог, я к нему привык, он мне самому нужен. Правда, есть у меня еще один. Ну, если хорошо заплатишь...

П.: (обращается за советом к детям). Ну что, может набавим цену, оторвем от себя. Нам на охоту ходить, рыбу ловить, как без бога? (Это делается для того, чтобы дети дожили богом, они должны понять, что бога можно купить и это нормальное явление).

Х.: (чуть приоткрывает лицо бога, чуть закрывает, то есть интригует покупателя и продает бога с уже чуть приоткрытым лицом). В конечном итоге бога выкупают говоря: "Раз уж вам очень надо, ладно уж, если вы платите, плата мне нужна..."¹¹.

Новый хранитель Хозяйки Агана и другие хранители богов покидают присутствующих, идут к священному лабазу и устанавливают богов на пороге лабаза. Это дом для богов. Теперь они никуда не уйдут – только внутрь. С момента выкупа и установки на крылечке лабаза они уже боги рода Айпиных-Лейковых. С крылечка они должны взирать на своих детей (людей).

Дальше начинается подготовка и сам обряд освящения. Здесь и те, кто приехал за новыми богами (сменить своих богов) и просто желающие участвовать в обряде. Все начинают подготовку к обряду. Часть продуктов была вынута у старого лабаза. Часть вынимается и подносится к общему обычному ("бытовому") столу у очага. Если люди чувствуют, что завтра еще нужно будет продолжить обряд, то часть продуктов сохраняют до следующего дня (в сумках, пакетах). Часть продук-

тов раскладывают на ритуальном столе. С этого стола нельзя брать еду без обряда. Затем бытовой стол убирается.

Все одновременно делают разные работы. Кто-то поехал заготавливать домашних богов. Желательно, чтобы их заготавливали Айпины-Лейковы. Обряд тот же, но заготовки берутся рядом, в этом же месте. И эти боги в семьях будут именоваться дочерьми Хозяйки Агана. Старых, привезенных для смены домашних богов, можно поставить под дерево, но не под то, с которого взяли заготовку для новых богов. Этому дереву никто не должен “мешать”. Заготовка передается будущему хозяину. Все, у кого есть заготовки, передают их старшему (Тылчину Спиридону), который ставит их у Хозяйки Агана, на крылечке. Они должны прикоснуться к ней, это ее часть.

Где-то дома были изготовлены символические стрелы. Их также принесли. Ткань может посвящаться как мужчинам, так и женщинам. А стрелы – только мужчинам из семей Айпиных-Лейковых. Из этих тканей можно сшить рубашку, заплатки, нельзя шить штаны, то есть эта ткань не должна прикасаться к “плохим частям тела”. Стрелы сейчас имеют символическое значение. Их хранят как память, ими можно играть. Они равны бытовым предметам. Раньше, наверное, заготавливали настоящие стрелы и использовали их на охоте, рыбалке. Говорят, что раньше при Хозяйке Агана был меч. При советской власти стали заготавливать символический меч, а теперь его нет вообще.

Новые стрелы, ткань, деньги, положили на ритуальном столе возле тканей. Эти вещи приблизительно сортируют, раскладывают, но еще можно что-либо поменять. Деньги (кошелек) предназначены в основном для Хозяйки Агана. Раскладывают продукты, чтобы было разнообразие, но не перегружают, всего понемногу. К этому столу подводят жертвенных оленей, их ставят лицом к солнцу, к огню (костру), что означает – лицом к богу, но спиной к богам.

После этого проводится обряд жертвоприношения богам. Количество оленей значения не имеет, сколько привезли. Забой производится как обычное жертвоприношение. Идеальным оленем для жертвоприношения Хозяйке Агана является белая важенка, или важенка вообще, хор (белый) и только потом любые другие. Каждого оленя готовят (снаряжают). Сначала определяют, какого оленя какому богу посвящать, чьей он “упряжкой” будет. Душа его станет упряжкой Хозяйки Агана, или ее сына, или мужа. Если кто-либо привел личного оленя и настаивает, чтобы он был в упряжке Хозяйки Агана – это желание, как правило, удовлетворяется. Олень может жертвоваться от одного человека, от семьи, от группы семей. В этом случае все семьи покупают у хозяина оленя и он становится общим. Когда его убьют, душа его покинет, все кладут на его тело монетки (может происходить как-бы соревнование, кто больше положит). Все деньги потом делятся между хозяевами (хозяином).

Затем жертвенных оленей наряжают. На рога привязывают полотнища ткани. Их может быть шесть, семь, восемь. Длина ткани для жертвоприношений не должна быть четной, а примерно три, пять, семь метров. От этих тканей частичку потом пришивают к одежде. Ткани и стрелы, посвященные богам, сортируют по двое или трое, платки (подбирают по цвету): более однотонные – богам-мужчинам, пестрые и цветные богам-женщинам). Посвятили дары, затем говорили речь о том, чтобы бог обращал внимание на тех людей, кто принес дар. Если, например, это Бог Воды, то обращаются с просьбой дать больше рыбы, к Богу Огня – обогреться и т.д.

У Айпиных было более 100 богов. Видимо, существовал порядок, по которому называли богов. Начинали с главных. Стрелы (символические) посвящали богам-муж-

чинам, охотникам, богам-детям-мальчикам. Богам-женщинам, богам-детям-девочкам стрел не посвящали. Но в легендах есть упоминание о том, что боги-женщины и девочки воровали стрелы у богов-братьев и ходили с ними на охоту.

“Говорящий” (могущий общаться с богами, один из знающих и уважаемых людей) произносит: Вот стоит рядом двухлетняя важенка, я ее посвящаю такому-то богу (и так про всех жертвенных оленей). Перед каждым обращением произносится возглас-причитание *Воу-у-у...*! Это как бы сигнал обратить на себя внимание, придать ритм речи.

Практикуется и мысленная форма передачи обращения. Во время определенного промежутка речи олень ударяют между рогов, тонким ножом протыкают либо затылок, либо сердце (можно и то и другое). Олень должен упасть на правый бок (сердцем кверху). Он как бы мертв, начинаются судороги, которые похожи на скачки. Приговаривают, что олень ушел на вечную тропу, к богам. Чем дольше длится судороги, тем лучше. Если что-то было недосказано – договаривают. Присутствующие сопровождают оленя, его уходящую душу со словами: *Воу-воу-воу...*! Так же и при камлании.

Потом начинается разделка жертвенного оленя. Перед разделкой оленя из рюмки три раза плещут в костер вино (водку) Богу Огня. Шкуру снимают вместе с лбом и копытами. Олень должен быть как бы целым. Мясо общей кучей кладется на ритуальном столе. Варится сердце, язык (обязательно) и мясо. Варится не все мясо, а то, которое отложено для еды. Вареное мясо кладут на жертвенный стол вместе с другой едой.

Приношение жертвенного оленя начинается с возгласа *Воу-у-у!*, так как жертвоприношение происходит на святом месте Хозяйки Агана. Сначала обращаются к ней, затем к ее мужу. Фраза может произноситься вслух, может мысленно, то есть разницы нет. При обращении к мужу Хозяйки Агана говорят сначала фразы, касающиеся только его, а затем общие, обращенные к другим богам.

Э, Огонь-Мать, а также Ста Огней Мать, Ста Огней Отец, а также дети твои (перечисляются)! Вы согреваете нас, поддерживаете наш очаг, согреваете нашу пищу, не давай же потухнуть, иссякнуть нашему роду... и т.д. (то есть просьба о вечности рода). А также мы просим вас об обуздании дикого оленя, чтобы наши пастбища не сгорали, олени не сгорали. Так как жертвенный стол посвящен всем богам, которых перечисляют, то речь получается длинной. Обращение к ним заканчивают возгласом *Воу-у-у!* При этом получается нечто вроде ритма.

При употреблении пищи с жертвенного стола желательно, чтобы каждый человек съел по кусочку от каждого блюда: сердца, вареного мяса, конфет и т.д. Люди радуются, у всех веселое настроение. Если у кого-либо появляется желание что-то добавить к обращению, это считается уместным. Присутствующие поддерживают речь возгласом *Воу-у-у..!*

Происходит свободное общение людей между собой и богами. Не допускаются грубости, и если что-то и произошло, то стараются не обращать на это внимания, не подавать вида, так как считается, что вина ложится на того, кто ответит на грубость, кто поможет ее разгоранию. Считается, что за жертвенным столом присутствуют все перечисленные боги, и человеку – смертному выпала честь есть с одного стола, поэтому помыслы должны быть чисты. Или считают, что боги спускаются вниз к людям. У всех торжественное, приподнятое настроение. И очень важно, что все – и боги, и люди находятся рядом. В душе человека праздник и неважно, что это выглядит со стороны “как большая пьянка, чревонаполнение”. Тому человеку, которому

так кажется – это его проблема, так как он не узрел богов, не проникся торжественностью обряда. Старые люди с возрастом начинают все понимать, еще ближе принимать к сердцу, более духовно, затем приобщают к этому детей.

Женщины едят у другого (бытового) стола, им переносят пищу с жертвенного стола. Считается, что они тоже едят вместе с богами. Если пир был богатым, то оставшиеся продукты делят среди присутствующих. Ведь у кого-то дома есть родственники, которые не смогли присутствовать на обряде. Все делится максимально по справедливости, учитывая состав семьи. Никто не обращает внимания, кому какой достался кусок.

В это время “говорящий” или старший из рода Айпиных убирает фигурки богов в лабаз в том порядке, в каком они стояли на крылечке лабаза. Шкуры жертвенных оленей (самые качественные) используют на изготовление постелей для богов. На коленях богов раскладывают ткани, стрелы, посвященные богам. Тут же располагается посуда, в которой находятся жертвенные деньги (мелочь).

Заготовки домашних богов, которые во время жертвоприношений стояли рядом с Хозяйкой Агана, считаются ее дочерьми. Их передают будущим хозяевам. Можно изготовить домашних богов из заготовок в любое время, но дом бога не должен делать сам хозяин. Главное взять дерево со святого места. Когда заготавливают домашних богов, то повторяется тот же самый торг, который происходил при изготовлении Хозяйки Агана. Поэтому будущий хозяин сначала выкупает своего бога за определенный выкуп (ткань, платок и т.д.) у того, кто его будет изготавливать. Эти ткани можно использовать для одежды, украшений той семьи, кто изготовил духа (только на штаны ткань нельзя использовать, это считается ззорным).

Уложив богов в новый лабаз, начинают развешивать на деревьях шкуры разделанных оленей. Череп должен быть виден. Череп с рогами заворачивают в шкуру с головы оленя, навязав ленточки на рога. Затем в таком виде подвешивают к дереву. Тот человек, который забирается на дерево, сопровождается возгласом толпы *Ву-у-у!* Это умножает его силы, ловкость. Черепа оленей развешивают на разных деревьях.

Голова оленя располагается на солнечной стороне дерева, а взгляд направлен на солнце (на юг, юго-восток, но не на запад или юго-запад). Голова оленя привязывается к дереву куском одной из тканей, привязанных на рогах. Направление ткани – по солнцу и завязывают “солнечным узлом”. Узел должен быть на солнечной стороне. Под это дерево люди кладут монетки. Тот, кто произносил обращение, снова говорит прощальную речь, перечисляя всех богов. При этом все кланяются, поворачиваются вокруг себя: хозяева – три раза, гости – семь (по солнцу). Не обязательно считать, главное мысленно сказать себе, что ты повернулся три или семь раз. Может больше, может меньше, никто не придает этому значения.

В заключение отметим, что присутствующие на святом месте придерживаются общих правил:

1. Если все жертвоприношение не укладывается в один день (а это бывает часто), то во время ночевки священное место не должно оставаться без людей. Несколько человек остаются у костра независимо от времени года. Остаться могут представитель рода Айпиных-Лейковых, кто-либо от детей мужского пола этого рода, возможно, кто-то из гостей-инородцев – минимум три человека, но можно и сколько угодно. На святом месте костер не должен гаснуть.

2. Когда люди ближних стойбищ собрались на святое место, то они очищают себя

через очистительный дымок костра. Если гость дальний, то очищается несколько раз: при отъезде из дома и возле святого места.

3. Заготавливают дрова на святом месте, разводят огонь, готовят воду и т.п. только хозяева – Айпины-Лейковы. Зять Айпина, считаясь зятем Хозяйки Агана, должен соблюдать обычай избегания (*йэле* – «стыдно»): обращаться к ней иносказательно, не смотреть в лицо богине. В бытовом общении с тещей «зять во время разговора должен был отворачиваться, либо сидеть в пол-оборота, разговор вести от третьего лица» (Сподина 2010: 64).

Приведенные материалы показывают, что в среде территориальной группы аганских хантов сохранился уникальный обычай смены (обновления) богов¹², с которыми в устной традиции они связаны родственными узами. Почитание Хозяйки реки Аган включало персонификацию ее образа, наличие скульптурного деревянного изображения, определенного места хранения-проживания (святилище), фольклорные известия о ее деяниях и характере, а также собственно обряд.

Примечания

¹ Здесь и далее слово «род» нами используется не в его классическом понимании, означающем кровнородственную группу, которая ведет свое происхождение от одного почитаемого предка, характеризуется экзогамностью, наличием общего родового имени, территории, кладбища и т.п., а так как сами представители аганской территориальной группы *оухэн ях* «аганский народ» определяют свою социальную принадлежность. При этом понимается, что данное определение относится к группе кровных родственников, ведущих свое происхождение от одного корня (*ый пэкат* «один корень»). Этот корень (*сир* «вид», «свойство», «часть», «долька», *ёх* «народ», «люди») как правило, распадается на отдельные ветви, нередко совпадающие с фамилией. В этой связи представляется необходимым отметить замечание З.П. Соколовой относительно отсутствия («совершенно определено – в XIX в.») четкого термина «род» у хантов и манси. Резюмируя материалы В.Н. Чернецова (Чернецов 1939: 20; 1947: 159), она подчеркивает: «Собственно говоря, единственный термин, применяемый в этом смысле, – “сир” – не был дифференцирован, он означал и род, и фратрию» (Соколова 1983: 126–127). Э. Рутткаи-Миклиан, касаясь таких категорий как род и фратрия отмечает, что они «и по сей день остаются невыясненными» (Рутткаи-Миклиан 2008: 186). В наших полевых материалах, собранных в конце XX в., информант использовал русский термин «род», поэтому мы сохранили его, имея в виду всю сложность данного понятия.

² Далее везде, где говорится о Хозяйке Агана, следует понимать ее вместе с дочерьми.

³ Домашние, личные духи-покровители выполняли функцию защиты семьи и отдельных ее членов в различных жизненных ситуациях. Фигурки духов имели, как правило, антропоморфный облик, их изображения облачались в одежды и хранились на чердаках или в сундуках в жилищах. Нередкими были и изображения тотемического происхождения.

⁴ Тылчины с Айпинами и Лейковыми считаются «близкой родней», что подтверждается их общей территорией расселения в среднем течении р. Аган. К примеру, на летнике Тылчинский (на момент проведения фольклорно-этнографической экспедиции 1996 г. под руководством Ю. Вэлла) проживали: Тылчин С.Н., Тылчин В.А., Тылчин Р.А., Тылчин С.С., Айпин В.Н., Айпин Д.И., Лейков С.Г.

⁵ Каждый раз, когда «обновляют» (переосвящают) богов, священный лабаз передвигают вверх по течению. Также перемещались и места заготовки богов. Сейчас уже недалеко то время, когда передвигать лабаз будет некуда, дальше находятся болота. Когда это случится, у богов попросят указать новое место для их «поселения».

⁶ Лесному ненцу Ю. Вэлла было поручено изготавливать мужа хозяйки Агана.

⁷ Ю. Вэлла предполагал, что раньше обычай очередности изготовления частей тела соблюдался.

⁸ Информант сделал оговорку, что, видимо, в древности прорисовывали и груди.

⁹ В качестве уха делаются зарубки или дырочки.

¹⁰ В сказках она выступает то в образе женщины, то в облике лягушки и именуется *Кав-Сапэрки-аңки*,

Вах-Сапэрки-аңки (Каменная Лягушка, Железная Лягушка). Ю. Вэлла перевел ее имя *Сопырки-Вантиип лолтиаң Ахын-ими* как «Лягушколикая Аган-женщина». Следует отметить, что лягушка широко почиталась уграми на обширной территории от Северного Приуралья до Васюгана. Манси с Северной Сосьвы обожествляли в облике лягушки *Нарас-най* («Болотная Великая женщина») и считали ее прародительницей генеалогической группы *нарас-махум* («болотный народ») (Чернецов 1947: 163), васюганские ханты связывали происхождение людей со старухой, превратившейся в лягушку (Пелих 1972: 282, 283). Вопрос об этнических подразделениях не является предметом исследования в данной статье. Вместе с тем отметим, что генеалогические тотемные группы характеризуются как «обширные территориальные общности, связанные единством происхождения и принадлежностью к одной из двух экзогамных групп», состоящие из локальных групп, т.е. жителей поселка (Чернецов 1970: 15, 18; 1971: 81; Соколова 2009: 321, 323). Важным представляется замечание З.П. Соколовой, что «не все генеалогические группы были тотемными» (Соколова 1983: 126).

Обстоятельная статья З.П. Соколовой «Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема)» (Соколова 1975), освобождает нас от необходимости привлечения большого этнографического материала на эту тему. Приведем лишь обобщающие ее выводы. Отмечая сходство в терминологии, относящейся к лягушке и персонажу фратрии *Мось – Мис-нэ* – мифическому предку фратрии *Мось*, наличие одного из сыновей *Нуми-Тору* в облике лягушки, она указывает: «По-видимому, в прошлом это был фратриальный культ, ставший впоследствии культом генеалогических групп, принадлежавших к фратрии *Мось*» (Соколова 1975: 152). Следует уточнить, что В.Н. Чернецов связывал появление изображения лягушки в Северном Приуралье с миграцией групп, пришедших сюда с притока Оби – Салыма (Чернецов 1953: 223), а Е.В. Перевалова и К.Г. Карачаров предположили, что культ богини *Охэң-ими* в облике лягушки был принесен на Аган Айпиными-Лейковыми, поднявшимися с Оби во времена «огненного потопа» и только на Агане в этом облике «она признается Хозяйкой реки» (Перевалова, Карачаров 2006: 151, 155, 178). В данной связи мы разделяем точку зрения З.П. Соколовой, которая отмечает, что «при анализе форм религии необходимо иметь в виду тесную и непосредственную связь определенных форм культа и верований и обусловленность верованиями форм культа и культовой практики и поэтому не разделять их» (Соколова 2009: 515).

¹¹ В древности считалось, что хороший бог – украденный бог. Рассказывают, что в начале 50-х годов XX века из Варьегана, на нескольких упряжках, Айпины и представители других родов, переехав через водораздел Черного Урмана, прибыли то ли в район Мегиона-Ваты, то ли под Нижневартовск погостить у местных хантов. Угощали хозяев спиртным, выведывали святое место с целью кражи богов. Местные не проговорились. Когда Аган был передан в Нижневартовский район, кто-то из стариков встретился с пожилым хантом и тот сказал, что лучше бы вы тогда богов украли, а то у нас они не сохранились (в связи с промышленным освоением) и у вас их нет.

¹² Мне неизвестны подобные обычаи у остальных групп хантов.

Литература

- Зенько 1990 – Зенько А.П. Культовая практика юганских хантов / Всес. научн. сессия по итогам полевых этнограф. и антропол. исследований в 1988–1989 гг. Алма-Ата, 1990.
- Зенько 1996 – Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск: Наука. Сиб. предпр. РАН, 1997.
- Зенько 1998 – Зенько А.П. Традиционные верования западносибирских татар и обских угров: к вопросу о взаимосвязи культур // Сибирские татары. Тобольск; Омск: 1998.
- Кулемзин 1984 – Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984.
- Кулемзин 1985 – Кулемзин В.М. Мировоззренческие пласты в верованиях хантов // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Томский гос. ун-т, 1985. С. 78–80.
- Кулемзин 1991 – Кулемзин В.М. Традиционные верования народов Сибири: Локальные и синкретические культуры // Религия в XX веке. М.: Наука, 1991. С. 98–119.

- Пелих 1972 – Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск: ТГУ, 1972.
- Перевалова 2006 – Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006.
- Рутткаи-Миклиан 2008 – Рутткаи-Миклиан Э. Родство душой и телом. Реинкарнация у сынских ханты / С любовью и болью: к 60-летию Евы Шмидт. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 183–215.
- Соколова 1971 – Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров / Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1971. С. 211–238.
- Соколова 1975 – Соколова З.П. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ, 1975. № 6. С. 143–154.
- Соколова 1983 – Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М.: Наука, 1983.
- Соколова 1990 – Соколова З.П. Проблемы этнокультурного развития народов Севера // Расы и народы, 1990. № 20. С. 128–151.
- Соколова 2009 – Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009.
- Соколова 2013 – Соколова З.П. Основные проблемы обско-угорской этнографии // Этнографическое обозрение, 2013. № 4. С. 34–48.
- Сподина 2001 – Сподина В.И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. Новосибирск: Изд. центр «Агро», 2001.
- Сподина 2010 – Сподина В.И. Номенклатура родства как универсальный социокультурный феномен обских угров и самодийцев. Ханты-Мансийск: ООО Типография «Печатное дело», 2010.
- Сподина 2011 – Сподина В.И. Особенности культовых практик коренных малочисленных народов ХМАО-Югры // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011. № 1. С. 365–370.
- Сподина 2013а – Сподина В.И. Ритуально-обрядовые практики, связанные с почитанием объектов мироздания как интегратор аксиосферы этнической культуры // Финно-угорский мир, 2013. № 4. С. 70–76.
- Сподина 2013б – Сподина В.И. Обряд жертвоприношения *Нуви Аиш* (материалы экспедиции 1994 г. на стойбища В.М. Лозямова, р. Ай-Лямин) // Вестник угроведения, 2013. № 4. С. 161–171.
- Сподина 2014а – Сподина В.И. Время как универсальная категория традиционной культуры (на материале обских угров и самодийцев). Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2014.
- Сподина 2014б – Сподина В.И. Погребальный обряд на р. Ай-Лямин. Легенды, приметы (материалы экспедиции 1994 г. на стойбища В.М. Лозямова, р. Ай-Лямин) // Вестник угроведения, 2014. № 1. С. 164–166.
- Чернецов 1939 – Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ, 1939. № 11. С. 20–43.
- Чернецов 1947 – Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ, 1947. Т. IV–VII. С. 158–185.
- Чернецов 1953 – Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР, 1953. № 35. С. 221–241.
- Чернецов 1970 – Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала: дис. д.и.н. М., 1970.
- Чернецов 1971 – Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала / Свод археологических источников. Ч. 2. М., 1971.
- Karjalainen 1921 – Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker // Folklore Fellows Communications. Helsinki; Porvoo, 1921. Bd. I. № 40–41.
- Karjalainen 1922 – Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker // Folklore Fellows Communications. Helsinki; Porvoo, 1922. Bd. 2. № 44.
- Karjalainen 1927 – Karjalainen K.F. Die Religion der Jugra-Völker // Folklore Fellows Communications. Helsinki; Porvoo, 1927. Bd. 3, № 63.

References

- Chernetsov V.N.* Fraternal'noe ustroistvo obsko-iugorskogo obshchestva // *Sovetskaia etnografiia*, 1939. No. 11. Pp. 20–43.
- Chernetsov V.N.* K istorii rodovogo stroia u obskikh ugrov // *Sovetskaia etnografiia*. 1947. Vol. IV–VII. Pp. 158–185.
- Chernetsov V.N.* Naskal'nye izobrazheniia Urala / *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Part 2. Moscow, 1971.
- Chernetsov V.N.* Naskal'nye izobrazheniia Urala. PhD, 1970.
- Chernetsov V.N.* Ust'-Poluiskoe vremia v Priob'e // *Materialy i issledovaniia po arkheologii USSR*, 1953. No. 35. Pp. 221–241.
- Karjalainen K.F.* Die Religion der Jugra-Völker // *Folklore Fellows Communications*. Helsinki; Porvoo, 1921. Bd. I. No. 40–41.
- Karjalainen K.F.* Die Religion der Jugra-Völker // *Folklore Fellows Communications*. Helsinki; Porvoo, 1922. Bd. 2. No. 44.
- Karjalainen K.F.* Die Religion der Jugra-Völker // *Folklore Fellows Communications*. Helsinki; Porvoo, 1927. Bd. 3. No. 63.
- Kulemzin V.M.* Chelovek i priroda v verovaniakh khatov. Tomsk: Izd-vo Tom. university, 1984.
- Kulemzin V.M.* Mirovozzrencheskie plasty v verovaniakh khatov // *Mirovozzrenie narodov Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym*. Tomsk: Tomskii state university, 1985. Pp. 78–80.
- Kulemzin V.M.* Traditsionnye verovaniia narodov Sibiri: Lokal'nye i sinkreticheskie kul'tury // *Religiia v XX century*. Moscow: Nauka, 1991. Pp. 98–119.
- Pelikh G.I.* Proiskhozhdenie sel'kupov. Tomsk: TGU, 1972. 425 s.
- Perevalova E.V., Karacharov K.G.* Reka Agan i ee obitateli. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk, 2006.
- Ruttkai-Miklian E.* Rodstvo dushoi i telom. Reinkarnatsiia u synskikh khaty / S liubov'iu i bol'iu: k 60-letiiu Evy Shmidt. Khanty-Mansiisk: Poligrafist, 2008. Pp. 183–215.
- Sokolova Z.P.* Khanty i mansi: vzgliad iz XXI century. M.: Nauka, 2009. 756 p.
- Sokolova Z.P.* Nakhodki v Shishingakh (kul't liagushki i ugorskaia problema) // *Sovetskaia etnografiia*, 1975. No. 6. Pp. 143–154.
- Sokolova Z.P.* Osnovnye problemy obsko-ugorskoi etnografii // *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013. No. 4. Pp. 34–48.
- Sokolova Z.P.* Perezhitki religioznykh verovaniu u obskikh ugrov / *Religioznye predstavleniia i obriady narodov Sibiri v XIX – early XX century*. Leningard: Nauka, 1971. Pp. 211–238.
- Sokolova Z.P.* Problemy etnokul'turnogo razvitiia narodov Severa // *Rasy i narody*, 1990. No. 20. Pp. 128–151.
- Sokolova Z.P.* Sotsial'naia organizatsiia khatov i mansi v XVIII–XIX century: Problemy fratirii i roda. Moscow: Nauka, 1983. 322 p.
- Spodina V.I.* Predstavlenie o prostranstve v traditsionnom mirovozzrenii lesnykh nentsev. Novosibirsk: Izd. tsentr «Agro», 2001.
- Spodina V.I.* Nomenklatura rodstva kak universal'nyi sotsiokul'turnyi fenomen obskikh ugrov i samodiitsev. Khanty-Mansiysk: OOO Tipografiia "Pechatnoe delo", 2010.
- Spodina V.I.* Osobennosti kul'tovykh praktik korennykh malochislennykh narodov KhMAO-Iugry // *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo un-ta*, 2011. No. 1. Pp. 365–370.
- Spodina V.I.* Obriad zhertvoprinosheniia Nuvi Ashi (materialy ekspeditsii 1994 y. na stoibishcha V.M. Loziamova, r. Ai-Liamin) // *Vestnik ugrovedeniia*, 2013. No. 4. Pp. 161–171.
- Spodina V.I.* Ritual'no-obriadovye praktiki, sviazannye s pochitaniiem ob'ektov mirozdaniia kak integrator aksiosfery etnicheskoi kul'tury // *Finno-ugorskii mir*, 2013. No. 4. Pp. 70–76.
- Spodina V.I.* Pogrebal'nyi obriad na r. Ai-Liamin. Legendy, primety (materialy ekspeditsii 1994 g. na stoibishcha V.M. Loziamova, r. Ai-Liamin) // *Vestnik ugrovedeniia*, 2014. No. 1. Pp. 164–166.

Spodina V.I. Vremia kak universal'naia kategoriia traditsionnoi kul'tury (na materiale obskikh ugrov i samodiitsev). Khanty-Mansiisk, 2014.

Zen'ko A.P. Kul'tovaia praktika iuganskikh khantov / Vses. nauchn. sessiia po itogam polevykh etnograf. i antropol. issledovaniu v 1988–1989 years. Alma-Ata, 1990.

Zen'ko A.P. Predstavleniia o sverkh'estestvennom v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov. Novosibirsk, 1997. 160 p.

Zen'ko A.P. Traditsionnye verovaniia zapadnosibirskikh tatar i obskikh ugrov: k voprosu o vzaimosviasi kul'tur // Sibirskie tatory. Tobolsk; Omsk: 1998.

V.I. Spodina. The Rite of «Renewal of Gods» of Agan Khantes.

Religious beliefs remain one of the little-studied problems of Ob-Ugric ethnography. The article contains a description of the ceremony of changing of gods in the sacred place of representatives of exogamic group of Beaver, Aypin-Leykov, which localized in the middle reaches of the Agan river. The paper deals with folklore material giving an idea of the character of the revered deity Охәң-уми (Agana the Great woman), possible migration routes of this exogamic group, and also almost lost words – addresses to gods.

Key words: *sacred place, mistress of Agan, making the god, bargaining, redemption, keepers of gods, sacrifice ceremonies*

УДК 39

© С.Н. Уваров

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ БРАКИ В УДМУРТИИ В XX ВЕКЕ

В статье на основе преимущественно неопубликованных ранее материалов проводится анализ межэтнических браков, заключавшихся в Удмуртии в XX веке русскими, удмуртами и татарами. Если в середине 1920-х годов браки на территории Удмуртии заключались в основном между представителями одной национальности, то уже к концу 1930-х годов представители разных народов в республике активно создавали этнически смешанные семьи. В 1970-е годы удельный вес межэтнических браков достигал серьезных величин, например, у удмуртов в городах и у татар он равнялся почти половине. Охотнее всего межэтнические браки заключала молодежь, у людей старшего поколения сохранялись традиционные взгляды на семейные отношения. Увеличение удельного веса межэтнических браков на протяжении XX века сильнее всего отразилось на удмуртах, которые больше других оказались подвержены ассимиляции

Ключевые слова: межэтнические браки, население, Удмуртия

Для понимания этнических процессов в современной России крайне важно исследование межэтнических браков. Однако в вопросе их изучения историческая наука сталкивается с большими ограничениями из-за недостатка источников. Переписи населения учитывали лишь удельный вес национально-смешанных браков в общем количестве заключенных семейных союзов по регионам. Первые достаточно подробные разработки данных текущего учета населения по брачности с учетом национальностей вступающих в брак были изданы в СССР во второй половине 1920-е годы, но затем публикация аналогичных материалов прекратилась.

Особенно актуальна проблема изучения межэтнических браков для тех регионов России, где демографические процессы привели к деформациям национального состава. К числу таких регионов относится Удмуртия, отличительной особенностью которой является крайне незначительный рост количества представителей титульной нации на протяжении XX века при том, что число представителей других народов республики заметно выросло (таблица 1). За 1926–2002 гг. количество удмуртов увеличилось в 1,2 раза, русских – в 2,9 раза, татар – в 6,4 раза. Соответственно, доля удмуртов в составе населения сократилась. Объяснить причины диспропорции может исследование национально-смешанных браков.

Проблема межэтнических браков в Удмуртии в XX веке является малоизученной. Она затрагивается только в некоторых работах. Количество национально-смешанных браков стало довольно быстро расти в регионе лишь во второй половине 1920-х годов, правда, в основном они имели место в городах и среди удмуртов, живших вне пределов основной этнической территории. Например, в 1924 г. в городах Вотской

автономной области из всех заключенных удмуртами-мужчинами браков 22,2% были с русскими женщинами, в 1925 г. – уже 40,9%, а в 1926 г. – 60,7%. Отрицательный этнический стереотип в отношении удмуртов был характерен в 1920-е – начале 1930-х годов в большей степени для представителей старшего и среднего поколения русских, а молодежь уже меняла взгляды на межнациональные отношения (Шкляев 1998: 141). В деревнях межнациональные браки были еще редкостью: сказывалось наследие прошлого, замкнутость индивидуальных хозяйств, отличия в быту и семейном укладе, слабые производственные контакты. Так, большая часть первых колхозов в Удмуртии строились по национальному признаку. Последующее укрупнение колхозов, особенно в послевоенные годы, с объединением в них разнонациональных населенных пунктов, урбанизация, вызвавшая большую подвижность населения, расширили объективные возможности для увеличения межэтнических контактов: число смешанных браков стало быстро расти, охватив все социальные группы населения (Удмурты 1993: 358).

Таблица 1

Национальный состав населения Удмуртии по данным переписей, тыс. чел.¹

	1926	1939	1959*	1970	1979	1989	2002
Русские	327,5	679,3	758,8	809,6	870,3	945,2	944,1
в том числе в городах	69,2	260,8	401,0	577,1	678,8	762,8	756,4
Удмурты	395,6	480	475,9	484,2	479,7	496,5	460,6
в том числе в городах	3	36	66	135,9	180,1	221,9	204,3
Татары	17,1	40,6	71,9	87,2	99,1	110,5	109,2
в том числе в городах	4	17,7	42,9	69,2	83	94,5	93,1
Прочие	16	19,5	30,3	36,7	43,1	53,5	56,4
в том числе в городах	0,8	6,1	15,3	26,5	32,6	40,7	40,6

* Городское население учтено без поселков городского типа.

Н.П. Павлов, по данным похозяйственных книг о семьях колхозников шести сельсоветов Удмуртской АССР, проследил тенденции увеличения количества национально-смешанных семей за 1946–1964 гг. По его подсчетам, в 1964–1966 гг. число семей, состоявших из представителей разных национальностей в сравнении с 1946–1948 гг. выросло почти в 3 раза (Павлов 1975: 170). Экстраполировать эту цифру на всю республику сложно, так как Н.П. Павлов проанализировал в среднем 5% семей Удмуртской АССР. Но выводы, которые он сделал, представляются крайне важными. По его мнению, распространению межнациональных браков и образованию смешанных семей способствовали: ликвидация национальной обособленности народов, свобода и равенство наций и этнических групп, ослабление влияния религии, рост культуры населения, развитие средств общения и хозяйственно-экономических связей, расширение сферы влияния иноязычной среды, распространение двуязычия и др. (Павлов 1975: 170).

В 1968 г. и 1979–1980 гг. в республике проводились обширные этносоциологические исследования, одной из целей которых было выяснение установок на межнациональные браки у представителей разных народов. Опросы показали положительное отношение к ним у всех опрошенных, причем оно улучшилось. В 1968 г. доля удмуртов, позитивно настроенных на заключение браков с представителями других национальностей, в городах Удмуртской АССР составила 75% (Пименов 1993: 359).

Во время опроса 1979–1980 гг. в городах республики 83,6% удмуртов, 81,1% русских и 72,4% татар заявили, что национальность в браке не имеет значения (*Белорукова* 1986: 120). В сельской местности в 1979–1980 гг. 80,1% опрошенных удмуртов считало, что национальность в браке не имеет значения (*Шкляев* 1983: 47–48, 51).

Учитывая актуальность проблемы и ее слабую изученность, проведем анализ межэтнических браков, заключавшихся в Удмуртии в XX веке русскими, удмуртами и татарами, взаимоотношения между которыми стали доминантой межэтнического развития республики. В силу малочисленности брачных союзов, в которые вступали представители иных национальностей, обобщающие выводы по ним сделать будет сложно, поэтому в данной статье они не рассматриваются. Источниками послужили материалы текущего статистического учета. Во второй половине 1930-х годов (за 1936, 1937 и 1939 гг.) ЦСУ СССР вновь собирало сведения о межнациональных браках, но они не были опубликованы (отчасти в научный оборот их ввела П.В. Греус (*Греус* 2008)). В конце 1970-х годов практика сбора сведений о межнациональных браках возобновилась, правда, ненадолго и уже не в том объеме, как в 1920–1930-е годы.

Удмуртская АССР была образована в 1920 г. (первоначальное название – Вотская автономная область) на месте компактного проживания удмуртов. В 1930-е годы территория республики существенно расширилась, в основном за счет районов с преимущественным проживанием русских. В настоящее время на территории республики проживают представители более 130 национальностей. Согласно выводам экспертов по межнациональным отношениям, Удмуртия относится к стабильным регионам, где этнический и конфессиональный факторы не являются источниками напряженности (*Межэтнические* 2013: 93, 96).

Первые данные о межнациональных браках в Удмуртии, которыми мы располагаем, относятся к 1924 г. Доля национально-смешанных браков у русских мужчин тогда составляла 0,6%, у русских женщин – 2,5%, у мужчин-удмуртов – 3,4%, женщин-удмурток – 0,9%, у мужчин-татар – 5,5%, у женщин-татарок равнялась нулю (таблица 2). По мнению исследователей, количество межнациональных браков в стране стало быстро расти после Октябрьской революции (*Греус* 2008: 94; *Козлов* 1982: 265), поэтому можно предположить, что в начале XX века их было еще меньше.

Несмотря на отсутствие сведений за отдельные годы, имеющиеся данные позволяют выявить основные тенденции в развитии этнически-смешанных браков за 1920–1930-е годы. Их доля значительно выросла, особенно заметно – у удмуртов. Как показывает таблица 2, уже в 1928 г. у мужчин титульной национальности она составляла 10%, у женщин – более 3%. В 1930-е годы удельный вес этнически-смешанных браков у удмуртов продолжал увеличиваться, но данные по годам сильно отличались. Например, у мужчин-удмуртов он равнялся 19,7% в 1937 г. и 14,9% – в 1939 г. Большая разница объясняется тем, что в 1939 г. резко увеличилось число браков между удмуртами, тем самым доля межэтнических браков упала. В среднем за 1936, 1937, 1939 гг. у удмуртов доля межэтнических браков равнялась 13,1%: у мужчин – 16,2%, у женщин – 9,6%. Таким образом, по сравнению с 1924 г. рост был очень значительным, особенно у мужчин. У городских удмуртов процент национально-смешанных браков был выше, правда, они образовали гораздо меньше семейных союзов, чем сельские, но тенденция к количественному выравниванию прослеживается четко, что связано с урбанизацией титульной нации.

Таблица 2

**Национальный состав вступивших в брак в Удмуртской АССР
(до 1932 г. – Вотская автономная область), чел.²**

		Городские поселения				Сельская местность			
Национальность жениха	Год	Национальность невесты							
		Удмурты	Русские	Татары	Прочие и неизвестные	Удмурты	Русские	Татары	Прочие и неизвестные
Удмурты	1924	28	8	—	—	2239	71	—	1
	1925	13	9	—	—	2016	74	—	1
	1926	22	34	—	—	1557	54	—	—
	1927	47	31	—	—	1280	82	—	3
	1928	36	59	—	—	1176	71	—	5
	1936	184	75	1	—	843	101	1	—
	1937	206	101	1	5	667	100	—	7
	1939	264	89	—	1	1012	113	3	18
Русские	1924	1	877	—	4	17	2811	—	2
	1925	3	932	—	2	15	2955	—	1
	1926	3	1063	—	3	14	2334	—	1
	1927	4	1072	1	6	20	2460	—	6
	1928	8	1325	—	7	29	2138	—	2
	1936	64	1743	7	36	85	1421	4	9
	1937	27	2184	4	10	40	1446	3	35
	1939	19	2069	2	24	51	1608	3	45
Татары	1924	—	6	56	—	—	—	134	5
	1925	—	6	78	—	—	—	82	6
	1926	2	11	106	—	—	—	85	—
	1927	—	12	89	—	1	2	73	—
	1928	—	18	143	3	1	—	98	—
	1936	—	8	188	—	4	5	98	1
	1937	1	21	152	3	4	11	71	1
	1939	12	9	223	2	7	13	97	4
Прочие и неизвестные	1924	—	6	—	1	3	4	—	182
	1925	—	9	—	3	3	—	—	142
	1926	—	2	—	16	3	4	—	173
	1927	—	13	—	3	4	4	—	71
	1928	—	21	2	11	2	3	—	86
	1936	1	34	—	27	16	20	2	37
	1937	4	46	—	11	2	16	1	41
	1939	—	57	1	18	2	19	1	56

Русские брачный выбор в пользу партнера другой национальности продолжали делать редко: в среднем за 1936, 1937 и 1939 гг. этот показатель равнялся 5,9%. Русские женщины чуть чаще мужчин выходили замуж за представителей другой национальности, в целом это сделало 7,4% невест. Русские женихи лишь в 4,3% случаев брали в жены нерусских. При этом в городах доля русских мужчин, вступивших в мононациональный брак, была выше за все эти годы, чем в сельской местности, а в 1937 г. и 1939 г. – даже значительно выше. В 1937 г. только 1,8% русских городских женихов взяло в жены нерусскую невесту, в 1939 г. – 2,1%. Русские женщины также охотнее выходили замуж за русских мужчин в городах. Этим русские отличались от удмуртов, у которых доля мононациональных браков была выше в сельской местности.

У татар доля многонациональных браков также выросла и составила в среднем за 1936, 1937, 1939 гг. 7,8%. Как и у удмуртов, гораздо чаще вступали в межнациональные браки мужчины – 11,3%. Этот показатель был обеспечен скачком в 1937 и 1939 гг.: доля национально-смешанных браков у татар-мужчин достигла 15,5% в 1937 г. и 12,8% в 1939 г. Зато женщины практически всегда выходили замуж за татар. Иначе поступили в целом за 1936, 1937, 1939 гг. лишь 3,9% невест (соответственно годам – 5%, 3,9%, 3%). Среди женской половины трех рассматриваемых народов республики эта доля была самой низкой.

Сельские женщины татарской национальности в 1930-е годы чаще, как и сельские мужчины-татары, выбирали брачного партнера из иноэтничной среды. Стоит отметить и тот факт, что всего за полтора десятилетия (с 1924 г. по 1939 г.) количество браков у татар в городах республики превзошло их число в сельской местности, хотя по переписи 1939 г. большинство татар проживало в деревнях и селах.

У подавляющего большинства удмуртов, вступивших в этнически смешанный брак, партнер был русским или русской. Например, в 1936 г. в сельской местности республики 101 удмурт женился на русской невесте (99%) и лишь один – на татарке (1%). В городах в том же году 75 удмуртов женились на русских (98,7%), и один – на татарке (1,3%). В 1937 г. в сельской местности 100 удмуртов женились на русских (93,5%) и 7 – на «неизвестных» (6,5%). В 1936 г. в сельской местности удельный вес браков с русскими женихами в общем объеме этнически смешанных браков у удмуртских невест составил 81%, в городах – 98,5%. В 1937 г. он равнялся соответственно 87% и 84,4%, в 1939 г. – 85% и 61,3%.

При заключении межнациональных браков «вторую половину» русским составляли в основном представители титульной нации. Например, русские невесты в 1936 г. из 126 браков в сельской местности с нерусскими женихами в 101 случае (80,2%) вышли замуж за удмуртов, в городах из 117 браков – в 75 случаях (64,1%). В 1937 г. из 127 смешанных браков в сельской местности в 100 случаях русские невесты вышли замуж за удмуртов (78,7%), в городах из 168 браков – в 101 случае (60,1%). В 1939 г. из 145 браков в сельской местности с нерусскими женихами в 113 случаях (77,9%) русские невесты вышли замуж за удмуртов, в городах – из 155 браков в 89 случаях (57,4%). Получается, что русские девушки, образуя этнически-смешанную семью, выходили замуж за удмуртов намного охотнее на селе.

Русские женихи при вступлении в межнациональный брак также в основном женились на удмуртках. В 1936 г. из 98 браков в сельской местности с нерусски-

ми невестами в 85 случаях русские женихи взяли в жены удмуртских девушек (86,7%), в городах из 107 браков – в 64 случаях (59,8%). В 1937 г. из 78 браков в сельской местности в 40 случаях русские женихи женились на удмуртках (51,3%), в городах – из 41 брака в 27 случаях (65,9%). В 1939 г. из 99 браков в сельской местности в 51 случае русские женихи взяли в жены удмуртских девушек (51,5%), в городах из 45 браков – в 19 случаях (42,2%). Таким образом, русские чаще брали в жены удмурток также в сельской местности. Исключением является 1937 г., но тогда национальность очень многих невест оказалась неизвестной. Также можно заметить, что когда русские мужчины вступали в межэтнический брак, выбор ими партнеров был более разнообразным.

Стоит отметить, что русские не так часто женились или выходили замуж за татар. Доля татар в качестве брачного партнера не превышала 10% в общем объеме национально-смешанных браков, в которые вступили русские. Исключением стал 1937 г., когда 21 русская невеста в городе вышла замуж за татарина (12,5% от смешанных браков для русских невест). Подобная ситуация объясняется, скорее всего, количественным преобладанием русских и удмуртов над татарами. Последние же предпочитали в межэтнических браках русских. На удмуртках татары женились редко (исключение составил 1939 г.), а татарки практически не выходили замуж за удмуртов.

К концу 1970-х годов доля межнациональных браков еще сильнее выросла (таблица 3). Возросло и их количество. Наиболее разительные перемены произошли у татар: в конце 1970-х годов около половины и мужчин, и женщин вступали в национально-смешанные браки. Интересно, что в 1978 г., а в городах – еще и в 1979–1980 гг., женщины-татарки чаще мужчин вступали в этнически смешанные браки, хотя в 1920-е годы таковых не было вообще.

Почти половина удмуртов в городах также вступала в межнациональные браки, причем женщины делали это чуть чаще мужчин. Сельские удмурты были консервативнее: мужчины в среднем женились на удмуртках в 85% случаев, женщины выходили замуж за удмуртов почти в 80% случаев, т.е. и на селе женщины чаще мужчин образовывали этнически смешанные семьи. Напротив, в 1920–1930-е годы мужчины-удмурты и в городах, и в сельской местности гораздо чаще вступали межнациональные браки.

В среднем доля русских, вступавших в многонациональные браки, и в 1970-е годы оставалась самой низкой по сравнению с удмуртами или татарами.

К сожалению, источники 1970-х годов не содержат сведения о вариантах сочетаний национальностей жениха и невесты, но в них есть информация о вступивших в брак по возрастам и национальностям. У всех народов – и на селе, и в городе – прослеживается закономерность: с возрастом все предпочитали вступать в брак с партнером своей национальности. Особенно отчетливо эта тенденция наблюдается с 45-летнего возраста.

Таблица 3

Сведения о вступивших в брак по национальности в Удмуртской АССР³

		1978		1979		1980	
		Городские поселения	Сельские местности	Городские поселения	Сельские местности	Городские поселения	Сельские местности
Всего вступивших в брак, в том числе:		10924	5483	11357	6175	10483	5877
Русские	мужчины	7585	2016	7809	2252	7189	2054
	из них с русской (%)	6072 (80,1%)	1386 (68,8%)	6262 (80,2%)	1504 (66,8%)	5667 (78,8%)	1384 (67,4%)
	женщины	7415	1881	7725	2060	6977	1932
	из них с русским (%)	6072 (81,9%)	1386 (73,7%)	6262 (81,1%)	1504 (73%)	5667 (81,2%)	1384 (71,6%)
Удмурты	мужчины	2071	3133	2146	3492	1953	3383
	из них с удмурт-кой (%)	1162 (56,1%)	2661 (84,9%)	1163 (54,2%)	2984 (85,5%)	1096 (56,1%)	2897 (85,6%)
	женщины	2301	3273	2331	3720	2232	3590
	из них с удмуртом (%)	1162 (50,5%)	2661 (81,3%)	1163 (49,9%)	2984 (80,2%)	1096 (49,1%)	2897 (80,7%)
Татары	мужчины	856	166	939	221	948	245
	из них с татаркой (%)	478 (55,8%)	90 (54,2%)	533 (56,8%)	112 (50,7%)	550 (58%)	134 (54,7%)
	женщины	884	187	978	210	963	199
	из них с татарин-ном (%)	478 (54,1%)	90 (48,1%)	533 (54,5%)	112 (53,3%)	550 (57,1%)	134 (67,3%)

Характерно, что в 1970-е годы доля межэтнических браков, которые заключали молодожены старшего возраста, была меньшей, чем у младшего. На наш взгляд, это связано не с возрастными особенностями, а с традиционными представлениями рожденных в 1930-е годы и ранее. Модернизационные процессы, разрушая традиционный уклад, формировали новые установки, способствовавшие увеличению

количества межнациональных браков. Это подтверждают и данные этносоциологических опросов. В ходе опроса 1979–1980 гг. в городах республики 83,6% удмуртов заявили, что национальность в браке не имеет значения, в сельской местности таковых было меньше – 80,1%. При этом, чем выше была доля удмуртов в сельском поселении, тем больше предпочитался партнер своей национальности (*Белорукова* 1986: 120; *Шкляев* 1983: 47–48, 51).

Еще раз сведения о вступивших в брак по национальностям были собраны статистическим ведомством в 1988 г., но тогда учитывались лишь крупнейшие нации союзного значения. Удмурты в этот перечень не попали. В 1988 г. в городах республики доля русских мужчин, вступивших в межнациональный брак, составила 23,3%, мужчин-татар – 52,3%, женщин – соответственно 22,6% и 51,5%. В сельской местности доля русских мужчин, вступивших в межнациональный брак, составила 39,2%, мужчин-татар – 55,5%, женщин – соответственно 35,3% и 50,4%. Преобладали однонациональные браки уже у 50-летних и более взрослых (ЦГАУР 1: Оп. 7. Д. 464в. Л. 1, 31, 43, 71, 83, 101, 109, 123).

Таким образом, если еще в середине 1920-х годов в подавляющем большинстве браки на территории Удмуртии заключались между представителями одной национальности, то уже к концу 1930-х годов доля межнациональных браков повысилась у всех рассматриваемых народов республики. Судя по имеющимся данным, в тот момент межэтнические браки чаще всего заключались между мужчинами-удмуртами и русскими женщинами, что было связано с индустриализацией, переездом в города значительного количества сельских жителей, прежде всего мужского пола. В дальнейшем процесс смешения этносов нарастал, количество и доли межнациональных браков увеличивались.

В 1970–1980-е годы удельный вес межэтнических браков достигал серьезных величин, правда, в силу специфики собиравшихся статистиками сведений уже невозможно определить варианты сочетания национальностей жениха и невесты. С уверенностью можно только сказать, у удмуртов чаще вступали в межнациональный брак женщины. У русских, наоборот, чаще вступали в национально-смешанные браки мужчины. Еще сильнее поменялась картина у татар: около половины из них вступало в межэтнические браки, хотя в 1920–1930-е годы их доля была минимальной, особенно у женщин. Объясняется подобное положение тем, что татары в Удмуртии превратились в «городскую» нацию (таблица 1).

М.В. Сумачева, изучив этнические процессы на Урале во второй половине XX века, выделила несколько факторов, повлиявших на увеличение количества национально-смешанных семей. Она отнесла к ним этнокультурную близость, урбанизационные процессы (город является наиболее благоприятной средой для стирания или смягчения этнокультурных различий и развития «интернационалистской» ориентации при выборе брачного партнера); диспропорции половозрастного состава населения различных этнических групп; уровень образования и профессиональной квалификации (*Сумачева* 2009: 128).

Возникновение национально-смешанных семей – это, с одной стороны, результат интенсивных межэтнических отношений. С другой стороны, такие семьи, вызывая определенные изменения в быту и сознании, выступают как фактор ассимиляции. Из рассмотренных народов больше других ей оказались подвержены удмурты. Особенно активно ассимиляция у представителей титульной нации происходила в процессе урбанизации (табл. 1). В.Е. Владыкин и Л.С. Христолюбова на основе данных

массового обследования 1979 г. отметили, что в этнически смешанных семьях городских удмуртов меньше детей, в них почти не говорят по-удмуртски, не придерживаются удмуртских обычаев и не приобщают к ним детей. В городских семьях лишь 13% детей от смешанных браков при получении паспорта записывались удмуртами (Владыкин, Христолюбова 1997: 92). Если в 1959 г. родной язык не совпадал с национальностью всего у 6,8% удмуртов, то в 2002 г. – уже у каждого третьего удмурта (33,4%). При этом родным его считали лишь 47,3% в городе и 81,9% в сельской местности (Удмуртская Республика 2012: 117).

Получается, что межэтнические браки, количество которых резко выросло в результате урбанизации, способствовали быстрой ассимиляции удмуртов.

Примечания

- ¹ Составлено по данным: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://demoscope.ru/weekly/ssp/census.php>; ЦГАУР 1: Оп. 5. Д. 253. Л. 71–72.
- ² Составлено по данным: Статистический сборник 1927: 33; Статистический ежегодник 1928: 21; Статистический ежегодник 1929: 21; ЦГАУР 1: Оп. 3. Д. 101. Л. 220–221; Д. 108. Л. 23, 30; Оп. 7. Д. 1. Л. 41об., 50об.
- ³ Составлено по данным: ЦГАУР 1: Оп. 7. Д. 344. Л. 94, 94об., 96, 96об.; Д. 376. Л. 136, 136об., 138, 138об.; Д. 388. Л. 127, 127об., 128, 128об.

Литература

- Белорукова 1986 – Белорукова Г.П. Межнациональные отношения в среде городского населения Удмуртской АССР // Современное городское население Удмуртии (образ жизни и этнические процессы): сборник статей. Устинов: НИИ при Совете Министров УАССР, 1986. С. 109–123.
- Владыкин, Христолюбова 1997 – Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. Ижевск: Удмуртия, 1997.
- Греус 2008 – Греус П.В. Межнациональные браки на территории Российской Федерации в 30-е годы XX века // Историческая демография. Сборник статей / под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 94–106.
- Козлов 1982 – Козлов В.И. Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика, 1982.
- Межэтнические 2013 – Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.; Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2013.
- Павлов 1975 – Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии. 1946–1975. Историко-социологические очерки. Ижевск: Удмуртия, 1975. 244 с.
- Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск: Издание Облстатотдела, 1927. 520 с.
- Статистический ежегодник за 1927 г. Ижевск: Издание Облстатотдела, 1928. 228 с.
- Статистический ежегодник за 1928 г. Ижевск: Издание Облстатотдела, 1929. 216 с.
- Сумачева 2009 – Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века: монография. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009.
- Удмуртская Республика 2012 – Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / науч. ред. А.Е. Загребин. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2012.
- Удмурты 1993 – Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993.
- ЦГАУР 1 – Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. Р-845
- Шкляев 1983 – Шкляев Г.К. Характер межэтнических контактов в сельских поселениях разного типа // Вопросы этносоциологического изучения сельского населения: сборник статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1983. С. 43–64.

Шкляев 1998 – Шкляев Г.К. Межэтнические отношения в Удмуртии: опыт историко-психологического анализа. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998.

References

- Belorukova G.P. Mezhnatsional'nye otnosheniia v srede gorodskogo naseleniia Udmurtskoi USSR (Interethnic relations in the environment of the urban population of the Udmurt USSR) // Sovremennoe gorodskoe naselenie Udmurtii (obraz zhizni i etnicheskie protsessy): sbornik statei. Ustinov, 1986. Pp. 109–123.*
- Vladykin V.E., Khristoliubova L.S. Etnografiia udmurtov: Uchebnoe posobie po kraevedeniiu (Ethnography Udmurt: a manual for local history). Izhevsk, 1997.*
- Greus P.V. Mezhnatsional'nye braki na territorii Rossiiskoi Federatsii v 30-e y. XX cen. (Interethnic marriages on the territory of the Russian Federation in the 30s of the XX century) // Istoricheskaia demografiia. Sbornik statei. M.B. Denisenko, I.A. Troitskoi (eds.). Moscow, 2008. Pp. 94–106.*
- Kozlov V.I. Natsional'nosti USSR. Etnodemograficheskii obzor (Nationalities of the USSR. Ethno-demographic overview). Moscow, 1982.*
- Mezhetnicheskie i konfessional'nye otnosheniia v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad (Ethnic and confessional relations in the Volga Federal district. Expert report). V.A. Tishkov, V.V. Stepanov (eds.). Moscow; Izhevsk, 2013.*
- Pavlov N.P. Krest'ianstvo Udmurtii. 1946–1975. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki (The Peasantry Of Udmurtia. 1946–1975. Historical and sociological essays). Izhevsk, 1975.*
- Statisticheskii sbornik za 1924–1926 years. (Statistical Yearbook of 1924–1926 gg.). Izhevsk, 1927.*
- Statisticheskii ezhegodnik za 1927 years. (Statistical Yearbook 1927). Izhevsk, 1928.*
- Statisticheskii ezhegodnik za 1928 years. (Statistical Yearbook 1928). Izhevsk, 1929.*
- Sumacheva M.V. Etnicheskie protsessy na Urale vo vtoroi polovine XX cen.: monografiia (Ethnic processes in the Urals in the second half of the twentieth century: monograph). Ekaterinburg, 2009.*
- Udmurtskaia Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki (Udmurt Republic: historical and ethnographic essays). A.E. Zagrebin (ed.). Izhevsk, 2012.*
- Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki (The Udmurts: historical and ethnographic essays) V.V. Pimenov (ed.). Izhevsk, 1993.*
- Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki. F. R-845.*
- Shklyayev G.K. Kharakter mezhetnicheskikh kontaktov v sel'skikh poseleniiakh raznogo tipa (The nature of inter-ethnic contact in rural settlements of different type) // Voprosy etnosotsiologicheskogo izucheniia sel'skogo naseleniia: sbornik statei. Izhevsk, 1983. Pp. 43–64.*
- Shklyayev G.K. Mezhetnicheskie otnosheniia v Udmurtii: opyt istoriko-psikhologicheskogo analiza (Interethnic relations in the Republic of Udmurtia: the experience of historical-psychological analysis). Izhevsk, 1998.*

S.N. Uvarov. Interethnic marriages in Udmurtia in the 19th century

In article on the basis of mostly previously unpublished materials is carried out analysis of inter-ethnic marriages concluded in Udmurtia in the XX century Russians, Udmurts and Tatars. If in the mid-1920s marriages on the territory of Udmurtia was mainly between members of the same nationality, then by the end of the 1930s, people of different ethnic groups in the Republic actively created an ethnically mixed families. In the 1970s, the proportion of interethnic marriages have reached significant values, for example, the Udmurts in the cities and among the Tatars, he was equal to almost half. Most readily inter-ethnic marriages were entered into the youth, the older generation maintained the traditional views on family relationships. Increase in the proportion of interethnic marriages throughout the twentieth century, mostly affected the Udmurts, who were subject to assimilation

Keywords: *inter-ethnic marriages, population, Udmurtia*

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 392

© Д.Д. Тумаркин

КОРОЛЬ И БАЛАЛАЙКА

СОВЕТСКИЕ ЭТНОГРАФЫ НА ОСТРОВАХ ТОНГА

В статье рассказывается о посещении в 1977 г. группой советских этнографов полинезийского острова Тонгатапу (королевство Тонга) с последующим кратким заходом на остров Номука. Рассмотрены соотношение традиционных и «западных» компонентов местной культуры, социально-экономическая структура, религиозная ситуация. Особое внимание уделено встрече с королем Тауфаахау Тупоу IV – любителем русской балалайки, осмотру мегалитического сооружения (трилитон) и церемонии питья кавы. Статья основана преимущественно на неопубликованных материалах из дневников автора.

Ключевые слова: история и этнография Полинезии, архипелаг Тонга, острова Тонгатапу и Номука, король Тауфаахау Тупоу IV, трилитон, кавы.

В 1971 г. состоялся 6-й рейс научно-исследовательского судна «Дмитрий Менделеев», в котором мне довелось быть начальником этнографического отряда (Тумаркин 1972). В журнале «Вестник антропологии» опубликованы статьи о двух этапах экспедиции – посещении полинезийского атолла Фунафути и меланезийского острова Эфате (Тумаркин 2014, 2015а, 2015б). В 1977 г. состоялся 18-й рейс «Дмитрия Менделеева», в котором снова участвовали этнографы. В этой экспедиции, возглавлявшейся известным гидробиологом Л.А. Пономаревой, этнографический отряд состоял из 5 человек. В него вошли четыре сотрудника Института этнографии АН СССР – москвичи Д.Д. Тумаркин (начальник отряда), В.Н. Басилов, В.Н. Шамшунов и ленинградец Е.Н. Кальщиков, а также И.М. Меликсетова (Институт востоковедения АН СССР). Руководство экспедиции включило в наш отряд также двух московских художников – М.Л. Плахову и Б.В. Алексеева.

Работа «береговых» отрядов экспедиции, в том числе этнографического, велась на островах, входивших в состав трех молодых государств – Папуа Новой Гвинеи, Фиджи и Тонга. Наше судно заходило также в Сингапур и австралийский порт Брисбен (Тумаркин 1977). Статья, предлагаемая вниманию читателей, посвящена пребыванию в островном полинезийском королевстве Тонга. Как и предыдущие, она основана главным образом на неопубликованных полевых дневниках автора. В качестве дополнительного источника использована занимательно написанная книга упомянутых художников (Плахова, Алексеев 1981), вышедшая под моей редакцией.

Приход в столицу Тонга. Знакомство с городом

Заход на Тонга предусматривала программа 6-го рейса. Но тогда, в 1971 г., правительство этого королевства неожиданно запретило пребывание нашего корабля в тонганских территориальных водах. Прочитав в журнале «Pacific Island Monthly», что у короля Тауфаахау Тупу IV есть хобби – коллекционирование русских балалаек, я приобрел в Москве концертную балалайку, чтобы преподнести ее тонганскому властителю. Радиограмму об отмене захода на Тонга начальник экспедиции А.А. Аксенов получил, когда «Дмитрий Менделеев» подходил к порту Апия – столице Западного Самоа¹. Не везти же балалайку обратно в Москву! Я решил подарить ее премьер-министру Западного Самоа уважаемому Тупуола Таиси Эфи. Из статей в том же журнале я знал, что он широко образованный человек, врач по специальности, окончивший университет в ФРГ. Было, правда, неясно, как он воспримет этот сувенир. Все же решил рискнуть. На приеме, устроенном премьер-министром по случаю захода «Дмитрия Менделеева», я вручил ему балалайку. Самоанский сановник обрадовался, как ребенок. «Я знаю, что такое балалайка, – сказал он по-английски, – слышал ее звучание и даже запомнил немецкую песенку о ней». И он пропел вполголоса: «Spiel mir, liebe Balalaika, eine Russische Tango»². Премьер-министр добавил: «У властителя Тонга много балалаек, а у меня не было ни одной. Я распоряжусь повесить ее на стене в моем кабинете».

В 1975 г. между СССР и Тонга были установлены дипломатические отношения. Советский посол в Новой Зеландии стал по совместительству посланником в островном королевстве, а тонганский посол в Лондоне начал два раза в год приезжать на неделю в Москву. Официальное разрешение на работу в тонганских территориальных водах, включая посещение столицы, было получено еще до отъезда участников экспедиции из Москвы. Поэтому я купил новую балалайку в изящном футляре.

Утром 9 февраля 1977 г. «Дмитрий Менделеев» подошел к архипелагу Тонга, состоящему из 150 вулканических и коралловых островов, и бросил якорь на рейде столицы этого государства города Нукуалофа (в русском переводе – Обитель любви). Этот небольшой тропический город расположен на северном берегу Тонгатапу (Священного Тонга) – самого крупного острова архипелага. В 1977 г. в городе обитало 14 тыс. человек, а общая численность населения королевства составляла 93 тыс. человек. Вскоре на корабль прибыли представители местных властей – таможенник, полицейский офицер, а также чиновник тонганского МИДа. Это был молодой мужчина в белой рубашке с галстуком и черных брюках, но его талия была опоясана тонкой циновкой, сплетенной из узких полосок листьев пандануса, – признаком принадлежности к сословию вождей. Он держался с большим достоинством, пожалуй, даже высокомерно. Получив у Л.А. Пономаревой программу работ экспедиции в тонганских водах с указанием предполагаемых мест высадок и задач каждого отряда, чиновник процедил сквозь зубы: «Я передам этот документ премьер-министру, возглавляющему также Министерство иностранных дел, принцу Туипелехаки, брату короля, и тот, проконсультировавшись с Его Величеством, примет решение, о котором вы будете извещены завтра утром в письменной форме». Переговоры велись на английском языке, который в королевстве считается официальным наряду с тонганским.

Когда деловая часть встречи закончилась и официантка принесла на подносе в салон начальника экспедиции бокалы с вином и закуски, я обратился к дипломату

с вопросом: «Я слышал, что ваш король коллекционирует балалайки. Это правда?» И тут с чиновником произошла метаморфоза. Он расплылся в улыбке, рот до ушей, и произнес: «Йе-е-ес!». Я продолжил: «У меня есть балалайка. Могу я ее преподнести Его Величеству?» Согласно этикету он должен был бы ответить, что о моем желании будет доложено королю и тот решит, принимать ли подарок. Вместо этого «дипломат» выпалил: «Вам будет удобно приехать во дворец завтра в два часа пополудни?» Я сказал, что удобно. Встреча закончилась в дружественной обстановке. Мидовец объявил, что члены экспедиции и моряки могут съезжать на берег, не дожидаясь рассмотрения плана работ, но не должны никого приглашать на борт и делать какие-либо подарки, что на судне будут круглосуточно находиться, сменяясь, два полицейских.

После обеда на корабельном катере мы отправились на берег к шлюпочному причалу. Возле него под навесом стояли четыре дюжих тонганца. Они были в штатском (рубашках навыпуск, джинсах и бейсболках), но на поясе у каждого под рубашкой выпячивалась пистолетная кобура. Заметив приближающийся катер, к причалу подъехало несколько местных такси – мотоциклов с колясками, над которыми были оборудованы парусиновые навесы для защиты от дождя и палящих солнечных лучей. Один из дюжих молодцев, представившийся диспетчером таксомоторной компании, руководил посадкой менделеевцев на такси. Он договаривался о цене, заносил в записную книжку фамилии пассажиров и таксистов, а также цели поездки. Этнографы не стали брать такси и отправились пешком осматривать город по шоссе, проложенному вдоль берега.

Вскоре мы подошли к большому недавно построенному трехэтажному зданию «Dateline Hotel» («Отель перемены дат»), имеющему выход к благоустроенному пляжу³. Возле отеля, на лужайке расположился небольшой рынок, на котором продавали овощи и фрукты, а также изделия местных художественных промыслов. Покупателей не было, но продавцы не сидели без дела: женщины плели корзины, сумки из листьев пандануса и кокосовой пальмы, раскрашивали лубяную материю (*mana*), мужчины вырезали из древесины разных пород, в том числе из благоуханного сандала, скульптуры полинезийских божеств, боевые щиты, палицы, кухонную утварь, модели каное. Я разговорился с одним из резчиков по имени Сионе – молодым парнем в шортах и рубашке-«алоха», из цветастой хлопчатобумажной ткани. Парень спросил: «Вы с русского корабля?» Получив утвердительный ответ, он поинтересовался: «А откуда вы родом? Из Москвы?» Я ответил: «Из Ленинграда». И тут он проявил осведомленность: «Знаю, это город, где началась революция». Мне очень хотелось что-нибудь приобрести у этого мастера, так как он жаловался на отсутствие покупателей. Сионе добросовестно воспроизводил традиционные образцы, но все же это были поделки для туристов, которые не годились для МАЭ. Поэтому я купил у него маленькую изысканную фигурку героя полинезийского фольклора Мауи для подарка Ю.В. Бромлею.

Пройдя несколько магазинов и домов европейского типа, окруженных садами, мы вышли к городскому базару – большому асфальтированному квадрату, окаймленному крытыми торговыми рядами и отдельными лавочками. В центре на асфальте разложили свой товар продавцы овощей и фруктов. Более солидные торговцы расположились под тентами в торговых рядах и в собственных специализированных лавочках. Наше внимание, естественно, привлекли изделия художественных промыслов. Мой фотоаппарат щелкал почти беспрерывно, и теперь, работая над этой

статьей, я рассматриваю слайды, запечатлевшие посещение рынка. Вот дородная тонганка демонстрирует плетеные изделия – от крохотных сумочек, украшенных раковинами каури, до объемных кофров с геометрическими орнаментами и непременной рельефной надписью Tonga. Многие изделия, продававшиеся на базаре, превосходили по своим художественным достоинствам те, которые вырезал и продавал Сионе. Но ленинградские музейщики не просили привезти в МАЭ образцы современного прикладного искусства народов Океании. Рынок был переполнен, но шума и суеты не наблюдалось. Люди говорили вполголоса, уступали дорогу, улыбались друг другу. Впрочем, за порядком следил полицейский, вооруженный пистолетом и большой полированной дубинкой.

Рис. 1. Выставка-продажа резчика Сионе [сидит слева под деревом] (фото автора 1977).

Рис. 2. Продажа плетеных изделий на рынке (фото автора, 1977).

За рынком начинался правительственный квартал. Выделялись красивое двухэтажное здание «Бэнк оф Тонга», созданного местными властями при участии иностранных банков, и одноэтажный, но очень вместительный дом ультрасовременной архитектуры, которое занимало почтовое ведомство, делившее его с некоторыми другими государственными учреждениями. Такое внимание к этому ведомству не случайно: продажа коллекционных почтовых марок – важная статья государственных доходов. Тонганские марки хорошо известны филателистам всего мира.

Они отличаются причудливыми формами и тем, что некоторые из них ... пахнут. Так, серия марок, посвященная банану, не только окрашена в соответствующий цвет и напоминает очертания этого плода по форме, но и обладает довольно стойким запахом, присущим мякоти зрелого банана. Вспомнив о своих детских и юношеских увлечениях, я приобрел в филателистическом бюро этого ведомства около 50 марок, некоторые – с очень редкими спецгашениями⁴.

Другие министерства размещались в маленьких деревянных зданиях старой постройки. Так, МИД находился в непрезентабельном домике, напоминающем дачный флигель. Осмотрев правительственный квартал и прилегающие к нему щедро озелененные улицы с небольшими магазинами и уютными коттеджами европейского типа, населенными тонганской знатью и высокопоставленными чиновниками, в том числе иностранными советниками, мы вышли к морю возле королевского дворца, который я надеялся посетить на следующий день, и пошли по прибрежному шоссе к шлюпочной пристани. В «Отеле перемены дат» находился офис туристической компании, которая, как и сам отель, принадлежала государству. Здесь я заказал две экскурсии: одну обзорную на большом автобусе для моряков и членов экспедиции (ее должен был оплатить первый помощник капитана), другую специализированную на микроавтобусе без экскурсовода для нашего отряда, чтобы побывать в пригородных деревнях. Эту поездку, которую предстояло оплатить из средств, полученных мною в Москве (они хранились в сейфе начальника экспедиции) я назначил на следующее утро, чтобы иметь возможность участвовать в визите к королю, если таковой действительно состоится.

Рис. 3. Продажа плетеных изделий на рынке (фото автора, 1977).

Выезд в пригородные деревни. Религиозная ситуация

Молодой тонганский дипломат не блефовал. 10 февраля, в 8 часов утра, когда мы завтракали в кают-компании, на «Дмитрий Менделеев» прибыл офицер-тонганец в мундире цвета хаки английского образца и вручил запечатанный конверт капитану корабля А.С. Свитайло. В нем находилось письмо, подписанное премьер-министром: программа работ одобрена; капитан и еще три человека по его выбору будут приняты королем во дворце в 14 часов. В 13 час.45 мин. у шлюпочного причала нас будет ожидать экипаж. Сообщался дресс-код: мужчины должны быть в костюмах с галстуками, дама – в женском костюме или строгом вечернем платье.

Не теряя времени, я съехал на берег со всеми членами этнографического отряда. У причала нас ожидал заказанный микроавтобус с шофером по имени Сана. Быстро расплатившись в туркомпании, я вернулся к микроавтобусу, в котором, кроме моих коллег и шофера, обнаружил полицейского в синей форменной рубашке, таких же брюках, но, по местному обычаю, босиком. Так я убедился, что за нами ведется не-

усыпное наблюдение. «Хвост» пристраивался и к другим менделеевцам, отправлявшимся в город или его окрестности.

Миновав при выезде из города район трущоб, мы поехали по грейдерной дороге, вдоль которой тянулись посадки таро, ямса, бананов, бататов, цитрусовых и бахчевых культур, а также кокосовые плантации. Некоторые из них были огорожены колючей проволокой, так как там паслись стада крупного рогатого скота, завезенного на архипелаг европейцами. Эти животные не только шли в пищу, но и повышали плодородие кокосовых пальм, унаваживая землю, поедая и вытаптывая подлесок и травяной покров. Свиньи и куры имелись у островитян еще до открытия Тонга европейцами, но мясо употреблялось в пищу преимущественно вождями и иностранными поселенцами.

Рис. 4. В тонганской деревне (фото автора, 1977).

Нам встречались сельские жители, бредущие по обочине дороги. Они несли поклажу в плетеных корзинках и заплечных сумках. Впервые в Полинезии я заметил широкое использование введенных европейцами лошадей как транспортного средства. Мужчины ехали верхом на небольших лошадках шотландской породы, приторочив к седлу значительный груз. Мы обгоняли двуколки с такими лошадками, попада-

лись и четырехколесные телеги, нагруженные гроздьями бананов, арбузами и другой сельскохозяйственной продукцией, в которые были запряжены по две более крупные лошади. Но, как я узнал, лошадей не использовали при обработке земли. Мы видели, как мужчины вскапывали и рыхлили землю заостренными деревянными кольями и мотыгами с металлическим лезвием. Впрочем, Сана сказал, что на больших плантациях, принадлежащих королевской семье и знати и арендуемых иностранными компаниями, имеются тракторы, плуги, грузовики, экскаваторы и другая техника.

Если в столице тонганцы носили легкую одежду европейского типа (многие женщины – платья-балахоны, введенные миссионерами), то в деревнях – в поле и дома – мужчины ограничивались традиционными набедренными повязками, а женщины – несшитыми юбочками, только теперь эти предметы одежды делались как из традиционных материалов (*тапы*, листьев и растительных волокон), так и из покупных хлопчатобумажных тканей.

Мы посетили четыре деревни, расположенные по соседству – Фатаи, Нукунуку, Массила и Хаовотоло, в которых обитало около 3 тыс. человек. Население каждой деревни состояло из нескольких большесемейных общин. Часть домов была европейского типа – от коттеджей вождей и новой элиты до лачуг, сколоченных из подручных материалов. Но преобладали традиционные хижины, распространенные в Западной Полинезии, которые я описал, рассказывая о посещении атолла Фунафу-

ти (Тумаркин 2014: 185–186). Но здесь, как и на Фунафути, проявилось соприкосновение с «западной» цивилизацией. Некоторые крыши из сплетенных пальмовых листьев были укреплены жестяными накладками или заменены кровлей из оцинкованного железа. Встречались и жилища смешанного типа – с дощатыми или бревенчатыми стенами, но крышей из пальмовых листьев. В традиционных хижинах со скрученными в рулон створками мы заметили довольно много европейской утвари, на покрытом циновками полу кое-где виднелись деревянные топчаны, столы, табуреты и шкафчики. Возле многих хижин стояли велосипеды.

Как сообщили местные жители, кокосовые плантации, стада, крупные посадки бананов и цитрусовых принадлежали местному верховному вождю Туи Вакана, который жил в столице, поручив управление своими владениями вождю более низкого ранга. Это соответствовало тонганской системе землевладения.

В конце XVIII века, когда на Тонга поселились первые европейцы⁵, они обнаружили там раннеклассовое общество. Островитяне делились на два основных социальных слоя (сословия) – землевладельческую знать (вождей) и зависимых, полукрепостных крестьян-общинников. В 1845 г. одному из верховных вождей, Тауфаахау Тупоу, принявшему христианство и нареченному при крещении Сиоси (Георгом) удалось при поддержке английских протестантских миссионеров объединить архипелаг и создать централизованное государство. По совету миссионеров он издал в 1862 г. законы, заложившие основы государственного устройства и социальных отношений, которые во многом сохранились до наших дней. По одному из законов вся земля была объявлена собственностью короля; часть земельных угодий и некоторые островки стали доменом короля и его семьи, остальные земли были объявлены владениями верховных вождей, а те, в свою очередь, выделяли в пожизненную аренду небольшие участки (*апи*) крестьянам-общинникам. За пользование наделами – вопреки конституции, сочиненной в 1875 г. миссионерами, – общинники продолжали нести повинности (*то-фия*) – платили оброк и один день в неделю работали на землевладельца. Более того, в связи с ростом численности населения, создания крупных плантаций и сдачей их в аренду иностранным компаниям, в стране, особенно на Тонгатапу, начал проявляться «земельный голод». Уже к середине 1860-х годов более половины совершеннолетних тонганцев не имели земельных наделов. Особенно страдали юноши, окончившие деревенские школы. Они пытались найти работу в городе или на крупных плантациях, но рабочих мест не хватало и это вызывало социальную

Рис. 5. Методистская церковь в деревне Нукунуку (фото автора, 1977).

напряженность. Чтобы не допустить взрыва, тонганские власти начали поощрять эмиграцию. В середине 1870-х годов около 10 тыс. тонганцев жили за рубежом, главным образом в Новой Зеландии (см. подробнее: *Crocombe 1975, Campbell 1992*).

Не получил *ати* и наш шофер. После деревенской школы он сумел окончить техническое училище по специальности шофер-автомеханик. Сана рассказал, что его брат с женой и некоторые другие родственники осели в индустриальном центре Новой Зеландии городе Окленде, где они работали на заводах, садовниками, уборщиками улиц и т.д. Брат приобрел в рассрочку сборный дом и подержанную автомашину. Сана подумывал о том, чтобы последовать их примеру.

В посещенных деревнях мы насчитали 5 храмов разных конфессий – два методистских (Свободной Веслеянской церкви Тонга и Свободной церкви Тонга), католический, мормонский и адвентистов седьмого дня. Это отражало историю распространения христианства на Тонга и современную религиозную ситуацию на этом архипелаге.

Решающую роль в насаждении новой веры сыграли английские веслеянские (методистские) миссионеры, присланные Лондонским миссионерским обществом в 1879 г. Именно они сумели обратить в христианство верховного вождя Тауфаахау Тупоу, ставшего Георгом Тупоу I, помогли ему объединить архипелаг и создали Веслеянскую церковь Тонга. Старший миссионер Ширли Бейкер – садист и авантюрист высокого полета, – уговорив престарелого короля назначить его премьер-министром, министром иностранных дел и министром по земельным вопросам, начал перекраивать законы и творить произвол. Когда руководители Лондонского миссионерского общества осудили его поведение, Бейкер основал в 1885 г. новую религиозную организацию – Свободную веслеянскую церковь Тонга и потребовал, чтобы в нее перешли прихожане Веслеянской церкви. Всех тонганцев – мужчин и женщин, не пожелавших выполнить это требование, – Бейкер приказал подвергнуть жестоким пыткам. Сведения о них просочились в австралийские и американские газеты.

Рис. 6. Королевский дворец в Нукуалофе (фото автора, 1977).

Прочитав эти сообщения, смертельно больной Н.Н. Миклухо-Маклай рассказал о «художествах» Бейкера в статье, опубликованной в апреле 1888 г. в петербургской газете «Новое время» (Миклухо-Маклай 1993: 400–402).

Бесчинствами Бейкера были недовольны и многие европейские поселенцы. По их просьбе британский верховный комиссар в западной части Тихого океана в 1890 г. удалил Бейкера с Тонга и послал туда в качестве советника опытного колониального чиновника Б. Томсона. Тот сумел улучшить финансовое положение правящей семьи, почти разоренной непродуманными действиями Бейкера, вошел в доверие к новому королю Георгу Тупоу II и в 1900 г. уговорил его подписать «договор о дружбе» с Великобританией, по которому

Рис. 7. Королевский дворец в Нукуалофе
(фото автора, 1977).

королевство Тонга, сохранив внешние атрибуты независимого государства, фактически превратилось в британский протекторат. После изгнания Бейкера часть тонганцев, сохранявших верность первоначальной Веслеянской церкви Тонга, согласилась вступить в Свободную Веслеянскую церковь, среди прихожан которой были король и члены его семьи. Но 6 тыс. островитян во главе с пасторами-тонганцами, по-прежнему не желали иметь ничего общего с порождением Бейкера. Из-за внутренних распри они создали две малочисленные конкурирующие организации – Свободную церковь Тонга и Церковь Тонга. Вот почему на архипелаге сосуществовали три методистских церкви, по существу не отличающихся друг от друга (Latukefu 1974: Passim).

В 1976 г. к методистским церквям принадлежали 77% тонганцев. Католические пасторы, присланные в середине XIX века французским миссионерским обществом и получавшие щедрую поддержку из метрополии, сумели закрепиться на некоторых островах архипелага. Доля тонганцев, назвавшихся при переписи 1976 г. католиками, составляла 13%. После Второй мировой войны на Тонга, как и на другие острова Океании, стали проникать из США проповедники «неортодоксальных» церквей – мормонской, адвентистов седьмого дня, Ассамблей бога (см. Тумаркин 2015б: 76). В посещенных нами деревнях методистские молитвенные дома и католический костел выглядели заброшенными и безлюдными, газоны возле них заросли бурьяном. Более того, входная дверь храма Церкви Тонга была заколочена досками, выбиты стекла в некоторых окнах. Возле этого, по-видимому, недействующего храма в гордом одиночестве щипал траву стреноженный конь. Иное дело – строения, принадлежавшие адвентистам и мормонам. Построенные по типовым проектам из камня и бетона, они выглядели, что называется, с иголочки. Я зашел в мормонский комплекс, обнесенный невысокой оградой. На церковном дворе под тентами занимались сразу два женских кружка – кройки и шитья и по уходу за младенцами. На спортивной площадке мальчишки под руководством молодого проповедника увлеченно гоняли мяч.

Благодаря такой социальной активности американские «неортодоксальные» церкви успешно внедрялись в повседневную жизнь тонганцев, а в церковных школах в нужном духе обрабатывали подрастающее поколение. К 1976 г. эти церкви обосновались лишь в некоторых районах основных островов архипелага, а потому, согласно переписи, их адепты составили примерно 8% населения. Но адвентисты и мормоны вели социальную работу и среди тех тонганцев, которые по традиции причисляли себя к одной из местных разновидностей веслеянства, а потому политическая роль американского религиозного «десанта» на Тонга неуклонно увеличивалась.

На обратном пути Сана завез нас в промышленную зону на окраине столицы и показал недавно построенную фабрику по изготовлению копры и утилизации отходов этого производства, принадлежащую государству. Здесь работало около 500 человек, преимущественно женщин. В подготовительном цехе очищали спелые кокосовые орехи от обволакивающих их волокон, во втором цехе на конвейере одни рабочие, раскалывая орех, извлекали из него белый шар (сгустившуюся мякоть), третьи ее измельчали. Измельченная масса поступала в паровую сушилку, где превращалась в копру. Рядом цех по выделке кирпичей из измельченной скорлупы, смешиваемой с цементом. Кокосовое волокно укладывали в большие мешки и отвозили на соседнюю фабрику, где из него изготавливали маты, щетки, малярные кисти, веревки и т.д. На осмотр других предприятий (лесопильного завода, фабрики по изготовлению пластиковых труб) и бесед с рабочими времени не осталось.

Визит в королевский дворец. Вручение королю балалайки

Мы вернулись на корабль, как намечали, в 13 часов. Пообедав, я снял «тропическую форму» (шорты, рубашку с короткими руками, кроссовки), быстро принял душ, облачился в заранее отутюженный серый костюм, который во время экспедиции одевал лишь однажды, в Брисбене, белую нейлоновую рубашку с галстуком и черные туфли, после чего достал из рундука футляр с балалайкой. Я едва успел к отплытию катера с приглашенными в королевский дворец.

Наша группа должна была состоять из четырех человек – капитана, начальника экспедиции, меня и первого помощника капитана В.А. Мызникова. Этого неприятного, малокультурного человека, по существу соглядая, включили в группу потому, что он – в отличие от трех остальных – умел играть на балалайке. Но Мызников, съехавший утром на берег с несколькими моряками, не явился в назначенное время на шлюпочный причал. «Экипаж», о котором говорилось в приглашении, оказался автомобилем «Роллс-ройс» с откинутым верхом. За рулем сидел шофер-тонганец в синей униформе, фуражке с галунами, штиблетах и белых нитяных перчатках. Он повез нас очень медленно по прибрежному шоссе – вероятно, для того, чтобы мы успели насладиться красотой местности и полюбоваться большим фонтаном с бронзовыми дельфинами и тритонами, установленным вблизи въезда в дворцовый парк.

Итак, нам предстояло встретиться с последним королем, уцелевшим в океанийском островном мире. Тонга – единственный архипелаг, не ставший в XIX в. колонией. Правда, в 1900 г., как упоминалось выше, Великобритания навязала королю Георгу Тупоу II «договор о дружбе», по которому английский консул фактически получил право контролировать действия местного правительства. Но этот чиновник правил как бы за кулисами, и король оставался священным властителем в глазах

своих подданных. Тауфаахау Тупоу IV (1918–2006) взошел на престол в 1965 г. после смерти своей матери королевы Салоте (Шарлотты). Он учился в частном колледже в Сиднее, а потом окончил Сиднейский университет, получив степень бакалавра в области юриспруденции. Тауфаахау сделался королем в годы крушения мировой колониальной системы. В 1970 г. Великобритания официально признала независимость Тонга, но в стране сохранилось сильное влияние бывшей метрополии. В ключевых министерствах и ведомствах, в том числе в министерстве полиции, действовали английские советники. Свою гвардию (50 человек) король одел в британскую форму цвета хаки; как и мать, подражал распорядку и церемониям лондонского королевского двора.

Миновав фонтан, мы подъехали к металлическим ажурным воротам в высокой стене из побеленных коралловых плит. У закрытых ворот под навесом стоял человек в форме королевского гвардейца. Увидев «Роллс-ройс», он лихо сбросил с плеча старинное ружье и произвел сложный артикул, отдавая честь. Ворота распахнулись, и мы въехали в тенистый парк, состоявший преимущественно из цветущих бугенвилей и высоких стройных норфолкских сосен. По окаймленной декоративными цветниками аллее автомобиль подкатил к парадному входу во дворец – деревянному двухэтажному зданию с башенками, построенному в 1867 г. в викторианском стиле по проекту английского архитектора. Нас любезно встретил королевский адъютант в мундире с аксельбантами, попросил расписаться в книге почетных посетителей и проводил во флигель, в небольшо-

Рис. 8. Король Тауфаахау Тупоу IV
(фото из кн.: Taulahi, 1979).

шой зал, где король принимал гостей и совещался с членами Тайного совета, в который входили министры и губернаторы округов. В зале стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном, с креслами по сторонам. Во главе стола, сидя на золоченом троне, нас уже ждал Тауфаахау – тучный человек двухметрового роста с очень интеллигентным, но обрюзгшим лицом и живыми глазами, словно оценивающими гостей. На нем был белый, расшитый золотом мундир, на котором четко выделялись несколько британских орденов. Жестом приказав адъютанту удалиться, король привстал, милостиво подал каждому руку, осведомляясь при этом по-английски об имени и должности, а затем пригласил всех садиться, сам уселся на трон и начал беседу.

Почти сразу я вручил королю балалайку. Он вынул ее из футляра, осмотрел, взял несколько аккордов и, кажется, остался доволен подарком. Хлопнув в ладоши, он вызвал адъютанта: «Принеси три балалайки из моей коллекции, – приказал король, – чтобы я мог исполнить несколько мелодий вместе с русскими джентльмена-

ми». Пришлось признаться, что никто из нас не умеет играть на балалайке. «Never mind» («Ничего, пустяки»), – сказал король и приказал адъютанту: «Принеси меховую шапку, которую подарил мне капитан русского пассажирского корабля, и гости определят, какой это мех». Оказалось, что советский круизный лайнер «Федор Шаляпин», который в зимние месяцы северного полушария возил австралийских и американских туристов по островам Океании, заходил в Нукуалофу, и его капитан передал королю через судового агента экзотический для тропических широт сувенир. Мы осмотрели принесенную шапку-ушанку; она была сделана из искусственного меха, имитирующего норку. Но мы не стали огорчать Тауфаахау и схитрили: «Не знаем, как по-английски называется этот мех, но он хорошо защищает от холодов». Король пояснил: «Я не случайно задал этот вопрос. Собираюсь посетить вашу великую страну, пересечь ее по Транссибирской железнодорожной магистрали, побывать в обеих столицах». Мы заверили нашего сиятельного хозяина, что в этой шапке ему будет комфортно, но нужно приобрести шубу и теплую обувь, попробовать походить в валенках. Король занес это новое для него слово в записную книжку.

Тауфаахау рассказал, что читал в английском переводе некоторые произведения русских классиков, особенно понравились ему рассказы Чехова. Он поинтересовался, как организовано школьное образование с учетом многонационального состава населения СССР, а потом спросил, какой иностранный язык преподается в школах. Тут я допустил «прокол»: «До революции обучали преимущественно немецкому, а теперь преобладает английский». Упоминание революции не понравилось последнему океанийскому монарху. Легкая тень прошла по его лицу, и он даже вежливо попенял: лучше было бы сказать «in tsarist time» («в царское время»). Но встреча закончилась в дружественной обстановке. Мы собирались пригласить короля на «Дмитрий Менделеев», но отказались от этой затеи, так как он был настолько тучен, что едва ли смог бы подняться из катера на борт по узкому трапу (Не поднимать же царственную особу на лебедке!).

Тот же автомобиль доставил нас к шлюпочному причалу. Но не успел я, вспотевший в костюме и нейлоновой рубашке (тогда очень модной), принять душ, немного отдохнуть и надеть «тропическую форму», как меня вызвала к себе Л.А. Пономарева. На катере, курсировавшем между кораблем и причалом, на борт прибыл корреспондент государственного «Радио Тонга» Джордж Лавака, которому поручили сделать репортаж о нашем визите к королю. Людмила Анатольевна, сказав ему несколько слов, предложила далее общаться со мною, чему он очень обрадовался, так как уже слышал о балалайке. Лавака пригласил поехать с ним на радиостанцию, чтобы на стационарной аппаратуре записать интервью об экспедиции на «Дмитрии Менделееве» и, конечно, о посещении дворца. Меня интересовала общественно-культурная жизнь в Нукуалофе, а потому, несмотря на усталость, я, с разрешения Пономаревой, принял его предложение.

«Радио Тонга» – точнее Ти-би-си (Тонганская радиовещательная комиссия) – размещалось в двухэтажном здании в правительственном квартале. Лавака познакомил меня со своим шефом Таваке Фусимелоа, который рассказал, что на радиостанции, открытой в 1961 г., работает 25 островитян и инженер-англичанин. Вещание велось тогда не только на Тонга, но и на соседние островные государства на английском, тонганском, самоанском и фиджийском языках. Ти-би-си получала техническую поддержку от своей «прародительницы» – английской Би-би-си, которая, кроме того,

снабжала ее радиосериалами и образовательными программами. Ти-би-си сотрудничала также с «Голосом Америки» и новозеландской Эн-зед-би-си. Как рассказал Фусималоа, значительную часть эфирного времени занимали музыкальные передачи, преимущественно мелодии и песни тонганцев и других слушателей Ти-би-си, но регулярно транслировались новости на перечисленных языках. Лавака, ответственный за подготовку новостных передач, записал большое интервью, в котором я рассказал о нашей экспедиции, своей научной работе, Миклухо-Маклае и, конечно, о визите к королю. Лавака предупредил, что интервью появится в эфире в сокращенном виде и после того, как его одобрит правительственный чиновник (по существу – цензор), которому поручено прослушивать весь оригинальный контент. Но он добавил, что использует интервью при подготовке вечернего выпуска новостей, который выйдет в эфир через несколько часов.

Поздно вечером, комфортабельно устроившись в шезлонге на ярко освещенной верхней палубе, я, как обычно, заполнял дневник, используя пометки, сделанные днем в записной книжке, и одновременно слушал эфир по японскому транзисторному радиоприемнику, купленному еще в 1971 г. в Сингапуре. По «Радио Тонга» передавали новости на разных языках, причем повторялись слова «доктор Тумаркин» и «балалайка». Интервью со мной – сокращенное, но не искаженное – транслировали следующим вечером, когда «Дмитрий Менделеев» уходил из Нукуалофы.

Экскурсия по Тонгатапу. Загадочный трилитон

Утром 11 февраля, в последний день пребывания в «Обители любви», состоялась автобусная экскурсия по острову для моряков и ученых, заказанная мной в туристической компании. Мызников не поскупился (за казенный счет) и оплатил четырехчасовую поездку в большом автобусе с англоговорящим гидом, ланчем и показом тонганских танцев. Он поехал сам и попросил меня участвовать в экскурсии, чтобы, как он выразился, «в случае необходимости нейтрализовать политически вредные высказывания экскурсовода» и переводить его пояснения на русский язык, так как многие менделеевцы, включая самого Мызникова, знали лишь отдельные английские слова и выражения.

В назначенное время автобус подъехал к шлюпочной пристани. В нем, кроме шофера, находились экскурсовод – пышнотелая тонганка в длиннополом платье-балахоне, введенном миссионерами, и, конечно, полицейский. Автобус сначала попетлял по центру города. Тонганка громко верещала через микрофон, причем не только рассказывала о королевском дворце и других зданиях, мимо которых мы проезжали, но и витиевато восхваляла Тауфаахау IV и его семейство. Время от времени я брал у нее микрофон и кратко излагал ее пояснения. Восхваление монарха я перевел так: «Хвалит короля. Утверждает, что он мудр и добросердечен и относится ко всем тонганцам, как к своим детям». В салоне заулыбались. Мызников в знак одобрения показал мне большой палец.

Вскоре мы выехали из города и остановились в деревне Пеа возле школы – длинного деревянного здания барачного типа. С 1929 г. в королевстве введено всеобщее обязательное и бесплатное образование для детей обоого пола в возрасте от 6 до 14 лет, и матрона-гид не преминула обратить наше внимание на это несомненное достижение тонганской монархии. В школе началась перемена, и во двор выбежали весело кричащие дети. Девочки были в малиновых сарафанчиках и белых блузках, мальчики – в малиновых шортах и белых рубашках. Ребята не дичились и охотно

Рис. 9. Школьники в деревне Пеа
(фото автора, 1977).

и бананов. Поэтому наш экскурсовод показывала и расхваливала главным образом туристические достопримечательности Тонгатапу – красоту и многообразие его природы, мемориальные места, памятники древней материальной культуры, традиционные танцы, гостиницы и кемпинги в лагуне и на берегу моря. Эти сюжеты не столь политизированы, а потому «политически вредных высказываний» матроны-гиды вряд ли стоило ожидать. Между тем я увлекся увиденным, всюду действовал авторучкой и фотоаппаратом и фактически перестал выполнять возложенное на меня поручение. На остановках пояснения экскурсовода переводили ученые, знавшие английский язык, в том числе известный биофизик И.И. Гительзон.

Рис. 10. Трилитон (фото автора, 1977).

ревностная христианка, заявила, что полинезийские божества и прочая «нечистая сила» тут не при чем. Судя по генеалогическим преданиям, трилитон был сооружен по приказу великих вождей в XIII в. К его строительству привлекли тысячи островитян, которые вырубили эти блоки в прибрежном коралловом рифе и перетаскивали их, подкладывая бревна, на место, указанное жрецами. Но каково было назначение трилитона? Согласно преданию жрецы, наблюдая восход солнца через прорезы в его горизонтальной части, узнавали о смене времен года (весеннее равноденствие, летнее солнцестояние, осеннее равноденствие).

позировали перед объективами фотокамер. Молодая учительница в желтом нейлоновом халатике, пригласила заглянуть в класс – низкую комнату с побеленными стенами и потолком, со столками-партами на шесть-семь человек. На одной из стен были развешаны детские рисунки.

Иностранный туризм, как и продажа коллекционных марок, – важные статьи доходов королевства, уступавшие лишь поступлениям от экспорта копры

После школы автобус привез нас по дороге, проложенной через тропический лес, к деревне Хаамонга, возле которой на поляне расположен знаменитый *трилитон*. Это мегалитическое сооружение напоминает по форме ворота и состоит из двух вертикально установленных пятиметровых коралловых прямоугольных колонн и перекрывающего их такого же шестиметрового блока. Все тонганцы относятся к трилитону с большим почтением. По одной из легенд он был сотворен богом Мауи. Наша матрона-гид, как

Воодушевленный книгой американского астронома Дж. Хокинса (*Hawkins 1965*), который утверждал, что некоторые сооружения Стоунхенджа (мегалитического комплекса на юге Англии, построенного в III–II тыс. до н.э. местными племенами), внешне похожие на трилитон, использовались для астрономических наблюдений, Тауфаахау IV решил проверить истинность тонганского предания. Как рассказала экскурсовод, на рассвете 21 июня 1967 г. (день летнего солнцестояния) король якобы увидел первые лучи солнца через центральную прорезь в горизонтальном блоке и объявил, что гордится мудростью предков. Наш экскурсовод представила это «открытие» как свидетельство глубоких корней культуры тонганского народа и проявление всесторонней эрудиции Тауфаахау. Но некоторые ученые, участвовавшие в экскурсии (И.И. Гительзон, А.В. Гусев и др.), которые слышали о гипотезе Хокинса и о том, что она отвергнута научным сообществом, «испортили обедню» нашей просветительнице. Они сказали, что король напрасно поверил авантюристу от науки, склонному к дутым сенсациям. Подводя итоги, можно сказать, что открытия не получилось, но появилась еще одна приманка для иностранных туристов.

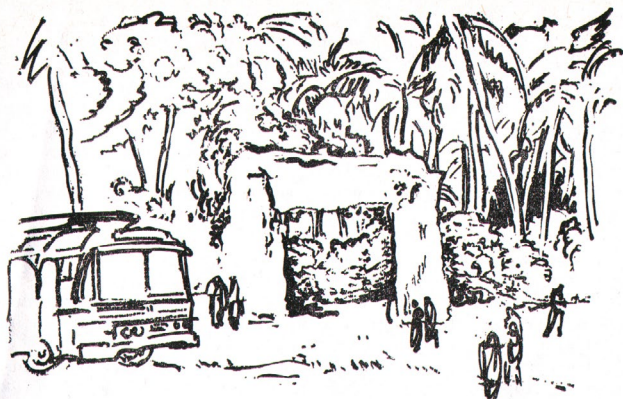

Рис. 11. Туристический автобус возле трилитона.
Зарисовка Б.В. Алексеева.
(из кн.: Плахова и Алексеев, 1981).

Затем нам показали «пристанище мертвых» (*ланги*), расположенное в лесу в 10 км от деревни Хаамонга, – погребальный комплекс династии властителей, правившей на Тонгатапу в XII–XIV вв. Каждый могильник представляет собой четырехугольное сооружение, обложенное по бокам и сверху массивными коралловыми плитами. Могильники поднимаются уступами по невысокому холму.

Тонганцы чтут не только своих правителей. Возле прибрежной деревни Муа автобус остановился в том месте, где в 1773 г. высаживался на берег капитан Кук, чтобы присутствовать на ритуальных танцах, которые устраивали в его честь тонганские вожди. В 1973 г. здесь установили камень со вставленной в него металлической мемориальной табличкой.

Маршрут экскурсии был составлен так, чтобы ее участники все более очаровывались природными красотами. Тонгатапу – возвышенный коралловый остров. В некоторых местах холмы круто нависают над берегом океана. Возле деревни Хоума нам показали поистине незабываемое зрелище. Вот как вспоминают о нем художники, участвовавшие в экскурсии:

«Автобус останавливается, дороги больше нет, она оборвалась на берегу океана <...> Мы оглушены, потрясены. Самая буйная фантазия не может нарисовать распахнувшейся перед нами картины <...> Под ногами лежат коричнево-серые, похожие на потоки застывшей лавы площадки, уходящие в океан, словно вырубленные великаном ступени <...> Несколькими метрами ниже из тела рифа, напоминающего слоеный пирог, взрываются вверх искрящиеся радугой фонтаны. Все вокруг пенится

«Автобус останавливается, дороги больше нет, она оборвалась на берегу океана <...> Мы оглушены, потрясены. Самая буйная фантазия не может нарисовать распахнувшейся перед нами картины <...> Под ногами лежат коричнево-серые, похожие на потоки застывшей лавы площадки, уходящие в океан, словно вырубленные великаном ступени <...> Несколькими метрами ниже из тела рифа, напоминающего слоеный пирог, взрываются вверх искрящиеся радугой фонтаны. Все вокруг пенится

и грохочет, солнечный свет дробится в мириадах брызг. Отполированный океаном берег источен отверстиями разных диаметров. Равномерно наступающий с океана прибой, врываясь в отверстия, с шипением пробивается на свободу. Волны как бы прошивают насквозь коралловый риф и устремляются вверх тысячами фонтанов разной высоты и мощности» (Плахова 1981: 203).

Последняя остановка – на берегу маленькой лагуны, защищенной от ветров окаймляющими ее с трех сторон холмами. Море здесь едва колыхалось, искрясь на солнце, широкий пляж из мелкого кораллового песка был установлен лежаками, шезлонгами, большими зонтами от солнца, кабинками для переодевания и т.д. Под кокосовыми пальмами стояло несколько бунгало, которые снаружи были похожи на тонганские хижины, но снабжены всеми удобствами. Туристический сезон еще не наступил, и в кемпинге отдыхала лишь одна чета пожилых американцев. Здесь турфирма устроила для нас угощение, состоявшее из сырых и запеченных фруктов и овощей, в том числе таро, заменявшего хлеб, а также цыплят, приготовленных в земляной печи. Из напитков предлагали кокосовое молоко и свежавыжатые соки. Чай, кофе и пиво подавали за особую плату. Во время угощения нас развлекали танцами, которые исполняла группа молодых мужчин и женщин в традиционных нарядах. Женские танцы были похожи на те, которые мы видели на Фунафути (Тумаркин 2014: 193–194), а мужская пляска, очень темпераментная, сопровождавшаяся большими прыжками, походила, судя по известным мне описаниям, на воинственные танцы маори – коренных жителей Новой Зеландии. Угощение с танцами заняло не более получаса, а еще через 15 мин. автобус доставил экскурсантов к шлюпочному причалу.

Беседы со статистиком и стражем порядка. «Дмитрий Менделеев» покидает Нукуалофу

Поздно вечером корабль должен был уйти из Нукуалофы. Я решил использовать оставшееся время, чтобы посетить тонганское Статистическое бюро, занимавшее часть дома в правительственном квартале.

Меня принял в своем кабинете директор этого бюро Джон Дойл – пожилой англичанин, который, как он мне сказал, был «одожден» на два года английским кабинетом министров правительству Тонга для организации переписи и руководства обработкой ее материалов. Перепись была проведена в 1976 г., ее итоги вчерне обработаны, и как только они будут подготовлены к публикации, он вернется в Лондон. Я объяснил, что посетил его для того, чтобы узнать предварительные результаты переписи, и Дойл сообщил ключевые ее итоги, которые переключевали в мою записную книжку.

Джон обрадовался моему визиту. Он рассказал, что утром пытался посетить «Дмитрий Менделеев», но старший полицейский, дежуривший на пристани, не разрешил ему сесть в наш катер, хотя знал, с кем имеет дело, заявив, что имеет приказ допускать на корабль только тех жителей, кто значится в особом списке или имеет разрешение, подписанное министром полиции. Дойл был до глубины души оскорблен и собирался поговорить об этом вечером в клубе «экспатов»* с англичанином Эдвардсом – советником министра полиции.

На вопрос, понравилось ли ему жить и работать в островном королевстве, Джон

* Expatriate (англ.) – сокр. от expatriate – экспатриант, здесь – иностранный подданный, работающий в стране.

ответил длинной тирадой, которую я, по возможности дословно, записал в дневник, вернувшись на судно.

«Отвечу доверительно, как джентльмен джентльмену. Нукуалофа (Обитель любви) звучит очень романтично, но это столица полицейского государства. Официально полиция насчитывает 266 чел., не так уж мало для страны с 93 тыс. жителей. Но министр полиции Акауоло создал по рекомендации Эдвардса густую сеть негласных помощников и соглядатаев, которые есть в каждой деревне, промышленном предприятии, государственном учреждении и учебном заведении. Дело в том, что в стране растут протестные настроения, для ослабления которых правительство поощряет эмиграцию. Но такая политика неприемлема в среднесрочной перспективе, так как лишает Тонга лучших умов и наиболее умелых рабочих рук. Король и его брат, по-видимому, понимают неотвратимость реформ. Но их родственники и три десятка верховных вождей, составляющих местную аристократию, цепляются за свои привилегии и страшатся любых перемен. Экономические советники–англичане убедили короля в необходимости форсировать экономическое развитие, для чего создавать государственные промышленные предприятия и привлекать в страну иностранных инвесторов. Были даже разработаны два пятилетних плана, началось выполнение третьего. Достигнуты некоторые успехи, но без изменения системы землевладения и демократизации политической жизни серьезный прогресс невозможен».

Дойл рассказал о скандальной ситуации, сложившейся в рыболовстве: «Территориальные воды Тонга изобилуют ценными промысловыми породами рыб. Но ее добывают японские траулеры и в страну ввозят рыбные консервы из Японии. В 1976 г. Нукуалофу посетил советский посол в Новой Зеландии, который по совместительству является посланником в Тонга. Опытный дипломат с красавицей женой. Он предложил создать на одном из островов рыбный порт с соответствующей инфраструктурой и начать совместную добычу и переработку рыбы. Но дипломатические представители Англии, США и Японии уговорили короля отклонить этот проект». Откровенность Джона Дойла помогла мне составить более правильное представление о современном Тонга.

На шлюпочном причале собралось около двух десятков менделеевцев, возвращавшихся на корабль. Среди них были и супруги-художники, которые, немного отдохнув после экскурсии, снова съехали на берег, чтобы в последний раз сделать зарисовки и поснимать на улицах Нукуалофы. Мария Леонидовна взяла с собой дорожную сумку, полную яблок. Дело в том, что помощник капитана по хозяйственной части сумел за бесценок приобрести в Брисбене большую партию спелых яблок, которые не находили сбыта в Австралии. Часть закупленных яблок поместили на хранение в корабельный холодильник, остальные раздали морякам и ученым по картонному ящику на каюту. Плахова угощала яблоками приглянувшихся ей мальчишек, бегавших по приморскому шоссе и самому причалу. При мне она одарила двух мальчуганов. Борис Владимирович начал ее упрекать: «Что ты творишь! Ведь менделеевцам власти запретили делать подарки местным жителям. Полиция рядом». И действительно, старший полицейский заметил ее «подрывную деятельность». Но его реакция была неожиданной. Подойдя к Плаховой, страж порядка спросил по-английски, не осталась ли у нее хоть пара яблок, чтобы он мог дать попробовать их своим детям. «На Тонга, – объяснил он, – яблоки не растут, а потому для нас этот плод такая же редкость, как для вас манго или папайя». Я перевел его просьбу, и

Мария Леонидовна охотно опустошила свою сумку. Поблагодарив за подарок, полицейский (назваться он не пожелал) обратился к нам с такими словами: «Не обижайтесь, что полицейские следили за вами на берегу, не пропускали на корабль тех, кто не имел соответствующего разрешения, дежурили на судне, – такова наша работа. Лично я не держу на вас зла и желаю счастливого плавания. Мне известно, что ваш корабль подойдет к острову Номука. Там его уже ждут мои коллеги. Они, вероятно, будут ходить по пятам за теми, кто высадится на остров, но вреда не причинят, скорее помогут». Его предсказание оправдалось.

Посещение острова Номука. Балалайка становится модной на островах Тонга

Поздно вечером «Дмитрий Менделеев» поднял якорь, дал три продолжительных гудка и, лавируя между рифами, медленно вышел в открытое море. На рассвете 12 февраля корабль подошел к тонганскому острову Номука, преодолев за ночь 110 км. Не имея возможности сколько-нибудь подробно описать этот красивый маленький коралловый остров (площадь – 5 кв. км) и его население (400 человек), расскажу лишь о некоторых событиях и встречах.

*Рис. 12. Полицейский Сионе Тауфа
(фото автора. 1977).*

Как только корабль бросил якорь возле деревни, называемой, как и остров, Номука, на борт прибыли два тонганца в легкой европейской одежде. Младший сразу показал свое полицейское удостоверение, но старший – высокий человек с поседевшей головой, в черных очках на скуластом лице – поначалу хитрил. Он сказал, что участвовал во Второй мировой войне в Европе, много путешествовал по миру, а теперь управляет кокосовой плантацией на островке, расположенном близ Номуки. Очкастый вел себя подозрительно. Отозвав в сторону Е.Н. Кальщикова, спросил, нельзя ли приобрести на корабле марихуану (за ввоз на Тонга наркотиков полагалась смертная казнь). Но мы его быстро «раскололи»: обильно угостили и напоили, а потом сказали, что хотели бы подарить ему бутылку водки, да боимся неприятностей от полиции. «Не бойтесь, я и есть полиция», – воскликнул захмелевший «плантатор», ткнув себя в грудь. «Меня зовут Сионе Тауфа, – продолжил он, – вижу, что вы славные ребята.

Приглашаю посетить мой дом». Нас устраивало это приглашение. Когда члены этнографического отряда съехали на берег, я, В.Н. Басилов и Е.Н. Кальщиков отправились к Сионе, а другие этнографы и прикомандированные к нам художники разбрелись в поисках интересных наблюдений и сюжетов по деревне.

Несколько часов мы провели в усадьбе Сионе, состоявшей из двух дощатых доми-

ков на небольших сваях, амбара, сада и огорода. В углу у забора действовала сушилка для выделки копры, на которой работало два островитянина, нанятые хозяином.

Басилов и Кальщиков подробно описали и сфотографировали все части усадьбы, мебель, хозяйственную утварь, циновки, маты и т.д., узнали их местные названия, отметили наличие «западной» техники – велосипеда, радиотелефона и радиоприемника, поговорили с отцом Сионе, полуслепым старцем, о старых обычаях, а я расспрашивал хозяина о системе землевладения на острове, местном совете вождей, их взаимоотношениях с центральной властью. Оказалось, что Номука входит в домен короля, который передал этот остров своему старшему сыну, не требовавшему выполнения каких-либо повинностей. Но местные вожди посылали наследнику престола первые плоды, тонкие циновки и другие подарки.

Наша беседа была прервана появлением гонца от главного вождя острова, Тауфы Тофуа, который приглашал меня на церемонию распития опьяняющего напитка *кава*⁶. Возле его дома на разостланных матах полукругом сидели вожди в традиционной позе, со скрещенными ногами. На них были белые рубашки, темные брюки или шорты, опоясанные тонкой панданусовой циновкой. Они ждали меня, чтобы начать церемонию. Неподалеку сидели три женщины, жены вождей, приготовлявшие *каву*. По обычаю, некогда распространенному в Полинезии,

Рис. 13. Вожди о.Номука пьют каву. В кадр попала голова В.Н. Басилова, снимающего эту церемонию на портативную кинокамеру (фото автора, 1977).

Рис. 14. Жены вождей готовят каву (фото автора, 1977).

перечные корни разжевывали молодые девушки, которые выплевывали жвачку в деревянный сосуд с водой. Жены вождей тщательно перемешивали мутную зеленоватую жидкость, процеживали ее через растительные волокна, а потом разливали по маленьким чашечкам, изготовленным из скорлупы кокосового ореха. Пить *каву* разрешалось только вождям. Процесс изготовления *кавы* был несколько изменен по требованию миссионеров: теперь корни не разжевывали, а растирали в порошок в каменной ступке или между двумя камнями.

Я догадывался, почему меня пригласили на церемонию: из радиопередач на острове знали о нашем визите к королю и подаренной балалайке. Тауфа попросил меня перед началом церемонии рассказать собравшимся о встрече с королем, которого никто из них, кроме его самого (дальнего родственника Тауфаахау), не имел счастья лицезреть. В коротком выступлении я удовлетворил, как мог, их любопытство. Затем для меня постелили мат и предложили принять участие в питье *кавы*. Пришлось согласиться. Тауфа хлопнул в ладоши, женщина принесла чашечку с *кавой*, он отпил из нее и остаток вылил на траву. Так же поступали другие вожди. Когда очередь дошла до меня, я едва попробовал горьковатый напиток и, зная его коварные свойства, аккуратно вылил содержимое чашечки на траву. Распитие *кавы* продолжалось. Но я встал, поблагодарил за приглашение и ушел, сославшись на неотложные дела.

Жители Номуки в большинстве своем – прихожане Свободной веслеянской церкви Тонга. Воскресенье соблюдается здесь очень строго. Сионе Тауфа предупредил, что в этот день не допускается никакая работа и что для менделеевцев не может быть сделано исключение. Поэтому начальник экспедиции решила использовать воскресный день, 13 февраля, для обследования двух расположенных поблизости островков с действующими вулканами. Утром 14 февраля корабль вернулся на якорную стоянку возле деревни Номука.

В последние часы пребывания на этом острове я посетил по совету Сионе Тауфа местную знаменитость Дэвида Малупо, который вместе с помощниками строил суда разных типов – от маленьких каноэ с балансиром до мотоботов и парусных баркасов европейского типа, способных совершать плавания в Нукуалофу. Мастер-самучка, окончивший лишь миссионерскую начальную школу, показался мне эрудированным человеком с широким кругозором. В отсутствие Сионе он очень осторожно критиковал существующие на Тонга порядки и с интересом расспрашивал об СССР.

Успел я побывать и в государственной начальной школе, которая оказалась похожей на ту, которую мы осмотрели во время экскурсии по Тонгатапу. Учитель 6-го, выпускного класса Сиоси Лалока попросил меня выступить перед его питомцами, и я рассказал им о нашей экспедиции, посещении короля и, конечно, о балалайке.

Лалока удивил меня, сказав, что этот музыкальный инструмент под влиянием короля начинает входить в моду на Тонга. В одном из столичных магазинов поступили в продажу балалайки. Он не знал, импортированы ли они или сделаны местными умельцами. Но важно то, что, по его словам, молодые тонганцы, осваивая «западную» музыкальную культуру и сочетая ее с традиционной, начали использовать балалайку наряду с гавайской *укулеле* (маленькой гитарой) и итальянской мандолиной.

В три часа пополудни «Дмитрий Менделеев» поднял якорь и вскоре покинул территориальные воды Тонга. Думаю, и теперь там звучит русская балалайка.

Примечания

¹ В последствии мы узнали, что в 1971 г. специально оборудованное судно, принадлежавшее одному из американских нефтяных концернов, безуспешно вело геологоразведочные работы на тонганском шельфе. Американцы попросили не допускать в тонганские территориальные воды «Дмитрия Менделеева», имевшего такое же оборудование.

² «Сыграй мне, милая балалайка, русское танго» (нем.).

³ Dateline (англ.) – демаркационная линия суточного времени. Недалеко от Тонга проходит 180-й меридиан, при пересечении которого с запада на восток теряются сутки, а при движении в обратном направлении сутки добавляются. Приближаясь к Тонга с запада, мы «потеряли» 8

марта – Международный женский день, который по советскому обычаю готовились торжественно отпраздновать.

⁴ На покупку марок ушли почти все доллары, принадлежавшие мне лично. Подарки семье я наметил приобрести в Сингапуре на валютные суточные, выплачиваемые в конце рейса.

⁵ Открытие европейцами многочисленных островов архипелага Тонга, начавшееся в 1616 г., растянулось более чем на полтора столетия. В 1773-1777 гг. архипелаг трижды посетил выдающийся английский мореплаватель Дж. Кук, который провел около двух месяцев на островах Тонгатапу и Номука и оставил обстоятельное, но не всегда достоверное описание различных сторон жизни тонганцев. На Тонга начали селиться европейцы, главным образом беглые матросы с торговых судов. В 1797 г. сюда прибыли первые миссионеры (Свет 1982: 124, 131-132, 174, 178, 183, 191).

⁶ *Каву* готовят из корней (реже – стеблей и листьев) перечного растения *Piper methysticum*. Церемониальное, обрядовое питье *кавы* широко распространено по всей Океании. На Берегу Маклая этот напиток называется *кеу*, на Фиджи – *янгона* (см.: Миклухо-Маклай 1993: 101-107).

Литература

- Миклухо-Маклай 1993 – Миклухо-Маклай Н.Н. На несколько дней в Австралию / Собр. соч. Т. 2. М., 1993. С. 400–402.
- Плахова 1981 – Плахова М.Л., Алексеев Б.В. Океания далекая и близкая. Путевой дневник художников. М., 1981.
- Свет 1966 – Свет Я.М. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966.
- Тумаркин 1972 – Тумаркин Д.Д. По островам Океании (этнографические работы во время шестого экспедиционного рейса «Дмитрия Менделеева» // Советская этнография, 1972. № 6. С. 120–128.
- Тумаркин 1977 – Тумаркин Д.Д. Новая встреча с Океанией // Советская этнография, 1977. № 6. С. 71–88.
- Тумаркин 2014 – Тумаркин Д.Д. На атолле Фунафути // Вестник антропологии. Новая серия, 2014. № 1. С. 179–198.
- Тумаркин 2015а – Тумаркин Д.Д. Кондоминиум или пандемониум? Советские этнографы на острове Эфате. Часть I // Вестник антропологии, 2015. № 1. С. 81–100.
- Тумаркин 2015б – Тумаркин Д.Д. Кондоминиум или пандемониум? Советские этнографы на острове Эфате. Часть II // Вестник антропологии, 2015. № 2. С. 73–95.
- Campbell 1992 – Campbell J. Island Kingdom. Tonga, Ancient and Modern. Chirstchurch, 1992.
- Crocombe 1975 – Crocombe R. Land Tenure in Tonga. Suva, 1975.
- Hawkins 1965 – Hawkins G.L. Stonehenge decoded. N. Y., 1965.
- Latukefu 1974 – Latukefu S. Church and State in Tonga. Canberra, 1974.
- Taulani 1979 – Taulani A. His Majesty King Taufa'ahau Tupou IV of the Kingdom of Tonga. Suva, 1979.

References

- Campbell J. Island Kingdom. Tonga, Ancient and Modern. Chirstchurch, 1992.
- Crocombe R. Land Tenure in Tonga. Suva, 1975.
- Hawkins G.L. Stonehenge decoded. N. Y., 1965.
- Latukefu S. Church and State in Tonga. Canberra, 1974.
- Miklukho-Maklai N.N. Na neskol'ko dnei v Avstraliiu. Sobr. soch. Vol. 2. Moscow, 1993. Pp. 400–402.
- Plakhova M.L., Alekseev B.V. Okeaniia dalekaia i blizkaia. Putevoi dnevniki khudozhnikov. Moscow, 1981.
- Svet Ia.M. Istoriia otkrytiia i issledovaniia Avstralii i Okeanii. Moscow, 1966.
- Taulani A. His Majesty King Taufa'ahau Tupou IV of the Kingdom of Tonga. Suva, 1979.
- Tumarkin D.D. Kondominium ili pandemonium? Sovetskie etnografy na ostrove Efate. Part I //

Vestnik antropologii, 2015. No. 1. Pp. 81–100.

Tumarkin D.D. Kondominium ili pandemonium? Sovetskie etnografy na ostrove Efate. Part II // Vestnik antropologii, 2015. No. 2. Pp. 73–95.

Tumarkin D.D. Na atolle Funafuti // Vestnik antropologii, 2014. No. 1. Pp. 179–198.

Tumarkin D.D. Novaia vstrecha s Okeaniei // Sovetskaia etnografiia, 1977. No. 6. Pp. 71–88.

Tumarkin D.D. Po ostrovam Okeanii (etnograficheskie raboty vo vremia shestogo ekspeditsionnogo reisa "Dmitriia Mendeleeva" // Sovetskaia etnografiia, 1972. No. 6. Pp. 120–128.

D.D. Tumarkin The King and the Balalaika. Soviet ethnographers on the Tonga Islands

A visit to the Polynesian Tongatapu Island (The Kingdom of Tonga) with a subsequent stopping at the Nomuka Island in 1977 by a group of Soviet ethnographers is described in the paper. Correlation between traditional and Western components of the local culture, socio-economic structure and religious situation are put into consideration. Special attention is drawn to the meeting with the King Taufaahau Tupou IV – an admirer of Russian balalaika, to the survey of a megalithic structure (trilithon) and the kava drinking ceremony. The paper is based mainly on the author's diaries.

Key words: *history and ethnography of Polynesia, Kingdom of Tonga, Tongatapy and Nomuka Islands, Taufaahay Tupou IV, trilithon, kava.*

УДК

© Г.Г. Громов *

МЕТОДИКА ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

Общественные отношения людей во всем их многообразии изучаются обширной и разветвленной группой общественных наук: политической экономией, историческим материализмом, историей, социологией, правовыми науками, этикой, эстетикой и т. д.

Среди множества общественных наук важное место принадлежит этнографии. Непосредственное наблюдение за жизнью и бытом народов дает этнографам материал, который позволяет им изучать стороны и особенности общественных отношений, недоступные для исследования методами других общественных наук. Конечно, этнография изучает общественные отношения в тесной взаимосвязи с другими науками об обществе.

Особенно велико значение этнографических материалов, в том числе и собранных в поле, при исследовании общественного устройства народов, находящихся или недавно находившихся на стадии первобытнообщинного строя. Собственно говоря, наши представления об общественных отношениях доклассового общества почти полностью основываются на этнографических данных, хотя, конечно, этнографы и здесь стремятся максимально использовать данные археологии, антропологии и других смежных наук для подтверждения своих выводов и обобщений.

Отношения людей в процессе производства, их экономическая и родовая организация, семейная жизнь, обычаи, регулирующие права и обязанности членов общины, нравственные нормы и т. п. – все это входит в круг проблем, исследуемых этнографами, а следовательно подлежит изучению во время экспедиций к культурно-отсталым народам.

При изучении классовых обществ, когда появляются, в частности, всевозможные письменные источники, сфера этнографических исследований значительно суживается. Этнографы изучают здесь лишь те взаимоотношения между людьми, которые выходят за рамки отношений, так сказать, официального порядка, не предусматриваются законами, не входят в «письменную» историю. Так, в неписанном укладе жизни народных масс долгое время сохраняются пережиточные нормы производственных отношений (например, общинное владение и пользование лесами, рыболовными и прочими угодьями наряду с частной собственностью на землю обработанного поля), особые нормы поведения в обществе, пережитки обычного права в порядке наследования, в семейных отношениях, обычаи кровной мести, гостеприимства и многое другое, что не только не находит отражения в официальных документах, но нередко значительно отличается от официальных норм и представлений.

Вот эту сторону общественных отношений, называемую нередко не совсем точным термином «общественный быт», и изучают этнографы.

* Первые две части опубликованы в № 1 и № 2 за 2015 г. Публикуется (с незначительными купюрами) по: Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Изд-во МГУ, 1966. Сохранена пунктуация оригинала.

Для этнографов общественный быт интересен в двух отношениях. Во-первых, сохраняющиеся пережитки позволяют реконструировать общественные отношения прошлых эпох вплоть до первичной формации. Во-вторых, нормы общественного быта отдельных народов и этнических групп отличаются большим своеобразием, что позволяет использовать их как источник сведений об этнической истории и этнических особенностях культуры этих народов.

Изучение общественного быта важно и для современной эпохи. Нормы поведения в обществе, моральные и этические воззрения – существенная часть современных общественных отношений.

Только непосредственно наблюдая живую действительность, можно проследить за изменениями общественного быта под влиянием новых условий общественного бытия, понять причины той или иной трансформации старых и появления новых норм и обычаев. Поэтому изучение современного общественного быта – необходимая область этнографического изучения современности.

Исследование общественного быта в условиях этнографической экспедиции должно опираться на детальное знание всей совокупности данных общественных отношений. Без этого невозможно правильное понимание и истолкование особенностей и норм общественного быта. Вот один только пример. У многих сибирских народов при охоте на мясных животных действовали нормы распределения добычи согласно родственным отношениям, т. е. нормы, характерные для общинно-родовой общественной организации. Однако пушной промысел у тех же народов основывался в значительной мере на развитых товарных отношениях: пушнина всегда была полной собственностью охотника. Последнее обстоятельство можно понять и объяснить, только изучив те внешние влияния на экономику этих народов, которые принесли с собой русские купцы и промышленники.

Вторым важным условием при изучении в поле общественного быта является исследование прежде всего производственной основы этих отношений. Характер производства в целом и особенности различных его отраслей, степень развития имущественного неравенства, если оно есть, способы организации производственных процессов и формы участия в них определенных лиц или групп населения – всё это необходимо учитывать при изучении норм общественного быта. По обычаю, еще лет 50 тому назад строительство жилого дома в русских деревнях было делом общественным. Соседи, приходившие на так называемые «помочи», участвовали в работе бесплатно, за одно угощение. Нередко этот обычай рассматривается как пережиток чуть ли не первобытнообщинных традиций. Однако существование обычаев подобного рода легко объясняется из условий крайней отсталости крестьянского хозяйства. Возведение жилого дома силами работников одного двора повлекло бы за собой прекращение на долгое время всех остальных работ и привело бы к подрыву всего хозяйства. В то же время степень разделения труда была еще не настолько высока, чтобы прибегать к найму специалистов. Быстрое развитие капиталистических отношений и капиталистического разделения труда в начале XX в. привело к постепенному отмиранию обычая «помочей».

Экспедиционная работа при изучении общественного быта должна производиться в определенном порядке. Конечно, этот порядок определяется основными научными задачами экспедиции. Но можно предложить примерную программу такого изучения.

Обычаи и нормы общественного быта, связанные с производственной деятельностью населения. Правила использования общественных угодий (лесов, пастбищ,

водоемов). Принципы организации артелей. Права собственности и владения (например, на землю). Принципы распределения богатств и продуктов, находящихся в общинном пользовании (изучение этой стороны общественной жизни всегда тесно связано с изучением хозяйства населения, его производства).

Обычаи и нормы организации общественной жизни. Распределение обязанностей при общественных работах (дорожное строительство, озеленение и т. п.). Органы управления и выборные лица, их права и обязанности. Меры общественного воздействия. Общественное мнение и т. д. (эта сторона общественной жизни особенно зависит от общей политической организации общества и деятельности государственных учреждений).

Общественные группы. Характер таких групп и правила их организации. Семейные группы, между которыми сохраняются связи несмотря на раздельное проживание и раздельное ведение хозяйства. Возрастные группы. Детские, юношеские и девичьи сообщества (так, у многих народов до XX в. существовали союзы молодежи со своими выборными руководителями, ведавшие развлечениями молодежи, следившие за соблюдением норм поведения, организацией празднеств, игр, развлечений). Профессиональные объединения (плотничьи, рыболовецкие и другие артели). Национальные группы в смешанных по национальному составу районах и взаимоотношения между ними.

Отношения между людьми и нормы поведения в обществе. Обычаи соседства и соседской взаимопомощи. Обычай гостеприимства. Отношение к старшим и младшим. Отношение к женщинам. Этические воззрения.

Общественные собрания и празднества. Организация досуга (посиделки, игры, гуляния); степень и обязательность участия; средства, на которые организуется досуг и распределение расходов между участниками. Поводы для собраний и т. д.

Этот далеко не полный перечень возможных форм общественной жизни можно, конечно, дополнять или изменять в зависимости от конкретных условий работы в экспедиции. Важно лишь иметь в виду, что предложенная классификация явлений общественного быта и порядок их исследования должны в наибольшей степени соответствовать основному направлению полевой работы.

Уже из приведенного перечня явлений общественного быта ясно, что эта область народной жизни требует внимательного и, главное, длительного изучения. Наилучшая форма такого изучения – стационарное исследование, причем этнограф должен стать «своим человеком» и не вызывать у местного населения недоверчивого к себе отношения.

Понятно, что при этом сильно возрастает роль личных наблюдений. Многие особенности поведения людей в различных общественных ситуациях невозможно установить ни путем опроса, ни путем других видов полевого обследования. Эти особенности проявляются в повседневной жизни, часто оставаясь незамеченными для самих жителей, и только посторонний и внимательный глаз научного работника может их подметить и определить их значение. Соответственно возрастает и значение ежедневных записей в дневнике, куда заносятся все полученные сведения.

Зато, опрашивая население, можно проверить уже полученные факты, определить область распространения подмеченных явлений и т. д. При опросе можно определить и такие стороны общественной жизни, как права и обязанности, выборных лиц, распределение общественных расходов, права собственности и т. п.

Изучая разного рода общественные собрания, хорошо воспользоваться техническими средствами: кино и фотоаппаратами, магнитофоном. С помощью тех же технических средств можно зафиксировать общественные работы, игры и т. п. Для наглядности удобно изображать организацию и структуру тех или иных общественных групп схемами.

Фиксация порядка проведения общественных собраний и работ требует описания (приемы таких описаний см. в следующем разделе).

Различные материальные атрибуты общественного быта (знаки достоинства выборных, тамги, знаки собственности) фиксируются как и прочие материальные предметы.

При изучении общественного быта и прежде всего его старых форм особое внимание следует обратить на фольклорные материалы. Песни, сказки, новеллы, поговорки и пословицы – изумительно точный показатель народной морали, отношения народа к тем или иным общественным явлениям. Укажем хотя бы на русские антипоповские, антирелигиозные произведения народного творчества, в которых необычайно ясно обнаруживается подлинное скептическое отношение народа к христианской религии и ее служителям, хотя официальное исполнение религиозных обрядов было в прошлом обязательной нормой общественной жизни.

При изучении современной общественной жизни, общественного быта исследователь наряду с материалами непосредственного наблюдения должен использовать протоколы и резолюции собраний, стенные газеты и многие другие документы общественных организаций.

Интересные данные можно получить и при массовом анкетном обследовании. С помощью анкет можно, например, выяснить степень и характер участия людей в общественной жизни, распространенные этические воззрения и т. п. Но как и документы общественных организаций анкетные данные служат лишь добавочными, подсобными материалами и не могут заменить живого наблюдения и бесед.

* * *

Особой, специфичной областью общественных отношений являются семейные отношения. И именно они чаще всего оказываются целиком в поле зрения этнографа.

Семья – это общественная единица, связи внутри которой образуются на основе брака и отношений кровного родства. Указанное обстоятельство и ставит семью в положение особого общественного института. Этим, однако, характеристика семьи не исчерпывается. Дело в том, что характер и форма семьи зависят также от уровня социально-экономического развития общества. Более того, семья обычно не только группа родственников, но и до известной степени обособленный хозяйственный коллектив. Что же касается современной моногамной семьи, то это «та клеточка цивилизованного общества, по которой мы можем изучать природу вполне развившихся внутри последнего антагонизмов и противоречий»¹.

Хозяйственная и бытовая обособленность семьи приводит к известному консерватизму самих семейных отношений, к сохранению в них в пережиточной форме отношений, свойственных прошлым периодам общественного развития. Изучая семейные отношения, этнографы получают в свои руки ценный историко-сравнитель-

¹ Ф. Энгельс Происхождение семьи..., стр. 28.

ный материал как для изучения развития семьи в целом, так и для определения ее характерных черт и особенностей на отдельных этапах развития, у отдельных народов.

Так, вплоть до XX в. в ряде районов Европы сохранялись патриархальные большесемейные общины, сохранялись и более широкие семейные объединения – патронимии, члены которых если и не вели общего хозяйства, то оказывали друг другу определенную хозяйственную помощь, сохраняли определенные связи. Пережиточным явлением можно считать и неотъемлемое право женщины распоряжаться, несмотря на ее общественное бесправие, имуществом, полученным ею в приданое

Большое теоретическое и практическое значение имеет изучение семейных отношений современности. Изменения в семейных отношениях далеко не полностью отражаются в документальных материалах. Лишь этнограф, непосредственно наблюдая семейную жизнь исследуемого им народа, взаимоотношения между родственниками различных степеней, бытующие в семье моральные и этические нормы, в состоянии собрать эти уникальные по своей значимости данные.

При исследовании семейных отношений необходимо полностью учитывать влияние экономических факторов как связанных с общим направлением развития социально-экономических отношений, так и характерных для данной конкретной семьи.

Семейные отношения включают в себя отношения разного порядка и при их изучении и сборе данных о семье следует подразделять их на категории. Семья в узком смысле этого слова – это муж, жена и их дети. Таков состав современной семьи в большинстве стран мира. Иногда под семьей понимают и более широкий круг родственников – представителей нескольких поколений. В этом случае в понятие семьи включают представителей трех-четырех поколений: поколения дедов, куда входят деды и бабки; поколения родителей, куда входят отцы и матери (т. е. дети старшего поколения вместе со своими супругами); поколения детей (т. е. сыновей и дочерей среднего поколения вместе с их супругами) и поколения внуков (т. е. детей предыдущего поколения, иногда также с их супругами). Названные группы родственников и сейчас сохраняют между собой определенные связи. В прошлом такие связи могли базироваться на ведении общего хозяйства (так называемые большие семьи). Наконец, семейно-родственный коллектив может объединять родственников, состоящих и в более отдаленном родстве по отношению друг к другу.

Особую категорию семейных связей составляют отношения свойства, т. е. отношения между людьми, связанными либо опосредствованными родственными узами (зять и теща, невестка и свекровь), либо условными родственными отношениями (кумовья, сваты, посаженные отцы и матери).

Изучение семейных отношений, пожалуй, еще в большей степени, чем изучение других сторон общественной жизни, нуждается в длительном стационарном исследовании. Семейная жизнь со всеми ее сложностями и тонкостями, затрагивающими интимные стороны человеческих взаимоотношений, требует от исследователя особого такта и чуткости. Необходимое доверие нельзя завоевать сразу, за короткое время. Требуется длительное повседневное наблюдение за особенностями семейных отношений. В противном случае исследователь может оказаться в плену поверхностных суждений и выводов.

Главными, основными приемами обследования семьи являются личные наблюдения исследователя и опрос населения. Личная заинтересованность и субъективизм информаторов неизбежно будут искажать их данные, что можно исправить, лишь

хорошо зная по наблюдениям действительное положение вещей.

Значительную помощь в получении объективных данных о семье могут оказать анкеты, позволяющие собрать и обобщить массовый материал. Прибегая к другим приемам изучения семейных отношений, следует также стремиться к получению наибольшего количества сведений о разных семьях. Поэтому сплошное или групповое обследование здесь всегда предпочтительнее выборочного.

Изучение семейных отношений следует начинать с определения состава и численности семей. Эти данные легко получить как по анкетным листам, так и по официальным документам (материалы переписей, похозяйственные книги сельсоветов и др.). Важно выяснить также, чем определяется тот или иной состав семьи (например, почему родители проживают вместе с взрослыми, женатыми детьми и т. д.).

Экономическую основу семейных отношений легче всего выяснить по семейным бюджетам. Такое исследование можно вести как руководствуясь специально разработанными анкетами и опросными листами, так и путем непосредственного опроса населения. Изучая бюджет, прежде всего выясняют статьи доходов (источники поступления средств); долю, остающуюся в личном пользовании, и долю, поступающую в общий доход, и т. д. Сведения, полученные с помощью анкет или из бесед, следует по возможности проверять по официальным документам (платежным ведомостям и т. п.). Динамика расходов особенно ясно отражает суть экономических и правовых отношений в семье. Сведения о расходах можно получить как у самих членов семьи, так и по видимым затратам (вещам и т. п.). Хорошо выяснить и способы распределения доходов (на семейных советах, по единоличному распоряжению главы семьи и т. п.). Проверить полученные данные возможно, сравнивая их с общими статистическими сведениями, извлеченными из документов местных торговых точек и др. Интересно выявить не только формальное количественное соотношение расходов каждого члена семьи, но также их качественные различия в зависимости от личных потребностей.

При изучении семьи в социалистическом обществе важно учитывать и доходы семьи по линии общественного потребления (средства на лечение, образование и т. п.). Появление этой статьи доходов и их влияние на семейные отношения – одна из характернейших черт советской действительности.

Существенной стороной экономической жизни семьи является система наследования и права на имущество. Нередко именно здесь обнаруживаются различного рода правовые пережитки. Так, по неписанному обычному праву приданое матери (особенно одежду и украшения) наследовали и часто до сих пор наследуют не сыновья, а дочери.

Очень трудно получить объективные данные о характере взаимоотношений в семье. Наблюдение и опрос самих членов семьи не всегда позволяют выявить истинное положение дел. Сведения, полученные от соседей и родственников, требуют наитщательнейшей проверки. Нередко, однако, картина истинных взаимоотношений в семье выясняется при анализе распределения прав и обязанностей в семье при ведении общего хозяйства, воспитания детей и т. п. Интересные сведения можно собрать, наблюдая семейные праздники, сборища, поведение членов семьи в случае возникновения трудностей.

Семейные обычаи и отношения более широкой группы родственников, за пределами узкого, собственно семейного коллектива, прослеживаются по семейным

сборищам (состав приглашенных на свадьбу, похороны и др.), по обычаям оказания помощи и т. п.

Важную сторону изучения семейных отношений представляет исследование систем и терминологий родства, благодаря чему этнограф получает материал для реконструкции прошлых семейных форм и отношений. Дело в том, что, как это установил еще Морган, системы родства консервативнее самих семейных отношений. «В то время как семья продолжает жить, система родства окостеневает» и мы можем «... по исторически дошедшей до нас системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи»².

Изучение систем родства всегда имеет для исследователя известную трудность, связанную с тем, что, сталкиваясь с непривычной ему системой родства, исследователь вынужден как бы переводить изучаемую систему на язык своей собственной – той, которая господствует в его время у его народа. Чтобы избежать неточностей при таком «переводе» и облегчить запись отношений родства, проф. С. А. Токарев предложил цифровую систему обозначений отношений родства³, которую я и рекомендую.

Из всей совокупности разнообразных родственных отношений берутся 8 основных категорий: отец, мать, сын, дочь, муж, жена, брат, сестра. Каждая из этих категорий обозначается цифрой, причем лица мужского пола обозначаются нечетными цифрами, а лица женского – четными:

Отец – 1	Муж – 5
Мать – 2	Жена – 6
Сын – 3	Брат – 7
Дочь – 4	Сестра – 8

Пользуясь этой системой цифровых обозначений, легко записать любую линию родства, любые родственные отношения, помня, что цифры всегда располагаются по старшинству терминов. Например: дед (отец отца) – 1 – 1; тесть (отец жены) – 1–6; дед (отец матери) – 1 – 2; свекровь (мать мужа) – 2 – 5; прадед (отец матери отца) – 1 – 2 – 1 и т. д.

Эта система дает возможность определить и точно отразить даже такие сложные отношения, которые при обычном описании требуют пояснений.

Возьмем, например, семью, состоящую из мужа, жены, дочери матери от другого мужчины, сына матери от мужа. По системе обозначений С. А. Токарева состав такой семьи записывается так: 5 + 6 + 6 – 4 + 5, 6 – 3.

Для записи других особенностей родственных отношений (например, для обозначения старшинства) легко ввести в эту систему добавочные значки. Подобным же образом можно записывать и отношения свойства. Например, при добавлении буквенного индекса «П» посаженный отец будет обозначаться так: Ш – 6. При добавлении индекса «К» кум (восприемник сына) будет обозначен: К 1 – 3, а восприемница сына (кума): К 2 – 3 и т. д. Предлагаемая система записи отношений и терминов родства имеет еще и то преимущество, что она основывается на объективных

² Ф. Энгельс Происхождение семьи..., стр. 28. С

³ С.А. Токарев К вопросу о методике изучения терминологии родства. «Вестн. Моск. ун-та», историко-филологическая серия, 1958, № 4, стр. 189–194.

родственных связях и независима от формы развития семьи.

Дополнительные сведения о семейных отношениях можно найти и в некоторых других проявлениях материальной и духовной культуры. Не говоря уже об обрядах и устном народном творчестве, на приемах исследования которых мы остановимся ниже, характер семейных отношений можно установить, например, по расселению родственников в поселениях.

Во многих случаях, даже по данным XX в., можно установить либо проживание лиц, носящих одну фамилию, в одной ограниченной части поселения, либо существование группы поселений, жители которых еще помнят о своих родственных связях (так называемые патронимические гнезда поселений).

Некоторые особенности семейных отношений проявляются и в устройстве жилища. К их числу, например, относятся: разделение жилища на мужскую и женскую половины; особые постройки или помещения для хранения приданого невесток и т. д. С характером семейных отношений связаны и некоторые традиционные обычаи разделения труда по возрастному и половому признакам.

Изучение народного традиционного костюма (существование специальных типов одежды для девушек и для женщин, обычай тщательно закрывать волосы в новой семье у замужних женщин и пр.) также дает возможность понять ряд характерных черт семейного быта.

Верования, обряды, игры, танцы, устное народное творчество

Названные здесь стороны народной культуры, помимо того, что все они относятся, прежде всего, к области духовной жизни людей, объединяются в одном разделе еще и потому, что приемы их изучения в этнографических экспедициях имеют много общего как в методике изучения, так и в приемах фиксации изучаемых явлений. Да и в самих своих проявлениях эти стороны культуры часто бывают настолько тесно переплетены одна с другой, что их невозможно различить: обряды сопровождаются песнями и танцами, а также игровыми действиями; многие верования прослеживаются по фольклорным материалам или выявляются в обрядах и т. д.

Несмотря на широкое распространение атеизма, особенно в нашей стране, религиозные верования все еще играют определенную роль в жизни многих людей.

Следует различать два вида религиозных представлений: так называемые официальные религии (христианство, ислам, буддизм и другие сложные религиозные учения) с развитыми философско-этическими и обрядовыми системами и уживающиеся рядом с ними в народной среде религиозные верования, уходящие корнями в далекое прошлое. Практически в жизни разделить два эти вида религиозных представлений очень не легко. Дело не только в том, что учения официальных религий развились из языческих религиозных представлений, но и в том, что, распространяясь постепенно среди других народов, эти религии приспосабливались к местным верованиям и культам, как бы вбирали их в себя. Многие «святые» приняли на себя «обязанности» прежних языческих божеств. Так, Илья-пророк, по народным представлениям, «заведует» громом, молнией и дождем, т. е. слился с образом древне-славянского бога Перуна. Подобные превращения коснулись почти всех древних божеств и «новых» святых, почитаемых той или иной церковью.

Несмотря на то, что в этнографических материалах содержится множество инте-

реснейших сведений и об официальных религиях, исследование последних все-таки следует признать особой дисциплиной. Изучение форм бытования официальных религий в поле требует и специальной исторической подготовки (знания истории церкви, церковных догматов и учений и т. п.). Главный интерес для этнографов представляют собой не официальные религии, а те пережиточные религиозные представления, которые длительное время сосуществуют рядом с официальными религиями. Конечно, для правильного понимания всей суммы религиозных представлений и их места в жизни населения этнографу необходимо хорошее знание господствующей религиозной системы и истории ее утверждения. Актуальность работы этнографа, изучающего различные «дохристианские», «домусульманские» и тому подобные религиозные представления, ничуть не меньше исследований историков официальных религий. Именно этнографы дают последним материал для изучения истории религиозных представлений в целом, показывают связь «истинных» религий с языческими культами. К тому же и сами языческие представления в ряде случаев удивительно живучи и приносят не меньше вреда, чем, скажем, ислам или христианство.

Для этнографов изучение местных культов и религиозных верований представляет особый интерес еще и потому, что нередко в особенностях местных верований можно проследить специфику, свойственную определенным этническим группам.

Племенные и родовые культы и верования отличались друг от друга. У каждой такой группы были свои, особые духи, божества, свои обряды поклонения этим духам. С течением времени многие особенности стерлись, многие обряды переплелись, но те пережиточные явления, которые все же остались, позволяют выявить по ним и этнические различия прошлых эпох.

Общим требованием ко всем изучающим религиозные верования в поле является требование воздерживаться от какой бы то ни было антирелигиозной пропаганды во время экспедиции, во всяком случае в открытой форме. Верующие, которые могут сообщить наиболее интересные сведения о местных верованиях, будут вести себя отчужденно, замкнуто по отношению к исследователю, если им будет известно, что он критикует и высмеивает их взгляды, оскорбляя их религиозные чувства. Интересы изучения, исследования здесь, главное, так как только такое изучение выявит необходимые факты для анализа верований и успешной борьбы с ними в дальнейшем.

Изучение религиозных верований требует такта, умения расспросить, иногда исподволь, незаметно для информатора о нужном. Большую роль играют при этом и наблюдения исследователя, так как многие верующие стыдятся своих взглядов и суеверий, сознавая их несовместимость с современностью, с мнением большинства. Многие верования можно подметить лишь при длительном, лучше всего стационарном, изучении быта и духовной жизни населения.

Исследуя верования, нужно стремиться к уяснению их сути, к уяснению характера представлений, образов божеств и духов, их «функций», «поведения» и т. п. Все подобные сведения собирают, расспрашивая знающих людей. Если этнографу удастся обнаружить в системе верований магические действия, он должен подробно описать их в том порядке, в каком они производятся, при первой возможности заснять их на кино- или фотопленку. Места культа и культовые предметы (бубны, жезлы, маски и т. п.) также необходимо зафиксировать графически и описать.

Особое внимание следует обращать на лиц, исполняющих функции служителей культов (шаманов, колдунов, знахарей). Нужно изучать не только приемы и общий

характер их деятельности, но и особенности их положения в местном обществе.

Коллективные религиозные обряды фиксируются такими же приемами, как и другие обряды (см. ниже).

Обряды как явление человеческой жизни отличаются значительной консервативностью. Многие из установленных обычаев действий по тому или иному поводу настолько закрепляются традицией, привычкой, что даже тогда, когда внутренний смысл обряда уже непонятен его исполнителям, они все же продолжают его придерживаться. Да же сейчас, когда мало кто знает и почти никто не верит в то, что душа человека в течение определенного времени еще остается на земле, люди совершают поминки по покойнику на 9-й и 40-й день. Сейчас это воспринимается чаще всего как дань памяти покойному, хотя в основе этого обряда лежали в прошлом определенные представления о загробной жизни души человека. Многие из обрядов превратились в шутку, в обычай, да и не все обряды имели прежде обязательное религиозное содержание (например, наш обычай здороваться, приветствовать друг друга при встрече).

Как этнографический источник, обряды дают очень много сведений для реконструкции далекого прошлого: особенностей хозяйственной и семейной жизни, верований и пр. Человечество давно уже пользуется для добывания огня спичками, а при совершении обрядов еще не так давно, в конце XIX в., крестьяне обязательно добывали «чистый» огонь трением двух кусков дерева. Народы, прекрасно знавшие железо и другие металлы, при совершении обрядов пользовались каменными ножами и т. д.

Однако использование подобных сведений для реконструкции прошлого требует очень осторожной их интерпретации. Ведь почти все обряды – явление «многослойное». Бытуя в течение многих веков, обряды с каждым новым периодом развития общества обрастали новыми деталями, и многие старые действия изменялись, пригонялись к новым взглядам и представлениям. Поэтому при изучении обрядов необходимо не только их подробное, возможно более полное описание и фиксация всего, что уцелело, но и исследование условий их бытования, выяснение того, как соотносятся реальная жизнь и смысл исполняемых по тем или иным поводам обрядов.

Как и в религиозных представлениях, в обрядах есть этнически специфичные элементы. Имея нередко общую основу, сходные обряды соседних районов различаются нередко в деталях исполнения. Подобные различия нередко связаны с прошлыми этническими различиями сосуществующих групп населения, и по ним возможно восстановить этнические подразделения народа, проследить, используя конечно и другие данные, процесс его консолидации.

Для лучшего изучения обрядов их удобно разбить на группы по «назначению». Весьма распространены так называемые производственные обряды, сопровождающие трудовые процессы (земледельческие, охотничьи, обряды при постройке дома и т. д.). Эти обряды лучше изучать совместно с теми отраслями деятельности людей, к которым они относятся.

К группе производственных обрядов тесно примыкает цикл календарных обрядов, сопровождающих сезонные изменения в природе. Нередко календарные обряды совпадают с основными моментами хозяйственной жизни сельского населения, хотя эти совпадения не всегда точны (например, масленица – праздник весны у восточнославянских народов приходится нередко на зимний месяц).

Группа религиозных обрядов изучается совместно с верованиями.

Иногда выделяют особую группу «чрезвычайных» обрядов, т. е. тех, которые совершаются или совершались в связи с особыми событиями. Таковы обряды вызывания дождя во время засухи; опахивание селений и разжигание на дорогах костров во время эпидемий.

Наконец, изучая семейные отношения, собирают сведения и о семейной обрядности. К группе семейных обрядов относятся родильный обряд, свадьба, юбилей, похороны и т. п.

Изучая обряды, лучше всего наблюдать их в действии. Даже самый хороший рассказ местного знатока не может дать полного представления о всех деталях обрядовых действий. Рассказчики обычно многое забывают, нередко опускают «второстепенные» подробности. Да и немудрено, что действия, длящиеся иной раз несколько дней, выглядят в рассказе в сжатом, неполном виде. Но как ни важно для этнографа самому видеть обряд, нельзя добиваться от жителей инсценировок обрядов, поставленных специально для работников экспедиций.

Если предстоит наблюдать обряд в действии, то ход наблюдений необходимо заранее спланировать. Сложные многолюдные обряды вообще невозможно наблюдать в одиночку. Зная основные, узловые моменты совершения обряда и их последовательность (а большинство обрядов в основном известны по этнографической литературе), нужно так расставить сотрудников экспедиции, чтобы весь ход обряда постоянно находился в поле зрения этнографов. Каждый из наблюдающих составляет свое описание виденного (кстати, далеко не всегда удается делать заметки во время исполнения обряда по этическим соображениям). Отдельные записи наблюдающих сводятся потом в одно общее описание обряда. Такой способ дает наилучшие результаты. Конечно, при необходимости приходится вести описание и в одиночку.

Для получения надежных сведений от информаторов необходимо подбирать таких лиц, которые действительно хорошо знают данный обряд. Бесполезно, например, расспрашивать мужчин о родильных обрядах. Зато местные повивальные бабки расскажут о них во всех подробностях. При опросе важно придерживаться определенного порядка, последовательно выясняя все «мелочи». Следует постараться собрать возможно больше материалов от разных рассказчиков – это облегчит процесс выделения общего, типичного для данного обряда.

Обряды почти всегда сопровождаются песнями, танцами, музыкой, присловьями и т. п. Все эти детали обряда необходимо фиксировать, указывая их место в обряде и время исполнения.

Для фиксации обрядов применяются также фото- и киносъемка, зарисовки. Обряды всегда исполняются в движении, в действии, поэтому киносъемка в этом случае – наилучший способ фиксации. Но можно ограничиться и фотографированием, снимая только узловые моменты совершения обряда.

Чтобы не пропустить чего-нибудь важного, лучше заранее составить примерный «сценарий» съемок. Очень полезны также составленные на месте схемы (например, схема расположения родственников за свадебным столом). Графическими методами фиксируются и предметы, употребляющиеся при совершении обряда.

Интересные данные получают этнографы и при изучении игр как взрослых, так и детей. Известно, что в играх нередко сохраняются в той или иной форме пережиточные явления. Например, даже в век атомной энергии дети пользуются в играх луком и стрелами. В считалках и присловьях можно услышать отголоски далекого

прошлого («чур-чура» в пряталках – перефразировка обращения к предку «щуру», «пращуру»).

Собирая материал по играм, их лучше всего наблюдать, выясняя на месте правила игры, состав участников, повод для организации игры (некоторые игры были связаны с определенными обрядами). Можно и нужно снимать фильмы об играх или хотя бы фотографировать их последовательные моменты, фиксировать и описывать предметы, которыми играют, составлять схемы расстановки и передвижения участников игры. Записываются и присловья, загадки и другие словесные сопровождения игры. Нетрудно заметить, что рекомендуемые приемы изучения игр сходны с приемами изучения обрядов.

<...>

Этнографическое изучение народных танцев – задача трудная, потому что пока нет общепринятой системы записи фигур танца. Приходится прибегать к съемке танцев на киноплёнку или к постадийной фотосъемке. Конечно, танцы можно и описывать, но редко удается добиться ясного и точного описания. Можно рекомендовать также составление схем танцев или даже отдельных танцевальных движений. Важно также выяснить состав участников танца, его значение и название. Если есть магнитофон, следует записать музыкальное или ритмическое сопровождение танца.

Изучение устного народного творчества – дело фольклористов. Однако в этнографических экспедициях также собирают фольклорные материалы (песни, сказки, предания, легенды и т. п.). Устное народное творчество – это не только собрание образцов народного искусства, но и ценнейший источник этнографических сведений. Исторические предания и легенды содержат сведения о происхождении отдельных этнических групп, о времени и путях расселения и т. п. В сказках нашли отражение древние поверья и обычаи. Песни являются неотъемлемой частью большинства обрядов. Подходя к народному творчеству прежде всего как к своеобразному историческому источнику, этнограф черпает в нем нередко ценнейшие сведения и факты.

С точки зрения этнографии, фольклорные произведения можно разделить на две основные группы: к первой относятся исторические предания и легенды, содержащие реальные факты и сведения. Ко второй – остальные памятники устного народного творчества, отражающие жизнь в художественных образах.

Легенды и предания или записываются буквально, дословно, или в записи передается лишь их основное содержание. Запись произведений фольклора следует вести, соблюдая основные правила, принятые у фольклористов. Песни, былины, думы и другие произведения, имеющие ритмический строй, записывать сравнительно просто. Двое сотрудников пишут попеременно, каждый через строчку (ритмическую). Затем полученный текст «сводят» воедино, в одну запись. Прозаические произведения (сказки и пр.) записывать дословно гораздо труднее. Обычно один из записывающих пишет начало фразы, второй – конец. Однако фразы бывают длинные и короткие и нужен известный навык, сработанность партнеров, чтобы полностью записать все, что говорит рассказчик. Работа по сбору фольклорных материалов значительно упрощается, если есть магнитофон. Но особенно необходим магнитофон при записи песен, когда важно зафиксировать не только текст, но и музыку, и исполнение.

Заканчивая этот раздел, необходимо указать на значение этнографического изучения вновь возникающей на наших глазах обрядности. Потребность человека в торжественном праздновании важнейших событий своей жизни и жизни своих близких

порождает и новые обряды. Некоторые из них уже обрели хотя и не законченную, но интересную форму (например, празднование окончания средней школы), другие еще формируются, впитывая в себя богатейшие традиции (например, свадебный обряд). Современные обряды, естественно, полностью лишены старого религиозного содержания, магических приемов и действий.

Одна из важнейших задач этнографов – помочь созданию, становлению и оформлению этих новых обрядов, обогатить их красочными шутками, песнями и юмором, которыми так богата обрядность народов нашей родины.

Правила обработки экспедиционных материалов для сдачи на хранение

Материалы, собранные во время экспедиционной работы, – один из видов исторических источников. Как и всякие другие источники, полевые материалы подлежат длительному хранению. Поэтому их подвергают особой обработке с тем, чтобы ими было удобно пользоваться, чтобы они содержали все необходимые данные, подтверждающие их достоверность, и т. д. К сожалению, у этнографов до сих пор нет единых правил оформления полевой документации и составления отчетов экспедиций о проведенной работе. Нет и научного центра, координирующего такую работу, следящего за выполнением правил научной обработки материалов, хотя организация такого центра полевых этнографических исследований – настоятельная необходимость при современном уровне развития науки.

Предлагаемые ниже правила обработки экспедиционных материалов приняты для экспедиций кафедры этнографии МГУ и содержат самые общие положения. Основные требования к полевым материалам таковы: 1) должны быть указаны необходимые исходные данные: место сбора, время сбора, полная характеристика источника, откуда получены материалы; 2) полевые материалы должны быть обработаны таким образом, чтобы их легко могли использовать в научной работе; не только участники экспедиции, но и любой другой исследователь; 3) материалы должны быть так обработаны, чтобы они не подверглись порче при длительном хранении.

Первое требование обеспечивается тем, что каждая экспедиция кафедры этнографии представляет точный маршрут своей работы, сопровождая его картой. Указывается время работ в каждом пункте. Все материалы экспедиции шифруются специальным индексом экспедиции <...>: числитель дроби обозначает название экспедиции, знаменатель – год работы. Источник сведений указывается либо в специальных заголовках каждой полевой записи, либо в форме необходимых пояснений на листах рисунков, чертежей и т. п. материалов. Такими же исходными данными снабжаются и фотоматериалы.

Все черновые полевые материалы перед сдачей на хранение обрабатываются. Полевые записи в тетрадах переписываются набело (на машинке или от руки), причем требуется, чтобы записи производились разборчивым, ясным почерком и чтобы к местным терминам и выражениям давались специальные пояснения. Переписывание производится в том же порядке, в каком записи расположены в полевых тетрадах (переписка с группировкой сведений по географическому или тематическому признакам не дала положительных результатов). К каждой полевой тетради составляются тематический, а при необходимости и географический или этнический указатели. В тематическом указателе называются номера полевых тетрадей, где есть

сведения по отдельным темам работы экспедиции, и приводятся соответствующие страницы (например, «одежда» – стр. такие-то, «пища» – стр. такие-то). В указатели вносятся и страницы белой тетради, так как для пользования выдаются только они. Черновые тетради с подлинными полевыми записями на руки не выдаются (за исключением особых случаев) и служат документально достоверным подтверждением подлинности собранных сведений. Так же следует обрабатывать и дневники участников экспедиций, если они содержат этнографические сведения.

Графические материалы экспедиций прежде всего обрабатываются так, чтобы их можно было длительно хранить. Все рисунки, чертежи, схемы, если они сделаны в поле карандашом, перечерчиваются или перерисовываются тушью. Или же графит на рисунках закрепляется лаком, раствором желатины и других консервирующих веществ. При этом чертежи делаются с соблюдением всех правил черчения (таблицу условных знаков и правил см. в приложении). Уточняются и все исходные данные, необходимые для точной локализации данного чертежа или рисунка, исполнитель, время исполнения.

Графические материалы собираются в специальные папки по тематическому признаку (планы и рисунки жилищ – в папку «жилище», рисунки и чертежи одежды – в папку «одежда» и т. д.). К каждой папке составляется указатель-опись содержащихся в ней рисунков и чертежей. О каждом листе даются необходимые сведения: содержание листа (план, чертеж, рисунок), краткая характеристика изображенного предмета или явления (время бытования, главные особенности, название и т. п.), время фиксации и исполнитель. Если к данному рисунку или чертежу имеются пояснения или дополнения в других полевых документах (описание, запись информации, фотоснимок), в описи указываются и исходные данные этих дополнительных сведений. При пользовании графическими материалами экспедиций вначале даются описи и по ним отбираются нужные листы. Описи составляются в двух экземплярах – один вкладывается в папку, второй прилагается к отчету экспедиции.

Фотографические материалы и киноплёнки должны быть правильно и тщательно обработаны. Лучше всего их закрепить лакировкой или другим способом. Все плёнки и пластинки маркируются шифром экспедиции, проставляется номер плёнки. Если плёнка разрезается или имеются отдельные пластинки-негативы, маркируется каждая единица хранения. Описи к плёнкам составляются так же и по тем же принципам, что и к папкам с графическими материалами, но только в трех экземплярах: один хранится вместе с плёнкой, второй – прилагается к отчету, третий – к другим графическим материалам и выдается для работы с полевыми материалами.

Особенное внимание нужно уделять хранению фотографических плёнок и пластинок. Их хранят в специальных коробках (лучше металлических) в сухом месте в специальном несгораемом шкафу. Плёнки выдаются только с разрешения начальника или руководителя экспедиции.

При первой возможности изготавливаются фотоотпечатки, которые маркируются и обрабатываются как и остальные графические материалы (на обратной стороне графитным карандашом проставляются необходимые данные согласно описи фотоснимков). Фотографии группируются по тематическому признаку. Клеить в альбомы или на паспарту их не обязательно. Если фотографии дублируют материалы, фиксированные другим способом, один экземпляр фотоснимка хорошо приложить к соответствующему плану или рисунку.

Все коллекции вещей и экспонатов передаются на хранение в музей с соблюдением всех правил их музейной обработки. В материалах экспедиции остается опись вещей и их легенды (копии легенд передаются в музей).

Заключительным этапом работы экспедиции является составление отчета экспедиции. Отчет составляется в соответствии с программой работы экспедиции с необходимыми уточнениями и изменениями. В отчете указывается: время и место работы; основные темы и разделы работы; маршрут экспедиции и время работы по пунктам маршрута; количество и характер собранных материалов; сводка полученных данных по темам работы экспедиции (такие сводки по каждой теме составляет участник экспедиции, которому поручена данная тема); краткие научные выводы и обобщения, которые можно сделать на основании проведенной работы.

Для большей наглядности сведения, полученные в экспедиции, наносятся на специальную карту.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ОБРАЗЕЦ БЛАНКА ДЛЯ ЗАПИСИ БЕСЕДЫ С ИНФОРМАТОРОМ

Институт этнографии АН СССР. 1965 г.

		№	карточки
1965 г. Собиратель			
наименование экспедиции, год работы			
Тема	Народ	Сведения об информаторе; и.о.ф., возраст, занятие, грамотность, партийность и др.	Место и время сбора
Подтема			

II. Образец анкеты

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

АНКЕТА

Для сбора материала о сельских поселениях и жилище³

I. Общие сведения

1. Место записи по существующему адм. делению (республика, область, с/совет). Старое адм. деление (уезд, волость)
2. Название колхоза, время его организации (если укрупнен, из каких колхозов)

³ Анкета составлена для прибалтийских республик. — прим. Г. Громова.

3. Название хутора, когда присвоено. Входит ли хутор (двор) и входил ли когда-либо в состав деревни, когда, какой

4. Время возникновения хутора, на какой земле (бывш. помещичьего, казенного, пасторского имения и др.). Название имения

5. Кто в настоящее время проживает в усадьбе: фамилия, имя, отчество, возраст, национальность, род занятий главы семьи. Состав семьи. Является ли усадьба собственностью колхозной семьи, если нет, кому принадлежит (с/совету, колхозу)⁴

6. Кто владел хутором до организации колхоза и до 1940 г. Фамилия и. о., национальность, род занятий, родственные отношения к живущим теперь. Если владелец сам не жил, а сдавал в аренду, указать об этом.

7. Размер земельной площади хутора до организации колхоза (в т. ч. пахоты). Происходили ли когда и какие изменения в ее размерах, причины этого (раздел между родственниками, продажа части земли, изменения, связанные с проведением советской земельной реформы 1940/45 гг. и др.).

8. Размер приусадебного участка, находящегося в личном пользовании колхозной семьи, в т. ч. занят о под постройками, под огородом, под фруктовым садом.

9. Какие постройки имеются в усадьбе (перечислить). Указать, какие из них отошли в общественную собственность колхоза. Приложить план расположения построек с ориентацией по странам света.

II. Жилой дом

1. Местное название. Время сооружения.

2. Кто строил дом – сам владелец или приглашенные мастера. По возможности указать их фамилии, национальность и местожительство.

3. Материал (дерево, кирпич, камень, плитняк, дерево, бетон и т.д.).

4. Способ сооружения стен: срубная, каркасная, глинобитная, каркасно-засыпная постройка и т. д. Для сруба отмечать способы рубки: наличие и форма пазов, типы углов (угол с выпущенными концами, гладкий угол, дать рис. крепления углов). Число венцов сруба, его общая высота. Применяется ли прокладка между венцами (мох), конопатят ли сруб, чем (паклей). Для каменной кладки указывать, на каком растворе.

5. Составные части дома и их название. Число срубов (например, изба + сени + камора). Если постройка многораздельная, но не состоит из отдельных срубов: указать место и способ соединения бревен в длину и способ крепления поперечных стен.

6. Наличие фундамента, материал и техника сооружения, глубина фундамента. Высота нижнего венца сруба или начало каменной кладки стены над уровнем земли, наличие завалины.

7. Число этажей в доме. Наличие погреба (подполья), его глубина, использование чердачного помещения.

⁴ Если в усадьбе проживает не одна колхозная семья, сообщить сведения о каждой семье (члене, главе, указать численность семей).

8. Форма крыши (двухскатная, четырехскатная, полувальмовая с дымовыми отверстиями) (дать схематический чертеж).

9. Конструкция крыши (на самцах, стропильно-самцовая, стропильная). Высота конька крыши. Способ заделки фронтона (кладка из бревен, зашивка тесом).

10. Способы крепления крыши к срубу (к верхним венцам сруба или к выступающим венцам). Ширина свеса крыши (если различно, измерить его со всех четырех сторон дома).

11. Материал покрытия крыши (солома, камыш, щепя, дрань, тес, шифер, черепица, железо и др.). Способ покрытия соломой (расспросить у населения). Способ крепления конька. Устройство водостоков.

12. Пол и его устройство в каждом из помещений дома (земляной, глинобитный, цементный, деревянный (дощатый из плах, одинарный, двойной). Способ крепления деревянного пола. Положены ли балки прямо на землю, если нет, то как они врезаны.

13. Потолок, над какими помещениями дома он имеется. Материал и способ устройства: напр., накат по балкам, форма и число балок, способ врезки их в стены, в какой венец. Способ укладки наката (вразрядку, вплотную, в старых постройках может быть накат из жердей или плах).

14. Дверные проемы, их число, расположение и конструкция (столбы, дверные коробки – косяки). Размер и форма дверей в доме (одностворчатые, двухстворчатые, где, какие). Устройство дверного полотна (однослойное, двухслойное. Филенчатые двери). Наличие порога, крыльца, его конструкция.

15. Оконные проемы, их число, расположение, размеры, конструкция (наличие оконной коробки). Форма рамы, число переплетов, наличие форточек, вторых рам, имеются ли ставни, их форма (одностворчатые, двухстворчатые), филенчатые или сбитые из досок. Есть ли наличники.

16. Внешняя отделка и утепление дома (обшивка тесом горизонтально, вертикально), штукатурка, облицовка кирпичом.

17. Внутренняя отделка дома, отделка стен и потолка (обмазка глиной, штукатурка, обшивка тесом, картоном, фанерой и др.), покраска стен, потолка, пола, дверей, окон (тип и цвет красок).

18. Наличие украшений: украшения конька, крыши, фронтонов, консолей, выступающих концов балок, крыльца, наличников, дверей и др.

19. Внутренняя планировка дома. Жилые и подсобные помещения. Есть ли отдельно кухня, кладовые, сени, коридоры и т.д. Назначение и местные названия каждого помещения. Устройство и расположение печей в доме. Хлебная печь, название печи, ее форма, местоположение. Положение устья печи по отношению к входу в избу; функции печи (только выпечка хлеба или приготовление пищи раньше и теперь). Наличие лежанки (название), ее устройство. Плита, ее местоположение в доме, отдельно от хлебной печи или в комбинации с печью (перед печью, сбоку печи). Наличие обогревательного щита, его местоположение, устройство. Наличие в доме других печей (в каких помещениях и каких). Наличие открытых очагов (перед хлебной печью на шестке, каминная кухня-коптильня в сенях и др.). Описать подробно их устройство и использование. Число дымоходов, их местоположение и устройство; наличие одной трубы на специальном фундаменте с вводом в нее дымоходов от всех печей или отдельных труб над каждой печью (плитой). Наличие чистого угла в доме, его местное название и расположение по отношению к входной двери в жилое помещение.

20. Расположение мебели: неподвижная и подвижная мебель. Перечислить, какая мебель имеется в доме⁵.

III. ПРОГРАММА

**кафедры этнографии МГУ для сбора полевых материалов по теме
«Жилище крестьян-колхозников Дмитровского района Московской области»**

I. Расположение и планировка поселений

Расположение поселений на местности. Старые и новые поселения. Чем отличается расположение новых поселков, основные принципы их расположения. Размеры поселений старых и новых. Основной принцип планировки поселений (круговой, рядовой, многоуличный и др.). Размещение построек в поселении (хозяйственный центр, жилые постройки, бытовые учреждения, административные и общественные здания).

Благоустроенность поселения. Мощение улиц, озеленение, освещение, очистка и т.п.

История поселения. Время возникновения и предания о заселении. История названия поселения, улиц, отдельных частей. Перепланировка поселения, время и причины. Перестройка по проектам. Кто их составляет, кто утверждает и как обсуждают. Какие изменения вносятся в проекты. Планы на будущее и пожелания о планировке поселений.

Развитие местного транспорта.

II. Материалы и техника строительства

Основные строительные материалы и их удельный вес в строительстве. Новые, материалы и время их распространения. Как и где эти материалы заготавливаются и приобретаются. Применение готовых деталей и полуфабрикатов. Удельный вес разных материалов в строительстве жилых, подсобных и хозяйственных помещений.

Фундамент. Материалы для его возведения и способы устройства. Гидроизоляция. Устройство подвалов и подвальных хранилищ. Утепление подполья (чем? как?).

Стены. Материал. Способы рубки или кладки. Утепление стен (конопачение, обивка и т. п.). Другие конструкции стен (каркасные, засыпные и др.). Материал и устройство стен зданий, различных по назначению (жилые, подсобные, хозяйственные). Отличие в материалах и конструкциях от старых построек. Время появления и распространения новых приемов.

⁵ При описании дома и техники его устройства, необходимо записать местные названия всех частей дома, сфотографировать или зарисовать общий вид дома, каждый из его фасадов, сделать фотоснимки отдельных частей дома и конструктивных деталей: крыльцо, двери, окна, фронтон, конек крыши, детали крепления крыши, свес крыши, форма угла, консоли, детали украшений. Сфотографировать и сделать зарисовки печей, внутренний вид помещений (интерьеры). К описаниям приложить план дома с размерами, обозначением на плане печей и расположением мебели, а также два вертикальных, разреза печей: поперечный и продольный. При описании дома, особенно его внутренней планировки, расположения и устройства печей, необходимо интересоваться, каким и когда перестройкам или перепланировке подвергался дом, чем это было вызвано. В частности, следует интересоваться, не была ли в прошлом изба курной, не было ли доме открытого очага.

Облицовка стен снаружи и внутри. Их отделка.

Полы и потолки. Высота пола над уровнем земли. Расположение, количество и способ крепления переводов. Материал для полов. Полы: двойные, одинарные. Крепление половиц и способ их соединения между собой. Утепление полов. Отделка полов (крашение, паркет, линолеум и др.). Новые способы устройства полов и время их распространения.

Устройство потолков. Потолочные переводы (матица), количество, расположение, способ крепления в стенах. Способы настила потолка, материал, приемы соединения потолочин между собой. Утепление потолков (обмазка, засыпка и д.р.). Отделка потолка (покраска, оклейка, штукатурка и т.п.).

Перегородки. Их расположение, материал, способ устройства.

Кровля. Форма кровли. Способы устройства несущих конструкций (стропильные и др.). Кровельный материал и способы покрытия. Время распространения новых кровельных материалов. Устройства для стока воды.

Окна и двери. Количество и расположение дверей. Их конструкция (одностворчатые, двухстворчатые и т.п.). Размеры дверей. Отделка дверей и украшение. Дверные ручки и замки.

Количество и расположение окон в различных по назначению помещениях. Размеры окон. Соотношение площади окон и помещений. Устройство рам (одинарные, двойные, переплеты). Форточки. Отделка рам.

Отопление, освещение и другие удобства. Печи, их количество, устройство, отделка. Системы местного и общего парового и водяного отопления. Освещение. Источники света, их расположение и количество. Другие удобства (водопровод, ванна, канализация).

Кто строит здания? Местные строители, по найму со стороны, колхозные и совхозные строительные бригады. По чьим проектам или вкусам возводятся постройки? Кем строятся разные по назначению постройки (жилые, хозяйственные, подсобные). Специализация среди строителей. Применение проектов (типовых) и вносимые в эти проекты изменения.

III. Крестьянская усадьба

Размеры усадебного участка. Кем и как они определяются, как выделяется участок под усадьбу? Планировка усадьбы. Место построек различного назначения, место огорода, сада, цветника. Изменение в планировке усадьбы по сравнению с прошлым, причины этого. Основные принципы планировки усадьбы по отношению к общему плану поселения. Есть ли типовые планы? Как они используются и изменяются? По чьим вкусам планируется усадьба?

IV. Хозяйственно-жилой комплекс

Состав построек комплекса. Взаимное расположение жилых и хозяйственных построек (тип связи). Размеры и занимаемая площадь у хозяйственных и жилых построек. Соединение хозяйственных построек между собой.

Помещения для скота. Размеры, конструкция, назначение. Другие хозяйственные и бытовые помещения (бани, сараи, сеновалы, погреба и т. п.). Их устройство и расположение.

Какие изменения произошли по сравнению со старыми типами хозяйственно-жи-

лого комплекса, когда, почему? Каковы основные принципы планировки и устройства этого комплекса?

V. Постройки жилого комплекса

Состав построек жилого комплекса и их соединение между собой. Различия в конструкции отдельных элементов комплекса. Под общей ли они крышей? Количество основных камер и их расположение (и + с + к, и + с + и, и + и + с " др.). Какие из них отапливаются и какие нет? Способ их соединения между собой. Назначение отдельных камер. Различия в отделке.

Крыльцо. Устройство и оформление. Терраса. Устройство, размеры, использование в различные времена года. Отделка. Сени. Размеры, освещение. Устройство полов и потолка (если есть). Утеплены ли стены, есть ли отопление. Использование сеней. Кладовые (чуланы, клети, селники и т.п.). Их расположение, устройство, назначение, размеры.

Жилые помещения. Количество жилых комнат, их назначение, площадь. Чем разделены комнаты – глухими или легкими перегородками. Как сообщаются комнаты между собой. Наличие кухни и ее оборудование. Какие элементы старого крестьянского интерьера сохраняются (лавки, полы, красный угол и т. п.) и в каких комнатах? Для чего используется подполье, откуда в него вход?

Отопление и освещение комнат.

Мебель. Какая и в каком количестве? Где изготавливается или приобретается? Как располагается мебель в комнатах, по чьему вкусу? Внутреннее убранство комнат (картины, ковры, другие украшения). Есть ли иконы и где они висят?

Какие изменения произошли по сравнению со старыми типами внутренней планировки? Когда и почему? Различия во внутренней планировке в домах людей разных поколений и профессий.

Отделка комнат (обои, покраска, роспись и т.п.).

VI. Украшение жилищ

Резьба. Какие части дома украшаются резьбой. Характер резьбы (глухая, пропиловка и др.). Основные мотивы.

Окраска и роспись. Какие части дома украшаются. Цвета. Орнамент. По каким образцам и кто исполняет. Лепка. Побелка. Украшение коньков, карнизов, крыш, трубы. Флюгера.

Фигурная и узорная кирпичная кладка.

IV. ПОСЕЛЕННЫЙ БЛАНК ДЛЯ ОБСЛЕДОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ЖИЛИЩА

(По сборнику «Крестьянские постройки»)

1.	Номер дома по порядку	1	2	3
2.	Фамилия и имя домохозяина	Матусов	Федоров	Климов
3.	Сколько семей живет в доме (своих, чужих)	1	2 (квартиранты)	1
4.	Сколько человек живет в избе	5	5+3 чужих	6

1.	Номер дома по порядку	1	2	3
5.	Время постройки избы и двора	1895	1910	1860
6.	Чьи плотники строили	Свои	Тверские	Свои
7.	На сколько скатов покрыта изба	2	3	4
8.	Чем покрыта	Тесом	Железом	Соломой
9.	Как покрыт а (на стропилах или иначе)	На стропилах	На стропилах	На стропилах
10.	Из чего построена изба (из дерева, кирпича и т. д.)	Бревенч.	Бревн.	Дер. обм. гл.
11.	Техника рубки или кладки стен (в угол, в лапу, в замок)	В угол	В лапу	В угол
12.	Есть ли фундамент и из чего сделан	Есть углы под столбами	Кирпичн.	Нет
13.	Площадь избы в метрах (дли на, ширина)	4,1х3,9	6х6	4х4
14.	Высота избы (число венцов)			
15.	Имеется ли через сени клеть	Сени	Старая изба есть	
16.	Число окон	3	6	3
17.	Размер окна	0,58х0,95	0,65х0,98	0,55х0,90
18.	Число форточек	Нет	Нет	Нет
19.	На петлях рамы или задвижные	На петлях	На петлях	На задвиж.
20.	Есть вторые рамы	Есть	Есть	Нет
21.	Кирпичная печь или из глины	Из глины	Кирпичн.	Из глины
22.	Есть ли дымоходная труба	Есть	Есть	Нет
23.	Если изба курная, то где отверстие для выхода дыма	—	—	В дверь
24.	Кроме русской, как и е есть другие печи	Железн.	Есть голланд.	Нет
25.	Помещение под избой (подвал) а) площадь, б) высота, в) откуда вход в подвал	Яма 2,1х1,2х1,0 Люк из избы	Подвал 4х4х2 Люк	Нет
27.	Двор крытый или открытый	Крытый	Крытый	Открытый
28.	На сколько скатов крыт	На 2	На 4 с избой	На 4
29.	Чем крыт	Тесом	Железом и тесом	Соломой

1.	Номер дома по порядку	1	2	3
30.	Техника покрытия: а) со стропилами или без них б) переметы покоятся на стенах или на столбах	С стропил.	С стропил.	На «сохах»
31.	Стены двора: а) материал б) техника	Бревенч. Рубка в угол	Бревенч. В угол	Плеть
32.	Есть ли утепленный хлев	Есть	Есть	Нет
33.	Какие во дворе хозяйственные постройки (амбар, баня и др.)		Водогрейка	Амбар
34.	Имеется ли над двором помещение для корма (повить или чердак)	Нет	Нет	Нет
35.	Как соединен двор с избой: одно-рядная, двурядная или «П»-образная постройка	Двурядн.	Однорядная Двор «под по-лой»	Двор покоем
36.	Фронтон избы и двора	<i>Даются рисунки: воспроизвести рисунки из оригинала не удалось</i>		
37.	План избы и двора	<i>Воспроизвести планы из оригинала не удалось</i>		
Примечание. Отметьте число матиц и их положение по отношению к улице.		1 – паралл.	2 – паралл.	1 – перпенд.
38.	Во что обошлась постройка избы и двора по прежн. ценам	200 николаевских руб.	500 руб.	180 руб.
39.	Какие хозяйственные постройки есть на усадьбе	Сарай	Амбар 2 сарая, баня, овин	Х о л о д н а я «рыга»
40.	Стоимость избы двора по теперешней оценке	300 руб.	600 руб.	250 руб.

Примечание.

К п. 11. Рубка может быть в обло или в угол (круглая чашка), в крюк (чашка с прямыми стенками и дном), в замок с шипами), в лапу (без выдающихся концов угла).

V. КРАТКИЙ ВОПРОСНИК ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА ПО ТЕМЕ «ЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ В ЖЕНСКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЕ (ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ)»

Рубаха. Материал. Покрой. Названия частей. Местоположение и узор украшений. Различия в видах рубах (будничные, праздничные и др.). Роль рубах разных видов в обрядах.

Горничная одежда. Поясная или плечевая. Материал. Расцветка. Название. Кто носил: девушки или женщины. Роль в обрядах. Покрой.

Головные уборы. Женские, девичьи. Обыденные и праздничные. Свадебные. На-

звания. Покрой и форма. Части и их названия. Способ ношения. Узоры, их смысл и названия. Роль уборов в обрядах. Поверья, связанные с уборами. Порядок наследования уборов.

Обувь. Виды. Названия. Материал. Форма. Расцветка и украшения.

Украшения. Девичьи. Виды. Названия. Материал и форма. Возрастные различия в украшениях. Украшения невест. Женские. Виды, названия. Материал и форма. Место и способ ношения. Порядок наследования. Обычаи (кто и где покупает, кто дарит). Смысловое значение-украшений. Поверья и суеверия. Роль в обрядах и верованиях (гаданиях). Элементы узоров, их смысл, названия.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашепков Е.А.* Русское народное зодчество в Западной Сибири. Изд-во Академии архитектуры СССР, М., 1950.
- Белицер В.Н.* Методические указания к полевому сбору материалов по народной одежде. «Краткие сообщения Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая», вып. XVIII, М., Изд-во АН СССР, 1953.
- Винников Я.Р.* Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. 1. М., Изд-во АН СССР 1956.
- «Восточнославянский этнографический сборник». «Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXXI. М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Гаген-Торн Н.И.* К методике изучения одежды в этнографии СССР. «Советская этнография», 1933, № 3-4.
- Ее же.* Женская одежда народов Поволжья (материалы к этногенезу). Чебоксары, 1960.
- Городцов В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном искусстве. «Труды Гос. Историч. музея», вып. I, разряд археологический, М., 1926.
- Денисов Н.В.* Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары, 1959.
- Жданко Т.А., Крупянская Б.Ю., Терентьева Л.Н.* Об организации и методике полевых этнографических исследований. «Советская этнография», 1956, № 3.
- Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX вв). «Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXXI. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1963.
- «Историко-этнографический атлас Сибири». М.–Л., Изд-во АН СССР, 1961.
- Кабо Е.О., Кабо В.Р.* Методологическая роль статистического метода в этнографических исследованиях. «Научные доклады высшей школы. Философские науки», 1964, № 6.
- «Крестьянские постройки». М., 1929.
- Крюкова Т.А.* Марийская вышивка. Л., 1951.
- Кушнер (Кнышев) П. Н.* Метод картографирования национального состава населения. Советская этнография», 1950, № 4.
- Лингис Ю., Славюнас З., Якелайтис А.* Литовские народные танцы. Вильнюс, 1953.
- Лисициан С.С.* Старинные пляски и театральные представления армянского народа, том I. Ереван, 1958.
- Попов А.А.* Нганасаны, вып. 1. Материальная культура. «Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая», новая серия, т. III. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1948.
- Руденко С.И.* Башкиры. Историко-этнографические очерки. Изд-во АН СССР. М.–Л., 1955.
- «Сборник Музея антропологии и этнографии», вып. XVI. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1955 (см. статьи: Попов А.А. Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и первой четверти XX столетия; Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда якутов).

- «Семья и семейный быт колхозников Прибалтики». «Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXVII. М., Изд-во АН СССР, 1962.
- «Сибирский этнографический сборник», IV. Очерки по истории, хозяйству и быту народов Севера. «Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая», новая серия, т. XXVIII. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1962. (см. статьи: Васильевич Г. М., Эвенки Катангского района; Вдовий И. С. Ваегские чукчи; Долгих Б. О. Родовая экзогамия у нганасан и энцев; Пелих Г. И. Кольцевая связь у селькупов).
- «Спутник фольклориста. Методическое руководство по собиранию, систематизации и хранению произведений устного народного творчества». М., Гослитмузей, 1939.
- Терентьева Л. Н.* К вопросу о переходе от хуторского расселения к колхозным поселкам в Латвийской ССР. «Советская этнография», 1954, № 1.
- Ее же.* Опыт изучения семьи и семейного быта латышского колхозного крестьянства. «Советская этнография», 1958, № 3.
- Харузина В.В.* Этнография, вып. II. Приемы изучения явлений материальной культуры. М., 1914.
- Читая Г.С.* Горное земледелие на Кавказе. Предварительное сообщение. Материалы по этнографии Грузии (Институт истории АН Груз. ССР), т. 9, Тбилиси, 1960.
- Шиллинг Е.М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. «Труды Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая» новая серия, т. VIII. М.–Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Литература по фото и кино

- Каценеленбоген Э.Д.* Свойства и применение фотографических материалов. М., Госкиноиздат, 1950.
- Микулин В.П.* 25 уроков фотографии, изд. 11. М., «Искусство», 1963.
- Рапков В.И. и Пекелис В.Д.* Азбука кинолюбителя, изд. 2, и доп. М., Профиздат, 1964.
- «Справочник фотолюбителя», изд. 2, испр., и доп. М., «Искусство», 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	4
Организация полевых исследований	11
Подготовка этнографической экспедиции	18
Основные виды работ в поле	25
Некоторые правила ведения и хранения полевых документов	35
Методика и практика работы в поле	39
Хозяйство	40
Поселения	47
Жилище и хозяйственные постройки	50
Одежда, обувь, украшения	63
Утварь	76
Пища	82
Общественные отношения и общественный быт	86
Верования, обряды, игры, танцы, устное народное творчество	96
Правила обработки экспедиционных материалов для сдачи на хранение	103
Приложения	107
Список рекомендуемой литературы	117

A PROPOS

УДК 303.626.4

© Уильям Фиерман

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

(Интервью с У. Фиерманом)

В казахстанском журнале «Литер» (04.07.2015) было опубликовано очень интересное интервью с Вами, касающееся политических и социокультурных процессов, сопровождавших «языковое строительство», главным образом, в Средней Азии эпохи СССР и, затем, после его распада. В частности, Вы напоминали о шатаниях советских властей между латиницей и кириллицей. Вы, как добро-совестный и деликатный ученый, не высказали никаких оценок этим дискуссиям. Но все-таки, какая письменность оптимальна для тюркских и иранских языков этого региона?

Так как я читаю на разных языках тюркской группы, казалось бы, легче говорить о языках именно этой группы, нежели об иранских языках. Но думаю, из моего ответа о тюркских языках Вы поймете и мою позицию в отношении иранских.

Стоит сразу сказать, что по первому образованию я филолог (специализировался по русскому и китайскому языкам), а магистрскую и докторскую степени получил по политическим наукам. Моя докторская диссертация была посвящена языковой политике в Узбекистане в двадцатые и тридцатые годы прошлого столетия. Поэтому, наверное, не удивительно, что я считаю вопрос о письменности для тюркских языков в первую очередь политическим.

Перевод письменности тюркских языков Советского Союза сначала на латиницу, а потом на кириллицу объясняли или, если хотите, оправдывали разными научными и техническими аргументами, но на самом деле советское руководство исходило, прежде всего, из политических соображений. Между прочим, то же самое можно сказать и о латинизации в Турции во время Ататюрка. Как Вы, наверное, тоже знаете, в первые годы Советской власти были разговоры о возможном переводе русского языка на латиницу. Это была эпоха максимальной и настоящей «интернационализации» в Советском Союзе. То есть, в первые годы ожидали революцию в самых развитых странах Европы, где использовали латиницу. Но эта фаза в советской истории быстро прошла, и уже в начале 1930-х годов о возможной латинизации русского языка забыли. Соответственно в «интернациональном» стал считаться уже не латинский, а кириллический алфавит.

В Азербайджане язык титульного этноса переведен на латиницу. Я не думаю, что это определялось какими-либо техническими преимуществами латинской графики.

В первую очередь переход на латиницу был символическим актом и важным практическим шагом на пути сближения с Турцией, облегчавшим общение между азербайджанцами и турками. Разумеется, это же означало дистанцировать Азербайджан от России. А если говорить о нынешней ситуации в Казахстане, то мне кажется, что там тоже вопрос политический. Президент Назарбаев не раз говорил о том, что желательно, чтобы казахский язык со временем перешел на латиницу. По-моему, неслучайно, что за последнее время, т.е., после начала продолжающихся противостояний в Украине, он не поднимает этот вопрос. Или посмотрите на Трансднестрию/Приднестровье. За исключением этой территории, сегодня везде пишут румынский язык латинскими буквами. А там, на этой территории, признанной независимым государством Российской Федерацией, пишут румынский язык (как и в советское время) кириллицей и говорят, что это самостоятельный язык, т.е. не румынский.

То, что политические мотивы являются решающими не значит, конечно, что переход на другой шрифт не имеет, скажем, экономических последствий. Любой такой переход, например, в самом начале требует очень больших затрат на переобучение населения, переиздание книг, создание новых вывесок, и, скорее всего, в течение какого-то периода сохранения двух разных систем. Бывает, конечно, что политический режим конкретной страны даже приветствует то, что литература одного периода станет менее доступным следующим поколениям, но какие-то затраты все равно обязательно будут.

Высказывалось мнение, что практически все языки, включая русский язык, о котором Вы уже говорили, рационально перевести на латиницу. Как Вы относитесь к такой идее? А нет ли в ней отголоска глобального «эсперантизма», популярного среди наивных приверженцев коммунистических иллюзий первых десятилетий XX в.?

Возможно и были бы какие-то преимущества, если бы *все* языки света перешли на один и тот же алфавит. Но я исключаю такую возможность, по крайней мере, в обозримом будущем. Мне кажется, что и в России, и во многих других странах переход на латиницу был бы воспринят как экспансия культуры Западной Европы. Я считаю, что население и руководство России и многих других стран, в том числе Китая, видят в своей письменности отражение традиций собственной национальной культуры.

Есть ли непосредственная и жесткая коннотация языка с этнической и национальной идентичностью?

Язык почти везде служит «маркером» какой-либо идентичности, т.е., указывает кто относится к какой группе. Как правило, язык выполняет такую роль в отношении этнической группы. В советской традиции, благодаря сталинскому определению «нации», каждая «нация» имеет – помимо других общих черт – общий язык (я тут ставлю знак равенства между «нацией» и «этносом».) Следовательно, считали, что у каждого советского этноса был свой отдельный язык. Если посмотреть на карту мира, то можно увидеть, что на самом деле многие этносы имеют свои языки – у японцев японский, у литовцев литовский, у исландцев исландский и т.п. В каждом из этих случаев, язык служит важным маркером принадлежности к данному этносу. Но если возьмем такую группу, как ирландцы, то что получается? Там тоже определенный язык – ирландский – ассоциируется с титульным этносом. Однако только мень-

шинство населения этого этноса знает этот язык. Какой-то лингвист – я не помню точно, кто это был – сказал, что «ирландцы очень любят свой язык <...> мертвым».

Даже в случае с ирландцами есть конкретный язык, который можно отождествлять с ирландским этносом и с Ирландией. Но на самом деле вопрос намного сложнее. Лет семь назад меня пригласили на международную конференцию в Индию. Почти все доклады были на английском языке, а вот одна представительница Кыргызстана, почти не знающая английского языка, привезла на эту конференцию свой доклад, написанный на русском языке. Она оказалась в безвыходном положении и попросила меня перевести самое главное из своего доклада, который она читала на русском языке. Я далеко не переводчик профессионального уровня, но как-то перевел ее слова на английский. После этого слушатели – преимущественно местные ученые – начали задавать ей вопросы <...> на английском языке. Хотя я считаю английский родным языком, некоторых из тех, кто задавал вопросы, я понимал с большим трудом. Иногда даже приходилось просить повторить вопрос. Привожу этот пример для того, чтобы подчеркнуть, что используя понятие «язык» или, в данном случае «английский язык», мы не учитываем, что оно довольно условно. На самом деле, можно было бы говорить не об «английском языке» а об «английских языках». Иногда в шутку говорят, что Америку и Англию разъединяет общий язык.

Если вернуться к примеру Ирландии, то, возможно, даже в этом случае, помимо ирландского языка (которым далеко не все владеют), ирландский говор (или ирландские говоры) английского языка могут служить составной частью ирландской идентичности. Мне кажется, что ирландец почувствует это в первую очередь тогда, когда он будет где-нибудь за пределами Ирландии. Однажды я работал по одному проекту в Казахстане с группой австралийцев. Мне надо было довольно внимательно вслушиваться в то, что они говорили, чтобы их понимать. И я в такие моменты четко осознавал свою «американскость».

Из этих примеров, понятно, что язык может служить маркером и этнической принадлежности, и национальной (под «национальным» я тут имею в виду то, что относится к государству). Следует добавить, что язык – если иметь в виду также входящие в него говоры и диалекты – может быть маркером групповой идентичности и внутри данной страны, и даже внутри этнической группы, если она неоднородна в языковом отношении. Хотя в случае с моим контактом с австралийцами у меня «всплыло» чувство американской идентичности, бывает и так, что в самих Штатах мой английский говор дает мне почувствовать, что я «чужой» в данной конкретной языковой среде. Я семь лет жил в Бостоне и десять лет на юге, на востоке штата Теннесси. И там, и там местные говорят на «английском», который в плане произношения довольно сильно отличается от моего. И, безусловно, в определенных случаях из-за различий я чувствовал, что не отношусь к местным «аборигенам».

Практически всегда я понимаю почти все, что говорят в США на разных диалектах или говорах английского. Естественно, это не касается тех случаев, когда человек употребляет смешанный язык, как, например, английский с корейским. Но мне также очень трудно понимать то, что называется «African American Vernacular English». На этом диалекте или, если хотите, языке, говорят преимущественно афроамериканцы. Но не все афроамериканцы говорят на нем, и многие также говорят на стандартном диалекте, близком к нормативному англо-американскому языку.

Как надо формулировать «языковые вопросы» в переписях населения с целью выявления реальной языковой ситуации? Что Вы понимаете под понятием «родной язык»?

Вопрос касательно переписи очень сложный и, в любом случае, мне кажется, его решение зависит от особенностей конкретного общества. Ведь многие понимают или говорят не только на одном языке. И, естественно, переписчик не будет устраивать экзамен, чтобы определить реальное знание респондентом какого-либо языка или языков. Поэтому, на мой взгляд, единственный способ – включить вопрос о знании языка в переписной лист, а уж потом, при анализе данных переписи, разбираться в нюансах ответов.

Что касается постсоветских стран, то, видимо, можно не задавать вопрос о «родном» языке, или если задавать, то надо понимать, что это не дает никакой информации о том, какими языками люди владеют. В соответствии с сталинским понятием «нации», многие на постсоветском пространстве считают, что «родной язык» – это язык нации, к которой человек, как он считает, принадлежит. Многие казахи, проживающие на территории России, и даже некоторые в Казахстане плохо знают или вообще не знают казахского языка. Но на вопрос в переписи о «родном языке», я уверен, многие бы ответили, что их родной язык – казахский. Полагаю, «родной язык» – это, как правило, первый язык, на котором ребенок начинает говорить. Не исключено, конечно, что со временем человек может больше не употреблять этот язык и таким образом больше не быть способным говорить на этом языке. Но это другой случай, чем, скажем, с казахом родившимся и живущим в русскоязычной среде, который казахского не знает и никогда не знал. У этого человека родной язык русский.

Возвращаясь к вопросу о переписи, я думаю, что можно включить в вопросник такие вопросы как, например, на каком языке/языках человек общается дома, на работе, и т.п. И можно задавать вопрос о том, на каких языках человек умеет читать/говорить/писать или понимать устную речь. Но всегда будут факторы, которые осложняют ответ. Как будет человек отвечать на вопрос о языках, на которых умеет говорить если, например, он употребляет эти языки только на базаре и знает только подходящие слова для общения там? А как если, например, мусульманин, который знает арабский только в рамках религиозной службы? Поэтому, как правило, независимо от постановки вопроса, перепись не может отразить все детали очень сложной языковой картины.

Функциональная иерархия языков неизбежна не только в отдельных государствах, но теперь уже и в глобальных масштабах. Как в таких условиях обеспечить «равноправие» языков? Достаточны для этого существующие международные правовые акты?

Мне кажется, что вопрос, скорее всего, касается не самих языков а конкретных групп людей, которые употребляют определенные языки. И, конечно, многие люди говорят на нескольких языках. Возможно такое, что некоторые языки служат для определенной группы людей только в ограниченной сфере – например в семье, на базаре или во время религиозной службы. Если будем говорить о равных правах групп, которые используют определенный язык, то, конечно, сразу столкнемся с вопросом о том, как я отмечал выше, что представляет собой язык вообще.

Я не думаю, что на глобальном уровне будет эффективна какая-нибудь декларация о лингвистических правах как, например, Universal Declaration of Linguistic

Rights, принятая в Барселоне в 1996-м году. Неудивительно, что этот документ не был одобрен ЮНЕСКО. Многие страны просто не будут обращать внимания на такие декларации. Это в первую очередь, наверное, касается крупных стран с авторитарными государственными системами. Другое дело, что какая-то международная организация, в которую входит группа независимых государств, берет на себя ответственность соблюдать права языковых меньшинств, проживающих в границах государств в этой организации. Таким, мне представляется, например, Европейский союз.

Особая тема – что делать с уходящими из повседневного употребления языками «аборигенных народов»? И кто должен это определять – чиновники, так называемая этническая элита или сами люди? Каковы способы такого определения? Что важнее – функциональность или «музейность» в подходе к «традиционалистским культурам»?

Опять очень сложный и щепетильный вопрос. Прежде всего мы сталкиваемся с вопросом о том, что это такое язык, или диалект, и надо ли подходить к каждому языку и даже диалекту, который преобладает в какой-либо определенной местности (неважно, насколько она мала) одинаково? Мир меняется, и хотим мы этого или нет, некоторые языки и диалекты исчезают и неизбежно будут исчезать. Языковая картина каждой страны или каждого общества, конечно, уникальна. Вспоминаю доклад, который я однажды слушал на международном съезде Foundation for Endangered Languages. В докладе говорилось об опыте лингвистов в каком-то регионе Африки, где целая группа языков была на грани исчезновения: носителей разных языков этой группы осталось совсем мало. Лингвисты не смогли полностью документировать ни один из этих языков, но успели описать общую грамматику этой группы. Подробностей доклада я уже не помню, но, наверное, решили взять грамматические элементы разных языков и создать общий язык для населения, чьи предки не говорили на этом языке потому что это был новый язык. Потом, как рассказал докладчик, они взяли слова из разных местных языков и «lexified» (создали лексику. – С.Ч.) этот вариант нового реанимированного языка. Об успехе этого эксперимента я не знаю, но иногда задаю себе вопрос, надо ли было это делать? Ведь такого языка раньше никогда не было. Ответить на вопрос о том, надо ли «сохранять» языки таким образом я не могу. Если какая-то группа населения стала использовать этот язык и считать его «своим», то возможно, и надо. Но не уверен. Ведь в каком-то смысле существование такого языка – это миф. Но в то же время признаю, что история современных стран мира – тоже во многом основывается на мифах.

Ситуация с языками коренных обитателей Северной Америки мне немного ближе, чем этот вопрос об африканском языке, о котором я говорил. Могу поделиться своими мыслями по такому вопросу. Первое – надо признать, что истребление подавляющего большинства «аборигенных народов» Северной Америки – это огромная трагедия. И принудительная во многих случаях ассимиляция (в том числе языковая) представителей этих народов является неизмеримой потерей для них самих и вообще для мировой культуры.

Многие из языков тех, которых мы сейчас называем «native Americans», уже исчезли, а сфера употребления других сужается, количество их носителей сокращается. Что теперь надо делать? Повернуть время назад мы не в состоянии. Тем не менее, можно сохранять и даже развивать некоторые из таких языков. Это не значит, например, что следует переводить какие-либо международные декларации о

языковых правах, сложные политические или экономические тексты на эти языки. Такие переводы никто не будет читать, и они никому не нужны. Если члены какого-то племени индейцев США захотят прочесть эти документы, они их все-равно не будут читать, скажем, на языке *навахо*. Будут читать на английском который, скорее всего, для большинства индейцев стал уже и родным, и доминантным языком.

Намного разумнее было бы издавать детские книги на этих языках, открывать курсы в школе (или вне школы, даже в Интернете), оказывать через Интернет консультативную помощь родителям, которые хотят обучать детей языку бабушек и дедушек. Думаю, такие практические шаги могут помочь этим народам сохранять их языки. Никто не может и не должен заставлять молодое поколение сохранять язык. Возможно, что такие меры, на которые я указываю, будут неэффективны. Но, учитывая исторический фактор, мне кажется, что в США мы должны предпринимать именно такие шаги. Да, соответствующие программы требуют расходов. Какие-то небольшие средства на эти цели уже в США выделяются. Мне кажется, что даже во время мирового экономического кризиса мы должны – пока не поздно – финансировать такие инициативы.

Последнее, что хотел бы добавить. Любой язык или диалект, как и любой отдельный вид флоры или фауны, – это общее богатство всего человечества. Сохранить все и всех невозможно. Но, по мере возможности, надо документировать каждый язык, даже те, которые уходят.

Интервью провел

С.В. Чешко

ПРЕЖДЕ ВСЕГО, НУЖНО СОХРАНЯТЬ КУЛЬТУРУ

С.В. Чешко поднял несколько интересных вопросов (Чешко 2015). Первый – об открытой полемике по научным проблемам, которая, к сожалению, случается не так уж часто, хотя возможности для этого имеются. Например, в разряд полемики хорошо бы перевести разногласия между исследователями, претендующими на публикацию в научном журнале, и рецензентами их статей. Иной раз так хочется возразить автору рецензии, предлагающему вместо конкретных замечаний собственную концепцию проблемы, но, увы, это невозможно. Рецензент «всегда прав», и статья не увидит свет. Роль главного редактора, который должен стоять «над дракой», увы, ощущается не всегда.

Второй вопрос – о роли языка в самоидентификации. Многие исследователи справедливо считают ее большой, и с этим нельзя не согласиться, но при этом нельзя забывать и о культурной идентичности. Как-то в лос-анджелесском Обществе памяти русских ветеранов Великой войны довелось встретить грека, который ни слова не знал по-русски, выехав в раннем детстве из Крыма, но с гордостью заявлял, что он русский. Таких примеров осознанного принятия человеком норм и образцов поведения того или иного этноса можно найти немало среди американцев.

О США как «плавильном тигле» написаны сотни, если не тысячи публикаций. На первый взгляд государственная поддержка культур пришлых национальностей остается незаметной, будто ее не существует вовсе. Если же приглядеться, то можно увидеть немало примеров внимательного отношения властей к самобытной культуре пришельцев. Известно, что русские старообрядцы, у которых на первом месте стоит религиозная идентичность, крайне отрицательно относятся к вниманию властей к школьному образованию их детей. Своеобразный выход нашли американские учителя средней школы Николаевска-на-Аляске. Участвуя в программе по выявлению истории старообрядцев, они получили федеральный грант на издание литературы на эту тему и организовали Николаевскую издательскую компанию (Nikolaevsk Publishing Company). Всего за годы работы по русской программе (действовала примерно до 2007 г.) напечатано 23 книги (брошюры) на русском и английском языках. Среди них особое место занимают работы по истории переселения старообрядцев в США (Басаргина 1989), создания поселка (Басаргина 1989) и культурной идентичности русских старообрядцев. При этом авторами были как старообрядцы и их дети, так и учителя-американцы.

Еще один пример. Одним из лучших архивных собраний в США по истории русской эмиграции является Музей русской культуры в Сан-Франциско. В 1999 г. фонд The National Endowment for the Humanities предоставил музею грант на сумму 287 440 долларов для микрофильмирования фондов (Г.Т. 1999). Эту работу осуществил Гуверовский архив войны, революции и мира. Сейчас копии этих бесценных документов

можно увидеть и в читальном зале Государственного архива Российской Федерации.

Возвращаясь к острой теме сохранения языков и культурной идентичности коренных народностей Российской Федерации. Насчет документов ООН, соглашусь с С.В. Чешко: «...их лучше читать в оригинале – на официальных языках, принятых в этой организации» (Чешко 2015: 139). А вот книги о самобытной культуре народов, их традициях и обычаях печатать, разумеется, надо – как на языке национальности, так и на русском. Впрочем, если хватает средств, и сборники официальных документов, и различные хрестоматии с комментариями тоже не будут лишними.

Литература

- Басаргина* 1989 – *Басаргина А.* How we escaped from Russia = Как мы бежали с России / As told to O. Basargin by A. Basargin = Как рассказала О. Басаргиной А. Басаргина. Translated and illustrated by O. Basargin = Пер. и рис. О. Басаргиной. Nikolaevsk Publishing Co., 1989.
- Г.Т.* 1999 – Г.Т. Музей русской культуры // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1999. 11 дек.
- История* 1984 – История Николаевска = A story of Николаевск (Nikolaevsk) : As told to O. Basargin by S. Kalugin / Ed. and transl. O. Basargin and etc. Alaska : Nikolaevsk school, 1984.
- Чешко* 2015 – Чешко С.В. А надо ли переводить сопромат на язык айнов? // Вестник антропологии, 2015. № 2 (30). С. 136 – 149.

References

- Basargina* 1989 - *Basargina A.* How we escaped from Russia = Kak my bezhali s Rossii / As told to O. Basargin by A. Basargin = Kak rasskazala O. Basarginoj A. Basargina. Translated and illustrated by O. Basargin = Per. i ris. O. Basarginoj. Nikolaevsk Publishing Co., 1989.
- G.T.* 1999 - G.T. Muzej russskoj kul'tury // Russkaja zhizn'. San-Francisko, 1999. 11 dek.
- Istorija* 1984 - *Istorija Nikolaevska* = A story of Nikolaevsk (Nikolaevsk) : As told to O. Basargin by S. Kalugin / Ed. and transl. O. Basargin and etc. Alaska : Nikolaevsk school, 1984.
- Cheshko* 2015 – Cheshko S.V. A nado li perevodit' sopromat na jazyk ajnov? // Vestnik antropologii, 2015. № 2 (30). S. 136 – 149.

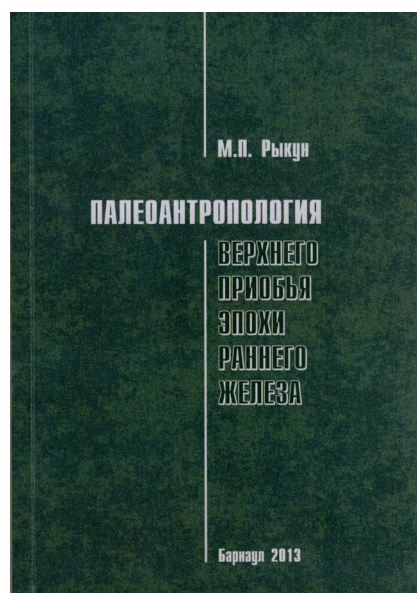
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 002.53/55

© М.М. Герасимова

РЕЦ. НА: РЫКУН М.П. ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ) / ПОД РЕД. А.Н. БАГАШЕВА. БАРНАУЛ, ИЗД-ВО АЛТАЙСКОГО ГОС. УН-ТА, 2013. 284 с.

Предлагаемая вниманию читателя монография своим названием очерчивает, казалось бы, достаточно узкий круг вопросов. Действительно, тот, кто непосредственно из исследователей не связан с западносибирской тематикой, вправе задать вопрос, что это за культура, почему так важны данные о ее носителях и т.п. Да, безусловно, данные по РЖВ огромной территории Западной Сибири нужны, да, ими заполняются белые пятна в ее антропологическом покрове (используя лексику В.П. Алексеева), да, монография содержит огромный цифровой материал. Однако, этим не исчерпывается значимость рецензируемой работы, поскольку, как полагает автор, и с этим нельзя не согласиться, этот материал может внести ясность в решение целого ряда дискуссионных проблем «как на уровне всей скифологии, так и на локальном территориальном уровне» (Рыкун 2013: 3). Каменская археологическая культура была выделена в середине 1960-х годов прошлого века; памятники ее в Верхнем Приобье локализуются вдоль Оби и ее притоков вплоть до современных границ Новосибирской области. Она представляет собой мощное этнокультурное образование, входящее в скифо-сибирский мир, и поэтому антропологический облик и состав ее населения представляет значительный интерес. Таким образом, практически новый, закрывающий имевшиеся пробелы, вводимый в литературу материал характеризует население зауральской лесостепи и позволяет оценить роль этого населения в ходе формирования антропологического состава ранних кочевников, входящих в скифо-сибирский мир.

Остановлюсь кратко на констатации того, что содержит работа. Она традиционно состоит из небольшого введения, трех глав и заключения. Обширная библиография и, что существенно, приложение, в котором опубликованы индивидуальные измерения 423 черепов, значительно повышают ее информационную ценность. Причем

очень подробно описывается происхождение изученных черепов, собранных из 26 некрополей, которые автор сгруппировала в три суммарных серии по географическому принципу – Барнаульско-Каменский район, Новосибирское Приобье и Тальменский район Алтайского края. Выяснилось в результате проведенных анализов, что население различных локальных районов сходно между собой, что и позволило объединить их в одну генеральную выборку. Анализ отдельных серий и генеральной выборки позволил охарактеризовать носителей каменной культуры, как население «преимущественно европеоидное с монголоидной примесью» (Рыкун 2013: 91). Для количественной оценки степени выраженности монголоидных особенностей были применены расчеты, предложенные в свое время Г.Ф. Дебецем, но в настоящее время, в век многомерной статистики, мало применяемы. Тем не менее они, эти расчеты и их результаты выглядят вполне убедительно. Автор выделяет две комбинации признаков монголоидного происхождения – одну, связанную с населением таежных районов Западной Сибири, вторую – с населением Восточной Сибири центрально-азиатского типа. Проведенное различными методами многомерной статистики межгрупповое сравнение краниологических серий каменной культуры с синхронными сериями кочевников РЖВ и сериями эпохи бронзы позволило выявить интересные моменты в направлении этногенетических связей населения каменной культуры и в его генезисе.

Попробую кратко суммировать выводы автора.

1. Носители каменной археологической культуры отличались сложным антропологическим составом. Преобладающим компонентом был европеоидный мезобрахичный вариант с широким и низким лицом. Роль европеоидного мезодолихокранного компонента с высоким и узким лицом была незначительна, что проявляется в обособленном положении каменных выборок по отношению к выборке тагарской культуры Минусинской котловины.

2. Введенные материалы отчетливо фиксируют участие в формировании антропологического облика носителей каменной культуры низколицего таежного монголоидного варианта, который ранее был выявлен на этой территории уже с середины П тыс. до н.э.

3. Выборки каменной культуры обнаруживают сходство с выборками скифского времени из Центральной и Восточной Тувы и Горного Алтая и усуней-угэ Восточного Казахстана, что может быть объяснено наличием общего европеоидного эуриморфного (широкое и низкое лицо) компонента в сочетании с высоколицым центрально-азиатским монголоидным вариантом.

4. Наиболее типичные представители каменной культуры (Камень 2, Масляха 1,2) обнаруживают близость к сакам Приаралья и Казахстана, саргатскому населению Прииртышья и Приишимья, и савромато-сарматским группам Казахстана и Приуралья.

5. Локальные мужские выборки каменной культуры обнаруживают существенную близость с выборками андроновской культуры (алакульского и федоровского вариантов) Казахстана и Минусинской котловины, а суммарная выборка – сходство с черепами черкаскульской культуры Приуралья, т.е. европеоидный компонент уходит своими корнями к протоевропейскому пласту, преобладающему у населении эпохи бронзы означенных территорий.

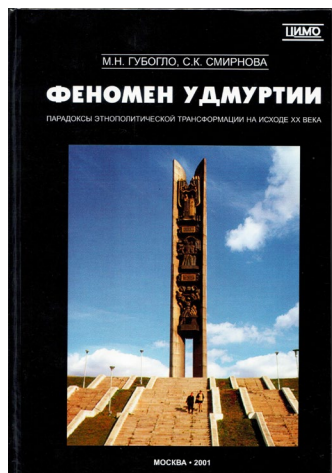
Безусловно, этими общими выводами не исчерпывается содержание книги. Но подробный анализ материалов каменной культуры на обширном фоне северо-евразийских серий эпохи РЖВ и эпохи бронзы не входит в задачу моего рецензирования, поскольку характер моей рецензии исключительно констатационный. Замечу только, что изучение этого обширного палеоантропологического материала отнюдь не противоречит ранее сделанным выводам, основанным на малочисленных, достаточно разрозненных материалах прошлых лет, во многом расширяет базу для построения этногенетических реконструкций, основанных ранее исключительно на археологическом материале. В этом плане яркую страницу в изучение каменной культуры добавляет глава, в которой рассмотрены травматические повреждения черепов из могильников этой культуры.

Анализ этих повреждений, вкупе с традиционными палеоантропологическими исследованиями, позволяет высказать автору интересную идею о том, что в сложении каменной культуры и ее закате отразились тенденции, характерные для всего огромного сако-массагетского этнического массива, периферией которого она являлась, связанные с мощными миграционными процессами по всей степной полосе Северной Евразии.

УДК 002.53/55

С.В. Чешко

ФЕНОМЕН УДМУРТИИ / ОТВ. РЕД. М.Н. ГУБОГЛО, С.К. СМИРНОВА.
В 9-ти томах. М.; Ижевск: Удмуртия, 2001–2008.

4 ноября 1920 г. В.И. Ленин и М.И. Калинин подписали декрет об образовании Вотской автономной области. В 1932 г. она была переименована в Удмуртскую АО, а два года спустя преобразована в Удмуртскую АССР. Наверное, для столичных аборигенов подобные «провинциальные даты» пролетают мимо уха, но для жителей Удмуртии празднование 95-летия республики явно обещает быть весьма ярким, «знаковым» и запоминающимся событием. Публикация данного обзора – это своего рода отражение вклада Института этнологии и антропологии РАН в исследование общественно-политических и этнокультурных процессов в Удмуртии за истекшие без малого сто лет.

Те, кто читал мои работы по этнополитическим проблемам, знают, что я являюсь противником идеи каких бы то ни было субъектов федерации, организованных и официально статуйрованных по этническому признаку. Однако эта критика касается, главным образом, самого принципа «этнического федерализма», который, будучи внедрен в советское государственное строительство во многом по тактическим соображениям, застрял, кажется, навсегда (см., например: Чешко 1993; Чешко 1996). В то же время, не могу отрицать того, что для своего времени – в условиях политического реконструирования страны – создание национальных (этнических) субгосударственных образований для нерусских народов зачастую играло большую положительную роль.

Не стану касаться того, какими методами осуществлялось приращение российского государства за счет новых земель с населявшими их инородцами, была ли Российская Империя «тюрьмой народов» или благом для них: было разное и всякое, как, впрочем, и в советское время. Но «национальные» республики и автономии во многих случаях определенно способствовали подъему благосостояния, социально-го обеспечения, здравоохранения, школьного и профессионально образования, профессиональной культуры периферийных народов страны, общему социально-экономическому развитию данных регионов.

Сегодня говорить об этих очевидных вещах, к сожалению, не лишне. Отечественная «либеральная» и западная советолого-руссологическая литература изобилуют филиппиками по отношению к советской «национально политике». А зарубежные радетели интересов финно-угорских народов постоянно пытаются навязать России обвинения в нарушении прав этих народов, проживающих на территории нашей страны, вплоть до обвинений в насильственной ассимиляции и чуть ли ни в геноциде.

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscw@mail.ru.

В связи со сказанным выше представляется полезным представить завершившийся в 2008 г. проект «Феномен Удмуртии», осуществленный в Центре по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН под руководством его руководителя М.Н. Губогло. Разумеется, этот проект известен специалистам по поволжско-приуральскому региону, и данная публикация рассчитана, прежде всего, на более широкий круг читателей.

Очевидно, что предпринятый мною обзор следовало бы кому-то сделать значительно раньше. Однако «взойти» на рецензирование двенадцати солидных фолиантов непросто. Несколько исправляет дело то, что в этом году исполняется юбилей республики, которой и посвящен данный проект. Дело не только в юбилее, хотя, конечно, и «дорого яичко к Христову дню». По существу перед нами – комплексное этносоциологическое обследование Удмуртии в постсоветский период в контексте предыдущей истории края. Подобных масштабных исследований каких-либо других регионов России, насколько я знаю, не было.

Серия «Феномен Удмуртии» создана и издана в рамках более широкого проекта «Электрокардиограмма (ЭКГ – этничность, конфессиональность, гражданственность) социальных изменений», затеянного в 2002 году Центром по изучению межнациональных отношений ИЭА РАН. Исследования проводились в Башкортостане, Марий Эл, Татарстане и Удмуртии. Задача проекта состояла в том, чтобы составить, по определению организаторов, «контурное изображение», результатов реформ в постсоветское время. Наверное, с «контурным изображением» они поскромничали: речь может, скорее, идти о вполне фундаментальном исследовании в русле этносоциологии.

Основные исполнители обоих проектов – Михаил Николаевич Губогло и Светлана Константиновна Смирнова. Получился нечасто встречающийся удачный симбиоз академической науки в лице М.Н. Губогло и практической политики в лице С.К. Смирновой, которая, впрочем, с наукой не порывает. К реализации проекта привлекались и другие ученые из различных научных центров Российской Федерации. Необходимо сказать добрые слова в адрес Российского научного гуманитарного фонда, оказавшего поддержку проекту.

Надо дать некоторые пояснения, чтобы читатель не запутался в структуре серии «Феномен Удмуртии». Она состоит из двенадцати книг, объединенных в девять томов. Исследовательская логика не вполне соответствует очередности выхода томов. Так, последний, 9-й том вышел в свет в 2006 г., а 6-й, 7-й и 8-й тома – в 2008 г. Ориентироваться надо именно на нумерацию томов, отражающую задуманную авторами последовательность исследовательских тем. Кроме того, самый первый том вообще не пронумерован, хотя в аннотации указано, что намечено издать 5-6 томов. Видимо, руководители проекта не были вполне уверены, что в итоге получится многотомный монографический труд. Не имеет номера еще один том – монография С.К. Смирновой «Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций».

Учитывая весьма ограниченный лимит объема, выделяемой на рецензии, я даже не попытаюсь отразить все заслуживающие внимания аспекты, рассмотренные в «Феномене Удмуртии». Коснусь лишь наиболее, на мой взгляд, важных и интересных сюжетов, наблюдений, выводов.

Первый том «Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века» (2001 г.) представляет общий контекст истории удмуртов, вхождения их земель в состав России и адаптации к новым для них политическим

и социально-экономическим условиям. Авторы так определяют свой подход: «Удмуртия в трех измерениях», имея в виду пространственно измерение (территория, природа, ресурсы), временное измерение (хронология исследования) и этническое измерение. Перед читателями предстает широкая панорама сюжетов, характеризующих почти все основные стороны жизни удмуртского этноса, включая его происхождение, культуру, хозяйство и многое другое. Основное внимание уделено первому и наиболее драматичному постсоветскому десятилетию.

Мой глаз зацепился за три группы проблем. Первая из них касается жизни удмуртов в составе Российской Империи. Авторы приходят к следующему заключению: «Несмотря на то, что на царскую Россию был навешен ярлык тюрьмы народов, она не проводила такой систематической национальной политики, которая лишала бы малочисленные народы возможности самосохранения и развития своей этнической идентичности» (с. 422). Не могу не согласиться с этой оценкой – и сам об этом писал (Чешико 1996). Добавлю, что эта политика варьировала в разные периоды и не была одинаковой в отношении разных народов. Но вот как раз финно-угорские народы, насколько я знаю историю России, не испытывали какого-то жесткого «колониального гнета».

Вторая группа аспектов, связанных с пониманием Удмуртии и удмуртского народа, касается их места в составе российского/советского/российского государства и общества. Авторы делают, казалось бы, тривиальный вывод: «...можно сказать с большей или меньшей уверенностью: Удмуртия, в самом деле, является неотъемлемой частью России... Однако, будучи частью целого, она имеет свое лицо, свои отличительные признаки» (с. 417). А в действительности вывод не такой уж тривиальный. Очень часто приходится слышать что-то вроде того, что Россия – это русский народ (и православие) и не очень естественно привязанные к ней другие народы.

Позволю себе небольшое отступление, ассоциирующееся у меня с обсуждаемыми вопросами. Однажды в публичной дискуссии (обстоятельства приводить не буду) у меня получился спор с весьма уважаемым (и почившем в бозе) коллегой, придерживавшимся русоцентристских взглядов. По ходу дела я спросил примерно такое: «А Вы можете представить себе Россию» без мордвы? Ответ был: «Да, представляю». То есть Россия могла бы быть Россией и без мордвы. Я же полагаю неоспоримым фактом, что Россия складывалась, существует, развивается именно как полиэтническое и поликонфессиональное общественно-политическое и культурное, если угодно, «цивилизационное», образование (хотя я не люблю увлечение модной в последние годы цивилизационной и евразийской риторикой, за которой обычно стоят философические и романтические умозаключения, а не исторический и этнокультурный анализ). И авторы тома на конкретных материалах, в результате конкретных исследований показали, что Россия – это действительно единство в многообразии.

Третья группа заинтересовавших меня проблем касается пертурбаций 1990-х годов. Авторы, рассматривая события тех лет как в России в целом, так и в Удмуртии, не стесняются в резко отрицательных оценках «реформ» ельцинской эпохи, и я с этими оценками полностью согласен. И еще одно замечание, относящееся к собственно этнической проблематике, привлекает внимание: «Кажется, никто еще не получил Нобелевскую премию за аргументировано-доказательное изложение того, чем должно государство заниматься: оберегать этничность или разрушать ее, поощрять стихийное самовоспроизводство народов или конструировать этнические общности по своим лекалам?» (с. 419). Думаю, насчет разрушения – это, скорее, сказано в полемическом запале. А волюнтаристские лекала в этнической политике – это до

сих пор очень актуально, несмотря на нескончаемые дискуссии и уже тысячи законодательных и иных нормативных актов федерального и региональных уровней, принятых в постсоветское время.

Второй том «Феномен Удмуртии. Постигание суверенности: становление государственности Удмуртской Республики» в 2-х книгах (2002 г.) касается сложных политических процессов в связи с «перестроечными» и «постперестроечными процессами», включая период начала 2000-х годов. Обе книги («Сфера законодательной власти» и «Сфера исполнительной власти») заполнены преимущественно документальными материалами о политической реорганизации Удмуртии в постсоветский период с упором на этнические сюжеты. Наверное, это самый полный свод нормативных документов Удмуртской Республики, касающихся темы проекта. 2-я книга включает и материалы обсуждений принимавшихся решений. Краткие вводные статьи я не буду подробно комментировать, поскольку они, на мой взгляд, несколько перегружены парадным пафосом. Однако пара замечаний все же напрашивается.

Одно из них касается констатации того, что в законодательстве республики «...видны изъяны в понимании этнополитических проблем, и вместе с тем проблем в понимании роли государственных институтов в их решении» (Кн. 1: 17). Возможно – авторам виднее, но то же самое можно сказать и обо всем российском законодательстве.

Авторы отмечают, что одна из задач Концепции государственной национальной политики Удмуртской Республики (принята в 1998 на основе федеральной Концепции) состояла в том, чтобы «...остановить процесс ассимиляции удмуртского народа, возродить в нем ощущение своей национально-культурной полноценности, перспективности своей национальной истории» (Кн. 1: 19). Эту важнейшую тему можно было бы и развить. Естественная ассимиляция – это именно естественный процесс, который не может оцениваться ни положительно, ни отрицательно (или наоборот – как кому нравится). А насильственной ассимиляцией российское государство никогда на протяжении всей его многовековой истории не занималось. Примечательно, что сами авторы пишут о том, что беспокойство по поводу ассимиляции высказывают представители удмуртской интеллигенции (Кн. 1: 19), а мы знаем, что именно (творческая) интеллигенция, в силу ряда объяснимых (рациональных и иррациональных) причин особенно подвержена рефлексиям на этнической почве.

Третий том «Феномен Удмуртии. Идеология и технология этнической мобилизации» (в 3-х книгах, 2002–2003 гг.) заслуживает, на мой взгляд, особого внимания.

Кн. 1 «Удмуртское национальное движение. Надежды. Возможности. Реалии» включает разнообразные и разнородные материалы, касающиеся удмуртского национального движения (документы общественных организаций, статьи ученых и публицистов и пр.). А во вводной статье М.Н. Губогло и С.К. Смирнова высказываются об очень серьезных и, видимо, вечных проблемах, связанных с политической ипотасией этничности. Позволю себе просто привести довольно пространную выдержку, хотя я и не люблю такой способ заполнения текста: в данном случае это уместно.

«Квадратурой круга или лабиринтовой можно определить ситуацию, в которой оказались народы бывшего Советского Союза, часть которых поддалась соблазнам государственного самоопределения под лозунгами и флагами национального возрождения. В программных документах народных фронтов, национальных объединений, языковых и этнокультурных центров и иных этноориентированных движений первоначально манифестировались благороднейшие цели спасения и возрождения национального языка и культуры, сохранения этнической самобытности, воспева-

лись национальная история и национальные герои, велись хронологические поиски «Золотого века», своего национального времени и географических границ этнической территории. Фактически же, может быть за небольшим исключением, идеология и практическая деятельность национальных движений были нацелены на борьбу за власть. Власть нужна была для успешного участия в переделе собственности, а собственность – для обеспечения условий приоритетного развития национальной культуры, а еще более в качестве строительных лесов для возведения каркаса этнического дома с этническими управляющими» (с. 5).

Тут трудно что-то добавить, разве что сказать, что это позиция ученых, отстаивающих результаты своих профессиональных штудий, зачастую расходящихся с мифами о бескорыстности активистов агрессивного «этницизма» и безобидности национализма.

Во второй книге тома «Удмуртское национальное движение и финно-угорское сообщество» собраны материалы Всеудмуртских съездов – с 1991 г. по 2000 г. их состоялось восемь. Кроме того, этническая мобилизация удмуртов рассматривается в контексте международного финно-угорского общественно-политического движения. Приводятся материалы двух съездов финно-угорских народов России и двух Всемирных конгрессов финно-угров.

В третьей книге «Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути» представлены документы и статьи, касающиеся этнокультурных инициатив проживающих в республике народов – русских, татар, бесермян, евреев, чувашей, немцев, марийцев, корейцев, кряшен, азербайджанцев, башкир, таджиков, армян, а также казачества. Приведены также материалы Молодежной ассоциации финно-угорских народов мира.

Том «Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций», как и первый том серии, не обозначен никаким номером. Видимо, издатели посчитали, что это уместно, поскольку книга представляет собой монографическое исследование С.К. Смирновой. И зря – читателей не следовало бы сбивать с толку. Книга насыщена полезными для понимания удмуртских трансформаций документальными источниками (как, впрочем, и вся серия), хорошо дополняющими авторские разделы.

В основу работу легли материалы исследований 2002 г., проведенных в рамках проекта «Электрокардиограмма (ЭКГ) социальных трансформаций», о котором говорилось выше. Анализ, предпринятый С.К. Смирновой, отличается критичностью в отношении ельцинских реформ и отсутствием пиетета к «этническому романтизму», характерному для многих республик России и национальных движений.

«Инспирированная в августе 1991 г. необдуманной формулой Б.Н. Ельцина «Берите суверенитета сколько сможете проглотить», – пишет автор – суверенизация республик стала важным, едва ли не центральным аспектом новоявленных этнополитических процессов. Вместе с переходом к рыночной экономике, изменениями во взаимоотношениях собственности и власти, выходом – политическую сцену новых элит, а на социальную – новых социальных и социально-профессиональных групп, современные этнополитические процессы привели к серьезным структурно-функциональным изменениям в конфигурации социальной стратификации, в формировании новых интересов и идентичностей, в способах личностного и группового поведения, в модели социальных и политических взаимодействий. Несмотря на неудачи навязываемых сверху реформ, на видимые и невидимые признаки социально-эконо-

мического кризиса и политической нестабильности, на противоречия и конфликты в явной и скрытой форме, в менталитете бывших советских граждан, в их представлениях о себе, о стране и мире произошли немаловажные сдвиги» (с. 13).

С.К. Смирнова верно отметила одну из главных причин проблем переходного периода: «Переход от авторитаризма и тоталитаризма к политическому плюрализму и демократии и от огосударственной административно-распределительной системы к системе собственнических экономических отношений затрудняется тем, что разрушительный отказ от прежних ценностей и ориентиров опережает созидательное формирование новых. Более того, в становлении новых форм государственного устройства, например, в ходе наполнения суверенизации реальным содержанием, допускаются ошибки, за которые приходится расплачиваться, в частности, и ухудшением атмосферы межэтнических отношений» (с. 14).

Автор отмечает, что на этнополитическую ситуацию «... в любой из республик Российской Федерации... в той или иной мере влияют общие процессы становления России как федеративного демократического государства и формирования элементов гражданского общества» (с. 15). При этом, что очень важно, что в Удмуртии удалось избежать этнических конфликтов, «... вопреки еще далекому от стабильного положения дел в экономике и острым коллизиям, случившимся во взаимоотношениях между республиканскими и центральными органами власти» (Там же). Как это удалось – показано в главах, повествующих о развитии удмуртской государственности, формировании институтов и норм гражданского общества и роли национальных движений.

Пятый том – «Феномен Удмуртии. Нациестроительство и межэтнические отношения» (2003 г.) включает материалы научно-практических конференций, проводившихся в Удмуртии во второй половине 1990-х годов. Конференции касались как самой Удмуртии, так общих для России этнополитических процессов.

Шестой том «Феномен Удмуртии. “Как слово наше отзовется...”» (2008 г.) затрагивает весьма актуальную и болезненную тему о роли СМИ в освещении сложных политических проблем и ответственности журналистов за то, о чем и как они пишут. Думаю, есть и обратная сторона проблемы – насколько адекватно и толерантно потребители продукции СМИ к ней относятся. «Производство» информации и ее восприятие и потребление (употребление в идеологических и других практических целях) – это должен быть взаимоответственный процесс производителей и потребителей.

Очень информативен с точки зрения фактов политической жизни Удмуртии конца прошлого столетия *седьмой том* – «Феномен Удмуртии. Хроника этнополитических событий». В нем дана хронология наиболее важных событий 1990-х годов, оказавших влияние на этнополитическое развитие Удмуртии. Заслуживают внимания некоторые вопросы, рассмотренные во Введении его авторами – Г.А. Никитиной и Ю.А. Перевозчиковым.

Авторы предложили свою периодизацию постсоветского этнополитического обустройства Удмуртии. По их определению, *первый этап* приходится на первую половину 1990-х годов, от Декларации о суверенитете Удмуртской Республики до принятия ее Конституции и выборов в Государственный Совет. Это был период становления новой политической системы республики на фоне экономического упадка, кризиса социальной сферы (с. 4). *Второй этап* охватывает 1995–2000 гг. и характеризуется выработкой способов и форм реализации той модели, которая была заложена

на в предыдущее пятилетие (Там же). *Третий период* (с 2000 г.) отмечен установлением в республике президентской формы правления, отработкой системы правовых взаимоотношений с федеральным центром, стабилизацией экономики и межэтнических отношений (с. 5).

Особое внимание уделено роли республиканских элит – политической и этнической – вопросу, как отмечают авторы, слабо изученному. Они отмечают, что трудности в переустройстве Удмуртии в значительной степени объясняются недостаточно развитому слою интеллектуальной элиты. Это обусловлено как вообще характерными для небольших народов проблемами в производстве этой социальной группы, так и традиционным для республиканской экономики преобладанием аграрных отраслей (с. 23).

Восьмой том «Феномен Удмуртии. Удмуртская диаспора» (2008 г.) вызывает у меня желание поспорить. Понятие «диаспора» на протяжении долгого времени остается предметом научных дискуссий, имеющих и вполне политическое значение на фоне современных миграционных процессов и понимания сущности полиэтнических государств (а моноэтнических государств нет и не было). Я решительно не согласен с тем, чтобы именовать российских аборигенов диаспорой, если они живут за пределами «своих национальных образований».

В связи с этим можно, например, предположить, что весьма значительная часть русских в Российской Федерации должна рассматриваться в качестве не только «диаспоры», но и вообще некоренным населением, поскольку в составе СССР никогда не было «русского национально-государственного образования». Кстати, в период «перестройки» раздавались предложения создать такое образование даже со стороны уважаемых мною академических ученых. Хорошо, что такие предложения не прошли. Но это к тому вопросу о федерализме, о котором я писал в начале обзора.

Наконец, *девятый том* «Феномен Удмуртии. Траектории деинфантилизации» (2006 г.) подводятся итоги исследований по проекту. Основной вывод, как я понял, состоит в том, что Удмуртия – это отнюдь не периферия России. Она следует общероссийским политическим, интеллектуальным, культурным процессам с поправками на региональную и этнокультурную специфику, состоящую во взаимодействии трех основных этнокультурных компонентов (славяно-православного, тюрко-мушманского и финно-угорского), которая, впрочем, ощущается уже не очень явно в силу интенсивных интеграционных и аккультурационных процессов. Генеральная же тенденция постсоветского развития республики состоит в *деинфантилизации*, которая означает «...выявление и преодоление факторов, препятствующих вовлечению народного большинства в современные преобразования, а также факторов, благоприятствующих процессам социальной адаптации» (с. 7).

Литература

- Чешко 1993 – Чешко С.В. Конституционная реформа и национальные проблемы в России // Этнографическое обозрение. 1993, № 6. С. 29-45.
- Чешко 1996 – Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 1996.

УДК 002.53/55

© С.В. Чешко

РЕЦ. НА: БЕЛОВА Н.А. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ УЧИТЕЛЕЙ /
отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2015. – 228 с.

Рецензируемая книга основана на материалах только по одной, Костромской обл. Может показаться, что эта публикация относится не более чем к жанру научного краеведения. Но в действительности это не так. Работа касается целой и очень важной для общества социально-профессиональной группы – учительства. И исследование охватывает весь советский период – с 1917 г. по 1991 г. Думаю, не будет преувеличением сказать, что автору удалось нарисовать типичный портрет советского учительства, по крайней мере, типичный для русских регионов Европейской части СССР.

Пожалуй, авторесса привлекла практически все существующие виды источников, используемых в этнологии/социальной антропологии – от статистических и архивных материалов до классических этнографических интервью. Правда, этнографии, или этнологии в книге не так уж много в силу того, что население Костромской обл. в рассматриваемый период было и в значительной степени остается почти моноэтничным – русские численно значительно преобладают над представителями других национальностей. Поэтому исследование Н.А. Беловой следует отнести, скорее, к области социальной антропологии.

Н.А. Белова исследовала практически все стороны жизни и профессиональной деятельности учителей. Десять глав, сгруппированные в четыре части, освещают такие темы, как этнический, конфессиональный и поло-возрастной состав учительского корпуса, восприятие учителями идеологического воздействия советского государства, их социально-экономическое положение и быт, социально-психологические особенности советских учителей. Книга снабжена обширным списком литературы, в приложениях приведены данные переписей населения по Костромской обл., анкета-опросник, по которой проводились исследовательские работы, примеры интервью с информантами, фотографии. И книга написана хорошим, отнюдь не «засушенным» языком, как часто бывает в научных публикациях. Читать ее интересно.

Сама тема может показаться несколько тривиальной и даже скучноватой. Но автор обосновывает ее достаточно убедительно. «Профессия школьного учителя относится к

числу востребованных и социально значимых, а сами учителя в нашей стране являются едва ли не самой многочисленной социальной группой работников интеллектуального труда. Несмотря на это, задача исследования повседневного быта педагогов, условий их работы и частной жизни – до сих пор не только не решена, но и не поставлена в российской социально-антропологической науке. При обилии публикаций, связанных с педагогикой, при многомиллионных тиражах учебников, книг и статей, посвященных образовательной и воспитательной деятельности в стране и мире, в своем большинстве они ориентированы на проблемы обучающихся. Педагоги, хотя и считающиеся носителями знаний, необходимых для передачи подрастающему поколению и проводниками государственной идеологии, остаются вне поля исследователей. Было мало попыток изучить быт, жизненные ориентиры и потребности этой группы российской интеллигенции, тем более, если речь идет об учителях российской провинции» (с. 7).

Соответственно автор поставила своими исследовательскими задачами «Рассмотреть их жизненные стратегии в широком контексте перемен (в условиях эволюции и трансформаций советской системы, изменений в связи с нею содержания учительского труда) – значит понять, какие новые черты появлялись со временем в социально-психологическом облике и быту определенной российской социальной группы (советского учительства); выявить, как менялась его жизнь и какую роль в этих переменах сыграло то, что большинство его представителей были именно женщинами» (с. 8).

Система народного образования – это была одна из тех сфер жизни общества, которая подверглась особенно сильным трансформациям после установления советской власти. Это и естественно: реорганизация этой системы предназначалась не только для достижения всеобщей грамотности, но и для идеологического воздействия на граждан нового государства. Менялись образовательные нормы и, что очень важно, учительский корпус. В него теперь рекрутировались представители «простого народа», в сельской местности – из крестьянской среды. И резко изменился, по сравнению с дореволюционным периодом, гендерный состав в пользу женщин, что сохраняется, как мы знаем, и донныне.

Феминизацию учительства автор объясняет рядом причин (с. 57), среди которых главной было то, что в советское время упал престиж профессии учителя, существенно упала и оплата их труда. Мужчины предпочитали работать в более доходных сферах деятельности (с. 59).

В этом процессе был очень интересный аспект, отмеченный Н.А. Беловой. В 1927–1928-е годы по стране прокатилась чистка учительских кадров с целью удаления из системы школьного образования «неблагонадежных элементов». Но под этим предлогом «вычищали» женщин просто по половому признаку: это было похоже на политико-идеологическое обоснование мужского шовинизма. В книге об этом пишется так: «Впрочем, далеко не всегда были идеологические и классовые причины увольнения учительниц. Особо следует отметить наличие нередких случаев преследований учительниц, как женщин: «... Под предлогом несоответствия, слабой квалификации, “риковские” работники зачастую увольняют учительниц, отказавшихся отвечать на их домогательства», «... много случаев правовых правонарушений было на почве отношений к учительнице, как к женщине. Во всех подобных случаях инициаторами правовых нарушений делались попытки смазать работу учительницы, показать ее плохой, не активной и подвести под увольнение» (с. 53–54). И только в

1930 году кампания массовых гонений на учителей была пресечена властями (с. 54).

Массовое вторжение женщин в сферу народного образования можно, наверное, считать положительным явлением как показатель их освобождения от патриархальных пут прошлого. А вот Н.А. Белова неожиданно, по крайней мере, для меня (поскольку такая мысль и не приходила в голову) отметила существенное отрицательное последствие этой экспансии. «Феминизация учительского состава, – пишет она – привела к неблагоприятным последствиям в воспитании подрастающего поколения: к нежеланию учиться, к попыткам убежать из семьи, росту» количества проблемных подростков и как следствие росту детской преступности (Сахаров 1967: 144, 147–149). Подростки и юноши нуждались в общении с учителем-мужчиной, нередко только он мог ответить на возникающие у мальчиков вопросы...» (с. 58).

«И еще одним неблагоприятным обстоятельством роста феминизации профессии явилось растущее число одиноких педагогов... Исследователь С.Н. Айрапетов объясняет данное положение тем, что причина заключалась в невозможности найти брачного партнера, который бы соответствовал запросам учительниц (Айрапетов 1983: 90)...» (с. 58). Н.А. Белова поясняет это тем, что сельские учительницы просто не могли найти в своем окружении спутника жизни, который хотя бы как-то соответствовал ее культурному и интеллектуальному уровню. «Окончательная феминизация профессии происходит в Великую Отечественную войну и послевоенные годы. Данный процесс в конечном итоге привел к ряду серьезных проблем в сфере образования: росту количества одиноких или разведенных учителей, падения их авторитета среди учеников, проявление неадекватного отношения к подчиненным со стороны руководителей мужского пола» (с. 60). Хотя, чего уж тут неадекватного? Но это – между прочим.

Ну, а если еще более серьезно, то видимо, Н.А. Белова пропустила (или я это просмотрел в ее книге?) очень важный фактор феминизации учительства в советское время – склонность женщин возиться с детьми.

В книге отмечена еще одна проблема, возникшая в ходе переделки всей системы народного образования в советское время, – низкий профессиональный уровень новых учительских кадров, особенно в сельской местности: чаще всего они не имели высшего профессионального образования (с. 64 и др.).

Все это и многое другое описано в главе «Власть и народное образование: меры идеологического воздействия на учителей». Автор заключает: «Подводя итоги раздела, хотелось бы сказать, что политическое и идеологическое воздействие на учительство в годы советской власти было сильным. В течение всего советского периода учителя были проводниками официальной идеологии, они должны были основывать свою методику на марксизма и ленинизма. Особенно тяжелым был период, начиная с коллективизации и индустриализации страны, когда учителям приходилось совмещать по 2-3 должности, выполнять общественные поручения. Педагоги находились постоянном стрессе во время «проверок и чисток», которые организовывались партийными органами... Период «оттепели» стал рубежом. В это время происходит смягчение политики партии в отношении социального происхождения учителей. Тем не менее, в 1950-е и последующие годы влияние идеологии, уровень общественных поручений не снижается до конца советской эпохи» (с. 80).

Все так, и не все так. Или не везде так. Я учился в обычной поселковой школе – в тридцати километрах от Москвы. Почему-то у меня были, как я понимаю, великолепные преподаватели, которые, кстати, и не забивали мозги назойливыми

идеологемами. Еврейка В.Я. Межберг преподавала русский язык и литературу так, что ученики от нее стонали – настолько это было тяжело и, вместе с тем, интересно. «Англичанка», тоже еще «та дама», и тоже «типичная еврейка» по фамилии Гребенюк, прививала вкус к английскому языку. Однажды – в пятом или в шестом классе – она заставила сделать перевод детского стихотворения с английского на русский. Географичка, не очень хорошо владевшая фонетикой и грамматикой литературного русского языка, так увлекательно рассказывала о своей теме, что я просто забывал о ее языковых огрехах. Химики, физики, биологи, физруки (это все мои преподаватели – к сожалению, не помню их имена) преподавали так, что на их уроки я ходил с удовольствием (и с дрожью – если были контрольные работы). А свою «историчку» С.Д. Дмитриеву не забуду никогда: она впрыснула в меня такой интерес к историческим наукам, который привел меня к моему нынешнему профессиональному состоянию.

Это я написал только для того, чтобы выразить уважение к своим учителям. И к советской системе школьного образования, о которой молодежь не имеет реального представления. И повторю, какого-то назойливого идеологического давления я не помню.

Еще одна болезненная тема, которую освещает автор, – благосостояние, условия жизни советских учителей. То, что они жили весьма скромно, известно. И приводимые автором конкретные данные только укрепляют это впечатление (с. 117–118). В частности, отмечено, что в связи с продовольственным кризисом 1928–1932 гг. и введением карточной системы учителя были отнесены к низшей категории снабжения. И вот эти обстоятельства довольно удивительны. До установления советской власти профессия учителя была одной из самых уважаемых в обществе, а их жалованье, хотя и не позволяло шиковать, но и не вызывало ощущения собственной ущемленности. В 1920–1950-е годы учительство пребывало на положении одной из самых низкооплачиваемых, и, в то же время, одной из самых важных для общества и государства социально-профессиональных групп. И только в 1960-е годы материальное положение учителей начало постепенно улучшаться (с. 118).

Другим важным следствием усиления внимания государства к учительскому корпусу был существенный рост его профессиональной подготовки, в то время как в первые десятилетия существования советской власти подавляющее число учителей имели образование не выше среднего. В результате послевоенных реформ учителей с начальным и неполным средним образованием сократилась до четверти (с. 149). Видимо, мои школьные воспоминания, о которых я писал выше, и были связаны с этими реформами.

Подводя итоги исследованию этой темы, Н.А. Белова пишет: «Все это привело и к изменениям в общем социально-психологическом облике советского учителя. Таким образом, подводя итог, хотелось бы отметить, что социально-психологический облик советских учителей с 1917 года к 1991 году претерпел существенные изменения. Прежде всего, это отразилось на внешнем виде учителей. Если в 1920-е годы – это зачастую бедно одетые люди, имеющие только один комплект вещей и обуви, то уже в 1940-е годы педагоги, в первую очередь учительницы, стремились выделяться из общей рабоче-крестьянской массы, а к 1960–1970-м годам учителя старались одеваться в соответствии с новыми модными тенденциями... Одновременно учительницы начинают пользоваться косметикой, делать прически и стрижки, согласно моде (на-

пример, в 1970-е годы было модно носить парик, в том числе и среди учителей). Мужчины менее избирательно относились к своему внешнему виду, исходя из интервью, можно сказать, что практически все обходились одним костюмом в течение нескольких лет, причем не испытывая при этом дискомфорта.

Во-вторых, изменения произошли и в образовательном уровне педагогов, если большинство из учителей в 1920-е годы имели лишь среднее образование, кроме того, высоким оставался процент с низшим и начальным образованием, то к 1991 году практически все учителя имели высшее и среднее специальное педагогическое образование.

В-третьих, «изменилось и социальное происхождение учителей. Борьба за создание бесклассового общества, постоянные чистки учителей с конца 1920-х годов существенно повлияли на социальный состав учителей. К середине 1930-х годов большинство учителей пополняется выходцами из крестьян, а к концу 1980-х годов это представители служащих, меньше среди них стало тех, кто происходил из семей рабочих и еще реже из колхозников-крестьян» (с. 162–163).

Закljučая рецензию, я могу сказать, что получил неожиданное удовольствие от книги, которая вроде бы очень далека по тематике от моих научных интересов. Привлекают глубина анализа, интересные факты, наличие живого источникового материала – «этнографической человечинки». И несколько разочарован, поскольку не имею возможности что-то серьезно покритиковать – коллеги знают, что я очень вредный рецензент. И на мое отношение к книге вовсе не влияет то обстоятельство, что Н.А. Белова является одним из ответственных секретарей «Вестника антропологии».

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ КЛАВДИИ ИВАНОВНЫ КОЗЛОВОЙ

(17. 11. 1922 – 05.04.2015)

5 апреля 2015 г. на 93 году жизни скончалась Клавдия Ивановна Козлова, доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета, выдающийся отечественный этнолог, крупнейший специалист в области этнографии финно- и тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья.

Клавдия Ивановна прожила большую, сложную, но очень интересную жизнь, хотя ее карьера как ученого и педагога развивалась как будто достаточно ровно и последовательно: учеба в Московском университете, аспирантура, работа на кафедре после защиты кандидатской диссертации старшим преподавателем, доцентом, защита докторской, профессорство. То есть почти вся ее жизнь прошла на той самой кафедре, куда она еще юной девушкой пришла учиться. Но эта жизнь была наполнена множеством ярких, а порой сложных и тяжелых, событий в истории, как университета, так и страны.

Родилась Клавдия Ивановна 17 ноября 1922 г. под Москвой, в с. Васильевском Михневской волости Московской губернии, откуда была родом ее мать, происшедшая из крестьянской семьи. Отец ее был рабочим, москвичом, и семья жила в Москве, на Таганке, где Клавдия Ивановна выросла и закончила среднюю школу в предвоенном 1940-м году. Закончила с золотой медалью, что дало ей возможность поступать в ВУЗ без экзаменов. Так она оказалась на историческом факультете МГУ: склонность к гуманитарным дисциплинам определилась у нее еще в школьные годы. О науке этнографии до поступления на истфак она тогда не знала, первое знакомство произошло уже в университете, и оно сразу определило будущую профессию и судьбу. Профессор С.П. Толстов, всего за год до этого основавший кафедру этнографии в МГУ, так ярко, с блеском сумел поведать первокурсникам об этой науке и ее предмете, что студентка Козлова сразу решила: это – ее, она будет этнографом. И можно смело сказать, что с выбором профессии она не ошиблась.

Учеба в МГУ прерывалась более чем на год из-за событий Великой Отечественной войны. Тем не менее, несмотря на уход части преподавателей и студентов в действующую армию, вскоре занятия продолжились. Вернулся на кафедру после ранения и ее заведующий, С.П. Толстов. Примечательно, что даже в годы войны курс

обучения выполнялся по полной программе, включая даже экспедиционную практику. В 1944 г. и в 1945 г. Клавдия Ивановна приняла участие в двух экспедициях в Дагестан под руководством доцента Е.М. Шиллинга.

Полевые выезды определили и круг интересов: диплом был подготовлен по материальной культуре аварцев. По окончании университета К.И. Козлова была рекомендована в аспирантуру кафедры, где намеревалась заняться этнографией цахуров. Однако С.П. Толстов, сославшись на отсутствие в составе кафедры специалистов по Поволжью, в приказном порядке распорядился сменить тему диссертации и выбрать какой-либо из народов Поволжья. Так темой исследования аспирантки стали вопросы общественного быта марийцев. Руководителем по работе был назначен профессор М.О. Косвен. За два полевых сезона К.И. Козлова сумела собрать обширный не только полевой, но и архивный материал, всрок подготовив и успешно защитив диссертационное исследование. Проявленные ею способности к самостоятельной научной работе, ответственность, коммуникабельность (необходимое в работе этнографа свойство) после защиты ею диссертации привели руководство кафедры к решению о зачислении молодого ученого в штат, где она и проработала впоследствии до самого выхода на пенсию в 2005 г. К.И. Козлова стала первым специалистом из числа выпускников, пополнившим ряды преподавателей кафедры (до нее все сотрудники фактически совмещали работу в МГУ и в институте этнографии АН СССР). Работа рядом с такими блистательными учеными как С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Б.И. Шаревская, М.О. Косвен, Е.М. Шиллинг, В.И. Чичеров, безусловно, сказалась на становлении молодого этнографа К.И. Козловой, за всю свою карьеру ученого и педагога никогда не снижавшей планку и уровень профессиональных требований и к себе, и к ученикам.

Несомненную роль в становлении Клавдии Ивановны как профессионала высочайшего уровня сыграл и ее творческий и семейный союз с выдающимся отечественным этнологом Л.П. Лашуком, продолжавшийся с 1960 г. до самой смерти ученого в 1990 г. Ими обоими в 1960–1970-е годы был сделан очень весомый вклад в разработку лучших достижений отечественной этнологии того времени. В частности, они выработали и реализовали теоретико-методологический и практический подход к исследованию этнической истории на примере народов европейского севера России и Урало-Поволжья (Л.П. Лашуком – на материале коми-зырян, К.И. Козловой – по марийцам). Выполненные ими и с успехом защищенные докторские исследования не потеряли своей научной значимости и по сей день. Книга К.И. Козловой «Очерки этнической истории марийского народа» (М., 1978) как раз относится к таким работам.

Работа на кафедре вовсе не ограничивалась исследованиями по марийской этнографии. В 1950–1970-х годов, кроме марийских районов, К.И. Козлова исследовала сотни поселений удмуртов, мордвы, чувашей, татар, башкир, русских. Работала она со студентами и аспирантами и в таких регионах страны как Западная Сибирь, Забайкалье, Армения, Прибалтика. В этих поездках будущие этнологи могли многому научиться у своего руководителя, и, прежде всего, умению работать с информаторами, к чему у профессора Козловой был несомненный талант: она обладала уникальными способностями разговаривать любого респондента и получить от него сведения практически по любой интересующей ее теме. Неслучайно, что среди ее учеников числятся многие ведущие в своих областях специалисты: В.Е. Владыкин, Г.А. Никитина, Л.А. Волкова, Е.В. Попова, Е.А. Ягафова, Т.И. Ведерникова, Л.С. Грибова,

Р.З. Янгузин, Г.А. Корнишина и другие. Немало специалистов, прошедших ее школу, работает и в странах ближнего и дальнего зарубежья: в Армении, Финляндии, Венгрии, США, Южной Корее.

Доскональное знание региона в полной мере отразилось в принадлежащем ее перу учебном пособии «Этнография народов Поволжья» (М. 1964), одном из лучших региональных пособий, изданных в стране.

Полевая практика вообще составляла не только очень значительную часть педагогической работы ученого, но и, по признанию Клавдии Ивановны, она была настоящим, ни с чем несравнимым счастьем в работе исследователя. А полевиком она была, как говорится, милостью Божией. За время работы в университете она приняла участие в качестве руководителя в 37 (!) экспедиционных выездах. Огромный опыт, полученный в работе с этнографическими источниками, закономерно отразился и во многих публикациях К.И. Козловой, выполненных в изданиях Академии наук и в энциклопедиях.

Кроме основных исследований по этнографии Урало-Поволжья, Клавдия Ивановна до конца работы на кафедре активно интересовалась этнографией народов Кавказа (первая ее специализация), следила за выходящей литературой, поддерживала контакты с учеными региона, со многими из которых ее связывали не только научные, но и дружеские отношения. Многие из них с гордостью называли К.И. Козлову своим учителем. Во всех подготовленных кафедрой учебниках по этнографии (этнологии) главы о народах Кавказа были написаны ею (некоторые в соавторстве).

Нельзя не отметить и большую организационно-научную работу в университете и вне его: с 1957 г. по 1973 г. она была заместителем заведующего кафедрой, в 1974–1985 гг. экспертом по этнографии экспертного совета ВАК. И ко всем своим поручениям она относилась с ответственностью и органически присущей ей добросовестностью. Ее выдающийся вклад в развитие науки и подготовку кадров был неоднократно отмечен на уровне правительств Марийской АССР и Удмуртской АССР.

О какой бы работе ни шла речь, если Клавдия Ивановна бралась за дело, она неизменно относилась к нему с высочайшим профессионализмом и добросовестностью, не позволяя делать себе скидки ни на здоровье, ни на иные привходящие обстоятельства, касалось ли это преподавания или научного исследования. Если было нужно уделить внимание студентам ли, аспирантам, уже «остепененным» ученикам и коллегам – Клавдия Ивановна всегда готова была потратить столько времени и сил, сколько необходимо. Однако и требовала она от них соответствующего профессионального отношения. При этом профессор Козлова неизменно проявляла к людям, с которыми сводила ее судьба, безграничную доброжелательность, хлебосольность и гостеприимство, была готова прийти на помощь не только словом, но и делом, поддержать, как только могла. И оставалась большим оптимистом, никогда не унывавшим и относящимся даже к своим злоключениям с неподдельным юмором. Она, несомненно, была очень ярким, талантливым и добрым человеком, воплотившим в себе лучшие качества представителей отечественной науки XX века. Такой ее навсегда запомнят многочисленные ученики и коллеги.

В.В. Карлов

CONTENTS

From the Editorial Board

On the anniversary of Y.V. Bromley	4
------------------------------------	---

Ethno-sociological studies

Komarova G. A. Statistical and ethnographic researches in the Volga-Ural region.	5
Savoskul S.S. Notes on the Soviet Ethnic Sociology.	25
Snezhkova I.A. Ukranians in Russia: The activities of national and cultural organizations for the support of ethnic identity.	40

Physical (biological) anthropology studies

Vasiliev S.V., Veselovskaya E.V., Grigorieva O.M., Pestryakov A.P. Anthropological investigation of France Gall skull.	57
Vasilyev S.V., Sviridov A.A., Galeev R.M. Craniology of the Australian and Tasmanian aborigines	73
Shirobokov I.G., Yushkova M.A. The results of planigraphic and macroscopic research of skeletal remains from tarand graves Malli.	93

Anthropological Mosaic

Matusovskiy A.A. The Pottery of the Waura (Wauja) Indians.	110
Spodina V.I. The Rite of «Renewal of Gods» of Agan Khantes.	120
Uvarov S. N. Interethnic marriages in Udmurtia in the 19 th century.	135

Field Researches

Tumarkin D.D. The King and the Balalaika. Soviet ethnographers on the Tonga Islands.	145
--	-----

For students and graduate students

Gromov G.G. The Procedure of the ethnographic Expeditions. Part 3.	167
--	-----

A Propos

Fierman W. Ethno-linguistic problems in the political context. Interview with W. Fierman.	191
Khisamutdinov A.A. First of all, you need to preserve the culture	197

Reviews

M.P. Rykun. Paleoanthropology of Upper Ob of the early Iron Age (based on the Kamenka culture). Ed. by A.N. Bagasheva. Barnaul: Altai State University Press, 2013. – 284 Pp.	199
Cheshko S.V. The Udmurtia Phenomenon / Ed. by M.N. Guboglo, S.K. Smirnova. – In 9 volumes. Moscow – Izhevsk: Udmurtia. 2001 - 2008.	202
Cheshko S.V. Belova N.A. The Daily life of teachers / Ed. by M.Yu. Martynova. M.: IEA RAS, 2015. – 228 Pp.	209

In memoriam

Claudia Ivanovna Kozlova.	214
---------------------------	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aleksandr Pestryakov – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: labrecon@yandex.ru

Alexey Sviridov – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: sviridovrh@rambler.ru.

Amir Khisamutdinov – Far Eastern Federal University (Vladivostok).

E-mail: khisamut@yahoo.com

Andrey Matusovskiy – independent researcher

E-mail: AndreyMatusovskiy@rambler.ru

Daniil Tumarkin – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: dan.tumarkin@yandex.ru.

Elizaveta Veselovskaya – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: e.veselovskaya@rambler.ru

Fierman William – University of Indiana, USA.

E-mail: wfierman@indiana.edu.

Galina Komarova – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: galakom@mail.ru.

Irina Snezhkova – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: snezhkova@mail.ru.

Margarita Gerasimov – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: gerasimova.margarita@gmail.ru

Maria Yushkova – Institute of History of Material Culture RAS.

E-mail: marija_ju@mail.ru.

Olga Grigorieva – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: labrecon@yandex.ru

Ravil Galeev – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: ravil.galeev@gmail.com;

Sergei Uvarov – VPO «Izhevsk State Agricultural Academy»

E-mail: sergey.uvarov@mail.ru.

Sergey Cheshko – Insititute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: ieamoscow@mail.ru.

Sergey Savoskul – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: salotop@yandex.ru.

Sergey Vasilev – Institute of Ethnology and Anthropology.

E-mail: vasbor1@yandex.ru

Ivan Shirobokov – Museum of Anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera).

E-mail: ivansmith@bk.ru;

Victor Charlov – Moscow State University.

E-mail: vicarlov@mail.ru.

Viktoria Spodina – Budget establishment Khanty-Ugra «Ob-Ugric Institute of Applied Studies and Research».

E-mail: vspodina@mail.ru.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ (АВТОРАМ)

Авторы представляют два распечатанных экземпляра работы и файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц. **Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.**

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: Иванов 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (Наши будни 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (Смирнов и др. 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (Smith et al. 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *c* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a*, *b*, *c*) к году издания (Чернов 1987a: 22; Brown 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р. и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – Санин Г. Ингушский трамплин // Итоги. 2004. № 32 (www.itogi.ru)

Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // История и культура немцев Сибири (http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib)

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_
Дятлова – http://museum.omskelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

ЭТО ВАЖНО!

Вводится новый подраздел References, представляющий собой латинизированный вариант подраздела «Научная литература». Транслитерация с кириллицы производится согласно системе Библиотеки Конгресса США (примеры и инструкции по транслитерации приведены в правилах оформления статей).

References (латинизированный список)

Список «References» содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Транслитерация производится согласно системе Библиотеки Конгресса США. Порядок оформления публикаций в этом списке несколько отличается от оформления основных списков литературы в Вашей статье.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных, и делается по требованиям РИНЦ, Scopus и Web of Science.

Инструкции:

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx

В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» – скорее всего, это будет: Unicode [Русский язык]

В правом столбике (CONVERT TO) выберите второй вариант: ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]

Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку Convert посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей. Основная работа проделана: теперь Вам нужно исправить типичные мелкие ошибки и оформить список согласно правилам Web of Science.

2) Оформление литературы:**Шапка оформления ссылки на книгу:**

Familia I.O. Nazvanie knigi ili monografii. Gorod: Izdatel'stvo, 1988.

Шапка оформления ссылки на сборник научных статей:

Familia I.O. (ed.) Nazvanie sbornika statei. Gorod: Izdatel'stvo, 1988

(впереди указывается фамилия отв. редактора или составителя сборника)

Шапка оформления ссылки на статью в научном журнале:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie zhurnala, 1988, no. 2, pp. 64–74.

Шапка оформления ссылки на статью в научном сборнике:

Familia I.O. Nazvanie stat'i. Nazvanie sbornika, ed. I.O. Sostavitel. Gorod: Izdatel'stvo, 1988, pp. 4–24 (где I.O. Sostavitel – это И.О. Фамилия отв. редактора или составителя сборника)

3) Типичные ошибки, которые следует поправить после автоматического транслитератора:

а) указания на «Том», «№», «С.» (страницы) издания должны быть переведены на англ. «vol.», «no.» и «pp.»

б) все сокращения городов должны быть развернуты: М. – в Moscow; СПб. – в St. Petersburg; Л. – в Leningrad; N.Y. – в New York; и т.д.

в) проверьте и поправьте цифры веков (XX, XIX и пр.) – в случае если Вы их набирали с помощью русских букв «Х», то транслитератор автоматически переведет их в «Kh» (т.е. Вы увидите «KhKh в.» вместо «XX в.» «KhIKh в.» вместо «XIX в.» и т.д.)

г) имена зарубежных авторов не должны транслитерироваться, но должны даваться в оригинале.

Если Вы цитируете какие-либо работы по их русскоязычному переводу, то автоматический транслитератор превратит фамилию Маркс в Marks (необходимо поправить на Marx); Мосс в Moss (необх. поправить на Mauss); Леви-Строс в Levi-Stros (надо: Lévi-Strauss) и т.п.

д) курсивом в латинизированном списке выделяются только названия журналов (или др. периодических научных изданий), названия книг и сборников статей.

4) Примеры:

В итоге публикации из Вашего списка «Научная литература» должны выглядеть следующим образом в списке «References»:

Moss 1996 – Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996.

Mauss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noi antropologii. Moscow: Vostochnaia literatura 1996.

Бернштам 1983 – Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983.

Bernshtam 1983 – Bernshtam T.A. Russkaia narodnaia kul'tura Pomor'ia v XIX – nakhale XX v. Leningrad: Nauka, 1983.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать *код универсальной десятичной классификации (УДК)*. Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Стилевое оформление:

При наборе текста не следует делать жесткий перенос слов с проставлением знака переноса, а просто автоматический перенос. Не допускать перенос одного слога в конце абзаца (можно не менее 4 знаков).

Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения должны быть раскрыты при первом появлении их в тексте.

Дефисы, где этого требует правила орфографии, исправить на тире (– → – [Ctrl “_” самая правая верхняя кнопка на клавиатуре]). Тире ставится во всех случаях кроме «дефиса» по правилам русского языка, например,

Правильно: красно-коричневый, но 1990–1991 гг.

Неправильно: 1990-1991 гг.

В датах тире ставится без пробела (1990–1991)

После десятилетий полностью пишется слово «годы», например 1990-х годов, после даты, коротко г. , например, 1970 г.

Кавычки в основном тексте «», в тексте уже внутри цитаты “”.

Правила оформления литературы

Литература

Бутинов 1975 – Бутинов Н.А. Путь к Берегу Маклая. Хабаровск, 1975.

Иванова 2010а – Иванова Л.А. Н.Н. Мишутушкин и выставка «Этнография и искусство Океании» (к 80-летию со дня рождения) // Этнографическое обозрение, 2010. № 2. С. 97–106.

Иванова 2010б – Иванова Л.А. Николай Николаевич Мишутушкин (05.10.1929–02.05.2010) // Этнографическое обозрение, 2010. № 5. С. 189–191.

Филатов 2002 – Филатов С.Б. Послесловие. Религия в постсоветской России // Религия и общество: Очерки религиозной жизни современной России. М.; СПб.: Летний сад, 2002. С. 470–484.

References

Butinov N.A. Put' k Beregu Maklaia. Khabarovsk, 1975.

Ivanova L.A. N.N. Mishutushkin i vystavka “Etnografiia i iskusstvo Okeanii” (k 80-letiiu so dnia rozhdeniia) // Etnograficheskoe obozrenie, 2010. No. 2. Pp. 97–106.

Meliksetova I.M. Vstrecha s Okeaniei 70-kh godov. Moscow, 1976.

Filatov S.B. Posleslovie. Religiiia v postsovetsoi Rossii // Religiiia i obshchestvo: Ocherki religioznoi zhizni sovremennoi Rossii. Moscow; Saint Petersburg: Letnii sad, 2002. Pp. 470–484.

ФОТО, ГРАФИКИ, ДИАГРАММЫ и РИСУНКИ

Размер файла в формате jpeg – 600 dpi. Файл подается отдельно от статьи (в текст не вставляются), в тексте указывается ссылка на рисунок (например, рис. 1).

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ
2015. № 3 (31)

Выпускающий редактор – Н.А. Белова
Компьютерная верстка – Н.А. Белова
Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова
Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 15.10.2015.
Формат 70 х 108/16. Усл. печ. 10,9
Тираж 500 экз. Заказ № 85
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – В.М. Маршанов
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А